

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

047

Ak7s

v.1

pt.1

NOTICE: Return or renew all Library Materials! The Minimum Fee for each Lost Book is \$50.00.

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.
To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUN 19 1989

JUN 27 1989

JUN 19 1989

JUL 25 1989

L161—O-1096

**This is an authorized facsimile
of the original book,
and was produced in 1975 by microfilm-xerography
by Xerox University Microfilms,
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.**

Аксаков, Иван Сергеевич
Сочиненія И. С. Аксакова

СЛАВЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

—
1860—1886

—*—

Статьи изъ «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси».

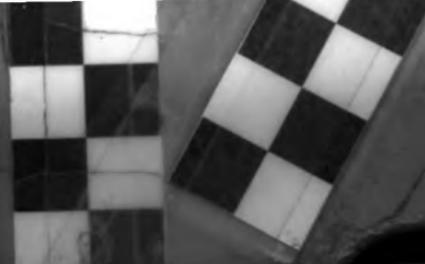
Рѣчи въ Славянскомъ Комитетѣ въ 1876, 1877 и 1878.

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчаннинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°).
Лесн. пер., дома Лаврова.

1886.

047
Ak 7s
v. 1
pt. 1

A black and white checkered pattern, possibly a flag or a decorative element, is visible at the top of the page.

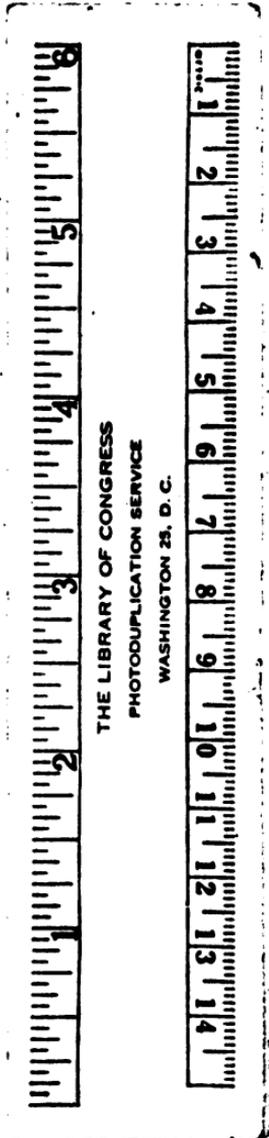
BEST

AVAIL

COPY

LABLE

7958141
2468180

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
И. С. АКСАКОВА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанцова (быв. И. Н. Лаврова и К.),
Лоскут. пер., домъ Лаврова.

1886.

D377
'3
.A37

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Предисловіе	V —VII
2. Статьи изъ газетъ «День»	8 — 87
3. Статьи изъ газетъ «Москва»	91 —178
4. Статьи изъ газетъ «Москвичъ»	181—210
5. Рѣчи въ Славянскомъ Комитетѣ	218—315 x
6. Статьи изъ газетъ «Русь»	319—791

Оговорка.—Когда эта книга почти вся была уже отпечатана, оказалось, что въ нее попала чужая статья, т. е. написанная не И. С. Аксаковымъ. Это именно статья, напечатанная въ отдѣлѣ статей газеты «Москва», на стр. 159—165-й, и принадлежащая Н. П. Гиларову-Платонову, какъ бывшему сотруднику «Москвы». Считаемъ необходимымъ оговорить эту прискорбную ошибку.

x 1217.

Предисловіе.

Собрание сочинений И. С. Аксакова начинается статьями и рѣчами по Славянскому и вообще Восточному вопросу *). Онѣ поставлены напередъ въ виду современнаго интереса къ восточнымъ дѣламъ, оживившагося послѣ сухой Филиппопольской революціи и послѣдовавшихъ за нею событій, не улегшихся вполне и до сихъ поръ. Несмотря на двадцатипятилѣтній періодъ, истекшій со времени перваго слова, высказаннаго издателемъ «Дня» о славянскомъ значеніи Россіи и налагаемой отсюда на нее обязанности, и до послѣдней статьи издателя «Руси», ни одна строка по восточнымъ дѣламъ не только не потеряла своей современности, но многія, даже изъ самыхъ первыхъ, какъ будто писаны вчера. Если нѣкоторыя предостереженія тогдашняго времени и утратили повидимому свою практическую

*) Книжка Стихотвореній, напечатанная для подписчиковъ „Руси“ въ вознагражденіе за недополученные №№ газеты и надняхъ вышедшая вторымъ изданіемъ, не относится къ настоящему изданію. Въ *Собрании Сочиненій* стихотворенія найдутъ свое мѣсто; тамъ они будутъ расположены въ хронологическомъ порядкѣ, чего не было соблюдено въ предшествовавшей книжкѣ, съ прибавленіемъ всѣхъ неизданныхъ еще стихотвореній И. С. Аксакова.

VI

примѣнимость, упраздненныя историческими фактами (напримѣръ, что Россія не допуститъ, чтобы Австрія присоединила себѣ Боснію или повелѣвала Сербією), то фактическое опроверженіе служитъ въ такихъ случаяхъ только разительнѣйшимъ доказательствомъ вѣрности высказанныхъ положеній.

Но важнѣе мѣткости тѣхъ или другихъ частныхъ замѣчаній общая идея, связывающая всѣ статьи и рѣчи: освѣженіе ея въ современномъ сознаніи тѣмъ важнѣе, чѣмъ одностороннѣе судятъ еще о славянофильствѣ многіе. Съ этой точки зрѣнія (и опять не безъ прямой примѣнимости къ настоящему моменту) заслуживаютъ вниманія апологетическія статьи за возставшихъ Кандіотовъ, а равно и сужденія по случаю переворота, совершеннаго Кузою въ Дунайскихъ княжествахъ. Затѣмъ общія сужденія о связи между народностями и вѣрою, о дѣйствіи, оказываемомъ на молодые Балканскіе народы соблазномъ внѣшней цивилизаціи, о неразрывной зависимости, въ которую поставлена историческая жизнь Славянскихъ народовъ отъ Россіи и обратно,—все это не настолько еще вошло въ кругооборотъ общественнаго сознанія, чтобы утратить свою свѣжесть.

Вышесказанное относится преимущественно къ статьямъ ранняго періода (въ „Днѣ“, „Москвѣ“ и „Москвичѣ“). На статьяхъ „Руси“, равно и на рѣчахъ, произнесенныхъ въ Славянскомъ Комитетѣ, гдѣ Иванъ Сергѣевичъ выступалъ не только публицистомъ, но и дѣятелемъ, не останавливаемся: то и другое въ свѣжей памяти у всѣхъ. Характеръ дѣятеля впрочемъ проходитъ по всему періоду. „День“ уже застаётъ Аксакова секретаремъ того

Комитета, котораго онъ былъ потомъ столь славнымъ предсѣдателемъ; сколько намъ извѣстно, самое учрежденіе Славянскаго Комитета состоялось не безъ прямыхъ внушеній Ивана Сергѣевича, съ которыми онъ обращался къ своимъ старшимъ друзьямъ послѣ впечатлѣній и наблюденій, вынесенныхъ имъ изъ путешествія по Славянскимъ землямъ въ 1859 году.

Статьи и рѣчи располагаются въ хронологическомъ порядкѣ. Но имъ обнимается не все, писанное и сказанное по Восточному вопросу; помѣщается лишь то, что было уже въ печати. Многія письма очень существенныя по содержанію, нѣкоторыя рѣчи (напримѣръ къ славянскимъ гостямъ во время Этнографическаго Съѣзда), нѣкоторые адреса — могутъ увидѣть свѣтъ только послѣ полного разбора бумагъ, оставшихся отъ издателя „Руси“.

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „ДЕНЬ“.

1861—1862 г.

(СЛАВЯНСКІЙ ОБЗОРЪ.)

Изъ № 1. Октябрь 1861.

Никто, конечно, не станетъ отрицать то огромное значеніе, которое, въ наше время, выпало на долю общественному мнѣнію въ Европѣ. Оно является не только участникомъ въ разрѣшеніи современныхъ вопросовъ, но и могущественнымъ двигателемъ во всѣхъ сложныхъ отправленіяхъ политическаго и общественнаго организма Западнаго міра. Это сила, съ которою приходится поневолѣ считаться всѣмъ государствамъ, принадлежащимъ къ политической системѣ Европы (не исключая и Турціи),—и не только считаться, но и бороться равнымъ оружіемъ, противопоставляя мысли мысль, знанію знаніе, нравственному началу нравственное же начало самобытно выработанное и крѣпкое всею ясностью сознанія; однимъ словомъ—это та сила, отъ которой не ограждаютъ ни крѣпостныя стѣны, ни армстронговы пушки, и которая можетъ быть побѣждена только мыслью и словомъ.

Но на обширномъ и шумномъ полѣ Европейской публицистики одиноко и безоружно стоитъ идея Русской народности. Не имѣя, или имѣя, по малу, достойныхъ представителей, «Русская національность», вмѣсто того, чтобы раскрывать передъ міромъ все богатство своего внутренняго содержанія,—постоянно ищетъ поддержки въ общественномъ мнѣніи Европы, завскаивая его благосклонность или чрезъ низкое отреченіе отъ своихъ началъ, или чрезъ смиренное и унижительное безмолвіе. Таковы, по крайней мѣрѣ, общія черты нашихъ прежнихъ отношеній къ Европѣ въ той обла-

сти, которая не ограждалась обаяніемъ или страхомъ внѣшняго могущества Россіи. Наши публицисты за границей, писавшіе по Французски, съ своей стороны не только не способствовали къ разъясненію понятія объ Русской народности, но поражали самихъ иностранцевъ страстностью своего безпристрастія къ родной землѣ и мужествомъ осужденія. Положимъ, эти послѣдніе были искренни и относились къ дѣлу, если иногда и ошибочно, то серьезно, но что сказать о Русской литературѣ и о Русскомъ обществѣ? Кто не знаетъ, что мы ничего такъ не боимся и не боимся, какъ насмѣшки или менторскаго выговора Европейцевъ, что мы, какъ грѣха, стыдимся подозрѣнія къ патриотизмѣ и краснѣемъ, когда иностранцы уличаютъ насъ въ соблюденіи какихъ либо народныхъ обычаевъ и обрядовъ; что мы съ жадностью ловимъ всякую улыбкунисходительнаго благоволенія, всякой, сколько нибудь милостивый отзывъ Западнаго писателя и съ восторгомъ перепечатаваемъ данныя имъ аттестаты у себя въ газетахъ. Русскіе путешественники за границей не жалѣютъ ни трудовъ, ни денегъ, чтобы стереть съ себя всякое отличіе, налагаемое на нихъ Русскою народностью, или, если уже ея скрыть нельзя, чтобы придать ей какую-то чуждую Европейскую щеголеватость, способную списать намъ одобрительную, наглую, барскую ласку Француза. Тѣмъ не менѣе ложный стыдъ, постоянная несвобода или вѣчная тяжелая забота о томъ, чтобы не провиниться противъ *сomme il faut*—накладываютъ на Русскихъ за границей печать такой особенности, что ямъ мигомъ узнаете Русскаго путешественника изъ тысячи иностранцевъ.

Къ чему же привели насъ эти отношенія Русскаго общества къ Западу, что выигрывали мы отъ этого, обильно расточеннаго и расточаемаго низкопоклонничества, этого добровольнаго рабства, этого колоссальнаго душевнаго холопства?

Не только не погладили насъ по головкѣ, не только похвалы нашему благоправію не дождались мы отъ Европы, но напротивъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, Европейцы чествуютъ насъ именемъ варваровъ и чуть-чуть не людоедовъ. Постоянно не пошимаемъ, не знаемъ, мы, Русскіе, своимъ поведеніемъ еще болѣе обезсилываемъ свое политическое зна-

ченіе, и общественное мнѣніе Запада является намъ враждебнымъ при всякомъ событіи, гдѣ, силою исторіи, выдвигается впередъ идея Русской народности. На просторѣ и безпрепятственно подвизается противу насъ Европейская публицистика, куетъ оружіе, разглашаетъ клеветы, созидаетъ цѣлыя теоріи, подкашивающія наше нравственное могущество,—а мы молчимъ; съ нашей стороны нѣтъ ни борьбы, ни отпора, наше печатное слово блѣдно и вяло,—и постоянный натискъ духовныхъ враждебныхъ силъ Запада колеблетъ внутри самой Россіи сознаніе нашей силы и нашей правды, ясное разумѣніе нашихъ правъ и обязанностей, опасностей и выгодъ!

И не только Россія, но и весь Славянскій, или вѣрнѣе Православно-Славянскій, міръ раздѣляетъ съ нею ту же участь. Пора догадаться, что благосклонности Запада мы никакою угодливостью не купимъ; пора понять, что ненависть, не рѣдко инстинктивная, Запада къ Славянскому Православному міру происходитъ отъ иныхъ, глубоко скрытыхъ причинъ; этѣ причины—антагонизмъ двухъ противоположныхъ духовныхъ просвѣтительныхъ началъ, и зависть дряхлаго міра къ новому, которому принадлежитъ будущность. Пора намъ наконецъ принять вызовъ и смѣло вступить въ бой съ публицикою Европы, за себя и за нашихъ братьевъ-Славянъ! Но чего же могутъ ожидать отъ Европы Славяне, сохранившіе вѣрность Славянскимъ началамъ, если могущественнѣйшій представитель этого міра, Русское племя, трусливо избѣгая борьбы съ общественнымъ мнѣніемъ Европы, боится водрузить знамя своей духовной самобытности, своей народности, своего историческаго подвига и призванія?

А между тѣмъ никогда такъ сильно и настойчиво не ощущалась потребность живаго, умствепнаго и духовнаго отпора со стороны Россіи, какъ въ настоящую минуту. Оставляя въ сторонѣ значеніе этого отпора для самой внутренней жизни Россіи, укажемъ только на наши внѣшнія, международныя отношенія, и именно къ племенамъ Славянскимъ.

Наша сила въ Европѣ—сочувствующій и связанный съ нами родствомъ крови и духа, міръ Славянскій вообще, и міръ Православный въ особенности, выступаетъ теперь на поприще исторіи. Славянь, свободныхъ отъ чуждаго ига, нѣтъ нигдѣ,

кромѣ Россіи. Кромѣ Россіи, вездѣ Славянскую народность гнетутъ или Нѣмцы или Турки. По мѣрѣ возрастанія политическаго могущества Россіи, возрождались въ поработенныхъ племенахъ: надежда на избавленіе отъ позорнаго арма и чувство Славянской народности. Освободить изъ-подъ матеріальнаго и духовнаго гнета народы Славянскіе и даровать имъ даръ самостоятельнаго духовнаго, и, пожалуй, политическаго бытія, подъ сѣпію могущественныхъ крылъ Русскаго орла—вотъ историческое призваніе, правственное право и обязанность Россіи.—Но сознаемъ ли мы и признаютъ ли Славяне—наше призваніе и наше право? Куда обратятъ свои взоры пробуждающіеся Славянскіе народы? Вопросъ, казалось бы, совершенно излишній, тѣмъ болѣе, что выше мы сами уже указали на это сочувствіе. Но дѣло въ томъ, что сочувствіе поддерживается сочувствіемъ взаимнымъ; дѣло въ томъ, что сочувствіе опиралось до сихъ поръ на естественное чувство Славянскихъ народовъ, не справлявшееся съ дипломатическими лѣтописями и не искашавшееся соблазнами блестящей цивилизаціи Запада. Теперь наступаетъ пора другая. Теперь сочувствіе къ Россіи ищетъ себѣ другой, болѣе разумной основы, и переходя изъ области естественнаго чувства въ область сознанія, подвергаетъ повѣркѣ и оцѣнкѣ нашу собственную вѣрность Славянскимъ началамъ. Мы знаемъ, что такъ называемые интеллигентные, образованные классы у Славянъ Восточныхъ, пораженные невѣжествомъ, равнодушіемъ, молчаніемъ общества и нашей журналистики (объ отдѣльныхъ явленіяхъ говорить нечего), не находя себѣ въ послѣдней никакой опоры, никакого оружія противу лжи, которую въ извѣстной мѣрѣ содержитъ въ себѣ Западное просвѣщеніе,—мало по малу отворачиваются отъ насъ, своихъ старѣйшихъ братьевъ. Безсильные устоять на собственныхъ ногахъ, они хватаются, въ своей слабости, за духовную (въ обширномъ смыслѣ слова) помощь Западнымъ народомъ, ископныхъ враговъ Славянскаго міра. Народныя начала крѣпки не однимъ воплощающимъ ихъ въ себѣ бытомъ, но еще болѣе—яснымъ сознаніемъ. Гдѣ же быть этому сознанію, какъ не въ единоплеменной и единовѣрной Россіи, богатой горькимъ и долготѣннымъ историческимъ опытомъ? Но напрасно стали бы

Славяне домогаться этого сознания отъ Русской журналистики!

Русская журналистика и Русская публика горячатся изъ всѣхъ силъ по поводу единства Италіи, проливаютъ чуть не рѣчки слезъ умиленія при чтеніи рѣчей *del re galant'uomo*, негодуютъ на Боржеса или на Шивоне, какъ на личныхъ своихъ непріятелей, ссорятся и спорятъ изъ-за Чіальдини или Мингетти, отправляются на поклоненіе въ Капреру, — и въ тоже время раздѣляютъ мнѣніе Англійскихъ министровъ о необходимости Англійскаго ига надъ Ионическими островами, ради благосостоянія послѣднихъ; готовы признать Фіуме (Рѣку), Истрию и весь Далматинскій берегъ Италійскими странами; не на шутку утверждаютъ, что пора забыть племенные вражды въ Турецкой имперіи и примириться съ новымъ способомъ управленія въ Турціи; наконецъ, даже изъясняя сочувствіе, перепечатаваютъ, сами не замѣчая, ложныя и искаженныя извѣстія о дѣлахъ и дѣятеляхъ Славянскихъ. И не мудрено. Спросите по совѣсти бѣдшую часть профессоровъ Всеобщей Исторіи въ нашихъ Русскихъ университетахъ — знакома ли имъ исторія, не только прочихъ Славянскихъ племенъ, но и ближайшей къ намъ Польши? Каждый изъ нихъ, какъ добросовѣстный человѣкъ, сознается, что нѣтъ, не знакома вовсе. Да и откуда ему знать! Нѣмцы (кроме Ранке) о томъ не писали; составители учебниковъ всеобщей исторіи мало обращали на то вниманія; для чтенія источниковъ нужно знать языки и имѣть къ тому интересъ, который не былъ ему внушенъ ни Европейскими, ни нашими Русскими прославленными учеными и наставниками! Очевидно, нельзя слишкомъ строго винить и журналистику. Къ тому же, слѣдуетъ, по справедливости, замѣтить, что всего мѣсяца два, какъ состоялось разрѣшеніе получать Славянскія газеты по почтѣ, и то не иначе, какъ черезъ Петербургскую газетную экспедицію *). Съ другой стороны равнодушіе публики также охлаждало ревность многихъ благонамѣренныхъ журналистовъ. Мы здѣсь не говоримъ, конечно, про Русскую Бесѣду: она одна соблюдала постоянную связь съ Славянами, благотворно дѣйствовала на умы образован-

*) См. С.-Петерб. Вѣдом., 1861 г. № 171.

ныхъ нашихъ единоплеменниковъ и поддерживала въ нихъ сочувствіе къ Россіи; но она стояла особнякомъ въ Русской журналистикѣ, и, какъ ученый сборникъ, а не газета, не могла идти въ состязаніе съ періодическою, газетною литературою.

Какъ бы то ни было, но теперь замѣчаются и въ Русской журналистикѣ признаки сочувствія къ Славянскому дѣлу. Самыя вѣрныя свѣденія находили мы до сихъ поръ въ Славянскомъ отдѣлѣ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, помѣщавшіяся впрочемъ какъ-то случайно, рѣдко и безъ системы. Весьма интересныя корреспонденціи изъ Праги помѣщаются иногда въ Современной Лѣтописи и Московскихъ Вѣдомостяхъ. Можно надѣяться, что съ полученіемъ Славянскихъ газетъ и при усиливающемся числѣ Русскихъ путешественниковъ по землямъ Славянскимъ,—наши Русскія газеты будутъ почерпать Славянскія извѣстія изъ живыхъ мѣстныхъ родниковъ, и проникнутся сами искреннимъ сочувствіемъ къ нашимъ единоплеменнымъ братьямъ.

Открывая Славянскій отдѣлъ въ нашемъ изданіи, мы имѣемъ основаніе надѣяться, что сдѣлаемъ его со временемъ довольно полнымъ источникомъ разнообразныхъ и вѣрныхъ свѣденій о положеніи и движеніи Славянскаго дѣла. Но мы поставили себѣ и другую задачу. Возвращаясь къ тому, что говорили мы въ началѣ статьи, мы желали бы (и приглашаемъ къ тому и другіе органы нашей печати) имѣть въ виду не однихъ Русскихъ, но и Славянскихъ читателей, сообщать не одни свѣденія, но и обсуждать общіе вопросы, постоянно возбуждаемые антагонизмомъ Западнаго и Славянскаго міра, и не оставлять безъ вниманія враждебныя выходки Европейской публицистики. Въ Европѣ насъ не читаютъ, скажутъ журналисты. Будутъ читать, какъ скоро будетъ что читать. Бѣда въ томъ, что въ Европѣ теперь и читать-то почти нечего, кромѣ переводовъ и повторенія, давно ей знакомыхъ, доктринъ и теорій. Къ тому же опроверженіе доводовъ Европейскихъ публицистовъ полезно не столько для Европы, сколько для насъ, Русскихъ, для нашего «образованнаго» общества.

Таковы наши намѣренія. Исполненіе не всегда зависитъ отъ насъ и во всякомъ случаѣ будетъ совершаться посте-

пенно. Такъ и теперь многія ожидаемыя нами корреспонденціи не успѣли къ сроку. Но, повторяемъ, не однѣ корреспонденціи станемъ мы предлагать читателямъ, мы будемъ помѣщать и описанія и историческіе очерки Славянскихъ земель, и рассказы путешественниковъ и статьи по внутреннимъ общественнымъ Славянскимъ вопросамъ. Именно теперь, въ настоящую трудную минуту, нужно было бы живое и дружеское слово Славянамъ, такое слово, которое, возбуждая и поддерживая въ нихъ чувство Славянской народности, въ тоже время скрѣпляло бы ихъ духовную связь съ Россією, *связь безъ которой ихъ собственное, самобытное развитіе и преуспѣяніе — немислимо и невозможно!* Пусть помнятъ это Славяне!

Изъ № 3. Октябрь 1861 г.

Примѣчаніе къ письму Жинзифова къ статьѣ и нѣсколько словъ о Славянскомъ Благотворительномъ Комитетѣ. Съ истиннымъ огорченіемъ прочли мы,—и, скрѣпя сердце, печатаемъ мы это письмо. Совѣстно и стыдно вътомъ признаться, а вѣдь все, сказанное г. Жинзифовымъ о нашемъ невѣжествѣ, совершенная правда! Грустно подумать, какъ болѣзненно должно гнести оно пребывающихъ среди насъ нашихъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ братьевъ! Мало того, что ихъ жгутъ, рѣжутъ и позорятъ Турки, тѣснятъ и давятъ Греки,—мало того, они и въ Россіи плохо утѣшены нами, они встрѣчаютъ странный, холодный пріемъ, какъ чужіе,—хуже, чѣмъ чужіе, чѣмъ напр. Французы и Англичане; они,—съ такимъ упорствомъ и мужествомъ, сквозь бездну золь и несчастій, пронесли до нашихъ временъ свою народность почти не поврежденною,—они не находятъ ни пріята сочувственнаго, ни слова ободренія, ни похвалы, ни признательности за свой великій, духовный подвигъ!...

Конечно—объяснить почему Славяне насъ знаютъ, а мы ихъ такъ плохо знаемъ, дѣло не трудное. Они нуждаются въ насъ, а не мы: они чаютъ отъ насъ духовной и матеріальной помощи, и освобожденія отъ турецкаго, греческаго или нѣмецкаго ига,—а русскій народъ, для разрѣшенія сво-

ихъ внутреннихъ вопросовъ, обойдется и безъ ихъ содѣйствія. Очевидно, что тотъ, кто нуждается въ другомъ, непремѣнно долженъ знать того другаго, отъ котораго ждетъ себѣ спасенія. Но именно потому, что мы многочисленны, сильны, независимы отъ вѣшняго ига, живемъ и движемся и развиваемся на просторѣ цѣлымъ, единственно во всемъ мирѣ свободнымъ, могучимъ славянскимъ народомъ,—именно потому, естественно было бы намъ, по крайней мѣрѣ, проникнуться чувствомъ великодушія, свойственнымъ сильному относительно слабого. Но тутъ дѣло не о великодушіи. Мы, какъ Русскіе, должны были бы свято помнить и сознать свой нравственный долгъ, свои обязанности относительно нашихъ страждущихъ младшихъ братій, *повинность*, налагаемую на насъ исторіей. Но мы не вѣрны своему призванію!

— Про простой народъ и даже про купцовъ говорить нечего. Народъ не сочувствуетъ *Славянамъ* потому единственно, что не знаетъ. Купцамъ, конечно, стыдно оправдываться невѣжествомъ, потому что они имѣютъ всѣ способы къ образованію, но едвали у кого достанетъ духу глумиться надъ невѣжествомъ нашихъ крестьянъ, когда они, по нашей же винѣ, были до самаго послѣдняго времени лишены всякихъ средствъ выучиться даже грамотѣ. Во всякомъ случаѣ здѣсь причиною недостатка сочувствія—одно незнаніе. Про Грековъ народъ слышалъ; ему извѣстно, что вѣра его «Греческаго закона»; симпатіи же къ Грекамъ, къ характеру ихъ—не питаетъ онъ ни малѣйшей. Между тѣмъ по всей Россіи ходятъ греческіе монахи и рассказываютъ ему, что тамъ, въ той странѣ, откуда родомъ и Николай Чудотворецъ, и Василій Великій, и Іоаннъ Златоустъ, живутъ и до сихъ поръ православные Греки, угнетенные Турками,—и вотъ, по пословицѣ: съ міра по ниткѣ,—собираются ежегодно и отсылаются въ Грецію десятки милліоновъ трудовыхъ, радостно жертвуемыхъ копѣекъ! Вѣдай нашъ народъ правду про Болгаръ и прочихъ православныхъ Славянъ,—нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, онъ помогалъ бы также охотно, если еще не охотнѣе, чѣмъ Грекамъ.

Но общество наше... ему извиненія нѣтъ; объяснить же его равнодушіе къ Славянамъ очень легко. Это симптомъ того же общаго недуга, который давно разлагаетъ мало-по-малу все наше общественное тѣло. Не можетъ быть сочувствія къ Сла-

ванской народности тамъ, гдѣ есть отчужденіе отъ своей собственной народности, явное къ ней равнодушіе и полный разрывъ со всѣми историческими преданіями своего племени!

Впрочемъ и среди общества находятся исключенія, а теперь они встрѣчаются все чаще и чаще. Года два тому назадъ учредился въ Москвѣ Славянскій Благотворительный Комитетъ, который, между прочимъ, содержитъ на свой счетъ болѣе 12 молодыхъ Болгаръ, пріѣхавшихъ въ Россію учиться, и по возможности снабжаетъ книгами народныя училища въ Болгаріи. Не имѣя никакаго основнаго капитала, Комитетъ съ трудомъ поддерживаетъ свое существованіе, или, лучше сказать, свою благотворительную дѣятельность, помощью разныхъ, временныхъ, случайныхъ пожертвованій. Но именно потому, что сочувствіе къ Славянамъ распространено въ очень тѣсномъ кругу, необходимость жертвованія ложится всею своею тяжестью на весьма незначительное число лицъ, искренно преданныхъ Славянскому дѣлу.

Между тѣмъ было бы чрезвычайно полезно и важно, еслибъ Комитетъ могъ расширить размѣры своей дѣятельности. Жажда къ просвѣщенію возбуждена въ Болгарахъ съ неизмѣрною силою: Иезуиты искусно этимъ пользуются и доставляютъ имъ всѣ способы ѣхать въ Парижъ или другіе города, въ полной увѣренности, что воспитавшись во Франціи или Германіи, Болгаре разъединятся духовно съ Россіею, а слѣдовательно и съ своею народностью. И они не ошибаются. Недавно въ Парижѣ учредилось цѣлое общество съ цѣлю распространенія въ Болгаріи католицизма, или по крайней мѣрѣ униі (т. е. признанія Римскаго папы съ сохраненіемъ православныхъ обрядовъ): это общество въ быстромъ времени пріобрѣло огромныя средства, такъ что тягаться съ нимъ бѣдному, лѣнивому уму и душою, Русскому обществу было бы невозможно, еслибъ народъ Болгарскій самъ не держался крѣпко Православія, единственнаго оплота своей народности. Однакожъ и тамъ отдѣльные члены отпадаютъ одинъ за другимъ, и во многихъ Болгарахъ, воспитавшихся за границей, замѣчается шаткость вѣры и вѣрности своему народу. Что значать наши 12, 15 человекъ Болгаръ, учащихся въ Москвѣ, противъ нѣсколькихъ сотенъ Болгаръ, слушающихъ лекціи въ Германскихъ и Французскихъ университетахъ и коллегіяхъ?

Между тѣмъ несомнѣнно, что Болгаринъ, воспитывающійся здѣсь въ Россіи, какъ бы плохо его ни учили, не утрачиваетъ своей народности, не перестаетъ быть Болгариномъ, и сохраняетъ или даже приобретаетъ возможность явиться полезнымъ слугою своей родины. Московскій университетъ можетъ, по справедливости, гордиться тѣмъ, что далъ Болгаріи двухъ полезныхъ, замѣчательныхъ дѣятелей, бывшихъ Московскихъ студентовъ, гг. Наѣ та Герова и Савву Филаретова.

Мы сообщимъ въ скоромъ времени нашимъ читателямъ подробный отчетъ о средствахъ (весьма ограниченныхъ) и о дѣятельности Славянскаго Комитета въ Москвѣ, также выписку изъ его протоколовъ, — а покуда обращаемся съ просьбою ко всѣмъ нашимъ читателямъ, сколько-нибудь бодрствующимъ мыслью и сердцемъ, сколько-нибудь неравнодушнымъ къ интересамъ Русской и Славянской народности (и властвующимъ при томъ лишнею копѣйкою, ибо на нѣтъ — и суда нѣтъ): помочь намъ образовать Славянскій капиталъ для содѣйствія духовному возрожденію Славянъ, и прислать свои пожертвованія къ намъ, въ Редакцію. Редакторъ газеты «День» въ тоже время и секретарь Славянскаго Благотворительнаго Комитета. Разумѣется, о каждой полученной копѣйкѣ будетъ тотчасъ же опубликовано въ нашей газетѣ.

Посмотримъ, какъ отзовутся на это наши купцы! Признаться сказать, мы на нихъ много надѣемся. Вѣдь жертвуютъ же они, и жертвуютъ огромныя суммы, не только на церкви, но и на разныя, не всегда нужныя, большею частью ради тщеславія воздвигаемыя, новыя богатыя ограды и колокольни и кельи монастырямъ, и безъ того страшно богатымъ, — и такія образомъ прикладываютъ къ шубѣ да еще шубу! Не лучше ли шубу-то отдать не имущему шубы, сирому и нагому?

Въ статьѣ г. Жинзифова есть еще предметъ, котораго мы не коснулись: это взаимныя отношенія Грековъ и Болгаръ. Въ другой разъ мы подробно потолкуемъ съ читателями объ этомъ важномъ и печальномъ явленіи. Россія въ этомъ дѣлѣ можетъ быть судьей, вполне безпристрастнымъ; да и вообще ея обязанность и призваніе явиться не только судьей, но и миротворцемъ въ борьбѣ Болгаръ и Грековъ, въ распрѣ всѣхъ Славянскихъ народностей между собою, и служить имъ всѣмъ живою связью и центромъ соединенія!

11 Мая 1862 г. въ Москвѣ.

11-го числа этого мѣсяца было совершено въ церкви Московскаго Университета, по ходатайству членовъ Славянскаго Комитета, торжественное богослуженіе съ молебномъ, въ память святыхъ первоучителей и апостоловъ Славянскихъ — Кирилла и Меодія, — въ первый разъ послѣ многихъ вѣковъ забвенія... Съ достовѣрностью неизвѣстно, когда именно прекратилось на Руси празднованіе памяти тѣхъ, кому обязанъ Славянскій міръ величайшимъ своимъ духовнымъ сокровищемъ: въ минеяхъ XII вѣка еще встрѣчается отдѣльная служба св. Кириллу съ особымъ канономъ, но въ позднѣйшія времена — хотя имена ихъ и упоминаются въ святцахъ — Русская церковь уже не дѣлала относительно ихъ никакого отличія отъ прочихъ св. угодниковъ, для которыхъ не существуетъ особаго празднованія.

Какъ ни скромно было торжество 11 Мая, оно все же было выраженіемъ не одной пробудившейся поздней признательности къ творцамъ Славянской письменности, но и возникшей въ нашемъ общественномъ сознаніи идеи Славянства. Это празднество служитъ залогомъ будущаго *духовнаго* воссоединенія всѣхъ Славянь, звономъ, связующимъ разрозненныхъ братьевъ.

Читатели наши, безъ сомнѣнія, прочли (по крайней мѣрѣ, къ чести ихъ мы должны предположить, что они прочли) статьи о Кириллѣ и Меодіи г. Гильфердинга въ 25, 28, 29, 30 и 31 №№ нашей газеты. Въ предисловіи ко 2 письму мы объяснили всю политическую важность, всю дѣйствительную современность въ XIX вѣкѣ вопроса о времени изобрѣтенія кириллицы, о дѣятельности, проявленной Кирилломъ и Меодиємъ въ IX вѣкѣ. Мы упомянули о томъ живомъ значеніи, которое имѣютъ въ Славянскомъ мірѣ исторія и археологія, представляющія для современнаго Славянскаго возрожденія разумную опору исторической памяти, просвѣтленной и очищенной наукою; мы указали на происки католическаго міра — ослабить связующую силу общей для всѣхъ Славянь и сохранившейся только у православныхъ — Славянской азбуки; на басню, умышленно сочиненную Латиня-

нами съ тою цѣлью, чтобы уваженіе къ памяти христіанскихъ первоучителей въ Славянскомъ мірѣ — нисколько не налагало на Славянъ обязанности держаться Славянскихъ письменъ, а напротивъ еще сильнѣе связывало ихъ съ Латинскою стихіей; мы напомнили о празднествѣ, готовящемся въ 1863 году, по случаю тысячелѣтія христіанской проповѣди Кирилла и Меодія у Западныхъ Славянъ, отступившихъ, для Латинскаго вѣроповѣданія и Латинскаго алфавита, отъ преданія Вѣры, преподаннаго имъ первоучителями, и отъ установленныхъ и освященныхъ ими начертаній Славянскаго слова!..

Молва о празднествѣ 11 Мая въ Москвѣ разнесется по всѣмъ Славянскимъ странамъ радостною вѣстью будущаго освобожденія: потому что невозможно духовное возрожденіе Славянъ безъ участія многомилліоннаго Русскаго племени въ общемъ подвигѣ Славянскаго самосознанія. Пробужденіе идеи Славянства въ Россіи дастъ нравственную опору неутомимымъ бойцамъ и мужественнымъ страдальцамъ Славянства — нашимъ братьямъ, угнетеннымъ внѣшнимъ игомъ Нѣмцевъ и Турокъ, и въ то же время созидаетъ прочную основу и для нашего Русскаго народнаго возрожденія. Крѣпче и сильнѣе почувствуетъ себя Русская народность, сознавая свое духовное единство съ Славянскимъ міромъ, и уже не одиночную борьбу поведетъ она съ своими внутренними домашними врагами — общими врагами Славянъ — ренегатами Русской народности!

Въ 10 часовъ въ пятницу 11 Мая, въ церкви Московскаго Университета, главнаго представителя науки въ Россіи, началось праздничное богослуженіе, въ присутствіи многихъ профессоровъ, ученыхъ, и вообще тѣхъ, кто сочувствовалъ совершаемому торжеству. Съ удовольствіемъ можемъ замѣтить, что дамъ было едва ли не больше, чѣмъ мужчинъ. Впрочемъ изъ послѣднихъ нѣкоторые были удержаны дома обязанностями службы, а нѣкоторые узнали о назначенномъ торжествѣ уже поздно, такъ какъ въ газетахъ возвѣщено было о немъ только наканунѣ.

Нельзя было безъ особеннаго удивленія слышать молитвенное возглаголеніе именъ «святыхъ Славянскихъ первоучителей Кирилла и Меодія», или внимать Слово Божію, возвѣщенному ими же словомъ Славянскимъ. Раздавались тѣ же рѣчи, какія сложены были ими за десять вѣковъ предъ симъ,

читались книги, напечатанныя тѣми же письменами, какими напечатаны были за тысячу лѣтъ. По кириллицѣ, дѣломъ Кирилла и Меѳодія, благодарили предстояшіе Кирилла и Меѳодія—просвѣтителей и молитвенниковъ Славянскаго міра. Особенное молитвенное движеніе выказалось въ тѣ минуты, когда пѣвчіе запѣли — частію заимствованныя изъ древней рукописной минеи XII вѣка, частію вновь составленныя пѣсни:

«Наста день свѣтлыя памяти святыхъ первоучителей Славянскія земли, святителей Кирилла и Меѳодія, иже любовію Христовою расплаями и духомъ истины просвѣщаеми, слово Евангелія усты и письмены древнему роду нашему благовѣстиша, отнюду же и мы разумнѣ обрѣтохомъ божественное вѣры Христовы сокровище. Тѣмъ же благодарнѣ память учителей и святителей празднующе, тѣми молимся: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, даждь, да вси связуеми единою вѣрою и любовію Сына Твоего во единомъ языкѣ и во всѣхъ языкѣхъ едино будемъ въ Тебѣ, яко же Сынъ Твой въ Тебѣ и Ты въ Немъ, да совершени будемъ во едино.»

Другая:

«Отъ юности избравый сестру себѣ премудрость, потомъ же Словенскихъ племенъ явивыйся апостолъ и первохудожникъ Словенскаго письмене, не мертваго и убивающаго, но словомъ Евангелія Христова отъ начала оживленнаго и животворящаго, святителю отче Кирилле, купно съ твоимъ по плоти и по духу братомъ, блаженнымъ Меѳодіемъ, и отъ насъ, позднихъ сокровища вѣры вашей наслѣдниковъ, пѣснь благодаренія приеми, Бога Слова молити, да въ православнѣй вѣрѣ и премудрости насъ возвращая и утверждая, спасетъ души наша.»

Предъ окончаніемъ литургіи, совершавшій священнодѣйствіе, священникъ университетскаго храма, и профессоръ университета, Н. А. Сергіевскій произнесъ слѣдующее краткое слово, выслушанное съ живымъ вниманіемъ и сочувствіемъ:

«Въ 1855 году, въ день столѣтняго юбилея здѣшняго университета, принесена частица отъ руки св. Кирилла, одного изъ первоучителей Славянскихъ (*).

*) Эта частица принесена была Московскому Университету въ даръ М. П. Погодинымъ. Въ 1835 была отдѣлена отъ части руки св. Ки-

«Не можемъ сказать, съ какою именно цѣлю было сдѣлано это приношеніе. Конечно, на праздникъ перваго Русскаго университета было прилично напомнить о первыхъ виновникахъ общеславянскаго просвѣщенія и во очію представить персть, впервые начертавшій Славянскія письма, *не мертвымъ и убивающимъ, но словомъ Евангельской истины отъ начала оживленнымъ*. Думается также: не предполагалось ли тутъ нѣкотораго сближенія времени столѣтняго юбилея университета съ тысячелѣтнимъ юбилеемъ церковно-Славянской письменности, такъ какъ изысканіями нѣкоторыхъ 855 годъ предполагался годомъ изобрѣтенія Славянскихъ писемъ.

«Какъ бы то ни было, но не напрасно сдѣлано приношеніе: оно послужило напоминаніемъ забытаго - дорогаго, хотя и невольпо забытаго.

«Послѣ долгаго и можетъ быть весьма долгаго времени, мы впервые возобновляемъ празднованіе у насъ памяти св. первоучителей Славянскихъ Кирилла и Меодія. Будемъ надѣяться, что наконецъ оно возобновится по всей землѣ Русской.

«Какъ намъ не праздновать памяти тѣхъ, которые дали намъ слова Евангелія на нашемъ родномъ языкѣ, побора я сильныя препятствія къ тому со стороны тогдашнихъ *ревнителей* яко бы по славѣ Божіей, которыхъ ревность могла лишитъ насъ разумнаго благочестія и благочестнаго просвѣщенія. Этихъ ревнителей нашъ первоучитель именуеть «*треязычниками* (*). Они утверждали, что только на трехъ языкахъ, Еврейскомъ, Греческомъ и Римскомъ, дозволено славить Бога, и потому возставали противъ вводимаго Кирилломъ богослуженія на Славянскомъ языкѣ. Составитель древняго канона въ память св. Кирилла выразилъ это въ одномъ изъ тропарей: «словомъ, сердцемъ и языкомъ ты проповѣдалъ, бла-

рилла, хранящейся въ Пражскомъ Соборѣ, частица для Моравской митрополи, гдѣ св. Меодій святилъ церковь, и въ то же самое время поклоникомъ Пешиню, въ присутствіи Ганки, Шафарика, Колара, отдѣлена была, по усиленной просьбѣ, частица М. П. Погодину, который на ту пору случился въ Прагѣ. Каноникъ Пешинна выдалъ на нее свидѣтельство на Латинскомъ языкѣ. См. Моск. Вѣд. 1862 г. № 106.

Ред.

*) См. о древнихъ канонахъ св. Кирилла и Меодію. Москва 1856 г. стр. 9.

женный, Христа, Сына Божія, премудрость, Силу и Слово воплотившееся, и струями твоихъ притчей низложилъ трехъязычниковъ». (пес. 3 рукос. минея синод. типогр. № 6).

«Мы слишкомъ, такъ сказать, богаты богатствомъ слова Божія, дошедшаго намъ изначала на нашемъ родномъ языкѣ, чтобы всякій и всегда могъ чувствовать драгоценность и благотворность этого сокровища. Сытому надо вспомнить голоднаго, чтобы чувствовать радость въ сытости и благодарить насыщающаго. А есть слово пророческое и о *гладѣ слышанія слова Божія*... Пожелаютъ люди услышать слово Божіе, но не услышатъ... Это голодъ безъ возможности насытиться. Молитвами просвѣтителей нашихъ, не дай намъ Богъ, чтобы когда нибудь пришло на насъ то грозное слово пророческое!..» *)

Тутъ же въ церкви, по предложенію одного изъ предстоявшихъ, открыта была подписка на сооруженіе иконы Кирилла и Меодія для университетской церкви, — и собрано до 300 р. сер. Написаніе иконы будетъ стоить особеннаго труда художнику, такъ какъ ни въ одной церкви въ Россіи нѣтъ изображенія Св. Первоучителей Славянскихъ. Художнику необходимо будетъ справиться въ древнихъ храмахъ и монастыряхъ Славянскихъ и Греческихъ.

Но неужели только иконой и окончится дѣло? Не напрасно произнесено было напоминаніе о *гладѣ слышанія слова Божія*. Въ Москвѣ существуетъ Славянскій комитетъ, созданный именно съ цѣлью доставить, по возможности, Славянамъ, угнетеннымъ Турецкимъ игомъ, — средства къ просвѣщенію, къ утоленію «духовнаго глада» словомъ науки. Комитетъ содержитъ на свой счетъ въ Москвѣ 12 молодыхъ Славянъ, изъ которыхъ нѣкоторые слушаютъ лекціи въ университетѣ, другіе готовятся ко вступленію въ университетъ или въ духовныя семинаріи: но это содержаніе — стоящее 3000 р. сер., исчерпываетъ почти всѣ средства Комитета, — а сколько еще другихъ непредвидѣнныхъ издержекъ: отправленіе больныхъ и окончившихъ ученіе на родину, снабженіе ихъ книгами.. Кромѣ частной благотворительности — другой мате-

*) Изъ «Правосл. Обзор.» № 5.

риальной помощи Комитетъ ни откуда не имѣеть. Съ признательностью должны мы вспомнить, что послѣ открытія сбора приношеній въ Редакціи «Дня», слишкомъ 2000 р. сер. получено въ редакціи изъ всѣхъ концовъ Россіи, нерѣдко отъ самыхъ бѣдныхъ людей (да благо имъ будетъ за эти святые лепты!),—но этого еще недостаточно. Не 12, а гораздо болѣе молодыхъ Славянъ должны бы мы были воспитывать въ Россіи, чтобы приготовить изъ нихъ будущихъ учителей, насадителей просвѣщенія въ Болгаріи, Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ, будущихъ дѣятелей возрожденія и освобожденія! Сколькимъ жаждающимъ ученія приходится отказывать Комитету, за неизмѣнимъ лишней тысячей рублей, и какъ тяжела эта печальная необходимость отказа, какъ стыдно и совѣстно дѣлается за равнодушіе нашего общества! Какъ въ особенности прискорбно равнодушіе и невѣжество нашихъ богатыхъ торговцевъ, которые на Славянъ не даютъ ни копѣйки, а между тѣмъ жертвуютъ, какъ недавно одинъ купецъ въ Замоскворѣчьи, по 25,000 р. сер. на пенужную отдѣлку богатаго храма, не разумѣя другаго способа приношенія угодныхъ жертвъ Богу!..

Но во всякомъ случаѣ—начало положено. Когда въ первый разъ, лѣтъ 30 тому назадъ, заявлено было нѣкоторыми сочувствіе къ Славянамъ — какими насмѣшками и бранью встрѣчено было въ Русскомъ обществѣ только что возникшее новое направленіе! Теперь кругъ сочувствующихъ расширяется съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, не смотря на насмѣшки Петербургской журналистики, Современниковъ, Инвалидовъ и т. п. Впрочемъ, Петербургскимъ журналамъ такъ и слѣдуетъ: они вѣрны той идеѣ, которую олицетворяетъ собою созданіе Петра — Санктпетербургъ: городъ съ Нѣмецкимъ именемъ, пожалованный въ столицы Русской земли.

Спѣшимъ добавить, что не въ одной университетской церкви, но и въ храмѣ Московской духовной семинаріи, въ тотъ же самый день, въ присутствіи всѣхъ учениковъ, была празднована память св. первоучителей Славянскихъ молебномъ, на который были приглашены всѣ ученики. Намъ остается пожелать, чтобъ это празднованіе установилось по всей Россіи, отъ Успенскаго собора въ Москвѣ до сельской

церкви въ самомъ глухомъ захоластьѣ. Если бы — вѣроятно подъ вліяніемъ Грековъ — не произошло въ нашей Церкви этого страннаго забвенія тѣхъ, кому мы, Славяне, обязаны больше, чѣмъ Грекамъ, — если бы не прерывалось въ церквахъ пѣніе канонѡвъ въ честь Св. Кирилла и Меѡдія, — Русскій народъ вѣдалъ бы больше о Славянахъ и своемъ Славянскомъ происхожденіи, чѣмъ вѣдаетъ теперь: онъ зналъ бы, что тотъ языкъ, на которомъ онъ славить Бога, есть Славянскій языкъ — единый и общій для всѣхъ Славянъ, оставшихся вѣрными преданію Славянскихъ первоучителей и апостоловъ.....

Изв. № 35, г. 1862.

Рана и плѣнь Гарибальди отзовутся неблагопріятными послѣдствіями не только для Италіи, но и для всѣхъ Славянскихъ племенъ на Востокѣ, воюющихъ за то же начало народной независимости и свободы. Имя Гарибальди вполне народно между Славянами въ Турціи, и въ особенности теперь въ Сербіи, Черногоріи и Герцеговинѣ. Зная впечатлительность нашихъ единоплеменниковъ, мы думаемъ, что молва о торжествѣ Піемонтскаго правительства произведетъ уніе въ рядахъ защитниковъ вѣры и народности, этихъ мужественныхъ «стоятелей» за самыя святыя права, такъ попираемыя благоустроенными и просвѣщенными правительствами христіанской Европы — Австріи и Англіи! Мы боимся, чтобы вѣсть о Гарибальди не ослабила напряженія, па которое и безъ того такъ давно истощается Сербія, и которое, казалось, должно было наконецъ увѣичаться послѣдней, рѣшительной борьбой Славянъ съ Турками...

Гарибальди напоминаетъ собою историческихъ дѣятелей давно прошедшихъ временъ. Это лицо будто высѣчено изъ древняго мрамора. Признаться сказать, при общемъ пониженіи уровня — душъ, умовъ и талантовъ человѣческихъ, — всякое явленіе нравственной личности, выдающейся изъ однообразной современной общественной среды способно возбуждать наше полное сочувствіе. Само собою разумѣется, что мы здѣсь привѣтствуемъ не бунтъ личности, не успѣхъ личнаго эгоизма, а торжество личной свободы духа, безусловно отдав-

шейся на службу общей цѣли, и то благотворное дѣйствіе, которое еще способна оказывать на человечество личная добродѣтель отдѣльнаго человѣка. Преданность идеѣ, чистота, безкорыстіе, готовность къ самопожертвованіямъ въ Гарибальди—поднимали *нравственный* уровень нашего современнаго общества. Любовь къ отчизнѣ и народности, достойная всякаго уваженія сама по себѣ, никогда не оправдываетъ средствъ безнравственныхъ; она требуетъ чистыхъ дѣятелей, и значеніе Гарибальди состоитъ не въ его храбрости и геройствѣ, не въ его военномъ талантѣ и патриотизмѣ, — а именно въ его нравственныхъ качествахъ, въ его личной духовной доблести.

Обращаясь затѣмъ къ Пиемонтскому правительству мы охотно уступаемъ мѣсто замѣткѣ, присланной намъ отъ одного изъ сотрудниковъ «Дня» *), и приводимъ ее вполнѣ:

«Въ трагической коллизіи, обогрившей Италію, кого винить? Правительство, которому цѣлый народъ вѣрилъ свою судьбу, правительство, отвѣтственное передъ своимъ народомъ и передъ всею Европою, очевидно, не могло увлечься восторженнымъ порывомъ малочисленной дружины и ринуться, замуривъ глаза, въ темную область неизвѣстнаго. Но не могло ли оно, по крайней мѣрѣ, задержать этотъ порывъ до времени, не прибѣгая къ силѣ, успокоить взволнованныя страсти и приберечь дорогую для Италіи кровь? Странно бы было изъ Москвы предпринимать ревизію надъ Пиемонтскимъ министерствомъ, придумывать для него программу и уличать его въ неаходчивости, когда, конечно, оно было заинтересовано болѣе чѣмъ кто нибудь въ предупрежденіи междоусобной схватки. Къ тому же мы знаемъ, что въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, убѣжденія, предостереженія, уступки, ласки, угрозы, словомъ всѣ средства были употреблены въ дѣло—къ несчастью, безъ успѣха. Кого жъ винить? Винить ли Гарибальди за то, что народная волна, поднявшая его на высоту историческаго дѣятеля, не улеглась передъ холмами Рима и лагунами Венеціи? Винить ли его за то, что сердце его и вся Италія твердили: *«мало»*, когда Императоръ Французовъ рѣшилъ про себя, что *довольно*. Нако-

*) Юрія Федоровича Самарина. Прил. изд.

нецъ, винить ли его за то, что онъ не измѣнилъ своей вѣрѣ, той вѣрѣ, которая наканунѣ воскресила его родину, передъ этимъ поднала изъ гроба Грецію и рапо или поздно воскресить Славяпъ?

«Двѣ силы правятъ судьбами народовъ: творческая сила безотчетнаго вдохновенія, пробивающая для исторіи новыя пути, раздвигающая ея поприще, вводящая новыхъ дѣятелей на смѣну старыхъ,—и сила умирающаго разчета, приводящая въ стройность и закрѣпляющая плоды народнаго творчества. Бываютъ минуты, когда желанное равновѣсіе между этими двумя силами нарушается, вслѣдствіе дѣлой совокупности непредотвратимыхъ условій, завѣщанныхъ настоящему отжившими поколѣніями. Въ подобныхъ случаяхъ — жертвы неизбежны. Хотя старая поговорка и гласитъ: горе побѣжденнымъ! но дѣло въ томъ, что въ историческихъ тяжбахъ, побѣда не всегда остается на сторонѣ того, кто удерживаетъ за собою поле битвы и подбираетъ добычу. Часто, окончательное торжество дѣла требуетъ цѣлаго ряда поражений. Вспомнимъ, сколько частныхъ возстаній, неудачныхъ порывовъ къ свободѣ и безразсчетныхъ вспышекъ, залитыхъ кровью, должна была явить Греція, какъ бы въ доказательство своей живучести, прежде чѣмъ она одолѣла долготерпѣливое равнодушіе Европы и завоевала ея сочувствіе. Можетъ быть, тѣмъ же путемъ, усыпаннымъ развалинами и трупами, предстоитъ теперь пробиваться и другимъ племенамъ. Можетъ быть, въ настоящемъ случаѣ поражение Гарibaldi подвинетъ дѣло окончательнаго возстановленія независимой Италіи въ ея естественныхъ границахъ усиѣншиѣе и быстрѣе, чѣмъ случайная удача. Побѣда, одержанная Пиемонтскимъ правительствомъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя налагаютъ на побѣдителя нравственную обязанность оправдать свое торжество передъ побѣжденнымъ, и потому, окончено ли политическое поприще Гарibaldi или нѣтъ, правительство вынуждено будетъ принять отъ него, признать своимъ и поднать еще выше знамя, выпавшее изъ его рукъ»...

Конечно, только принявъ отъ Гарibaldi посланничество народной воли, можетъ Пиемонтское правительство возстановить значеніе законной власти, спасти единство Италіи и изгладить невольное оскорбленіе, нанесенное имъ чувству

практическаго благоразумія. Горе той политической мудрости, которая опрометчиво попираетъ нравственныя требованія народа, которая не съумѣетъ уловить историческую минуту, когда самое дерзкое безотчетное чаяніе способно обратиться въ дѣйствительность, мечтательное — сдѣлаться неотложною необходимостью, казавшееся несбыточнымъ — стать жизненною правдою!.. И съ этимъ словомъ, мы переходимъ къ Сербіи...

На Сербію обращены теперь взоры всѣхъ племенъ Славянскихъ, стонущихъ подъ Турецкимъ игомъ; къ ней устремляются упованія Болгаръ и Босняковъ, на ея помощь рассчитываютъ утомленные въ борьбѣ Герцеговаки и Черногорцы. Подними она знамя возстанія, и Славяне въ Турціи встанутъ, какъ одинъ человѣкъ. Дѣйствительно, изъ всѣхъ Славянскихъ племёнъ, всего удобнѣе сгруппироваться Сербскому племени, — и если надежды прочихъ Славянъ могутъ еще казаться несбыточными политическими снами, то прочное освобожденіе Сербскаго народа вовсе не принадлежитъ къ разряду мечтаній!

Сербскій народъ въ полномъ вооруженіи, въ страстномъ напряженіи силъ, ждетъ мановенія своего князя къ открытому возстанію и къ рѣшительной битвѣ.... Что же князь Михаилъ? Время дорого, нельзя безнаказанно играть возбужденіемъ чувствъ народныхъ, то поднимать, то спускать жаръ патриотизма на потребное для правительственныхъ соображеній число градусовъ. Нѣтъ ничего безотраднѣе обманутыхъ ожиданій и напрасныхъ напряженій: за ними неминуемо слѣдуетъ ослабленіе и упадокъ духа. Что же держитъ князя Михаила?.. Дипломатія, собственная нерѣшительность, и — къ несчастію — притязаніе на политическую мудрость, на политическое *somme il faut*, притязаніе быть правителемъ благоустроеннаго государства, когда онъ долженъ быть вождемъ юнакомъ цѣлаго народа-юнаковъ *)!

*) Юнакъ — витязь, удалецъ, молодець.

Сербія, по нашему мнѣнію, шла въ послѣднее время довольно ложнымъ путемъ развитія. Въмѣсто того, чтобъ устремить всѣ силы и всѣ помыслы къ достиженію одной единственной цѣли, т. е. освобожденія всего Сербскаго племени,— Сербія, или, лучше сказать, ея правительство старалось поскорѣе перенять внѣшнія формы Европейской гражданственности и придать себѣ видъ благоустроеннаго сложившагося государства. Прямо отъ первобытныхъ формъ быта, суда и расправы, оно круто перешло къ формамъ и приемамъ старой Европейской администраціи, обзавелось бюрократіей, «апелляціоннымъ» и «кассационнымъ» судомъ, министерствомъ и всевозможными присутственными мѣстами. Все это, по нашему мнѣнію, было преждевременно и во многомъ ослабляло Сербію: оно подрывало въ ней прежнюю непосредственную, нѣсколько дикую силу народности, и не дало, да и не могло еще дать ей, въ замѣнъ, силы правильно и прочно организованныхъ государствъ. Эта правительственная атмосфера къ счастью освѣжается отъ времени до времени народными скупщинами (собраціями) чисто Славянскаго устройства, по и сюда правительство уже впустило (какъ это было на послѣдней скупщинѣ) начало регламентаціи, нарушающей ихъ истинный, народный характеръ и грозящей обратить ихъ въ какое-то жалкое Европейское представительство. Государство въ Сербіи слишкомъ молодо и слабо: въ ней вся сила и крѣпость въ народѣ; спасетъ Сербію, конечно, не ея государственныи механизмъ, не регулярная армія, плохо обученная, а народъ, въ которомъ всякій мужчина юнакъ и воинъ. Ошибка Сербскаго правительства и князя состоитъ, какъ намъ кажется, именно въ томъ, что они слишкомъ много придаютъ значенія силѣ своей правительственной механики. Видя дѣйствительную слабость своего новорожденнаго государственнаго организма, они теряютъ вѣру въ силы самаго Сербскаго народа, въ дѣйствіе народнаго энтузіазма; они забываютъ, что единственное спасеніе Сербіи теперь въ томъ, что не укладывается въ формы внѣшняго благоустройства,—какъ понимаетъ его западная Европа, а именно: въ простотѣ формъ народнаго гражданскаго быта, въ духѣ юначества, еще къ счастью живущемъ въ народѣ. Мы нисколько, разумѣется, не теряемъ надежды на

Сербскій народъ, но указали только на ошибки правительства и на причины нерѣшительныхъ дѣйствій князя Михаила. Такъ, напримѣръ, едва ли не ошибку сдѣлало Сербское правительство, не воспользовавшись бомбардированіемъ Бѣлграда и не допустивши народъ къ немедленному овладѣнію крѣпостью. Какъ ни сильны ея твердыни, какъ ни искусны артиллеристы Турецкаго гарнизона (къ несчастію, большею частью Поляки и Мадьяры), но нѣтъ сомнѣнія, крѣпость не выдержала бы приступа вознегодовавшаго Сербскаго народа! Если бы Сербы заняли крѣпость и истребили Турецкій гарнизонъ, дѣло дипломатіи было бы легче и ей пришлось бы только признать совершившійся фактъ—*le fait accompli*.

Пусть же князь Михаилъ вспомнить своего недавно умершаго доблестнаго отца, «Стараго Милоша», совершившаго свой безсмертный подвигъ вторичнаго освобожденія Сербіи—съ средствами ничтожѣйшими, нежели тѣ, которыми теперь располагаетъ его сынъ!..

Впрочемъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, князь приказалъ созвать скупштину и передать вопросъ о войнѣ на рѣшеніе Сербскаго народа, сдѣлавъ народъ и отвѣтственнымъ за всѣ послѣдствія его рѣшенія. Конечно, это лучшее, что можетъ теперь сдѣлать князь въ своемъ положеніи, — но жаль, что онъ рапѣе не прибѣгъ къ этой мѣрѣ и тѣмъ упустилъ, можетъ быть, много благоприятнаго времени...

Турція готовится къ отчаянной защитѣ; положеніе обѣихъ сторонъ такъ натянуто, вражда противниковъ такъ расналена, что если теперь дипломаты и успѣютъ отвратить взаимное объявленіе правильной законной войны, то не отвратятъ они беззаконнаго взрыва насильственно сдержанныхъ вулканическихъ стихій Славянской пародной почвы, со всѣми его бѣдствіями и ужасами. Дипломаты, отказываясь разрѣшить Восточный вопросъ мирнымъ путемъ конференцій, ускоряютъ его насильственную развязку, и не только не предупреждаютъ народныхъ бѣдствій, но вызываютъ, накликаютъ ихъ на тѣхъ, кого взялись охранять. Изъ тѣхъ свѣдѣній, какія мы имѣемъ о Цареградскихъ конференціяхъ, видно, что требованія Порты, Англіи и Австріи взяли перевѣсъ надъ требованіемъ Россіи и Франціи—относительно срытія Бѣлградской крѣпости. Что доставило этотъ перевѣсъ, мы не знаемъ,

и ясно не понимаемъ: настойчивость и рѣшимость Англій и Австрій не могли быть подкрѣплены никакими положительными угрозами; обѣ державы въ равной степени не желаютъ Европейской войны и не готовы къ ней, какъ и Россія и Франція—слѣдовательно угрозы не могутъ быть страшны. Англія, конечно, можетъ тайно снабжать Турцію денежными субсидіями, но не въ правѣ открыто помогать ей, не нарушая Парижскаго трактата. Австрія же, если бы и вздумала ввести въ Бѣлградскую крѣпость Австрійскій гарнизонъ, вмѣсто Турецкаго, можетъ быть легко обуздана...

Изъ прилагаемаго ниже письма изъ Бухареста—читатель увидитъ положеніе дѣлъ въ Болгаріи. Оно невыпосимо, и Турецкій фанатизмъ готовитъ намъ и въ Европейской Турціи повтореніе Сирійской рѣзни.

Покуда Сербія недоумѣваетъ, покуда прочіе Славяне страдаютъ, ждуть и еще продолжаютъ смиряться, Черногорцы одни приняли на себя всю тяжесть убійственной кровопролитной войны съ громадными Оттоманскими полчищами, и безъ помощи, безъ снарядовъ совершаютъ истинно изумительные подвиги мужества и терпѣнія. Только ненависть Латинно-Германскаго міра къ міру Славянскому можетъ объяснить холодное равнодушіе Европы къ подвигамъ мученичества Православныхъ Христіанъ на Востокъ, отстаивающихъ свою вѣру и независимость противъ магометанскаго варварства и тираніи. И неужели же должны погибнуть наши единоплеменники и единовѣрцы въ ихъ священной борьбѣ за то, что и для насъ всего святѣе въ мірѣ!... А онъ погибнетъ, весь, до одинаго человѣка, этотъ малочисленный Черногорскій народъ, онъ будетъ подавленъ Азіатскими ордами,—если не протянуть ему руку спасенія. По послѣднимъ извѣстіямъ борьба продолжается. Мужество Черногорцевъ не слабѣетъ, но ряды ихъ рѣдѣютъ отъ множества убитыхъ и раненыхъ, и боевые припасы истощаются...

И такъ на одномъ краю уже пылаетъ война, и зарево пожара готово объять все Православное Славянское христіанство. Турки предаются бѣшеной мести, жгутъ, грабятъ, рѣжутъ, срамаютъ дѣтей, безчестятъ женъ и дѣвицъ. Наши

единовѣрцы и единоплеменники, поднявшіе знамя борьбы за Православную Церковь и за избавленіе отъ магометанскаго ига, истекають кровью, не видя ни откуда ни помощи, ни ободренія. Поля ихъ разорены, да и некогда ихъ обработывать, — припасы и снаряды истрачены, имъ грозитъ голодъ, и въ случаѣ пораженія еще худшее рабство.... Мы ли не Христіане, мы ли не Православные, не Русскіе, не Славяне? Забудемъ ли мы святая обязанности духовнаго и кровнаго братства?...

Если Россія по разнымъ, безо всякаго сомнѣнія уважительнымъ причинамъ, не можетъ помочь Православнымъ Славянамъ непосредственнымъ участіемъ въ борьбѣ, то пошлемъ имъ денежное пособіе, въ которомъ они такъ нуждаются....

Въ «Journal de St. Pétersbourg», официальномъ органѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и въ газетѣ «Современное Слово» уже открыта подписка въ пользу разоренныхъ и бѣдствующихъ Черногорцевъ, а также въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Современной Лѣтописи». Временная приостановка «Дня» помѣшала Редакціи и Славянскому Комитету, которому «День» служитъ органомъ, приступить ранѣе къ подобной же подпискѣ, которую открыть давно рѣшила Редакція. Теперь же отъ имени Славянскаго Комитета и отъ имени Редакціи «Дня», по ея желанію, объявляемъ:

Подписку въ пользу бѣдствующихъ Православныхъ Славянъ, отстаивающихъ свою вѣру и независимость.

Мы возлагаемъ особенную надежду на наше Русское торговое сословіе, всегда щедрое и великодушное, когда дѣло идетъ о благѣ церкви и страждущихъ братьевъ. Приношенія могутъ присылаться и доставляться — или прямо въ Редакцію «Дня», или же къ нижеподписавшемуся секретарю Славянскаго Комитета, или же на имя временнаго предсѣдателя Славянскаго Комитета, М. П. Погодина (въ собственномъ домѣ на Дѣвичьемъ Полѣ). Кромѣ того желающіе могутъ адресовать свою денежную помощь: въ Харьковѣ профессору П. А. Лавровскому; въ Киевѣ — Д. С. С. Михаилу Владиміровичу Юзефовичу; въ Тифлисѣ Генераль-Маіору Иванецкому, — отъ которыхъ деньги будутъ пересылаться въ Ре-

дакцію «Дня». Обо всѣхъ полученныхъ пожертвованіяхъ (записываемыхъ въ особо заведенную шнуровую книгу) будетъ немедленно опубликовано, а также и о времени отсылки денегъ къ Славянамъ, на мѣсто битвы. Начинаемъ....

1864 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ.)

Москва, 28 марта.

Недавно Morning Post, одинъ изъ значительныхъ органовъ Англійской журналистики, слывущій въ то же время органомъ лорда Пальмерстона, пугнулъ всю Европу призракомъ воскрешающаго Священнаго Союза,—т. е. того тѣснѣйшаго союза между правительствами Австрійскимъ, Русскимъ и Прусскимъ, который лѣтъ сорокъ сряду владычествовалъ надъ народами Европы и былъ наконецъ подорванъ Восточной войною. Вызывая изъ могилы такое грозное привидѣніе, Англійское министерство имѣло въ виду—раздраженіемъ противъ Россіи національнаго чувства Французовъ и возбужденіемъ общественнаго негодованія въ Европѣ предупредить возможность всякой коалиціи между тремя Сѣверными великими державами и парализировать дружный напоръ Австріи и Пруссіи на беззащитную Данію. Дѣйствіе, произведенное статьею газеты Morning Post, было такъ сильно, впечатлѣніе такъ серьезно, что всѣ три Сѣверныя державы поспѣшили оправдаться передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы и отречься отъ всякаго помысла о подобномъ союзѣ... Русскимъ читателямъ, вѣроятно, памятна статья, напечатанная по этому случаю въ Journal de St.-Petersbourg, гдѣ высказано прямо, энергически, повидимому съ искреннимъ негодованіемъ, съ чувствомъ глубоко оскорбленнаго достоинства, что Священный Союзъ, какъ «заговоръ правительствъ противъ свободы народовъ» (такъ чествялъ его Европейскіе публицисты), уже болѣе невозможенъ въ наше время и долженъ уступить мѣсто союзу правительствъ и народовъ на пользу цивилизаціи, просвѣщенія, правильнаго прогресса и проч. и

проч. и проч. Такими и подобными разсужденіями въ откѣнно-либеральномъ смыслѣ старался Journal de St.-Petersbourg успокоить встревоженные умы Европы.

Вчитываясь съ особеннымъ удовольствіемъ въ статью помѣщенную въ Journal de St.-Petersbourg и восхваляя мудрость Русскаго правительства, призвавшаго отреченіе отъ Священнаго Союза съ Австріей и Пруссіей нужнымъ и благовременнымъ, мы радовались такому гласному заявленію, такому торжественному со стороны кабинетовъ признанію сего Союза—дѣломъ.... тяжелой памяти для народовъ!... Самъ по себѣ, впрочемъ, союзъ съ сосѣдними государствами не могъ бы, казалось, представлять ничего предосудительнаго; напротивъ, добрыя отношенія къ сосѣдямъ обуславливаютъ миръ и спокойствіе, необходимыя для внутренняго преуспѣванія: это истина старая, всѣмъ извѣстная. Отъ этого, казалось бы, и отказываться нечего, да и ни для кого, по видимому, въ подобномъ положеніи дѣлъ не можетъ быть повода къ тревогѣ и опасеніямъ... Отъ чего же отрекалась Россія, по смыслу статьи Journal de St.-Petersbourg?

Отъ идеи Священнаго Союза, отъ принципа непремѣнной политической солидарности Россіи съ Австріей и Пруссіей. отъ *круговой поруки*, которая, по плану союзниковъ, должна была связать и связывала нѣкогда эти три великія державы, дѣлала ихъ отвѣтственными другъ за друга и за цѣлость владѣній каждой изъ нихъ,—устанавливала между ними единство политическихъ взглядовъ, общность правительственной системы и правительственныхъ воззрѣній на нравственное и умственное развитіе подвластнаго имъ человѣчества... Вотъ отъ чего счелъ нужнымъ и поспѣшилъ отречься Русскій кабинетъ чрезъ Journal de St.-Petersbourg! Въ самомъ дѣлѣ, въ силу этой круговой поруки, Россія въ продолженіи долгаго времени господствовала своимъ вліяніемъ въ Германіи почти полновластно, берегла и блюла Германское, не только вѣншнес, но и внутреннее *statu quo*, какъ будто ей нѣчто дорогое и близкое, — и таковою неослабною заботливостью объ интересахъ Нѣмецкихъ государствъ возбудила къ себѣ дружную неприязнь Германскаго общества. Понятно, что мысль о возобновленіи этой опеки, еще живущей въ памяти Германскаго населенія и олицетворившейся въ образѣ знаме-

никого Священнаго Союза, способна была смутить и встревожить всѣхъ, когда-то состоявшихъ подъ этой опекой; и нельзя не признать, что Англійское министерство не напрасно выдвинуло впередъ, ради своихъ цѣлей, призракъ Священнаго Союза, какъ самое дѣйствительное средство. Что же касается до Россіи, то естественнымъ результатомъ Священнаго Союза, какъ круговой поруки Россіи съ Нѣмецкими державами, было, между прочимъ, враждебное отношеніе Россіи къ Славянскимъ народностямъ и невѣрное направленіе Восточнаго вопроса... Съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ, съ рыцарскою честностью послужило Русское правительство идеѣ Священнаго Союза! Эта идея сковывала насъ по рукамъ и по ногамъ не только на Западѣ Европы, но и на Востокѣ, въ Турціи, въ Дунайскихъ княжествахъ, въ нашихъ отношеніяхъ къ Славянскимъ народамъ. Благодаря ей, мы забывали, что Русскіе интересы противоположны интересамъ Австрійскимъ; что наша сила, наше значеніе въ Европѣ должно опираться преимущественно на сочувствіе къ намъ Славянскихъ народовъ, находящихся подъ властью Австрійцевъ и Турокъ; что Австрія есть злѣйшій врагъ освобожденія Славянъ даже изъ-подъ Турецкаго ига, и что слѣдовательно всякій сердечный союзъ нашъ съ Австрійскою властью только упрочивалъ это иго и отвращалъ отъ насъ симпатіи нашихъ единоплеменныхъ и большею частью единовѣрныхъ братьевъ,—нашихъ естественныхъ союзниковъ. Благодаря ей, этой идеѣ, мы отказывали въ своемъ содѣйствіи свободѣ Италіи, отстаивали Бурбоновъ въ Неаполѣ, во Франціи, и столько лѣтъ разыгрывали въ Европѣ, по Французскому выраженію, роль адвоката дѣлъ *пропавшихъ*—*avocat des causes perdues!*... Все это, болѣе или менѣе, отражалось и на внутренней жизни Россіи...

Но все это миновало, и мы, благодаря Бога, дождались того времени, когда само Русское правительство осудило предъ лицомъ всей Европы систему, воплощенную въ образѣ Священнаго Союза, и торжественно протестовало противъ взведеннаго на Россію обвиненія въ желаніи возвратиться къ этой системѣ! Осуждена солидарность съ Австріей и Пруссіей, осуждена политика, дѣлавшая насъ рыцарями легитимности въ Европѣ, защитниками механическаго равно-

вѣсія и врагами національностей! Казалось бы, теперь по праву можемъ мы надѣяться на сочувствіе всѣхъ угнетенныхъ Славянскихъ народностей...

Но старая завсаска еще долго бродить; но корни, оставшіеся въ землѣ не вполне на-чисто вырытыми, еще способны иногда пускать отростки при благоприятныхъ условіяхъ погоды и почвы. Мы признаемъ себя не въ правѣ входить въ обсужденіе современныхъ политическихъ дѣйствій Рускаго кабинета, къ тому же намъ мало извѣстныхъ,—но мы можемъ и считаемъ своею обязанностью произнести наше мнѣніе о тѣхъ соображеніяхъ, которыя Нѣмецкіе журналы въ Германіи—и въ самой Россіи—позволяютъ себѣ предлагать Русскому правительству. Въ St.-Petersburger Zeitung (№ 19 Марта) напечатана статья, которая на другой же день появилась въ переводѣ на самомъ видномъ мѣстѣ газеты *Голосъ*, съ замѣчаніемъ отъ редакціи, что «эта статья заслуживаетъ серьезнаго вниманія.» Не знаемъ, что хотѣлъ этимъ сказать *Голосъ*, но знаемъ, что общедоступность языка, на которомъ издается S.-Petersburger Zeitung, даетъ ходъ этой газетѣ въ Германіи и что статья эта будетъ, безъ сомнѣнія, замѣчена и прочтена въ Австріи и Пруссіи съ удовольствіемъ столь же великимъ, сколько велико было или будетъ, по всей вѣроятности, неудовольствіе Русскихъ читателей.

Если эта статья не упоминаетъ ни однимъ словомъ о Священномъ Союзѣ, то она тѣмъ не менѣе старается доказать необходимость *круговой поруки* и уже существующую солидарность интересовъ—на этотъ разъ не между Россією, Австрією и Пруссією, но между Россією, Австрією и *Турціей*. Нѣмецкій публицистъ пытается воскресить *Священный Союзъ* въ новой формѣ, замѣнивъ Пруссію—*Оттоманскою Портою*. *Порта*, Россія и Австрія, Австрія, Россія и *Порта*, повторяетъ на каждомъ шагу, кажется и не подозрѣвая, сколько оскорбительнаго заключается для насъ въ этомъ его сопоставленіи! Откуда же взялось это сопоставленіе? Или направленіе нашей политики не довольно рѣшительно, или знамя наше выставлено не довольно высоко и развернуто не во всю его ширину? Или, можетъ быть, и дѣйствительно въ нашей современной политикѣ есть что-нибудь дающее къ тому поводъ?

Статья, перепечатанная въ *Голосъ*, развиваетъ ту мысль, что опасность, грозящая спокойствію Европы отъ Шлезвигъ-Голштинскаго вопроса—ничто въ сравненіи съ опасностями, созрѣвающими для Европы въ Дунайскихъ княжествахъ. Авторъ сильно нападаетъ на князя Кузу и его правительство за гостепріимство, оказанное вождамъ космополитической революціи,—указываетъ на затѣваемые въ княжествахъ Кошутомъ, Клапкой, Тюрромъ приготовленія, на подвозъ оружія Французскими судами, на цѣлый составлющійся тамъ «арсеналъ, предназначенный для нападенія на пограничныя государства» (стало быть и Турціи? Мы понимаемъ негодованіе автора при мысли о нападеніи на Россію, даже на Австрію, но желали бы знать, почему собственно онъ заботится о Турціи?) «Князь Куза, говоритъ онъ, попираетъ Парижскій трактатъ, попираетъ всѣ трактаты, попираетъ права своего верховнаго государя (т. е. Турецкаго Падишаха? Жаль только, что Нѣмцы не распространяютъ такого же уваженія легитимности на права верховнаго государя Шлезвигъ-Голштейна, т. е. Датскаго короля). «Неужели, продолжаетъ авторъ, Россія, *Порта* и Австрія должны быть спокойными зрительницами, когда на ихъ границахъ роютъ подкопъ, и пр.? Это невозможно! *Порта*, Россія и Австрія не могутъ спокойно смотрѣть на происки въ Дунайскихъ княжествахъ... рано или поздно онъ должны будутъ принять энергическія мѣры» и т. д.

И такъ Нѣмецкая Санктпетербургская газета признаетъ до такой степени тождественными интересы магометанской *Порты*, православной Россіи и католической Австріи, что приглашаетъ ихъ даже дѣйствовать вмѣстѣ, не только для охраненія границъ Россіи и Австріи, но и для огражденія цѣлости Турціи и правъ «верховнаго государя»—Турецкаго Султана! И должно сознаться, что подобное мнѣніе вообще въ ходу въ Австрійской журналистикѣ, да и нѣкоторые Русскіе публицисты начинаютъ уже указывать, хотя еще только намеками, на необходимость тѣснѣйшаго сближенія съ Австріей—но крайней мѣрѣ въ настоящее время... Необходимость эту доказываютъ они обыкновенно солидарностью нашею съ Австріей въ дѣлѣ *Польскомъ* (роковое послѣдствіе совмѣстнаго съ Австріей дѣлежа Польши), и настоятельною

нуждою стать вмѣстѣ противъ современныхъ революціонныхъ кововъ, которымъ театромъ служатъ теперь Дунайскія княжества.

Неужели однако не видятъ защитники тѣснѣйшаго сближенія съ Австріей, къ чему неминуемо должно привести насъ это сближеніе? Къ тому, чтобъ отстаивать существующее *statu quo* въ Турціи—нужное для видовъ Австрійской политики! Къ тому, чтобъ отворотить отъ насъ вновь симпатію народовъ Славянскихъ, угнетаемыхъ Турціей, довести ихъ до отчаянія и толкнуть ихъ въ готовые объятія Франціи и Англіи! Къ тому, чтобъ потерять значеніе, которое мы имѣемъ на Востокѣ и котораго главное основаніе лежитъ въ единоплеменности и единовѣрїи нашемъ съ 8 милліонами Турецкихъ подданныхъ. Къ тому, чтобы разрѣшеніе Восточнаго вопроса передать окончательно въ руки Франціи и Англіи, которыя уже умѣли воспользоваться затрудненіями, порожденными для насъ Польскимъ вопросомъ, и къ которымъ уже и теперь начинаютъ обращаться, съ мольбой и надеждой, взоры Болгаръ, Сербовъ, Босанцевъ, Черногорцевъ. Къ тому, наконецъ, чтобъ пробудить къ намъ антипатію со стороны всего, что свободно или любитъ свободу, чтобъ навлечь на насъ подозрѣніе Франціи и Англіи, чтобъ накликать на насъ вновь Восточную войну и заставить насъ вновь испытать предательство Австріи! Вотъ результаты того сближенія, которое рекомендуютъ намъ Нѣмецкіе политикопублицисты. Но неужели въ самомъ дѣлѣ Россія должна пожертвовать интересами своими на Востокѣ — интересамъ своимъ въ Польшѣ и на алтарѣ Польши заклять свое призваніе, какъ Славянской державы? Неужели дѣйствительно Россія поставлена въ такую безвыходную дилемму: что домогаясь выгоднаго для себя рѣшенія Польскаго вопроса—она опускаетъ изъ своихъ рукъ вопросъ Восточный; домогаясь достиженія цѣлей своихъ на Востокѣ, она проигрываетъ въ Польшѣ? Неужели Польскій и Восточный вопросы находятся въ прямомъ противорѣчїи между собою,—и такъ какъ теперь на первомъ планѣ стоитъ вопросъ Польскій, то неужели для удовлетворительнаго его разрѣшенія, намъ нѣтъ никакого другаго выхода изъ этого *sercic visieux*, въ который мы поставлены—какъ союзъ Австріи, какъ сліяніе нашихъ госу-

дарственныхъ интересовъ съ Австрійскими, а слѣдовательно и удержаніе Славянъ подъ Турецкимъ игомъ, согласно требованіямъ Австрійской политики??.

Мы думаемъ, что есть возможность и другаго исхода... Дѣло въ томъ, что между интересами Россіи въ Польшѣ (правильно понимаемыми) и интересами Россіи на Востокъ въ сущности нѣтъ и вовсе не должно быть той противоположности, которую сочинили себѣ Нѣмецкіе, а можетъ быть и нѣкоторые Русскіе политики-публицисты. Мы убѣждены даже, что правильное разрѣшеніе Восточнаго вопроса обусловливаетъ правильное разрѣшеніе и вопроса Польскаго, и наоборотъ. Во всякомъ случаѣ эти два вопроса тѣсно связаны между собою и могутъ быть разрѣшены, по нашему мнѣнію, только на основаніи одного и того же принципа... Въ противномъ случаѣ Россіи дѣйствительно предстоитъ лишь одно: сближаться съ Австріей *ради* солидарности интересовъ въ Польскомъ дѣлѣ, отречься навсегда отъ своего Славянскаго призванія и отъ всякаго значенія на Дунаѣ, Черномъ морѣ и вообще на Востокъ и взамѣнъ того—все больше и больше сливаться своими интересами съ интересами враждебныхъ Славянству государствъ... Желательно ли это для Россіи?..

Солидарность съ Австріей и Пруссіей въ Польскомъ дѣлѣ!.. По нашему мнѣнію, намъ слѣдовало бы избавиться отъ этой солидарности. Вопросъ Польскій долженъ быть поставленъ для Россіи совершенно *иначе*, чѣмъ для Австріи и Пруссіи. У насъ съ Польшею свои историческіе счеты, совершенно не Пруссіе и Австрійскіе. Слѣдовательно и ликвидація или погашеніе нашихъ счетовъ должно совершиться совершенно независимо отъ этихъ державъ, внѣ всякой заботы объ интересахъ Австріи и Пруссіи въ Галиціи и Познани. Такъ, напримѣръ, Россія призвала къ новой жизни 3½ милліона Польскихъ крестьянъ и придала черезъ то новую силу Польской народности: такая мѣра, думаемъ мы, или окончательный результатъ ея—находится въ прямомъ противорѣчьи съ видами Пруссіи, ищущей не оживить, а онемечить у себя Польскую народность.

Постараемся формулировать нашу мысль яснѣе. Ее можно выразить въ слѣдующихъ тезисахъ:

I. Основаніе, на которомъ въ настоящее время поставленъ у насъ Польскій вопросъ, налагаетъ на Русскую политику (по мнѣнію нѣкоторыхъ публицистовъ) тѣсную—невольную—солидарность съ политикою Австрійской.

II. Солидарность съ Австріей, какъ показано выше, противорѣчитъ, по нашему мнѣнію, всѣмъ интересамъ Россіи,—особенно на Востокѣ; отвращаетъ отъ насъ симпатіи народовъ, направляетъ къ вредному для насъ исходу Восточный вопросъ, передаетъ этотъ жизненный для насъ вопросъ въ руки Англіи и Франціи, заставляетъ насъ измѣнить своему долгу, своему историческому призванію, какъ Славянской державы....

III. Слѣдовательно, мы должны бы, кажется, стараться всѣми мѣрами освободить свою политику отъ этой роковой солидарности съ Австріей. Для этого намъ казалось бы необходимымъ:

IV. Отыскать для Польскаго вопроса иное основаніе, нежели то, на какомъ онъ стоитъ въ Пруссіи и Австріи, и именно такое, которое бы не осуждало насъ на солидарность съ политикою этихъ Нѣмецкихъ державъ, и

V. въ тоже время не становило бы Польскаго вопроса намъ поперекъ—въ разрѣшеніи вопроса Восточнаго, въ дѣлѣ освобожденія Славянскихъ племенъ въ Турціи. Прискать такое основаніе, — какъ средство избавиться отъ внутренняго противорѣчія по отношенію къ Польскому и Восточному вопросамъ — вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, лежитъ теперь задача для нашей публицистики.

Что касается до Дунайскихъ княжествъ, то нельзя не замѣтить, что отношеніе наше къ вопросу о монастырскихъ имуществвахъ ослабило повидимому наше значеніе въ княжествахъ и расположило къ намъ непріязненно Румынское населеніе. Читателямъ уже извѣстенъ нашъ взглядъ на дѣло объ имуществвахъ: мы не считаемъ справедливыми притязанія фанариотовъ, и если не можемъ хвалить способа дѣйствій князя Кузы, то тѣмъ не менѣе думаемъ, что Россіи, а не кому другому, слѣдовало бы стать во главѣ національнаго дѣла въ Румынскихъ княжествахъ и руководить ихъ своимъ законнымъ и естественнымъ вліаніемъ: мы смѣемъ думать, что при такомъ образѣ дѣйствій со стороны Россіи, не имѣла бы

тамъ успѣха ни латинская, ни революціонная пропаганда. Посмотрите на дѣйствія Англіи: какъ сильно сначала возставалъ Англійскій кабинетъ противъ отнятія монастырскихъ имуществъ, защищая Грековъ и интересы Порты, и потомъ, сдѣлавъ крутой поворотъ, сталъ на сторону княжествъ, вмѣстѣ съ Франціей... О перемѣнѣ политики Англіи въ отношеніи къ Славянамъ, о пробудившемся вдругъ сочувствіи Англичанъ къ Сербамъ, уже не разъ было засвидѣтельствовано и рѣчами въ парламентахъ и журналами. Но этого мало. Наполеонъ III—въ Восточномъ вопросѣ становится также на сторону «народовъ» и «національнаго дѣла», и такимъ образомъ какъ будто оттеръ насъ (позволимъ себѣ это выраженіе) отъ того мѣста, которое принадлежитъ намъ по праву. Что же мы-то выиграемъ отъ сближенія съ Нѣмцами? То, что на нашей Южной границѣ, между Славянами, на Дунаѣ, въ княжествахъ, въ Сербіи, утвердятся враждебное намъ вліяніе и занимаютъ крѣпкую позицію Англія и Франція. То, что чистое дѣло освобожденія народностей смѣшано съ нечистымъ дѣломъ космополитической революціи,—то наконецъ, что отпаденіе Венгріи отъ Австріи выходитъ для нашей политики опаснымъ дѣломъ и что все тѣснѣе и уже стагивается узелъ нашей солидарности съ Австріей!...

Будемъ надѣяться, что наша дипломатія, съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ поддержавшая въ прошломъ году честь Русскаго имени въ Европѣ, сѣмъетъ и на этотъ разъ оцѣнить и поддержать истинные интересы Россіи и не поставитъ ее въ противорѣчіе съ ея Славянскимъ призваніемъ въ исторіи человѣчества.

Москва, 30 Мая.

Вы за кого, читатель? За Аугустенбургскаго или за Ольденбургскаго? Или, быть можетъ, вы вовсе не допускаете отдѣленія Шлезвигъ-Гольштейна отъ Датскаго королевства? Или же вы, хотя и допускаете отдѣленіе, но только Гольштейна и половины Шлезвига, а другую половину оставляете Даніи? При томъ вы, вѣроятно, никакъ не хотите, чтобы отдѣленный Шлезвигъ-Гольштейнъ увеличилъ собою владѣнія

Пруссія, или вошелъ въ составъ Германскаго союза, — никакъ! Усмиленіе Германской конфедераціи! Въ самомъ дѣлѣ страшно — за Россію страшно, не правда ли? Да еще, пожалуй, Пруссія приберетъ къ своимъ рукамъ Киль... Вы ужь, конечно, на это не согласитесь, читатель, — вы встревожены замыслами Пруссіи, — да къ тому-жъ вѣдь не можете вы не чувствовать никакого влеченія къ Голштиніи, не можете же вы оставаться равнодушнымъ къ извѣстнымъ Русскимъ правамъ на эти Нѣмецкія области? Развѣ Голштинія ничего не говоритъ вашему сердцу?... Увы, читатель, ничего она не говоритъ вашему черствому сердцу, равнодушны вы къ Русскимъ извѣстнымъ правамъ, какъ ни горячатся изъ-за нихъ нѣкоторые публицисты, — да по правдѣ сказать, ничего она не говоритъ и нашему сердцу: *День* даже и не отозвался до сихъ поръ ни однимъ словомъ на Датско-Германскій вопросъ. Мы даже и не понимаемъ ясно, что за дѣло Россіи до Шлезвигъ-Гольштейнской путаницы, и какая опасность грозитъ Россіи отъ того, что Нѣмецкій Bund приметъ въ свои дряхлыя объятія Шлезвигъ-Гольштейнъ, хотя бы и съ морскою пристанью Килемъ? Опасна намъ не Германія, а германизмъ; опасны не Нѣмецкія государства, а Нѣмецкая государственность, — то Нѣмецкое государственное искусство, *deutsche Staatskunst*, о которомъ съ такою гордостью говоритъ Дерптскій *Tagesblatt* въ своемъ отвѣтѣ на статью *Московскихъ Вѣдомостей*. «Мы не менѣ Русскихъ участвовали въ созданіи Россійской имперіи, восклицаетъ эта газета, — Россійская имперія запечатлѣна Нѣмецкою кровью, Нѣмецкимъ разумомъ, Нѣмецкимъ государственнымъ мастерствомъ»... Спорить съ Дерптскою газетою мы нисколько и не намѣрены, и обратимся снова къ Датско-Германскому вопросу. Менѣ опасности представляетъ намъ стремленіе самой Германіи къ государственному единству, чѣмъ наше собственное стремленіе къ вмѣшательству въ ея политическія дѣла. Переносить центръ тяжести нашей политики на Германію — намъ кажется совершенно невыгоднымъ для интересовъ Россіи. Не на безсиліи сосѣдей должны мы основывать нашу силу, — и забота о политическомъ равновѣсіи Европы можетъ быть совершенно чужда Русскому государству, для котораго ничье политическое преобладаніе не

страшно, если оно (т. е. государство) съумѣетъ устранять всѣ причины внутренней своей слабости и уврачевать развѣдающіе его недуги. Центрѣ тяжести нашей внѣшней политики, по нашему мнѣнію, долженъ быть на Востокѣ, и всякое отвлеченіе нашего вниманія отъ дѣлъ восточныхъ, всякія дипломатическія комбинаціи, имѣющія исключительно въ предметѣ — или установленіе солидарности съ Германскими государствами, или безкорыстное упроченіе благосостоянія Германцевъ, или правильное и равномерное, внутри самой Германіи и для ея блага, размѣщеніе Нѣмецкихъ силъ, или удержаніе Европейскаго *status quo* и мнимогаго политическаго равновѣсія, — всѣ подобныя заботы только отдаляютъ насъ отъ исполненія нашего настоящаго призванія на Востокѣ. Что намъ за дѣло до того, будетъ ли Наполеонъ владѣть берегами Рейна, или нѣтъ? Какой отъ того ущербъ для Россіи? Намъ приличнѣе заботиться о Дунаѣ, нежели о Рейнѣ, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что наши попеченія о чуждомъ намъ Рейнѣ повредили бы нашимъ интересамъ на родномъ намъ Дунаѣ. Повредили бы они намъ во всѣхъ отношеніяхъ: и потому, что раздражили бы безъ надобности ту дежаву, которая, въ отмщеніе, можетъ удобнѣе всего испортить наше положеніе на Востокѣ, — и потому, что дружеская связь съ Нѣмецкими державами, солидарность съ Германскими интересами уже сама по себѣ способна сковать нашу дѣятельность на Востокѣ, дать анти-Славянское направление всей нашей внѣшней политикѣ.

А дѣла на Востокѣ обстоятъ для насъ болѣе чѣмъ не благополучно, — и можно, кажется, предсказать, что чѣмъ тѣснѣе будетъ нашъ союзъ съ Австріей и Пруссіей, тѣмъ слабѣе будетъ наше значеніе на Востокѣ; чѣмъ усерднѣе будемъ мы вмѣшиваться въ интересы Германіи, тѣмъ болѣе будемъ мы отстранены отъ интересовъ намъ совершенно близкихъ, родныхъ, кровныхъ, на Дунаѣ и за Дунаемъ. Никто изъ Русскихъ, конечно, не станетъ спорить, что положеніе православнаго Славянскаго міра касается насъ нѣсколько ближе, чѣмъ интересы Италіи или Германіи. Вопросъ Дунайскій въ настоящую минуту неизмѣримо важнѣе для Россіи Шлезвигъ-Гольштейнскаго вопроса, и мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что имѣя представителя Русской державы не

только во Франкфуртѣ, но—еще очень недавно—даже при дворѣ Римскаго Папы (съ такою безумною, но честною откровенностью возвѣстившаго въ слухъ всему міру презрѣніе, ненависть и злобу латинства къ православной Россіи),—мы въ то же время не имѣемъ посланника въ Царьградѣ, уступая такимъ образомъ свободное поле напору Франціи и Англіи на Турокъ и на Славянъ. Нельзя не пожелать, чтобъ хоть нѣкоторая доля той энергіи, которую проявила Россія въ сношеніяхъ своихъ съ Европою по случаю Польскихъ дѣлъ, была приложена и къ нашей политикѣ на Востокѣ.

Наши газеты цѣлаютъ негодованіемъ на Молдаво-Валашскаго государя за его продѣлку 2 Мая. Князь Александръ Іоаннъ I, или по просту князь Куза, разыгралъ на своемъ маленькомъ театрѣ роль Наполеона III-го, своего образца и покровителя. Слѣдовательно, о нравственности поступка тутъ не можетъ быть и рѣчи; по нельзя не отдать справедливости Кузѣ, что онъ исполнилъ свою роль довольно искусно и необыкновенно смѣло. Можно ли было бы когда ожидать, что въ то время, когда мы съ такою добросовѣстностью блюдемъ условія Парижскаго трактата, не пытаемъ даже порвать ихъ,—Дунайскія княжества,—тѣ самыя Дунайскія княжества которыя, такъ сказать, взлелѣяны подъ нашимъ крыломъ,—безъ всякой церемоніи и безъ нашего спроса, нарушатъ конвенцію, основанную на этомъ же Парижскомъ трактатѣ и дерзко разширятъ свою власть и силу—къ совершеннѣйшему изумленію большей части гарантирующихъ державъ, — къ ущербу Турецкаго верховнаго господства и отчасти даже къ нашей невыгодѣ? Этого, конечно, нельзя было и ожидать, но важно для насъ не усиленіе Дунайскихъ княжествъ и не государственные продѣлки Кузы,—а то странное положеніе, въ которое такимъ образомъ ставитъ насъ политика Франціи, съ помощью которой такъ бойко распорядился и распоряжается маленькій Волошскій Наполеонъ III. За неимѣніемъ другихъ данныхъ, намъ приходится опредѣлять это положеніе по газетнымъ извѣстіямъ и по тѣмъ статьямъ, которыя помѣщаются, по поводу Дунайскихъ княжествъ, въ *Journal de St. Pétersbourg* и *Sanctpetersburger Zeitung*. Въ обѣихъ газетахъ, но въ особенности въ послѣдней (которой это и болѣе къ лицу, какъ Нѣмецкой) вступаются, съ чувствомъ глупо-

каго негодованія на князя Кузу, за верховныя права Его Величества Султана, — а въ осужденіи дѣйствій Молдаво-Блашскаго господара опираются—на нарушенную имъ конвенцію 1858 года, на *Парижскій трактатъ*! Еслибъ мы могли придавать особое значеніе толкамъ этихъ газетъ, то было бы отъ чего придти въ отчаяніе: Россіи вступаться за султана противъ христіанъ, Россіи поддерживать Турецкое иго, Россіи ссылаться на Парижскій трактатъ, который лишилъ ее, между прочимъ, и преобладанія на Востокѣ!.. Вотъ это-то наше положеніе, котораго такъ желаетъ для Россіи Нѣмецкая Санктпетербургская газета, было бы торжествомъ для Франціи и равнялось бы совершенному пораженію для нашей политики!.. Напротивъ: въ гололѣзѣ всякаго стремленія христіанъ къ освобожденію изъ-подъ магометанскаго иго должна бы, кажется, стоять Россія,—и возставать противъ нарушенія Парижскаго трактата, по нашему мнѣнію, не согласно ни съ ея достоинствомъ, ни съ ея пользою. Чѣмъ больше дыръ въ этомъ трактатѣ, тѣмъ скорѣе онъ разорвется, — а это не можетъ не быть въ интересахъ нашей политики на Востокѣ, и эти интересы поважнѣе нашихъ интересовъ въ Германіи! Если бы мы теперь, въ союзѣ съ Австріей и Турціей, захотѣли возстановить права султана въ Малахіи и Молдавіи и силу нарушенной конвенціи, то мы поставили бы себя въ непріязненныя отношенія не только къ населенію Румунскихъ княжествъ, но и къ Славянскому населенію Турціи, явились бы противниками ихъ свободы. Добровольно лишая Славянскія племена всякой надежды на поддержку Россіи, мы тѣмъ самымъ толкаемъ ихъ въ объятія Франціи или Англіи, заставляемъ ихъ ожидать спасенія отъ Гарібальди и отъ космополитической революціонной партіи, сблизаться съ латинскимъ Западомъ—и наконецъ измѣнять строгости своихъ національныхъ началъ, уклоняться отъ своего Славянскаго пути.

Значеніе Россіи на Востокѣ, обаяніе ея могущества, притягательная ея сила—постоянно и видимо слабеютъ, а вліяніе Англіи и Франціи, ихъ обаяніе, какъ политическое, такъ и общественное, безпрестанно возрастаетъ. Дѣятельность латинской пропаганды между Болгарами принимаетъ все большіе и большіе размѣры; тысячи агентовъ католицизма стараются *обольстить* Болгаръ на соединеніе съ Римскою цер-

ковью, — общають имъ всевозможныя матеріальныя и политическія блага — изъ-за одной только уступки съ ихъ стороны: признанія Болгарами верховнаго духовнаго господства Римскаго Папы. Извѣстно, что проповѣдники католицизма раздвинули теперь рамки своей пропаганды: они допускаютъ нынѣ и сохраненіе восточнаго обряда и употребленіе народнаго языка въ богослуженіи, но требуютъ только одного: признанія главенства Папы. Для невѣжественныхъ и простодушныхъ Болгарскихъ поселянъ, забитыхъ нуждой и бѣдой, утѣспенныхъ всяческимъ разнообразнымъ гнетомъ, такое требованіе не должно бы казаться чѣмъ-то особенно-важнымъ. Оно можетъ представляться имъ не болѣе, какъ перемѣною духовной власти, — и перемѣною даже желанною, потому что тягостнѣе и мучительнѣе власти Греческихъ іерарховъ власть Рима едва-ли будетъ. Поэтому нельзя не подивиться той твердости, съ которой Болгары противостоятъ до сихъ поръ всѣмъ искушеніямъ, оболещеніямъ и соблазнамъ и сохраняютъ вѣрность православію и своей народности, смутно чувствуя, что измѣна православію ведетъ за собою и измѣну народности.

Читателямъ *Дня*, безъ сомнѣнія, извѣстно, какаѣ вражда пылаетъ, къ прискрбію православнаго міра, между Болгарскимъ народомъ и Греческимъ высшимъ духовенствомъ. Съ пробужденіемъ народнаго самосознанія въ Болгарахъ, они пожелали имѣть своихъ Болгарскихъ епархіальныхъ правителей, свое народное церковное управленіе, свои народныя школы и вообще высвободиться изъ подъ духовнаго гнета Грековъ, или, правильнѣе говоря, Греческой іерархіи. Надо вспомнить, что у Болгаръ нѣтъ ни дворянства, ни средняго сословія, что единственною просвѣщенною силою Славянъ въ Турціи можетъ стать только православное духовенство, и поэтому понятно, какъ важно, какъ нужно для Славянъ, чтобъ эта сила была *своя*, одной съ ними національности, — чтобъ духовенство было — Славянское. Къ тому же въ Турціи только въ области церковной даруется христіанамъ, со стороны Турецкаго правительства, автономія или самоуправленіе, — а потому не только ради духовныхъ, но и ради политическихъ интересовъ Болгарской народности, необходимо для Болгаръ воспользоваться всей полнотою возможнаго христіанамъ въ Турціи самоуправленія. — Мы не станемъ повторять обвиненій въ

алчности и корыстолюбін, которымъ со всѣхъ сторонъ подвергаются Греческіе іерархи, — если не всѣ, то большая часть изъ нихъ: этого не отрицають и защитники Грековъ, объясняя поборы, которыми они разоряють свою Славянскую паству, необходимою уплачивать дань Турецкому правительству. Мы не будемъ передавать рассказовъ и о нравственности Греческихъ іерарховъ: безъ сомнѣнія есть между ними люди и святые по жизни; мы возстаемъ не на образъ дѣйствій того или другаго Греческаго епископа, а на образъ мыслей, на общее стремленіе Константинопольскаго престола подчинить Болгаръ своей духовной власти, эленизировать ихъ или огречить, т. е. обезнародить, подавить въ нихъ всякое возрожденіе Болгарской національности. Для Грековъ — Славяне, даже и православные, кажутся по прежнему *варварами*, и Славянская національность — достойною презрѣнія... Такимъ образомъ положеніе православія на Востокѣ самое безотрадное. Что видать предъ собою Болгаре, въ правящей ими церкви? Корыстолюбивую, жадную власть, отягчающую ихъ поборами, постоянно опирающуюся на грубую Турецкую силу; видать *Грековъ*, утѣвляющихъ *Славянъ* — помощью Турецкихъ темницъ, Турецкихъ налачей, Турецкаго безсудія; видать православныхъ іерарховъ, служащихъ клевретами у Турецкаго правительства, постоянно возбуждающихъ его противъ Болгаръ, постоянно обвиняющихъ Болгаръ предъ Турками въ политическихъ сношеніяхъ съ *Москвою*. Читатели *Дня* знаютъ, что въ Москвѣ существуетъ благотворительный Славянскій комитетъ, который на свои, весьма скудныя средства, даетъ образованіе нѣсколькимъ молодымъ Болгарамъ — здѣсь въ Москвѣ, отчасти въ Кіевѣ и Петербургѣ. Эти молодые люди пріѣзжаютъ сюда, въ православную и родную Россію, съ тѣмъ чтобъ учиться и, по окончаніи курса наукъ, занять у себя на родинѣ, въ Болгаріи, мѣста учителей народныхъ школъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имъ было бы удобнѣе отправляться, вмѣсто Россіи, во Францію, гдѣ ученіе лучше, гдѣ имъ пастежь отверзають двери и объятія — и правительство и общество католической пропаганды на Востокѣ, обладающее огромными — не нашими средствами. Но несомнѣнно то, что Славяне, копчившіе образованіе свое въ Россіи, не только не утрачивають своей національности и

остаются Славянами, но еще сильнѣе укрѣпляются въ своей любви къ родинѣ,—чего нельзя сказать про тѣхъ, которые учатся во Франціи или даже въ Германіи: повѣтому желательнѣе, въ интересѣ Славянской народности и православія, чтобъ какъ можно болѣе Турецкихъ Славянъ воспитывалось именно въ Россіи. Но Славянской комитетъ поставленъ теперь въ великое затрудненіе и не рѣшается отпустить молодыхъ питомцевъ своихъ на родину, ибо это значило бы отпустить ихъ на вѣрную смерть или вѣчное заточеніе. Въ качествѣ Русскаго подданнаго Болгаринъ не можетъ быть учителемъ школы въ Болгаріи; какъ Турецкій подданный — онъ находится въ полной зависимости отъ Турецкаго произвола: Турки сами по себѣ смотрятъ уже подозрительно на всякаго Славянина пріѣхавшаго изъ Россіи, а Греческіе іерархи, видя въ образованныхъ православныхъ Славянахъ опасныхъ враговъ своему деспотизму и Греческому преобладанію, стараются всячески избыть ихъ, дѣлаютъ на нихъ доносы, и многіе наши воспитанники были, въ недавнее время, или лишены жизни, или заточены, или вынуждены спасаться бѣгствомъ!

Болгаре просятъ себѣ независимой патріархіи, независимаго отъ Грековъ церковнаго управленія, или по крайней мѣрѣ Болгарскихъ епархіальныхъ начальниковъ — хотя бы даже подъ властью Цареградскаго патріарха — вездѣ, гдѣ живутъ Болгаре. Греки, ослабленные алчностью и властолюбіемъ, отказываютъ имъ въ этой, вполне законной и вполне согласной съ духомъ православія просьбѣ. Они боятся лишиться своихъ доходовъ, а главное — они боятся очутиться въ меньшинствѣ сравнительно съ Славянскими іерархами, ибо Болгаръ православныхъ, въ сравненіи съ Греками, въ десять разъ больше. Такимъ образомъ — простымъ людямъ, неспособнымъ постигать во всей топкости отличіе православнаго догматизма отъ Римскаго и тѣ неизбежныя послѣдствія, къ которымъ ведетъ тотъ и другой въ развитіи историческомъ, — простымъ православнымъ Славянамъ Православная Церковь является воплощенною въ лицѣ ненавистныхъ имъ фанаріотовъ. А такъ какъ изъ великаго, единственно-свободнаго православнаго Славянскаго Царства не свѣтитъ имъ лучъ надежды на избавленіе отъ духовнаго гнета, — а на-

противъ, фанариоты находятъ себѣ въ Россіи общественную поддержку (и даже заступничество въ литературѣ — въ лицѣ г. Неклюдова и проч.), — то можно ли удивляться, если они, Болгаре, склоняютъ наконецъ свой утомленный слухъ къ прельщеніямъ Римскихъ проповѣдниковъ, — Французскихъ или Англійскихъ дипломатическихъ агентовъ? Достаточно быть Болгарину католикомъ, протестантомъ или просто даже униатомъ, — онъ находитъ себѣ покровительство у Французскаго, Англійскаго или Австрійскаго посланника, и покровительство вполне могущественное, вполне надежное. Если же онъ, Болгаринъ, остается вѣренъ православію и любитъ свою Славянскую народность, борется за нее, работаетъ ей, — его преслѣдуетъ фанариотъ-епископъ, преслѣдуетъ магометанская власть, подстрекаемая представителями православія, Греками-іерархами, — а въ Русскомъ посольствѣ, не имѣющемъ даже и посланника, онъ не обрѣтаетъ энергической защиты. Да и можно ли намъ, — особенно если бы мы стали ратовать, по совѣту Sanctpetersb. Zeitung, за верховныя права Султана, за Парижскій трактатъ, за честь Константинопольской іерархіи, являться защитниками Славянства? Между тѣмъ очевидно, что если Россія въ самомъ скоромъ времени не вступится въ Болгарскій церковный вопросъ; если она будетъ отстаивать фанариотовъ противъ Славянскихъ племенъ, — она погубитъ дѣло православія на Востокѣ, она ввергнетъ милліоны православныхъ — въ пасть Риму!.. Православная Румунія уже находится подъ вліяніемъ Франціи и отъ нея чааетъ себѣ спасенія. Черногорскій князь, также отчаявшись въ помощи со стороны Россіи (которая на Вѣнскомъ конгрессѣ побудила Черногорцевъ передать Австріи единственную пристань, дающую имъ средства къ жизни, Каттарскій портъ), слушается внушеній Французскихъ. Сербское княжество, пугаясь солидарности Россійскихъ интересовъ съ Австрійскими, и слабого дѣйствія Россіи на Востокѣ, также устремляетъ свои взоры на «великаго Императора Франковъ, освободителя угѣсненныхъ національностей». Вотъ какую славу — славу освободителя угѣсненныхъ національностей — приобрѣла себѣ Франція на Востокѣ. Мы этой репутаціи не имѣемъ. А кажется — кому бы естественнѣе заботиться объ освобожденіи угнетенной православной народности Славян-

ской — Франкской ли латинской, или же Русской православной державѣ? Но куда мы заняты у себя на Западѣ и озабочены дѣлами Германіи, — Франція и Англія не дремлют, употребляютъ всё усиліе къ извращенію естественныхъ отношеній Славянъ къ Россіи, — и успѣваютъ. И успѣхи ихъ быстры, достигаютъ огромныхъ размѣровъ. Намъ же — политики Нѣмецкой Санктпетербургской газеты (получившей какое-то особенное видное мѣсто въ послѣднее время между нашими журналами) совѣтуютъ противопоставить дѣйствіямъ Англіи и Франціи, поддерживаемымъ сочувствіемъ угнетенныхъ Славянскихъ народовъ — защиту верховныхъ правъ угнетателей-Турокъ и букву Парижскаго трактата, — по видимому изъ всѣхъ участниковъ трактата обязательнаго только для насъ однихъ!.. Эти же политики, какъ и слѣдовало предположить, рекомендуютъ намъ и сближеніе съ Австріей, не разумѣя, а можетъ быть и разумѣя, что насколько мы сблизимся съ Австріей, настолько мы отдалимся отъ естественныхъ и единственныхъ нашихъ союзниковъ — Славянъ...

1865 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ.)

Москва, 13 ноября.

Когда, послѣ Вѣнской революціи 1848 года, собрался Славянскій сеймъ въ Прагѣ, Славяне, съ своими различными нарѣчіями, пришли въ затрудненіе — на какомъ общемъ языкѣ имъ объясниться. Дѣйствительно — для идеи всеславянства, за неимѣніемъ чего другаго, нуженъ, по крайней мѣрѣ, хоть общій языкъ — и Австрійскіе Славяне избрали сами, добровольно, общимъ для Славянъ языкомъ — языкъ *Нѣмецкій*. Точно также признали они тогда и высшимъ политическимъ началомъ для Славянской федераціи — начало Нѣмецкое, — власть Нѣмецкаго императора. Тогда-то и выработалась у Австрійскихъ Славянъ, преимущественно у Чеховъ, теорія равноправности всѣхъ Австрійскихъ народовъ, или же федераціи — на Нѣмецкомъ цементѣ. Мы уже говорили о томъ,

что эта теорія, заключаая въ себѣ внутреннее противорѣчіе, *contradictio in adjecto*, ложна въ самомъ своемъ основаніи: Но она оказывается несостоятельною и по слѣдующимъ причинамъ:

Для федераціи необходимо раздѣлить имперію на группы, представляющія каждая какое-либо цѣльное тѣло, какъ въ географическомъ, этнографическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Но при этомъ-то распредѣленіи на группы и возникаютъ новые, нескончаемые споры между самими Славянами... Чехамъ хотѣлось бы примкнуть Словаковъ къ своей группѣ, но Словаки—это даровитѣйшее и почтеннѣйшее изъ западныхъ Славянскихъ племенъ—не желаютъ быть поглощенными Чехами, а главное не желаютъ быть отдѣленными отъ той многочисленной части Словацкаго племени, которая обитаетъ въ предѣлахъ Венгерскаго королевства. Для правильнаго распредѣленія слѣдовало бы сдѣлать изъ Венгріи одну цѣльную группу,—но для этого надо напередъ опредѣлить: что такое Венгрія? Мы уже говорили въ предпоследнемъ № о составѣ Венгерскаго королевства и о притязаніяхъ Мадьярскаго племени относительно Славянъ. Для Венгріи существуетъ такой же вопросъ, что и для Австріи: быть ли ей собственно Мадьярской или Славянской? Если признать за Славянами, населяющими Венгрію, политическую самостоятельность, такъ на долю Мадьярамъ достанется очень не много, да и совершить эту операцію раздѣленія,—при той смѣшанности населенія, которая существуетъ въ провинціяхъ даже собственно Венгерскихъ,—трудно, почти невозможно. Между тѣмъ, если бы даже отдѣлить отъ Венгріи Хорватію съ Славоніей, и изъ остальныхъ земель Венгерскаго королевства создать отдѣльную группу Мадьярской народности, то и тогда бы пришлось пожертвовать ей многими Славянскими національностями, напр. Словаками, Русскими Руси Угорской, Сербями Венгерской провинціи Баната, и пр. Съ другой стороны православные Сербы Баната не хотятъ быть причисленными и къ группѣ Хорватскаго, такъ называемаго Тріединнаго или же Иллирійскаго королевства,—составленнаго изъ такихъ же Сербовъ, но преимущественно католиковъ и имѣвшихъ разное съ православными историческое развитіе. Поэтому всѣ эти племена воиютъ протавъ Чешской идеи

федерациі и знаютъ, что при такомъ образованіи группъ, они бы должны были лишиться своей племенной самобытности. Они требуютъ приложенія къ себѣ, во всей строгости, принципа «равноправности», но строгая послѣдовательность въ приложеніи этого принципа потребовала бы раздробленія Австріи на такія мельчайшія группы, при которыхъ невозможно никакая политическая цѣльность; пришлось бы дѣлить Австрію не по областямъ только, но по округамъ, уѣздамъ и даже волостямъ. Надо помнить, что кромѣ Славянъ, Мадыаръ и Нѣмцевъ Австрія имѣетъ у себя еще и Румынъ и Итальянцевъ.

Можетъ быть, Австрія и справилась бы кое-какъ съ этимъ вопросомъ, если бы имѣла дѣло съ одними только Славянскими племенами, не обладающими покуда ни политическимъ честолюбіемъ, ни политическою жизнепною, дѣятельною силою, и подорванными въ своей духовной цѣльности внутреннимъ противорѣчіемъ: мы разумѣемъ въ послѣднемъ случаѣ тѣ Славянскія племена, которыя исказили начало Славянской народности антиславянскимъ началомъ латинства и имѣютъ своимъ духовнымъ отечествомъ — Римъ. Самые покорные покуда подданные Австріи — Славяне (о Полякахъ мы не говоримъ; ихъ слишкомъ мало.) Самыя лучшія войска въ Австріи, какъ мы уже сказали, Славянскія; никто не служилъ такъ усердно Нѣмецкому знамени Австріи, какъ Хорваты и Галицкіе мужики. Тяжело въ этомъ сознаваться, но нельзя утаить правду: изъ Австрійскихъ Сербовъ выходятъ Австрійскихъ военныхъ генераловъ множество: мучениковъ народности — ни одного. Австрійскіе Сербы употребляютъ Австрію на дипломатической службѣ въ Турціи, какъ самые надежные исполнители ея антиславянскихъ политическихъ видовъ. Но въ составѣ Австрійской имперіи есть неразлагающееся тѣло, которое нельзя ни онѣмечить, ни ослабить — это Мадыары. Съ Мадыарскимъ племенемъ, какъ съ племенемъ энергическимъ и воинственнымъ, Австрійскому правительству нельзя не считаться. Его одного серьезно боится Австрія. Прочія же народности внушаютъ ей опасенія — покуда не столько сами по себѣ, сколько по той опорѣ, которую можетъ пайти ихъ племенной духъ въ политикѣ го-

сударствъ иностранныхъ: напр. Итальянская народность—во Франціи, Русская народность Галиціи—въ Россіи, и т. д.

Такимъ образомъ—система федераціи встрѣчаетъ сопротивленіе со стороны тѣхъ племенъ, которымъ пришлось бы быть поглощенными въ группахъ крупнѣйшей и сильнѣйшей племенной индивидуальности, а приложеніе начала равноправности, съ одной стороны, потребовало бы кройки Австрійской имперіи на мелкіе доскутья; съ другой стороны сокрушилось бы о противодѣйствіе Мадьярскаго племени. Опереться на Славянъ и сломить Мадьярское сопротивленіе вооруженною рукою — конечно удалось однажды Австріи (въ 1849 г.) и то съ помощью Россіи, — но великая разница опереться Нѣмецкому правительству на Славянъ, какъ на матеріальную силу для войны, въ которой всѣ составныя части этой силы безличны, или же опереться на Славянъ, какъ на жизненный принципъ нормальнаго политическаго существованія. Можно противопоставить Мадьярскимъ гонимымъ Славянскихъ солдатъ въ Нѣмецкихъ мундирахъ, но какъ скоро дѣло идетъ не о грубой, безличной матеріальной силѣ, а о началѣ духовномъ, полагаемомъ во главу политическаго зданія,—общеславянская идея разлетается какъ призракъ, а остаются племенные элементы—Чешскій, Хорватскій, Сербскій и т. д., изъ коихъ ни одинъ не представляетъ такой внутренней духовной силы, которая бы могла дать Австріи новое политическое самоопредѣленіе и поставить Славянскій элементъ выше элемента Нѣмецкаго—хотя уже и ослабѣвшаго. Мы уже не говоримъ о томъ внутреннемъ диссонансѣ, который звучитъ въ словахъ: *Славянская федерація на Нѣмецкой закваскѣ*: на подобныхъ компромиссахъ не можетъ создаться никакое прочное зданіе. Прибавимъ къ этому, что терзаемая войнами извнѣ, совершенно разстроенная въ финансовомъ отношеніи, побуждаемая новѣйшими требованіями времени и общественнаго мнѣнія, Австрія рѣшилась оставить съ 1860 года прежнюю систему абсолютизма и выступила на путь конституціонный. Неумолимая логика требуетъ послѣдовательности, а эта послѣдовательность привела къ тому, что всѣ крупныя и малыя племена обрѣли себѣ голосъ и представительство,—заявляютъ о своихъ правахъ на существованіе громче, чѣмъ когда либо,

и въ силу своихъ конституціонныхъ правъ затрудняютъ ходъ общей государственной машины. Вѣнское правительство пробовало было прибѣгнуть къ прежнимъ способамъ самоуправления надъ племенами, но тогда тотчасъ же колебался нравственный кредитъ, приобретенный ею введеніемъ конституціи. А между тѣмъ и самая конституція, подвинувшая племенное развитіе народовъ, не подвинула нисколько къ разрѣшенію роковаго для Австріи вопроса о бытіи, и Вѣна еще не видала у себя полного сейма, проектированнаго императорскими «дипломами» 1860 и 1861 года. Венгрія не выслала своихъ депутатовъ въ Вѣну и пересилила Австрійское правительство.

Вслѣдствіе этого, наконецъ, Австрія пошла на сдѣлку съ Мадырами. Союзъ Нѣмецкаго и Мадырскаго элементовъ, единственныхъ серьезныхъ политическихъ элементовъ въ Имперіи—и называется *дуализмомъ*, котораго такъ боятся, и справедливо боятся, бѣдные, разъединенные между собою и запутанные во внутреннихъ противорѣчіяхъ 15 милліоновъ Славянъ. Въ случаѣ успѣха этой системы, Славяне Венгерскаго королевства приписаны были бы въ жертву Мадырамъ; прочіе Славяне — въ жертву Нѣмцамъ. Но нельзя ожидать для Австріи ни успѣха отъ этой системы, ни даже строгаго ея приложенія. Ревнивое Нѣмецкое чувство Австрійскаго правительства никогда не будетъ въ состояніи спокойно покориться преобладанію Мадырскаго элемента и примириться съ торжествомъ Мадырской энергіи: ибо настоящая уступка со стороны Австріи есть побѣда Мадыръ. Вѣнская политика не можетъ отказаться отъ правила, которое до сихъ поръ составляло для него условіе жизни: *divide et impera*, и боясь Мадырской силы, оно явпо или исподтишка будетъ противопоставлять ей Славянское населеніе. Съ другой стороны масса 15 милліоновъ недовольныхъ, хотя бы и самыхъ незлобивыхъ подданныхъ, не можетъ не озабочивать правительства даже самаго могущественнаго, не только Австріи, окруженной врагами и постоянно угрожаемой политической инициативою Наполеона и Бисмарка. Австрія, наконецъ, не можетъ же забыть, что рядомъ съ 15 милліонами оскорбленныхъ такимъ образомъ Славянъ, существуетъ Славянская держава съ 60 милліонами Славянскаго населенія...

Встревоженный, не угрозами, а еще только воплями Славянъ, Императоръ Францъ-Иосифъ, послѣ уступокъ, сдѣланныхъ имъ Венгріи, поспѣшилъ утѣшить Славянскихъ своихъ подданныхъ манифестомъ 20 Сентября, въ которомъ обѣщаетъ вопросъ объ устройствѣ Австрійской имперіи предложить на обсужденіе «*всѣмъ своимъ народамъ*».

Таково положеніе Австріи съ ея народами. Таково положеніе каждой страны сборной, составныя части которой не претворились въ общую органическую сущность, не создали изъ себя цѣльнаго политическаго организма, цѣльной національности. Слава Богу, у насъ въ Россіи, не смотря на разныя новѣйшія точки зрѣнія, одинъ народъ — Русскій; одна національность — Русская, — которой господство основывается не на количественной только, но преимущественно на качественной силѣ. Но это такъ, къ слову. Трудно гадать — какая участь ожидаетъ Славянство въ Австріи... Не могутъ не возбуждать нашего полнаго сочувствія эти ихъ усилія сохранить свою Славянскую личность, эти предъявленія права на индивидуальную жизнь, если не на политическую самостоятельность, — эта упругость, эта живучесть, это исканіе общей для себя почвы, эта борьба, производимая при такихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, средними и низшими классами населенія, — Славянами-плебеями, при измѣнѣ Славяно-аристократовъ, которые большею частью опѣмечились, омадьярились, обшпальянились или даже орумунились! Но до тѣхъ поръ и нельзя ожидать благоприятнаго поворота судьбы для Австрійскаго Славянства, пока оно не найдетъ для себя общей родной почвы, пока не придетъ къ полному сознанію духовной сущности Славянскихъ началъ и не выйдетъ изъ того духовнаго съ ними противорѣчія, въ которое, какъ мы показали выше, погружены многіе изъ Славянскихъ племенъ, напр. Чехи. Славянская федерація, о которой мечтаютъ Чехи, возможна будетъ только тогда, когда отыщется для нея высшее политическое, по Славянское же, — не отвлеченное, а живое и дѣйствительно сущее начало. Но главнѣе и важнѣе всего, повторяемъ, для идеи всеславянскаго братства — идея высшаго духовнаго объединенія въ вѣрѣ. Пусть западные Славяне ищутъ прежде всего такого объединенія и поревнуютъ о чистотѣ сла-

вянского идеала вѣры и церкви, — а «остальное приложится»...

Призваніе Россіи ясно. Она — единственная представительница этихъ искомымъ для Славянъ — началъ, и должна высокъ и въ строгой чистотѣ держать политическое и духовное знамя Славянства, — не въ смыслѣ честолюбивыхъ замысловъ, а въ значеніи символа указующаго путь, дающаго силу жить и бодрость упованія бѣдствующимъ Славянскимъ братьямъ.

При такомъ положеніи Австріи, спрашивается, къ чему можетъ послужить сближеніе Россіи съ нею? Сближаясь съ нею, съ Австрійскимъ правительствомъ, не становится ли Россія въ солидарность съ тою или другою изъ системъ Австрійскаго управленія, которыя въ сущности, въ концѣ концовъ, суть системы утѣсненія Славянскаго племени? Не компрометируетъ ли такое сближеніе — единственную Славянскую могучую державу, представительницу Славянскаго и православнаго міра, т. е. Россію? И въ состояніи ли сближеніе Россіи съ Австріей сколько нибудь помѣшать развитію могущества Пруссіи на Сѣверѣ Германіи, — что одно только можетъ насъ озабочивать? Развѣ способенъ союзъ нашъ съ Австріей доставить ей серьезныя выгоды и утвердить ея преобладаніе въ Германіи, когда ни одного изъ вознагражденій, какія она можетъ получить за свои потери въ Средней Европѣ, и которыя ей сулятъ Бисмаркъ и Наполеонъ, не можетъ допустить политика Россіи? Ни Босніи, ни княжества Сербіи, ни Дунайскихъ княжествъ не можетъ уступить Австріи Россія. Такимъ образомъ совѣтъ относительно сближенія съ Австріей, которое впрочемъ мы не имѣемъ положительнаго права назвать существующимъ, — кажется намъ внушеніемъ скорѣе политической рутинны, чѣмъ яснымъ сознаниемъ Русскихъ интересовъ... Сила Россіи не въ союзникахъ, а въ ней самой, въ ея собственной вѣрности своему духовному знамени, своимъ основнымъ народнымъ — Русскимъ и обще-Славянскимъ началамъ.

Изъ №№ 41, 43 и 44.

ДОГОВОРЪ ПОРТЫ СЪ ЧЕРНОГОРІЮ.

Статья I.

Война Черногоріи съ Турціей прекратилась; князь Николай подписалъ условія мира; въ Скутари или Скадрѣ праздновали «счастливый исходъ войны», обѣдомъ у Турецкаго сердарь-экрема, въ присутствіи Черногорскаго «министра иностран-дѣлъ» Ива Ракова,—совершенно на Европейскій манеръ, съ тостами, спичками, однимъ словомъ такъ, какъ водится между двумя цивилизованными, благовоспитанными государствами. Турки уже приступили къ исполненію условій мирнаго договора, т. е. къ проведенію военной дороги сквозь всю Черногорію, и устройству блокгаузовъ, въ которыхъ будутъ помѣщаться Турецкіе гарнизоны: изъ Царьграда уже прибыли съ этою цѣлью Турецкіе инженеры, разумѣется, большею частью Поляки,—къ несчастію, самые усердные, въ настоящее время, пособники Турціи въ угнетеніи Славянскихъ народностей.

Читателямъ нашимъ уже извѣстны статьи мирнаго трактата Порты съ Черногоріей: онѣ напечатаны у насъ въ 38 №. Такого позорнаго мира еще не приходилось заключать Черногорцамъ съ самаго того времени, какъ, въ концѣ XV вѣка, Черная Гора водрузила знамя Славянской независимости и стала единственнымъ убѣжищемъ непокоренныхъ Славянъ. Бѣдный Черногорскій народъ! Что должно испытывать его гордое сердце, какимъ негодованіемъ долженъ онъ быть проникнуть противъ своихъ братьевъ Славянъ, не пришедшихъ къ нему на помощь, противъ дипломатіи, связывавшей ему руки на защиту и вообще дѣйствующей въ Европѣ съ такими высшими видами безпристрастія, благодаря которымъ сильному полный просторъ нападать на слабого, а слабому ни защититься, ни прибѣгнуть къ чужой защитѣ нельзя! Россія протестовала противъ условій мира, и мы, конечно, этому очень рады; но нельзя не пожалѣть, что этотъ протестъ явился поздно, тогда, когда уже не было возможности отвратить послѣдствій долгой, упорной войны. Какъ ни велики вообще

матеріальніа бѣдствія Черногорцевъ, но всё эти, такъ сказать, физическіа страданія храбраго Черногорскаго народа ничто въ сравненіи съ его нравственными страданіями, съ мученіями оскорбленной народнои гордости, — все это разореніе, эти потери—ничто въ сравненіи съ потерю славы и прежней независимости. Конечно, не на главу Черногорскаго народа падаетъ позоръ заключеннаго мира; его храбрость и мужество тѣ же, какія проявлялъ онъ и прежде, въ теченіи четырехъ вѣковъ, — но мысль невольно задается вопросомъ: какимъ образомъ совершилось теперь то, чего не могли достигнуть самыа грозныа усилія Оттомановъ—во дни оны, когда Исламъ съ свѣжей энергіей, съ дикимъ вдохновеніемъ фанатизма, ломалъ и сокрушалъ своими несмѣтными полчищами крѣпчайшіа твердыни Европы?

Трудно человѣку, никогда не бывшему въ Черногоріи составить себѣ полное живое представленіе о томъ, что такое это страна, это «государство», эта такъ-называемая «столица» Цетинье, это «правительство» и отношенія его къ народу. Всё эти слова: государство, столица, правительство, здѣсь совершенно неумѣстны, и однакожь они зымяются настояще понимаіе дѣла не только у насъ и въ Европѣ, не только у публицистовъ и дипломатовъ, но и въ самой Черногоріи. Намъ удалось посѣтить Цетинье ровно два года тому назадъ, недѣли за двѣ до смерти князя Данила, — и мы въ немногихъ словахъ передадимъ читателю выводъ изъ нашихъ путевыхъ впечатлѣній.

Надъ великолѣпнѣйшимъ въ мирѣ заливомъ Адриатическаго моря, Бокко-ди-Каттаро, гдѣ изъ-подъ подошвы береговыхъ скалъ врываεται въ море подземная рѣка Каттаро или Которъ, — возносятся высоко къ небу дикіе, голые, каменные утесы. Это Черногорія. Горный хребетъ, идущій вдоль всего Далматинскаго побережья, достигаетъ здѣсь своей наибольшей высоты и всего ближе подошелъ къ морю, почти нависъ надъ заливомъ, простирая надъ нимъ свои освѣжительныа, мрачныа тѣни. У ногъ его лѣпится на узкихъ и тѣсныхъ уступахъ, между скалами и моремъ, небольшой городокъ, называемый по имени залива, и принадлежащій съ 1815 г. Австріи. Славяне называютъ его просто Которъ. Черногорцы, помогавшіе Русскимъ въ войнѣ противъ Французовъ и со-

дѣйствовавшіе экспедиціи адмирала Сенявина, отняли Боккоди-Каттарскую пристань у Французовъ и владѣли ею лѣтъ 7; но въ 1816 году должны были уступить этотъ единственный свой приморскій портъ, составлявшій для нихъ непремѣнное условіе безбѣднаго существованія, уступить Габсбургскому дому—уступить безъ войны, единственно по требованію Императора Александра, великодушнаго благотворителя Австрійцевъ и Пруссаковъ.—Отъ Коттора до Цетинья всего шесть часовъ пути, самаго крутаго подъема, не смотря на то, что, облегченія ради, дорога идетъ изгибами или зигзагами. Мы сказали: дорога, но и это слово сюда не годится; въ Цетинье нельзя проѣхать ни въ какомъ экипажѣ, ни даже въ самой простой телѣгѣ, ни даже въ Турецкой арбѣ, а можно только вскарабкаться, взлѣзть по острымъ камнямъ пѣшкомъ или на привычномъ цѣпкомъ конѣ. Всѣ тяжести переносятся на вьючныхъ животныхъ или на плечахъ Черногорскихъ дѣвицъ и женщинъ: самъ Черногорецъ такой унижительной работой никогда не займется, и преспокойно идетъ себѣ съ ружьемъ и съ длинной трубкой подлѣ жены, сгибающейся подъ тяжестью ноши.

Однимъ словомъ, кромѣ пѣкоторыхъ округовъ, или нахій расположенныхъ на склонѣ горъ, настоящая Черногорія есть гряда такихъ дикихъ, неприступныхъ, голыхъ утесовъ, гдѣ самая земля рѣдкость: все камень! Кому не извѣстно народное сказаніе, что Богъ несъ мѣшокъ съ камнями, мѣшокъ прорвался, камни высыпались беспорядочною кучей и назвались Черногоріей. Ни звѣрь, ни птица, кромѣ серны да орла, сами не заходятъ сюда, въ этотъ лабиринтъ скалъ и ущелій,—только одинъ человѣкъ могъ вздумать обратить эти скалы въ жилище! Но конечно—не добрая воля, а только крайняя необходимость способна удерживать его на этихъ дикихъ, непривѣтныхъ, пустынныхъ вершинахъ.

И дѣйствительно, Черногорія, разсматриваемая не просто, какъ географическая мѣстность, а какъ населенная страна, создана только крайнею историческою необходимостью: спасаясь отъ напора волнъ все шире и шире разливающейся Оттоманской стихіи, православные Славяне Сербскаго племени удалялись не только въ горы, гдѣ и прежде было небольшое населеніе съ своими банами, но и на утесы, куда не рѣша-

лась прежде проникать нога человѣка,—и скоро гнѣздо независимаго, непокореннаго Славянства на Балканскомъ полуостровѣ—явилось тамъ, гдѣ доселѣ только орлы вили гнѣзда! Пусть читатели не принимаютъ этого за поэтическую метаформу. Прозачинѣ выразиться нельзя; не мы виноваты, если такова поэзія дѣйствительности.

Очевидно, что въ такомъ заоблачномъ сосѣдствѣ съ орлами, при такихъ неестественныхъ условіяхъ жизни, невозможно какое бы то ни было правильное гражданское устройство, да и просто немислимо никакое образованное общество. Черногорія—это временный таборъ, боевой станъ, собравшійся для опредѣленной цѣли, для временнаго дѣла,—по вовсе не осѣдлое обиталище человѣческаго общества. Нужды нѣтъ, что эта временная необходимость продолжается уже четыре вѣка: прогоните Турокъ изъ Европы, обезпечьте Черногорцамъ во владѣніе равнины и море,—и люди сойдутъ съ горъ. Черногорія не будетъ, и опять только одни орлы останутся хозяевами утесовъ. *Борьба съ Турками—вогъ чьмъ обусловливается существованіе Черногоріи, вотъ причина и цѣль ея бытія*, вотъ ея историческое призваніе, вотъ ея дѣло и подвигъ: никакой другой гражданской задачи, подлежащей другимъ обществамъ, она не имѣетъ и имѣть не можетъ. Требовать отъ Черногоріи административнаго и полицейскаго благоустройства—почти то же, что требовать отъ военнаго лагеря, во время войны, въ виду непріятели, правильныхъ отправленій гражданского общества! Что нибудь одно: или этотъ лагерь существуетъ для войны, или если онъ не хочетъ или лишенъ возможности драться, онъ долженъ разойтись, перестать быть лагеремъ, и избравъ себѣ болѣе удобное мѣсто, основать тамъ мирное гражданское общество. Развѣ можно было бы отнестись къ Запорожской Сѣчи съ требованіемъ, чтобъ она не воевала съ Татарами и Поляками, и жила жизнью мирныхъ поселянъ? Если бъ это было возможно, тогда Сѣчь сама отеклась бы отъ своего начала, во имя котораго она исторически существовала.

Точно таково положеніе Черногоріи. Война съ Турціей продолжается у нея четыре вѣка сряду. Это не значить, чтобы Черногорцы дрались каждый день, чтобъ не было перемря и затишья; можетъ случиться и то и другое; но знамя,

ихъ собравшее, вызвавшее на жизнь въ этихъ неприступныхъ утесахъ, это знамя — борьба съ Турціей за независимость не столько личную, сколько все-Славянскую, — мечь за угнетенныхъ Славянъ. Тамъ нѣтъ ни сословія, ни классовъ, ни раздѣленія на военныхъ или штатскихъ, на регулярное или нерегулярное войско, на ремесленниковъ, купцовъ, воиновъ: тамъ всѣ — только воины; одно занятіе — война, — и война не какъ ремесло, а какъ священная дѣль. Прекратите поводъ къ войнѣ, и Черногорцы, по свойству Славянскаго племени, скоро обратятся въ самыхъ мирныхъ гражданъ. Разумѣется, въ досужее время всѣ промысляють, чѣмъ могутъ, чтобы добыть средствъ къ жизни, но только въ досужее время, — а это случается не часто. Даже духовные — и тѣ прежде всего воины, а уже потомъ служители алтаря.

При такомъ положеніи дѣль можетъ ли быть рѣчь о какомъ нибудь административномъ благочиніи, о созданіи въ Черногоріи правильнаго государства, гражданскихъ порядковъ? Не странно ли требованія дипломатовъ и публицистовъ, чтобы Черногорцы жили какъ слѣдуетъ благовоспитаннымъ Европейцамъ? Не смѣшны ли самыя обвиненія Черногорцевъ въ грабежахъ и убійствахъ, и тѣ названія, которыми честить ихъ Европейская публицистика? Убійство, конечно, явленіе безнравственное, но однакоже цивилизованные народы дозволяютъ себѣ прибѣгать къ нему и даже къ грабежу во время войны?...

А Черногорецъ въ войнѣ постоянной!... Перестать убивать и преслѣдовать Турка — значитъ перестать видѣть въ немъ врага, и, напротивъ того, видѣть въ немъ добраго сосѣда; видѣть же въ немъ добраго сосѣда — значитъ признать право Турокъ на обладаніе Славянскими землями, — т. е. отречься отъ своей вѣры, отъ своего знамени, отъ историческаго призванія Черногоріи! Черногорія — это четырехвѣковой протестъ *всего* Славянскаго племени противъ мусульманской тиранніи въ христіанской Европѣ, это свидѣтельство его жизнениности: отказаться отъ этого протеста — для Черногоріи то же, что подписать себѣ смертный приговоръ. Дипломаты, требовавшіе, чтобы Черногорія вела себя относительно Турокъ благоправно, конечно считали свои требованія исполнѣ благотѣльными для страны, но эти требованія были

для Черногорцевъ опаснѣ Турецкихъ нашествій. Вражда Черногорцевъ къ Туркамъ, какъ мы уже сказали, вовсе не вражда *личная* Черногорскаго народа, а все-Славянская; независимость Черногоріи — есть залогъ будущей независимости всего Славянскаго населенія на Балканскомъ полуостровѣ. Черногорцы имѣютъ значеніе не сами по себѣ, а по своему отношенію ко всему Славянству, не какъ Чепогорцы, жители такой-то мѣстности, во столько-то квадратныхъ миль, — а какъ казаки, передовые люди, піонеры Славянской свободы! Если вы отнимете это значеніе у Черногоріи, что останется? каменистая, непронзводительная мѣстность, голыя скалы, которыми и дорожить нечего, — сотня тысячъ голодныхъ, полудикихъ людей, забравшихся на такіе утесы, гдѣ нѣтъ возможности создать никакого общества. Когда болѣе десятка милліоновъ христіанъ состоятъ подъ владычествомъ Турокъ, независимость сотни тысячъ людей представляется уже дѣломъ относительно — неважнымъ.... Да, Европейская дипломатія и политическое честолюбіе князя Данила, — стремившіяся создать изъ Черногоріи «государство», обособить ее, сдѣлать изъ нея что-то — само по себѣ существующее, — ослабили силы Черногоріи еще задолго до Омеръ-паши!

По нашему мнѣнію, если обсуждать дѣло отвлеченно, въ принципѣ, — никакая государственная форма не можетъ имѣть мѣста въ этой странѣ; Черногорія не есть, не можетъ и не должна быть *политическимъ* тѣломъ. Черногорія безсилна — какъ государство; Черногорія неодолима — какъ боевой станъ, какъ воинская община. Какъ государство, она такъ микроскопично мала, что разлѣвъ только передъ Рейсъ-Шлейсъ-Грейцъ-Лобенштейнъ-Эберсдорфъ, съ ихъ Генрихами XX—LXXII, можетъ хвастаться своими размѣрами; какъ военный станъ — она богата просторомъ. Какъ государство — она бѣдна, лишена способовъ для мирнаго, гражданскаго существованія; какъ военный и постоянно воюющій станъ — она въ состояніи добывать себѣ нужныя средства. Какъ государство — Черногорія, невольно, сама въ себѣ даетъ доступъ требованіямъ, удовлетвореніе которыхъ разорительно для страны, а неудовлетвореніе тягостно для государственнаго самолюбія; какъ военный станъ, какъ военная община — Черногорія можетъ или могла бы сохранить простоту жизни и нравовъ, отсут-

стві притязаній на вѣднѣность, нерѣдко жалкихъ и недостойныхъ.... Съ государственной формѣй и какъ политическое тѣло — Черногорія непременно утратитъ равенство, цѣльность, явится уже не какъ воинствующій самоуправящій народъ, а какъ правительство и какъ народъ, которые могутъ быть и несогласны между собою.... Разгоните станъ — онъ соберется вновь; въ государству, такого размѣра, какъ Черногорское, потерпѣвъ поражение, трудно подняться. Станъ можетъ прятаться въ ущельяхъ и на утесахъ, а государству, заразившемуся притязаніями на вѣднѣй порядокъ, оставаться тамъ невозможно: если же оно остается, то противорѣчитъ своему принципу, — и внутренній разладъ подточитъ, какъ червь, ту самую силу и крѣпость, которыя необходимы для политическаго бытія....

Такъ и случилось.

Можно полагать, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, что независимость Дольной и Горной Зеты (Черногоріи) начинается съ 1368 года, когда баны ея изъ роду Балшичей не захотѣли признать Вукошина (отца Марко Кралевича), убійцу царя Сербскаго Уроша, своимъ господиномъ. Вскорѣ затѣмъ, а особенно послѣ Коссовской битвы (1389), началась непрерывная борьба съ Турками, и Черная Гора стала убѣжищемъ вольныхъ Сербовъ.

Внукъ знаменитаго князя Ивана Черноевича, боровшагося съ Магометомъ II, Георгій, женатый на Венеціанкѣ изъ фамиліи Мочениго, переѣхалъ въ Венецію около 1520 г., оставивъ всю власть тогдашнему митрополиту Вавилѣ, и съ тѣхъ поръ Черногорія управлялась «владыками» до 1852 г.

Что можетъ быть, повидимому, страннѣе такого явленія: военный станъ управляемый духовнымъ лицомъ! Что, кажется, могло бы быть приличнѣе, удобнѣе и проще управленія княжескаго? По нашему мнѣнію, это именно объясняется тѣмъ, что Черногорцы не могли допустить, не ставши въ противорѣчіе сами съ собою, никакой извѣстной готовой формы политическаго устройства. Временное убѣжище, для временной цѣли, не могло служить мѣстомъ для прочныхъ гражданскихъ созданій, да и никакая форма политическаго устройства не была бы въ состояніи тамъ удержаться при отсутствіи условій, необходимыхъ для гражданскаго бытія.

Кромѣ того званіе князя давало просторъ личному честолюбію и всякимъ политическимъ оболъщеніямъ, а Черногорцы чувствовали, что «государь» слишкомъ крупень для Черногоріи, что «монархія» задавила бы ихъ небольшое общество, что Черногорія, въ государственной обстановкѣ, становилась безсилыѣ Черногоріи безгосударной. Въ томъ положеніи, въ которомъ они находились, нечего было и мечтать объ организаціи независимаго государства на вершинахъ голыхъ утесовъ: сильнымъ оно быть не могло; слабое, оно было слабѣ всякаго простаго бытоваго строя. Тяжеловѣсный государственный снарядъ, способный упрочить независимость и крѣпость государства, былъ невозможенъ; легкій снарядъ — былъ негоденъ. Черногоріи не нужно было никакого правительства, тѣмъ менѣе двора: ей нуженъ былъ отъ времени до времени военачальникъ, и нужна была власть духовная, для блюденія чистоты и цѣлости православной церкви. Власть гражданская, сама по себѣ существующая, — къ тому же безсильная держать въ уздѣ вольныхъ горцевъ, смѣнилась авторитетомъ церкви — безусловно чтимымъ; владыка знаменовалъ собою единство и союзъ духовный, которому Черногорія, при слабости политическихъ и гражданскихъ узъ, обязана тѣмъ, что сохранилась до нашего времени.

Разумѣется, такое совмѣщеніе обязанностей было исполнено внутренняго противорѣчія, и митрополиты нерѣдко обращались не только въ гражданскихъ правителей, но и въ военнопочальниковъ: это и должно было случиться тамъ, гдѣ война, освященная религіознымъ чувствомъ, составляла цѣль самаго существованія. Но за то, въ числѣ владыкъ, былъ одинъ такой духовной жизни, что Черногорцы признають его за святаго, и чествуютъ мощи его, покоящіяся на вершинѣ возвышеннѣйшаго утеса.

Удивительное явленіе, въ высшей степени оригинальное, и, — вопреки всѣмъ дешевымъ моралистамъ, клеймящимъ Черногорскіе обычаи, нравы и все устройство — варварствомъ, певѣжествомъ, безчеловѣчіемъ, — возбуждающее невольное уваженіе! — Вообразите себѣ горсть храбрыхъ, рѣшившихся противостоять бурѣ магометанства: одни, безъ всякой надежды на чужую помощь, безъ всякихъ пособій науки, искусства, дипломатіи, водружаютъ они въ скалахъ знамя незави-

симости и крестъ христіанства. Простецы, отдѣленные отъ всего остальнаго, образованнаго міра, съ святыми залогами въ рукахъ, они бьются четыре вѣка неутомимо и непрестанно. Ничто не мѣшало имъ купить покой и благоденствіе и покровительство Турокъ покорностью Исламу, или допущеніемъ самыхъ, по видимому незначительныхъ, уступокъ или сдѣлокъ, — но они остались вѣрны вѣрѣ и Славянской народности, ни разу не запятнавъ себя измѣною. Они окружены врагами, они въ теченіи четырехсотъ лѣтъ каждый день жизни покупаютъ цѣною крови, своей или вражьей, — некогда имъ позаботиться о духовной сторонѣ бытія, дорогой каждому Славянскому племени; мгла невѣжества все болѣе и болѣе сгущается надъ ними, они косяжуютъ и дичають, — грубѣютъ и извращаются ихъ понятія въ этой вѣковой школѣ грабежа и убійства.... Такъ, казалось бы, должно быть; такъ оно и есть отчасти; но христіанскій, Славянскій народъ, Черногорцы изумительными усиліями не дали заглохнуть въ себѣ святому завѣту вѣры. Военный станъ подчиняетъ себя добровольно власти духовнаго лица, *единаго невоителя*, чистаго отъ крови (такимъ представляется принципъ, хотя онъ, можетъ быть, и не сознавался, и едва ли когда былъ выполняемъ); лишеныя пособій духовныхъ за недостаткомъ церкви, училищъ и священниковъ, они, такъ сказать, пробаваются, въ теченіи четырехъ вѣковъ, тѣми началами христіанской нравственности, которыя сохранила память народнаго сердца. Прочтите исторію Черногоріи, посѣтите страну, познакомьтесь съ самимъ народомъ и вы удивитесь, вы воздержитесь отъ упрековъ, вы почувствуете, что правосудный Богъ не взыщетъ съ нихъ за то невольное огрубѣніе духа, котораго цѣною купили они свободу своей вѣры и независимость!

Соблазнъ явился — съ другой стороны. Четыре вѣка такихъ напряженій, такого неестественнаго состоянія, такого напраснаго ожиданія конца Турецкому владычеству въ Европѣ, наконецъ примѣръ Сербіи, сложившейся въ княжество, хотя и подвластное султану, — заставили Черногорцевъ снова искать выхода своему положенію, склонили ихъ поддаться политической мечтѣ племянника покойнаго владыки, молодаго

Данила... Преемникъ митрополита сталъ княземъ. Переворотъ въ судьбѣ Черногоріи наступилъ рѣшительный...

Статья II.

Съ начала XVIII столѣтія установился обычай, обязательный для всѣхъ избираемыхъ народомъ во владыки, совершать путешествіе съ Черной Горы на берега Финскаго залива и тамъ, въ Петербургъ, вмѣстѣ съ официальнымъ признаніемъ Русскаго Двора, получать и даръ архіерейства чрезъ рукоположеніе Русскихъ епископовъ. Владыка Петръ II, назначивъ себя преемникомъ племянника своего, Данила; отправилъ его для «воспитанія» въ Вѣну. Разумѣется, воспитанія никакого не было, но хмѣль Европейской цивилизаціи мигомъ ошибъ молодого восприимчиваго полудикаго горца: — въ головѣ его зароклись разныя мечты и планы, и когда, по копчиѣ Петра II-го, Данило отправился для посвященія въ Петербургъ, то съ дороги написалъ въ Черногорію, что его намѣреніе — быть княземъ, а не владыкой, разумѣется если Русскій Императоръ будетъ на это согласенъ, — а въ согласіе его Данило почему-то несомнѣнно вѣрилъ. Черногорцы, озадаченные смѣлымъ, рѣшительнымъ, «юнацкимъ» тономъ Данила (а юначество или молодечество встрѣтитъ всегда сочувствіе въ воинственномъ племени), — освятили всенароднымъ рѣшеніемъ честолюбивый замыселъ Данила. Всѣ эти предварительные переговоры производились безъ всякой дипломатической огласки.

Скромно, смиреннымъ кандидатомъ въ монахи и архіерей явился Данило въ Петербургъ, и, какъ подобало, былъ помѣщенъ въ Александро-Невской Лаврѣ, или на какомъ-то монастырскомъ подворьѣ. Пишущій эти строки слышалъ нѣкоторыя нижеслѣдующія подробности отъ самого князя Данила, который любилъ вспоминать и рассказывать объ этой своей удачѣ, объ этой важной эпохѣ въ судьбѣ Черногій. По его словамъ, въ его положеніи принялъ участіе князь Паскевичъ, съ которымъ онъ видѣлся проездомъ чрезъ Варшаву и который взялся походатайствовать объ немъ у покойнаго Государя. — Прошло нѣсколько времени довольно скучныхъ ожиданій и скучнаго монастырскаго заключенія, —

разсказывалъ Данило, — объявляютъ Данилѣ повелѣніе быть во дворцѣ, на аудіенціи у Императора, въ такомъ-то часу. Данило явился. «Ну что, чѣмъ хочешь быть — архіереємъ или княземъ?» спросилъ Государь. — «Какъ угодно будетъ Вашему Императорскому Величеству», отвѣчалъ ловкій Черногорецъ. — «Почему-жъ тебѣ монахомъ не быть?» — «Не чувствую призванія, Ваше Величество, жениться хочу.» — «Какой же ты монахъ!» сказалъ Императоръ Николай и прибавилъ многозначительно: «будешь княземъ».

И сталъ Данило княземъ, тотчасъ же выѣхалъ изъ монастыря, облекся въ блестящій Черногорскій костюмъ, и гулялъ по Невскому проспекту, а Европа съ изумленіемъ узнала, что на политическомъ горизонтѣ нежданно-негаданно, безъ ея спроса и вѣдома, явилось новое политическое тѣло, что въ ряду самостоятельныхъ державъ прибавилось одной державой, а въ семьѣ владѣтельныхъ царственныхъ домовъ — однимъ домомъ, одной династіей больше. Особенно неожиданъ и неприятенъ былъ этотъ сюрпризъ для Турціи. Но въ то время (въ началѣ 1852 года) Франція была занята своими внутренними дѣлами, и никто не посмѣлъ явить себя рѣшительнымъ противникомъ Русской политики. Нѣтъ, однакоже, никаго сомнѣнія, что созданіе независимаго «государства» на Балканскомъ полуостровѣ — было однимъ изъ сильныхъ поводовъ къ озлобленію Турціи и Европы противъ Россіи, а вскорѣ — и къ Восточной войнѣ. Впрочемъ, намъ совершенно неизвѣстна дипломатическая переписка Россіи по этому предмету; точно также, передавая разсказъ Данила, мы вовсе не принимаемъ на себя отвѣтственности за точность его разговора съ покойнымъ Государемъ: но по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ передавалъ его Черногорскій князь, такова легенда — сложившаяся по всей Черногоріи.

Пробывъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, князь Данило отправился домой, въ свои родимыя горы, и со всей энергіей молодости, со всей настойчивостью убѣжденія, принялся за выполненіе своей любимой мечты: сдѣлать изъ Черногоріи настоящее государство, — которое бы служило для остальныхъ Турецкихъ Славянъ тѣмъ, чѣмъ былъ — нѣсколько лѣтъ спустя — Швейцарія для Италіи. Онъ круто принялся за преобразование Черногоріи; первые его шаги были ознамено-

ваны дѣлами насилія и жестокаго деспотизма. Въ этой странѣ, гдѣ «отсѣчь главу» у Турка—значить меньше, нежели раздавить паука, гдѣ даже дѣти играютъ въ битвы и въ отсѣченіе главъ, упражняясь надъ какими-нибудь животными или дикими растеніями, — гдѣ съ самаго ранняго возраста человекъ ни на минуту днемъ не разстается съ смертоносными орудіями, съ наточенными кинжалами и заряженными «пушками» (т. е. ружьями), — въ такой странѣ грубая сила естественно является единственною разрѣшительницею вопросовъ и недоумѣній, единственнымъ рычагомъ для политическаго правленія. — Многіе изъ близкихъ родственниковъ князя и изъ другихъ честныхъ родовъ Черногоріи (напримѣръ Радоничи *) не захотѣли подчиниться деспотизму Данилы; — возникли партіи, заговоры: онъ казнилъ дядю, казнилъ еще нѣсколько человекъ, а остальныхъ выгналъ вонъ изъ Черногоріи, не смотря на ихъ имепитость.

Ему хотѣлось, во что бы ни стало, добиться признанія Черногоріи княжествомъ отъ всѣхъ Европейскихъ державъ; изъ независимости *de facto* — сдѣлать независимость *de jure*, ввести ее въ политическую систему, въ область Европейскаго международнаго права. Для этого надобно было на первыхъ же порахъ показать себя совершенно самостоятельнымъ относительно Россіи и заявить міру о раздѣльности своихъ интересовъ съ интересами Русскими, тѣмъ болѣе, что вскорѣ за тѣмъ началась Восточная война, и Европа враждебно отнеслась ко всѣмъ Славянскимъ племенамъ въ Турціи, подозрѣвая ихъ въ сочувствіи къ Россіи. — Мало того: надобно было заискривать благосклонности у возростающаго могущества Франціи, повелителю которой, какъ и всякому энергическому смѣлому честолюбу, вполне сочувствовалъ Данило; наконецъ эти же причины заставили его изъ всѣхъ силъ нарядать Черногорію въ государственный мундиръ, и рисоваться предъ Европой благоустроенною странюю, имѣющею крѣпкое правительство — *un gouvernement fort* — (самое могучее право на лестное вниманіе кабинетовъ), странюю не варварскою, а цивилизованною или стремящеюся къ

*) Въ родѣ которыхъ управленіе гражданскими дѣлами, однакожь безъ характера верховной власти, было наследственно.

цивилизациі, способною съ честью занимать мѣсто рядомъ съ другими цивилизованными націями. — Онъ воспретилъ Черногорцамъ переходить границы и нападать на Турецкія селенія—*во время мира*, и чтобы дать Европѣ доказательство искренности своихъ распоряженій — казнилъ ослушниковъ своей воли; онъ пытался стать и отчасти сталъ къ Турціи— какъ государство къ государству, между которыми можетъ быть миръ, можетъ быть и война, и которыхъ взаимныя отношенія обуславливаются трактатами на общемъ Европейскомъ правѣ. Когда, при подписаніи Парижскаго мира, въ опубликованныхъ протоколахъ конгресса, Данило не нашелъ подтвержденія политическому существованію Черногоріи, онъ протестовалъ ко всѣмъ Европейскимъ державамъ, добивался благоволенія Людовика Наполеона, сначала посылалъ къ нему своего перваго адъютанта съ оружіемъ—въ подарокъ императорскому принцу, потомъ и самъ ѣздилъ въ Парижъ... Результатомъ его стараній, а также и успѣшной войны съ Турками и блистательной Граховской побѣды, одержанной его братомъ Мирко 13 Марта 1858 года и вѣроятно еще памятной, по газетнымъ описаніямъ, Русскимъ читателямъ, — результатомъ были Константинопольскія конференціи, которыя и признали нужнымъ опредѣлить границы между Турецкими и Черногорскими владѣніями, обозначить на картѣ и отмежевать въ натурѣ пространство, называемое Черногоріей. Князь добивался при этомъ «соленой водицы», какъ выражаются Черногорцы, т. е. клочка земли у моря, пристани, которая бы поставила ихъ торговлю въ независимость отъ Австріи и Турціи, владѣющихъ берегомъ Адриатики, и дала бы имъ, черезъ торговлю, средства къ существованію, — но происки Англии, Турціи и Австріи перемогли усилія прочихъ благопріятствующихъ Черногоріи державъ. Собралась *межевая* коммиссія, всѣ иностранные представители привезли своихъ топографовъ, — *генеральное и чрезполосное* межеваніе установило предѣлы новому политическому тѣлу, не удовлетворивъ ни Черногорцевъ, ни Турокъ. «Правительство» — потому что Черногорскій народъ обзавелся уже регулярнымъ правительствомъ, конечно, раздѣляло вполнѣ желанія и стремленія народа, даже шло впереди ихъ, — но разъ признавши принципъ [Европейскаго международнаго права и заявивъ себя послѣдователемъ началъ Европейской государственности, —

оно должно было покориться Европейскому рѣшенію, уважать границы, а за неуваженіе ихъ наказывать виновныхъ по всей строгости законовъ!

Можетъ быть, еслибъ Данилу было возможно осуществить исполнѣ свои планы, вся эта государственность послужила бы ему какъ точка опоры для того, чтобы стать во главѣ всеобщаго Славянскаго возстанія въ Турціи, или по крайней мѣрѣ возстанія Герцеговинцевъ, присоединить къ себѣ Герцеговину и часть Старой Сербіи, и основать уже новое государство. Черногорія перестала бы тогда существовать какъ Черногорія, — явилась бы новая политическая комбинація. Но князь Черногорскій не сообразилъ ни средствъ своихъ, ни политической обстановки, ни настоящихъ отношеній къ нему Западной Европы. Онъ вообразилъ, что, заискивая благосклонности у Европы, приобрѣтетъ отъ нея существенную и положительную помощь; онъ рассчитывалъ на благоволеніе Европейской дипломатіи; онъ жертвовалъ тѣми силами своей страны, которая почерпала она въ непосредственности быта, въ тождествѣ правительства и народа, въ твердости своихъ заветныхъ основъ — для того, чтобы, въ качествѣ Европейца, заслужить вниманіе и сочувствіе цивилизованной Западной Европы!... Къ несчастію, не одинъ Данило, но и вся «изображена партая» (образованная партія) Сербіи, отчасти и Болгаріи, впадаетъ въ ту же ошибку и добровольно подрываетъ въ себѣ народную, нравственную цѣлостъ и стойкость, устремляясь мыслію и душою къ Западу... Но объ нихъ послѣ. Вернемся къ Черногоріи.

Что же вышло? Дѣйствительно, проведеніе политическихъ границъ положило *юридическое* основаніе политическому бытію Черногорскаго государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и заперло Черногорію въ эти границы, какъ въ тѣсную и душную тюрьму. Въ прежнее время, когда нападеніе на Турецкія деревни и взаимное нападеніе Турокъ на Черногорскихъ пограничныхъ жителей, считалось дѣломъ обыкновеннымъ, Черногорія постепенно, мало по малу, захватывала землю и расширяла свои предѣлы: собственно говоря — ей не было предѣловъ, не какъ Черногоріи собственно, а какъ военному стану непокореннаго Славянства, который отвоевы-

расть у врага шагъ за шагомъ Славянскую землю. Проведеніе границъ — создавая крошечное Черногорское государство, заставляло Черногорцевъ признать не то ѣко на дѣлѣ, но въ принципѣ, de jure, право Турокъ на обладаніе Славянскою страной, — слѣдовательно измѣнять основному принципу своего собственного бытія. Но еще можно было бы примириться съ проведеніемъ границъ, если бы онѣ дѣйствительно обезпечивали за Черногорцами довольно простора и довольно средствъ для существованія. Напротивъ того, онѣ стѣснили Черногорцевъ на площади 70 квадратныхъ миль, почти сплошь заваленной каменьями, замкнули ихъ въ скалахъ и ущельяхъ. Прежде, отпятае у врага считалось законною добычей и даже замѣняло иногда другіе скудные матеріальные способы жизни этого военного стана; теперь же вѣковой военный обычай, воспѣтый и прославленный въ народныхъ пѣсняхъ — возведенъ въ чинъ преступленія! А между тѣмъ обстоятельства вѣдь не перемѣнились: т. е. Турокъ все также на глазахъ, также владѣть Славянскими землями и гнететь Славянъ, слѣдовательно все такой же врагъ, и Черногорцамъ все также ѣсть печего!...

Вся ложь такого положенія проявилась въ особенности въ позднѣйшее время, когда державы заставили уже преемника Данила, Николая, князя Черногоріи — относиться *неуравновѣшенно* къ Герцеговинскому возстанію, и въ качествѣ державы, состоящей въ мирѣ съ Портою, признавать Герцеговинцевъ инсургентами, мало того — пропускать черезъ Черногорскія земли доставку провіанта Турецкому гарнизону въ крѣпости, осажденной Герцеговинцами! Черногорца довести до того, чтобъ онъ считалъ Герцеговинца, возстающаго противъ Турокъ, матежникомъ! Это такой дипломатическій *tour de force*, которымъ дипломатія могла бы по истинѣ гордиться, еслибы онъ только представлялъ ручательство въ прочности! Европейская дипломатія предъявляла требованія, конечно, вполне логическія, но именно самая противосестественность этихъ требованій, какъ законный логическій выводъ, и свидѣтельствуешь о томъ, сколько лжи заключало въ себѣ политическое созданіе Данила! Разумѣется также, что такое уродливое положеніе не могло продолжаться и разрѣшилось войною, — печальные результаты которой намъ извѣстны.

Впрочемъ князь Данило, какъ ни утѣшался — съ одной стороны виѣшнимъ почетомъ, оказываемымъ ему, какъ «Нѣговоу (его) Свѣтлости Господарю Черногоріи», и Черногоріи, какъ политической державѣ, а съ другой — вѣроу въ лучшія обстоятельства, — однако, безъ сомнѣнія, понималъ всю невыгоду и шаткость своего новаго положенія. Можетъ быть, онъ бы и очнулся подъ конецъ, потому что въ немъ былъ настоящій юначкій духъ Черногорца — можетъ быть — онъ сбросилъ бы съ себя нуты, которыми самъ же себя спуталъ, и сталъ бы открыто во главѣ возстанія... Можетъ быть да, — можетъ быть и нѣтъ, — но, къ сожалѣнію, онъ умеръ черезъ два года послѣ проведенія границъ (въ 1860 году), — оставивъ преемнику своему всю политическую и административную систему — только безъ своей энергіи, безъ своего юначества и безъ своей вѣры.

Не смотря на предубѣжденіе, которое естественно породилось слухомъ о «Петровскихъ» преобразованіяхъ Данила, не смотря на то, что Русское національное чувство невольно оскорблялось его преимущественнымъ вниманіемъ къ Франціи, — пишущій эти строки долженъ признаться — князь Данило, самъ по себѣ, возбудилъ въ немъ искреннее личное къ себѣ сочувствіе. Это былъ человекъ идеи, — всецѣло преданный одной завѣтной, не личной мечтѣ, проникнутый весь, до мозга костей, однимъ убѣжденіемъ. Его честолюбіе было не просто эгоистическое: онъ былъ честолюбивъ за всю Черногорію, которую любилъ пламенно и за которую не задумываясь отдалъ бы свою жизнь. Способность полюбить идею общаго блага, хотя бы и ошибочно понимаемаго, и послужить ей, этой идеѣ, всѣмъ сердцемъ и всѣми помыслами своими — есть уже сама по себѣ нравственное явленіе, потому что поглощаетъ узкій эгоизмъ личности...

Указавъ такимъ образомъ на сочувственную сторону характера князя Данила, мы тѣмъ съ большимъ правомъ можемъ обратиться теперь къ другой — болѣе мелочной и темной сторонѣ его жизни, — его притязаніямъ на цивилизацію, на политическое значеніе, проявившимся иногда жалкимъ и недостойнымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, онъ однажды вздумалъ написать какое-то сообщеніе отъ себя Русскому консулу въ Рагузѣ — на Французскомъ языкѣ, на томъ осно-

ваніи, что Французскій языкъ есть всеобщій языкъ дипломатіи. Консулъ не принялъ такой бумаги и замѣтилъ князю, что оныя должны сноситься съ Россіей—или на Сербскомъ (Черногорскомъ) или на Русскомъ языкѣ, и что Славянамъ между собою вести переписку по Французски—дѣло неприличное и можетъ исходить только изъ душевнаго подобострастія къ Европѣ. Впрочемъ для того, чтобы нагляднѣе представить читателю справедливость нашихъ замѣчаній, расскажемъ вкратцѣ наше трехдневное пребываніе въ Цетиньѣ.

Статья III.

«Запаслись вы фракомъ и бѣлыми перчатками?» спросилъ меня въ Которѣ N. N., одинъ изъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ, часто по обязанности посѣщавшій Черногорію и пригласившій меня сопутствовать ему, на этотъ разъ, въ Цетиньѣ:—«Фракъ? бѣлыя перчатки? Для Цетинья? Да при видѣ этихъ дикихъ утесовъ, подъ этимъ палющимъ солнцемъ, хочется не фракъ надѣть, а сбросить всякій Европейскій нарядъ и неразлучную съ нимъ идею моды и условности; хочется надѣть тѣстную народную одежду, *бълачь, цунницъ* *), *доколенице, опанки* **), накиннуть *струку* ***)...» — «Вы забываете, сказалъ N. N., что въ Цетиньѣ уже заводится *дворъ* и придворный этикетъ; всякій внѣшній признакъ почета тамъ дорого цѣнится...»

Доставши съ великимъ трудомъ перчатки въ Которѣ, мы сѣли на коней, и, выѣхавъ изъ города, стали медленно подниматься вверхъ на утесы, по изгибамъ дороги, кое-какъ высѣченной въ камнѣ. Для N. N. была выслана лошадь изъ Цетинья, съ проводникомъ — *перенникомъ* †) Шуто: этотъ старикъ Шуто очень хорошо извѣстенъ Русскимъ путешественникамъ; объ немъ упоминается въ Путевыхъ Замѣткахъ

*) Бѣлый кафтанъ.

**) Сандалии.

***) Плядь.

†) Т. е. имѣющій на шапкѣ перо; перенникъ — *wardia* Черногорскаго князя.

Ковалевского въ *Русской Бесѣдѣ*. Шуто привелъ съ собою двухъ Черногорокъ—для того, чтобъ безъ церемоніи навьючить ихъ нашими чемоданами. Въ самомъ дѣлѣ—обѣ женщины подвязали себѣ каждая на спину по чемодану, и придерживая ихъ руками, не смотря на тяжесть ноши, стали, какъ серны быстро, взбираться на каменную крутизну, не по извивамъ дороги, а цѣликомъ, прямо, карабаясь по утесамъ, перепрыгивая со скалы на скалу, цѣпляясь за кусты и корни, растущія въ щеляхъ и расщелинахъ.

Подъемъ былъ очень утомителенъ и труденъ, а мѣстами и опасенъ. Иногда приходилось намъ двигаться по самому хребту утеса, такъ что оступись конь—мы бы мигомъ слетѣли въ пропасть или, пожалуй, не долетѣвъ до дна, разшиблись бы о каменные иглы. И надо признаться, что, въ виду такой страшной возможности, съ непривычки, ѣхать было довольно жутко, но нашъ проводникъ Черногорецъ—такимъ хозяиномъ, такою спокойною и твердою поступью шагаль себѣ по скаламъ, по самому опасному краю дороги, что совѣстно было выразить малѣйшее смущеніе. Впрочемъ, когда мы достигли самой вершины хребта, т. е. поднялись на *вршахъ*,—нашему взору открылась такая великолѣпная панорама, которая разомъ вышибла—изъ головы всякія заботы, изъ тѣла всякую усталость! Съ одной стороны вставало колыхавшейся стѣной синее море, однимъ краемъ своимъ сливаясь съ синевой неба, другимъ—напирая на каменные громады Далматскаго берега; горы, тѣснясь, сходили и загромождали прибрежныя воды, образуя безчисленныя бухты и залвы; внизу чуть видѣлся городокъ Которъ,—и тысяча извивовъ только что пройденной нами дороги—объжали внизъ, постепенно суживаясь и умаляясь, и наконецъ падали прямо едва замѣтной стрѣлою; съ другой стороны широкое зеркало Скутарскаго озера—и чуть видныя поселенія—тамъ, за озеромъ, уже въ Турецкихъ владѣніяхъ. Кругомъ васъ горы, да горы, цѣлый міръ, цѣлая стѣихъ горъ, скалъ и утесовъ; съ права—равнина моря, съ лѣва—равнина земли, далекая и чужая,—а надъ обѣими равнинами высится и стоитъ сторожемъ—Черная Гора! Шуто остановился и, опершись на свою длинную вилтовку, поглядѣлъ внизъ на Австрійскій берегъ, на крошечный городокъ, гдѣ чуть-чуть мель-

кали бѣлые Австрійскіе мундиры. Возвышенность мѣста, его господствующее положеніе надъ окрестностью, вольный горный воздухъ, чувство своей независимости и сознаніе своей безопасности на этихъ неприступныхъ вершинахъ, все это отражалось на лицѣ Черногорца. Казалось — только бы поставить ружья — пафъ, пафъ, и бѣлыхъ мундировъ какъ не бывало. Соблазнительно и искустительно! — и конечно не одинъ Черногорецъ прицѣливался и примѣривался, хоть для шутки, съ вершины въ долъ — въ Австрійскаго солдата... Но мудрость народная пересиливаетъ однакоже это искушеніе, и направляетъ дуло Черногорской винтовки въ другую сторону, къ Туркамъ. Тѣмъ не менѣе, Австрійскія власти, чувствуя, что надъ ними постоянно виситъ гроза, несравненно мягче и либеральнѣе въ отношеніи къ Славянскимъ жителямъ Котора, нежели въ другихъ городахъ Далмаціи, и съ робостью посматриваютъ каждое утро — не усѣлся ли гребень горъ — гребнемъ Черногорскихъ шапокъ. Однажды, празднуя рожденіе дочери у Князя Данила, Черногорцы вздумали потѣшиться, и высыпавъ толпою на край своей твердыни, въ виду городка Котора, выразили свою радость стрѣльбой изъ ружей, разумѣется холостыми зарядами... Какъ переполошились и перетрусили Австрійскія власти! Благодаря этой опасности отъ Черногорцевъ, только одни Славяне Вокко-ди-Каттарскіе имѣли въ 1860 году въ городѣ «Читаоницу» съ вывѣской, написанной кириллицею, — чего рѣшительно не позволялось въ остальной Далмаціи.

Воинственный и вольный воздухъ горъ заразителенъ. Бросивъ, не безъ презрѣнія, послѣдній взглядъ на робко лежавшую у ногъ нашихъ, или, вѣрнѣе сказать, у подошвы горъ, на которыя мы взобрались, — цивилизацію, олицетворявшуюся для Черногорца въ видѣ городка Котора, — мы бодро двинулись въ путь уже по обратному наклону горъ, внутрь страны; впереди насъ Черногорки, въ ихъ *помятахъ* со шнурами и узорчато-вышитыхъ рубахахъ, несли, согнувшись и очевидно утомленные, наши чемоданы, въ которыхъ (мы въ воинственномъ расположеніи дука объ этомъ на время позабыли) бережно были уложены фракы, перчатки, галстуки и другія принадлежности моднаго Европейскаго туалета. Не стаемъ разсказывать, какъ близъ колодца видѣли мы одну Черно-

горскую женщину—вдову убитого подъ Граховымъ, которая на вопросъ—жалъ ли ей было мужа, отвѣчала, что убитые въ сраженіи за вѣру, противъ Турокъ, становятся святыми у Бога; какъ попадались намъ съ навьюченными ослами (очень мелкими), женами и дочерьми—вооруженные Черногорцы и въ числѣ ихъ одинъ, совершенно обнаженный до пояса, но умудрившійся какъ-то прикрѣпить на голой груди — медаль за Граховскую побѣду, вычеканенную по повелѣнію князя... Всѣ эти подробности немного бы прибавили къ превосходнымъ описаніямъ Попова и Ковалевскаго, да и не входятъ въ нашу задачу.—Дорогой мы видѣли только одно селеніе, и то въ сторонѣ,—и наконецъ добрались до Цетинья... Гдѣ-жъ Цетинье? гдѣ «столица» Черногоріи?

На довольно большой площади, огражденной со всѣхъ сторонъ высокими утесами, раскинуто тамъ и сямъ—до 20 (кажется не болѣе) сложенныхъ изъ камня, небольшихъ избъ, большею частью двурусныхъ. Это не селеніе, это не городъ, тутъ нѣтъ ни одной лавки, ни другихъ «общественныхъ» заведеній; это просто станъ Черногорской верховной власти. Здѣсь былъ когда-то монастырь, сожженный Турками, и изъ развалинъ его устроено помѣщеніе для владыкъ, а потомъ и для князя. Прислонясь къ горѣ, стоитъ домъ, въ которомъ живутъ кое-какіе приближенные князя, да сходятся на ученые грамоты и письму—десятка два или три мальчиковъ къ Цетиньскому священнику. Къ этому дому ведетъ каменная лѣстница, полуразрушенная дѣйствіемъ весеннихъ горныхъ потоковъ; по этой же полуразрушенной лѣстницѣ ходятъ и въ церковь—маленькую, тѣсную, узенькую, бѣдную, единственную церковь въ Цетиньѣ,—въ которой, при насъ, совершалъ богослуженіе Черногорскій священникъ, въ полномъ Черногорскомъ нарядѣ, только безъ вооруженія, но и безъ ризъ, въ одной епитрахили. Въ оградѣ этого бывшаго монастыря, по серединѣ, стоитъ копакъ или дворецъ князя, сдѣланный изъ нѣсколькихъ монастырскихъ келій.

Г. N. N. отправился прямо въ конакъ, а меня довель одинъ Черногорецъ до «локанды (locanda)». Года два тому назадъ какой-то Итальянецъ изъ Далматскаго Прибрежья, по приглашенію правительства, устроилъ здѣсь первую гостиницу для прїѣзжающихъ; она состоитъ изъ двухъ ком-

натъ, въ одной по срединѣ красуется двуспальная постель— это для путешественниковъ; въ другой— нѣтъ никакой мебели, только овчинныя шкуры разостланы на полу: это для Черногорскихъ «сенаторовъ», приходящихъ въ Цетинье. На дворѣ, разумѣется не огороженномъ, стояла зеленая Турецкая палатка, отбитая подъ Граховымъ, въ которой Италиянецъ производилъ торговлю водкой, табакомъ и кое-какой мелочью: это единственная торговля въ «столицѣ»... Нигдѣ ни сада, ни рощи,—кажется два-три дерева не больше, въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, растутъ на этой каменной почвѣ, слегка прикрытой тонкимъ слоемъ земли.

По пути къ локандѣ, въ великому для себя удивленію, увидѣлъ я, въ сторонѣ, двухъ прогуливающихся дамъ, одѣтыхъ по самой послѣдней Парижской модѣ, со всею возможною широтою кринолиновъ, во Французскихъ шляпкахъ и съ зонтиками. Такое изящное, или вѣрнѣе — эlegantное явленіе, занесенное, изъ міра моды и цивилизаціи, въ этотъ міръ дикой природы и простоты первобытной, естественно поразило новоприбывшаго: оказалось, что это была княгиня съ своей компаньонкой Англичанкой, двѣ единственныя дамы въ Черногоріи: остальное же женское населеніе, все, безъ исключенія—жены, матери, сестры, невѣсты, однимъ словомъ женщины, но не дамы, — строго хранитъ свой народный обычай. Но между женщиной и дамой лежитъ бездна, и одиноко красовался кринолинъ на Цетиньскомъ полѣ, — Черногорки, косясь и спѣша, проходили мимо.

Получивъ отъ князя приглашеніе къ обѣду и узнавъ, что по заведенному въ Цетиньскомъ дворцѣ порядку—обѣдъ бываетъ только въ 8 часовъ *вечера*, а въ полдень бываетъ только «фриштикъ» (что въ переводѣ на простой бытовой языкъ значило, что обѣдъ въ 12, а въ 8 ужинъ),—я успѣшилъ воспользоваться длиннымъ досугомъ времени до обѣда, чтобъ познакомиться съ Черногорцами, изъ которыхъ многіе прямо пришли ко мнѣ въ комнату—обнятыя и поцѣлованыя съ братомъ Русскимъ,—а съ другими мы тотчасъ же вступили въ дружескія отношенія на дворѣ, подлѣ локанды. Что за народъ, что за люди! Высокій ростъ, одинъ выше другаго, стройный станъ, изящныя движенія, красивыя, мужественныя, но не дерзкія, а важныя лица, живописный нарядъ,—

на поясѣ, внизу груди, *припояснице съ вышеклуками*—родъ патронташа, чуть не пудъ вѣсомъ, изъ котораго торчатъ атаганы, ножи, пистолеты, трубки (Черногорецъ, если не стрѣляетъ, такъ почти всегда *пушитъ*, т. е. куритъ)... Всякій изъ нихъ не разъ встрѣчался лицомъ къ лицу съ смертью, побилъ не одного Турка, совершалъ чудеса храбрости,—но ни хвастовства подвигами, ни суетливости въ разговорѣ....

Облекшись во фракъ, натянувъ перчатки и нахлобучивъ складную шляпу, отправился я наконецъ къ князю. Совѣстно и стыдно было предстать въ такомъ «салономъ» видѣ предъ лицо скалъ и утесовъ; еще совѣстнѣе было идти въ такомъ нарядѣ среди братьевъ-Черногорцевъ, сопровождавшихъ меня толпою до самаго конака.

Князь и княгиня встрѣтили меня любезно и привѣтливо, въ своей гостинной,—изъ которой мы потомъ перешли въ залу церемоніальнымъ порядкомъ. Всѣ пять-шесть комнатъ дворца были убраны по Европейски, а гостинная сверхъ того и очень богато. Но смотря на роскошную мебель и мраморныя вазы, странно становилось на сердцѣ при мысли, что весь этотъ тяжеловѣсный Еуронизмъ былъ втасканъ сюда на спинахъ женскихъ, какъ на вьючныхъ животныхъ. На столахъ лежали кипсеки, дорогія модныя иллюстрированныя изданія; на самой видной стѣнѣ гостинной красовались въ богатѣйшихъ золотыхъ рамкахъ—портреты во весь ростъ Наполеона III и императрицы Евгеніи—подарокъ Французскаго двора. Портрета Русскаго императора мы не замѣтили.

Князь Данило былъ въ Черногорскомъ платьѣ (другаго онъ и не носилъ), только безъ верхняго кафтана. Низенькій, бѣлокурый, весьма и весьма не красивый собой, онъ типомъ лица нѣсколько не походилъ на Черногорца. Но глаза его, живые и пронизательные, постоянно въ движеніи,—выражали и внутреннюю думу, и внутреннюю силу. Онъ былъ простъ въ обращеніи, и не смотря на все свое притязаніе быть искуснымъ дипломатомъ, не былъ воздерженъ въ рѣчи. Онъ охотно говорилъ по Французски, хотя говорилъ очень плохо, и вообще представлялъ въ себѣ любопытное соединеніе: грубой угловатости движеній—съ заимствованными манерами Европейской учтивости; Славянской открытости, задушевности и искренности—съ дипломатическими приемами;

юначества, мужества, храбрости—съ трусостью ложнаго стыда передъ цивилизованнымъ свѣтомъ...

Княгиня, его супруга, урожденная Квекичъ, дочь богатаго Сербскаго купца изъ Триеста, отъ матери Итальянки, получила самое утонченное свѣтское воспитаніе и конечно могла бы, при своемъ умѣ, съ честью держать любой «салонъ» въ Европейскихъ столицахъ. Въ этомъ отношеніи Данило чувствовалъ ея превосходство и подчинялся ея женскому вліянію. Даринка (уменьшительное отъ Дарьи—таково требованіе Сербской учтивости), ставши владѣтельною княгинею Черногоріи и Брды или Берды (такъ называется часть прилегающая къ Босніи), или, какъ писали Французы ей на конвертахъ, ставши «Princesse de Monténégro et de les Berdas»,—не захотѣла разстаться съ своими салонными привычками,—и подобіе Парижскаго салона устроилось въ орлиномъ гнѣздѣ, называемомъ Цетинье. Въ Черногоріи завелось женское вліяніе—явленіе дотоѣ небывалое! Среди дикихъ цвѣтовъ горной, вольной растительности явилось тепличное, нѣжное, изящное растеніе—съ отравою благовопныхъ ароматовъ. Не ловко становилось въ присутствіи молодой цивилизованной дамы, окруженной всѣмъ обаяніемъ аристократическаго свѣтскаго изыщества,—не только простымъ, неграмотнымъ Черногорскимъ *дивимъ* женамъ и дѣвамъ, но и доблестнымъ Черногорскимъ юнакамъ...

Извѣстно, что у Сербскаго племени, вслѣдствіе историческихъ условій жизни, сложились особенныя бытовыя отношенія между мужчиной и женщиной. При необыкновенной цѣломудренности нравовъ, влеченія одного пола къ другому трезвы, и сердца мужчинъ, исполненныя сознанія своего мужскаго общественнаго долга, своего военнаго призванія,—не растлѣваются тонкою игрою въ нѣжныя чувства. Мы были однажды свидѣтелями въ Петербургѣ, какъ блестящія свѣтскія дамы съ любопытствомъ окружили молодаго 17-лѣтняго Черногорца, присланнаго учиться артиллерійскому дѣлу. Онѣ закидывали красиваго дикаря вопросами, которые видимо были ему непонятны. «Любили ли вы кого-нибудь въ своемъ отечествѣ? ну что, вѣрно вы оставили дома дѣвушку, которая васъ любитъ?...»—«Я еще не женатъ», только и умѣлъ отвѣчать на всѣ вопросы изумленный и смущенный юноша,—

который, между прочимъ, успѣлъ уже отрубить десять главъ Турецкихъ (о чемъ имѣлъ положительное официальное засвидѣтельствованіе!). — Сербъ, Черногорецъ, воюя за свою независимость, является въ глазахъ жены—мужемъ великаго историческаго дѣла, которому она служитъ покорной слугой и помощницею, — и вотъ почему не мужчина у женщины, а женщина у мужчины цѣлуетъ тамъ руку.... И вдругъ въ Черногорію является представительница совершенно иного Германо-романскаго быта, выработавшаго рыцарское поклоненіе — *Huldigung* — передъ жепщиной, обратившаго ее въ даму сердца, а мужчину въ кавалера.... Но *юнакъ* ставшій *кавалеромъ* не отстоитъ независимости Черногорской!...

Для полноты Европейскаго туалета, княгиня обѣдала въ бѣлыхъ перчаткахъ и не снимала ихъ и послѣ обѣда, во все продолженіе вечера; то же самое повторялось и на другой и на третій день, за обѣдомъ и за завтракомъ: новыя платья, новыя перчатки. Разумѣется, княгиню нельзя было винить въ томъ, что родившись не на утесѣ, она хранила свои цивилизованныя привычки. Возмущаясь внутренно этимъ противорѣчіемъ, внесеннымъ въ цѣлность Черногорскаго быта, — мы въ то же время ясно сознавали, что та же самая княгиня Даринка въ Европейской гостинной и въ Европейской свѣтской средѣ была бы у себя дома, на мѣстѣ, умною и милою женщиной, со всѣми достоинствами и недостатками Европейской дамы, — но въ Черногоріи, здѣсь, въ этомъ мощномъ аккордѣ природы и быта—вся эта дамская внѣшность и обстановка звучала невыносимымъ диссонансомъ, пронзительною фальшивою нотой...

Да простятъ намъ читатели наши безпрестанныя отступленія, прерывающія нить начатаго нами рассказа. Впрочемъ, мы предупреждали, что хотимъ сообщить *выводъ* нашихъ путевыхъ впечатлѣній, а вовсе не описаніе подробностей путешествія. Тѣмъ не менѣе передадимъ еще нѣсколько фактическихъ данныхъ.

И такъ, мы пошли обѣдать. Я долженъ сознаться, что, тяготясь собственными непосредственными впечатлѣніями, я долго не довѣрялъ имъ и всѣми способами старался поддержать въ себѣ настроеніе духа, соотвѣтственно тому представленію о Черногоріи, которое сложилось въ каждомъ изъ

насъ съ дѣтства, — постоянно напоминалъ себѣ, что вѣдь это Черногорія, это страна дорогая для каждого Славянина, единственная, кромѣ Россіи, гдѣ не душитъ Славянъ чужеземное иго! Еслибъ я попалъ прямо къ какому-нибудь обѣдному юнаку, такое напоминаніе было бы не нужно, — но здѣсь оно было необходимо... Вокругъ меня раздавался Французскій языкъ, — сидѣли мы за столомъ, изготовленнымъ Французскимъ поваромъ и сервированнымъ Французскимъ метръ-д'отэлеми, — разговоръ шель большею частью о Парижѣ, о которомъ присутствовавшіе отзывались болѣе или менѣе съ нѣжностью, припоминая не только его улицы, но и переулки и переулочки. — За обѣдомъ, кромѣ князя и княгини, сидѣлъ Черногорецъ — «адъютантъ» князя, человекъ шлифованный, и молодой Никица (Николай), родной племянникъ Данила, сынъ знаменитаго воителя Мирко, одержавшаго Граховскую побѣду. Назначивъ Никицу себѣ въ преемники, за неимѣніемъ собственныхъ сыновей (у Данилы осталась только дочь, княжна Ольгица), князь послалъ его образовывать умъ и сердце въ Парижѣ, гдѣ онъ и пробылъ три года, кажется, въ лицѣ. Возвратившись (только мѣсяца за два до нашего посѣщенія), онъ какъ наследникъ престола и какъ человекъ, привыкшій къ Европейскому образу жизни, былъ помѣщенъ не въ семьѣ своего отца Мирко, продолжавшаго жить вполнѣ по Черногорски, а во дворцѣ князя. Стройный, красивый, молодой человекъ, довольно слабого сложенія, съ кроткимъ выраженіемъ лица, — онъ, по крайней мѣрѣ въ то время, не имѣлъ въ себѣ ничего мужественнаго, и по видимому нѣсколько тяготился требованіями дяди, желавшаго видѣть въ немъ, вмѣстѣ съ *bonnes manières de Paris*, удалъ Черногорскаго юнака.

За тѣмъ, кромѣ насъ, были за столомъ ежедневные, всегдашніе члены княжеской свиты Англичанка и Французъ (по фамиліи Тедеско), — первая въ качествѣ гувернантки, второй — въ званіи доктора: безъ сомнѣнія, онъ былъ вмѣстѣ и тайнымъ Французскимъ агентомъ, но крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ состоялъ на жалованьѣ у Французскаго правительства. Онъ же былъ и частнымъ дипломатическимъ секретаремъ у самого князя Данилы и писалъ ему Французскія бумаги. Умный Тедеско держалъ себя очень скромно, но не

трудно было прочесть на его лицѣ и въ его глазахъ сознание своего превосходства предъ *варварами* его окружавшими,— своего вліянія и значенія. Князь постоянно и во всемъ обращался къ нему за совѣтомъ, и тутъ же за объѣдомъ, по случаю выраженнаго докторомъ намѣренія уѣхать мѣсяца на два, объявилъ простодушно, что ни за что съ нимъ не разстанется, что не можетъ существовать безъ него, что онъ ему на каждомъ шагу пужень. Положеніе Тедеско въ домѣ князя невольно напрашивалось на сравненіе съ положеніемъ— во время оно—учителя (*outchitel*) въ старинной дворянской семьѣ, гдѣ-нибудь въ провинціальномъ захолустьѣ, подобострастно взиравшей на заводчика и мастера по части заморской цивилизации... Разговоръ коснулся Людовика-Наполеона, и Данило, не скрываясь, сталъ выражать восторженно свое благоговѣніе къ Французскому императору, обращая свою рѣчь къ Тедеско, слушавшему князя молча, съ едва видной улыбкой— не безъ насмѣшливаго оттѣнка. Нерѣдко взглядъ разболтавшагося Данила встрѣчался съ строгимъ взглядомъ княгини,—и онъ осаживалъ свою откровенность и перемѣнялъ разговоръ. Жена и докторъ постоянно преподавали ему *les bonnes manières* свѣтскаго общества, отчего Данило конфузился, особенно при постороннихъ. Впрочемъ все это нисколько не мѣшало ему стремиться къ исполненію своихъ плановъ,— и Черногорецъ— истый, кровный Черногорецъ, воспитанный въ суровой школѣ битвъ и набѣговъ, выросшій на скалахъ и утесахъ—вдругъ иногда пробуждался въ немъ, изъ-подъ наносныхъ слоевъ внѣшней цивилизаци, —и коверканныя Французскія рѣчи выражали нерѣдко то беззавѣтную отвагу юнака, то грубую страстность полудикаго деспота... «Я бы казнилъ, церемониться бы не сталъ, — всѣхъ повѣсилъ бы»—вырывалось иногда изъ устъ Данила во Французскихъ звукахъ. Но взглянувъ на княгиню, онъ догадывался, что такія рѣчи не совсѣмъ приличны за европейскимъ объѣдомъ,—что говорить ихъ не слѣдуетъ—ну а *дѣлать*—отъ этого не удержало бы Данила ничье вліяніе!—Съ недипломатическою искренностью заявилъ Данило тутъ же вслухъ, при двухъ дипломатическихъ агентахъ, свое полное сочувствіе Виктору-Эммануилу и, обратясь къ племяннику, сталъ шутить довольно грубо по Французски надъ его изнѣжен-

ностью, вызывая его сдѣлаться Гарибальди для Славянъ и пособить Данилѣ разыграть роль Славянскаго Виктора-Эммануила. Взглядъ княгини, какъ щитомъ покрылъ отъ шутокъ дяди—смущеннаго воспитанника Парижскаго лицея (пользовавшагося очевидно полною симпатіей княгини), но не смотря на шутку, можно было замѣтить, какъ пламенно, какъ серьезно мечталъ объ этомъ Данило, — и нельзя было отказать въ сочувствіи ни мечтамъ, ни мечтателю!

За обѣдомъ не было Мирка, роднаго брата князя, храбрѣйшаго вождя храбрѣйшихъ юнаковъ, Черногорца самаго чистаго закала, уже безъ малѣйшей примѣси цивилизаціи; не было никого и изъ другихъ Черногорцевъ, — да и нужно ли объяснять почему? Кому изъ нихъ было мѣсто на этомъ обѣдѣ? Monsieur Mirko, какъ учтиво называлъ его Француз-докторъ, — Мирко Петровичъ навѣрное уже давнымъ-давно съѣлъ себя козленка, развареннаго въ пшенѣ, начиненнаго всякими пряними спеціями, — и завалился спать на овчинной кожѣ: искусствомъ Француза-повара и ловкостью метрд'отеля его не заманишь! Да и самъ князь, какъ намъ удалось замѣтить, не ѣлъ блюдо Французской кухни, которыми подчивалъ гостей, — и слуги, поднося другимъ супы и соусы, ему — почти украдкой — ставили тарелки съ похлебкой и другими произведеніями Черногорской поварни

По угламъ задней стѣны обѣдепной залы, стояли, какъ двѣ каріатиды, двѣ человѣческія громады, два старика Черногорца, въ полномъ Черногорскомъ нарядѣ: это были *чубки*, — которыхъ обязанность подавать гостямъ раскурепныя трубки. Разумѣется — во время обѣда имъ не было никакого дѣла, но таковъ обычай — уже не Европейскій, а Турецкій, Турецкое *сoimpe il faut* знатнаго образа жизни. — О чемъ думали эти старики-Черногорцы, безмолвно взиравшіе на фриштики и банкеты Черногорскаго князя? Конечно — бывали они не разъ въ кровавомъ передѣлѣ съ Турками, и память ихъ богата запасомъ всякихъ преданій, — ибо у этого народа можно сказать нѣтъ письменности, — и вся ихъ исторія въ живой народной памяти, въ пѣсняхъ и сказаніяхъ; помнили они Черногорію еще за давнее время, — и какими краснорѣчивыми обличителями, какимъ живымъ протестомъ являлись нашему воображенію — эти оба безмолвные, неподвижные, старики Черногорцы!

Послѣ обѣда, княгиня ушла съ гостями въ свой салонъ, а князь Данило остался въ залѣ, куда пришли къ нему многіе Черногорцы. Тамъ, безъ дамъ, на свободѣ, закурили они трубки, и повели бесѣду. Въ салонъ никто изъ нихъ и не заглянулъ, — кромѣ молодаго Никицы: въ залѣ раздавались шумные возгласы и взрывы смѣха, въ салонѣ шлепели тихія Французскія рѣчи о житьѣ-бытьѣ Парижа и другихъ мѣстъ образованнаго міра. Раза два забѣгалъ самъ Данило съ бумагами въ рукахъ и просилъ Тедеско поправить ему слогъ или ошибки черноваго Французскаго подлинника, или развить въ искусномъ слогѣ ту или другую наскоро набросанную мысль самого князя.

На другой день мнѣ привелось видѣть Данила на дворѣ или на площади Цетиньской. Пришли Черногорцы, требовавшіе отъ него суда и расправы. Князь сѣлъ на обрубокъ дерева, бывшіе на дворѣ Черногорцы собрались около него кругомъ, продолжая курить свои трубки. Ни у кого, ни въ одномъ движеніи не было и тѣни какихъ-либо раболѣпныхъ, подобострастныхъ или даже просто служебныхъ отношеній. Такъ, вѣроятно, производился судъ въ Новгородѣ, на Ярославовомъ дворѣ... Но мы не знаемъ, навѣрно, также ли теперь производится судъ въ Черногоріи, не обзавелась ли уже и она, какъ Сербское княжество, судомъ *апелляціоннымъ* и *кассационнымъ*? Едва ли. Еще покойный владыка Петръ II, тоже считавшій себя представителемъ цивилизаціи на Черногорскомъ утесѣ, учредилъ въ Черногоріи *сенатъ*, на обязанности котораго, между прочимъ, лежалъ и судъ *). Сенаторы, конечно почти всѣ безграмотные, кажется сами не придаютъ никакого значенія своему званію, да и народъ, по крайней мѣрѣ въ 1860 году, рѣшительно не уважалъ сената и ставилъ его судъ не въ судъ, а требовалъ, чтобы судилъ и рядилъ самъ князь. Тяжущіеся до тѣхъ поръ не успокаивались, не смотря на всѣ старанія сената, пока, бывало, не добьются суда княжого. Князь рѣшить, оба тяжущіеся — оба вольные соколы Черногорскіе — полюбить (т. е.

*) Когда прежде при Императорѣ Павлѣ учреждено было нѣчто подобное, подъ названіемъ *Кулумъ*, то онъ не продержался и двухъ лѣтъ...

поцѣлуютъ) руку судьи, и безпрекословно подчиняются рѣшенію: *такъ владыка заповѣда...*

Пробывъ еще дня два въ Черногоріи и съѣздивъ на Рѣку Черноевичъ (селеніе при рѣкѣ того же имени, впадающей въ Скутарское озеро въ Сѣклинской жупѣ), мы возвратились въ Каттаро.

Изъ всѣхъ предыдущихъ статей нашихъ, читатели знаютъ, что не одною внѣшностію ограничивался Данило въ дѣлѣ преобразованій. Онъ установилъ подати, онъ перемѣнилъ порядки внутренняго управленія, давъ каждому округу начальника по своему княжому усмотрѣнію, тогда какъ прежде каждая пахія управлялась начальникомъ — или избраннымъ ею изъ лицъ, принадлежавшихъ къ пахѣ, или сохранявшимъ право начальства въ своей семьѣ по наслѣдству. Онъ организовалъ родъ регулярнаго войска — *гардію*, онъ издалъ «Законникъ», онъ наложилъ Черногоріи опредѣленные границы, онъ воспретилъ набѣги на Турецкія земли, онъ жестоко казнилъ ослушниковъ своей воли, онъ употреблялъ Черногорцевъ на тяжелыя работы, онъ на каждомъ шагѣ давалъ имъ чувствовать ихъ зависимость отъ верховной власти, онъ изгналъ многіе именитые роды, онъ измѣнилъ самъ и заставилъ Черногорцевъ — измѣнить своему историческому призванію, насловать свой четырехъ-вѣковой бытъ... Не вольно спрашиваешь себя, какимъ же образомъ могъ поддаться Данилѣ этотъ народъ, вольный какъ птицы, боготворившій свободу четыреста лѣтъ сряду, поклонявшійся ей, какъ кумиру? Неужели страхъ наказанія могъ поработить гордыхъ Черногорцевъ? Но у Данилы не было готоваго войска — отдѣленнаго отъ народа (онъ долженъ былъ еще создавать его, и его созданіе еще не успѣло созрѣть); онъ не располагалъ никакими внѣшними матеріальными силами для приведенія народа въ покорность своей волѣ. Въ странѣ, гдѣ всякій склоненъ къ кровавой расправѣ, властвующій, напротивъ, долженъ находиться въ постоянной зависимости отъ народа: нѣтъ ничего легче какъ убить его изъ-за угла, изъ за какой нибудь скалы или утеса: нѣтъ тамъ ни полиціи, ни дозорщиковъ. Если Данила и палъ отъ руки убійцы, то вѣдь не на Черногорской землѣ, а на Австрійской! Прав-

ственная ли идея, связанная съ именемъ и званіемъ князя, давала ему силу творить безбоязненно свою волю? Но званіе князя было такъ ново въ Черногоріи — оно не могло образовать въ народѣ тѣхъ привычекъ подчиненія и покорности, которыя входятъ, такъ сказать, въ самое естество народовъ, десятки столѣтій управлявшихся монархическою властью.

Очевидно, преобразованія Данилы не могли совершаться безъ тайнаго общаго, внутренняго народнаго согласія, хотя бы и не сознанныаго и не высказаннаго. Это согласіе, этотъ *tacitus consensus* былъ несомнѣнно дасть Черногорскимъ народомъ — принявшимъ отъ Данилы завѣтъ политической будущности: военный станъ почувствовалъ въ себѣ вождельніе къ государственности; Данило, такъ сказать, заразилъ Черногорскій народъ *политическою похотью* (да простятъ намъ читатели это выраженіе, но оно лучше всего выражаетъ современное настроеніе Черногорскаго народа). Тяжело Черногорцу, кряхтитъ онъ, выплачивая свою подать, или исполняя трудный наказъ князя, морщится онъ при видѣ всякихъ чужеземныхъ порядковъ, не нравится ему это ухаживание за Французскимъ неправославнымъ царемъ, — но ему мерещится *Сербска круна* (корона) на главѣ Данилы, величавый образъ царя Сербіи и всего Славянскаго языка (кромѣ Россіи, разумѣется); его народное честолюбіе распаляется при мысли о почетѣ Сербскому племени въ семьѣ народовъ, о славѣ, власти и силѣ.... Въ Черногоріи каждый Черногорецъ еще чувствуетъ себя частью и, такъ сказать, слугою общаго и цѣлаго. Онъ еще не привыкъ предоставлять за себя думать правительству, и не считаетъ себя избавленнымъ отъ личной правственнаго отвѣтственности въ общемъ положеніи дѣлъ Черногорскихъ; дерется онъ не по наряду, а по личной обязанности своей, какъ Черногорца. Поэтому честь и слава Черногоріи ему не только также дорога, какъ своя собственная, но она *его* честь, *его* слава. Увлекаясь мечтами объ этой славѣ и чести, онъ готовъ жертвовать для нея многими правами личной свободы, смирить и взнудать свою личность, — не догадываясь, конечно, что политическое величіе, котораго онъ такъ жаждетъ для своей родины, — должно именно ослабить ту внутреннюю силу личности, которая дѣлала Черногорца непобѣдимымъ, и превратить эти полчища свободныхъ

людей, самостоятельных личностей, связанных одним бытовым законом, — въ покорныя массы, въ матеріалъ — для питанія и непомѣрнаго усиленія только нѣкоторыхъ частей общественнаго организма! Черногорцамъ извѣстно, что Россія посадила Данила княземъ, имъ лестно знать, что въ Русскомъ мѣсяцесловѣ Черногорскій князь стоитъ, какъ независимый, самостоятельный, державствующій государь — на одной страницѣ съ императоромъ Французовъ (по порядку алфавита), и не однажды случалось мнѣ слышать отъ самыхъ простыхъ и бѣдныхъ Черногорцевъ, узнавшихъ, что я Русской: — «ну что же вы нашему князю, скорѣе бы Србску круну на главу надѣли!»

Намъ могутъ сказать, что въ общемъ своемъ видѣ таковъ, конечно, неминуемый ходъ гражданскаго развитія въ каждомъ человѣческомъ обществѣ — не исключая Евреевъ, перешедшихъ отъ теократіи къ политическому государственному строю, вопреки грознымъ предвѣщеніямъ своихъ пророковъ. Дѣйствительно, всѣ народы, живущіе теперь политическою и гражданскою жизнью, совершили въ свое время этотъ переходъ отъ первобытныхъ патріархальныхъ и родовыхъ формъ быта къ гражданскому бытію, — но все это отстоитъ отъ насъ въ такой исторической дали прошедшаго, что самый процессъ этого перехода намъ почти неизвѣстенъ. Тѣмъ-то интереснѣе въ настоящее время посѣщеніе Славянскихъ племенъ въ Турціи, что этотъ переходъ совершается теперь во очію: вы можете его осознать и анализировать, — и, по аналогіи, можете быть многое объяснить себѣ и во временахъ древности. Но здѣсь слѣдуетъ принять въ соображеніе, во 1-хъ, что всѣ эти племена нѣкогда жили полною гражданскою и политическою жизнью, — и потомъ, постепенно утрачивая самую память о прежнемъ устройствѣ, одичали подъ Турецкимъ игомъ, низшли на низшую степень племеннаго быта: общество, уже совершившее извѣстный процессъ сложения, вновь раздѣлилось и разложилось, и теперь слагается снова; во 2-хъ, что въ древніе вѣки, этотъ переходъ совершался большею частью органически, по ступенямъ, съ ближайшей ступени на ближайшую высшую, тогда какъ Славянскіе народы въ Турціи переходятъ или слятся перейти *теперь* прямо на высшую степень современной цивилизаціи, шагая

вдругъ чрезъ нѣсколько ступеней, стыдясь своей невольной отсталости, желая возмѣстить заимствованіемъ чужаго готово—невольную скудность своей органической производительности, недостатокъ *своего* выработаннаго матеріала.

Необразованныя, грубыя, во многихъ отношеніяхъ полулудія Славянскія племена, населяющія теперь Балканскій полуостровъ, составляли нѣкогда знаменитыя державы Болгарскую и Сербскую. Царствованіе, напримѣръ, Стефана Душана было блистательно и славно, и цивилизація, гражданское развитіе общественной жизни — немногимъ уступало сосѣднимъ Западнымъ государствамъ. Въ Сербскомъ царствѣ былъ и кодексъ письменныхъ законовъ, и различіе состояній и сословій, и юридическій бытъ. Сербское царство пало подъ ударами Оттомановъ (разумѣется, были и внутреннія причины паденія), — пало въ концѣ XIV и въ XV вѣкѣ, — а въ XIX вѣкѣ, на развалинахъ царства, вы видите тотъ же Сербскій народъ — живущій *родовыми* формами быта, знать не знающій и вѣдать невѣдающій никакой книжности и письменности, еще находящійся въ періодѣ непосредственнаго эпического творчества! Родовой бытъ, котораго почти и слѣдовъ не застаютъ исторія у прочихъ Славянъ, еще живетъ въ Черногоріи (хотя уже значительно поколебался). Онъ не есть остатокъ отъ древнихъ доисторическихъ временъ, — онъ (такъ мы думаемъ) есть уже новое рожденіе. Народъ былъ покоренъ, общество разрушено; — непокорившіеся, бѣжавшіе въ горы и т. п., стали родоначальниками новыхъ поколѣній, — общество, какъ мы сказали, стало слагаться почти съизнова, — повторяя опять въ своемъ развитіи всю прежнюю постепенность, начиная опять, такъ сказать, съ азбуки челоуѣческаго общественнаго развитія — съ размножившагося рода. Нахи Черногорскія управлялись, почти до Данила, избираемыми и наследственными сердарями, а составляющія ихъ племена родоначальниками (*кнезь отъ племени*) и *лазарями*. Данила, въ сознательномъ стремленіи къ государственности, перетасовалъ родоначальниковъ, заставивъ, напримѣръ, Нѣгуша начальствовать въ Бѣлопавличахъ, Бѣлопавлича у Нѣгушей, и т. п. — Мы уже говорили о современныхъ первобытныхъ формахъ суда въ Черногоріи и объ изданіи Даниломъ Законника. Любопытно сравнить Законникъ Данила — твореніе XIX вѣка,

съ Законникомъ царя Душана XIV вѣка! Преимущество гражданственности остается, разумѣется, на сторонѣ послѣдняго, и Сербъ нашего времени изъ какого нибудь племени Васоевичей является чуть не варваромъ въ сравненіи съ Сербомъ двора Душанова. Но для того ли Сербскій народъ прошелъ этотъ трудный путь восхожденія, и потомъ низхожденія, чтобы начать новое восхожденіе—обезьяной и рабомъ Нѣмецкой «цивилизациі», для того ли цѣлые вѣка сряду отстаивалъ свою вещественную независимость, чтобы наконецъ отречься отъ личной духовной самостоятельности и стать прихвостнемъ во всѣхъ отношеніяхъ враждебнаго ему Западнаго міра?...

Но кромѣ этого, что поражаетъ путешественника въ Черногоріи,—это эпическій складъ народнаго художественнаго творчества. Чувствуешь, что изъ міра нашей литературной производительности — перенесся вдругъ въ міръ эпоса — не отжившаго и сохраняющагося въ народныхъ произведеніяхъ, но *живаго*, современнаго, еще постоянно производящаго. Чувствуешь и, такъ сказать, непосредственно ощущаешь, какъ въ представленіи этого народа — каждое современное явленіе, даже съ обстановкой XIX вѣка, готово сейчасъ разнести надъ почвой и облечься въ эпическій образъ. Пѣсня эпическая еще продолжаетъ твориться тамъ, на утесахъ, заноса въ свое содержаніе событія и лица настоящаго времени, — по видимому вовсе не пригодныя для эпоса, — и какой-нибудь Французскій консуль съ своимъ кепи и узкими панталонами можетъ попасть въ народную пѣсню, окраситься эпическимъ колоритомъ, получить важный эпическій обликъ, нисколько не согласный съ его суетливою и вертлявою фигурою. Справедливость, впрочемъ, заставляетъ насъ прибавить, что самыя позднѣйшія произведенія Черногорскаго эпоса уже являютъ въ себѣ признаки нѣкоторой неискренности, подражанія старому, однимъ словомъ, что эпическій періодъ видимо близится къ смерти.

Не можемъ не вспомнить, что когда мы были въ Рѣкѣ Черноевичъ и осматривали старую церковь и развалины древнихъ укрѣпленій, — насъ сопровождало чуть-чуть не все мужское народонаселеніе Рѣки, гостеприимно и радушно встрѣтившее Руса. Тутъ были и старики и мальчики, лѣтъ 10 не больше, но также съ оружіемъ за поясомъ, съ важностью

курившіе трубку. На этомъ мѣстѣ было сильное побоще лѣтъ около 150 тому назадъ, и окружавшая насъ толпа рассказывала намъ это событіе съ такою живостью и подробностью, съ такими точными указаніями мѣстности, съ такимъ одушевленіемъ, какъ будто это побоще было только вчера или за недѣлю! Въ жизни народовъ есть всегда такой періодъ развитія, когда вѣка для него — какъ день одинъ, смѣняются однообразною чередою, когда онъ всецѣло, нераздѣльно хранитъ въ себѣ минувшее, продолжаетъ жить имъ въ настоящемъ, вѣрнѣе сказать, когда нѣтъ рѣзкихъ граней, раздѣляющихъ одну эпоху его развитія отъ другой. Но нѣтъ сомнѣнія, что настоящая эпоха скоро смутитъ народную память... Любопытно также прослѣдить отношеніе народа къ его эпическимъ пѣснямъ. Мы наблюдали за слушателями во время пѣнія гусляровъ и въ Черногоріи и въ Сербіи. Для насъ — это предметъ наблюденія, свободного изученія и отчетливаго сочувствія; для Черногорца или Сербана — это еще почти живое событіе, въ которомъ онъ мысленно участвуетъ всю свою душою. Я видѣлъ въ Сербіи Сербовъ, даже учившихся въ Германіи, но при всемъ томъ наивно восхищавшихся дѣяніями пѣсенныхъ героевъ, приходившихъ въ такой восторгъ — не отъ художественнаго описанія, а отъ самыхъ, разумѣется, небывалыхъ подвиговъ баснословной силы, — какой вы едва ли встрѣтите и въ крестьянинѣ, слушающемъ пѣсню про тридцатипудовую палицу Пльи Муромца.

Но довольно. Разсказаннаго намъ кажется достаточно, чтобъ представить глазамъ читателя живую, наглядную картину всего того, что происходитъ въ настоящее время въ Черногоріи. Родовой бытъ и бюрократія, — эпическое творчество и журналистика (въ прошломъ году была сдѣлана попытка, разумѣется, правительствомъ издавать газету въ Цетиньѣ: вѣроятно написали бы для этого дѣла какогонибудь Австрійскаго Сербана), чубукчи и метръ-д'отали, кринолины и овчинныя кожи вмѣсто постели для сенаторовъ, европеизмъ и женщины въ должности вьючныхъ животныхъ, отчѣненіе главъ и Парижская манерность, привычки къ убійству и даже грабежу и дипломатическія утонченныя формы, всеобщая безграмотность и Французскій языкъ, — ложь фор-

менности, ложь государственности ложь вѣшной цивилизаціи,—наконецъ страна, распавшаяся на правительство и на народъ до такой степени, что—по послѣднимъ извѣстіямъ—Черногорскій народъ еще не знаетъ о тягостныхъ и позорныхъ условіяхъ міра, заключеннаго съ Турками *правительствомъ*: опять явленіе небывалое, неслыханное въ Черногоріи. Эта картина внутренней лжи и противорѣчій грубой раздражительности чужому и пренебреженія къ своему, пагубныхъ неудачныхъ скачковъ—настоящихъ *salto mortale*—съ одной ступени развитія на сто ступеней впередъ, — это картина, увы! хорошо извѣстная всѣмъ Славянамъ, и намъ Русскимъ въ особенности. Но не въ такихъ условіяхъ находится Черногорія, чтобъ предпринять одинаковый съ нами процессъ развитія: что по плечу приходится исполниту, — недугъ, съ которымъ можетъ еще сладить крупный организмъ — часто губить на смерть малые организмы! Вспомнимъ также, что вся причина бытія Черногоріи заключается именно въ отрицаніи всего того, на чемъ хотятъ нынѣ основать и упрочить ея новое политическое существованіе!

Не правда ли, читатель, что вамъ теперь стало ясно, почему непобѣдимая до сихъ поръ Черногорія должна была пасть или по крайней мѣрѣ быть побѣжденной? Измѣна внутреннимъ началамъ, ложь, подѣвшая прежнюю дѣльность жизни, должна была неминуемо оказать свое дѣйствіе. Оттоманскія полчища бывали и прежде въ Цетиньѣ, и въ послѣдній разъ за 75 лѣтъ назадъ: Черногорія не пала. Но какъ скоро Цетинье пожаловано въ чинъ столицы, правительство испугалось приближенія Турокъ къ «столицѣ» и поспѣшило заключить миръ. Мирко противился и противится миру до сихъ поръ, неустанно воевалъ до самой послѣдней минуты: онъ бы погибъ скорѣе, онъ взорвалъ бы на воздухъ всю Черногорію, но не принялъ бы позорныхъ условій. Кто же принадлежитъ къ партіи постыднаго мира, кому неумолимая логика исторіи судила подписать смертный приговоръ четырехвѣковой славы Черногорской?—Князю-воспитаннику Парижскаго лицея, *министру иностранныхъ дѣлъ* Ивѣ Ракову (у котораго три сына чуть-чуть не съ пеленокъ отосланы на выучку въ Парижъ), княгинѣ Даринкѣ, единственной *дамѣ*

Черногорской.... Не краснорѣчивъ ли языкъ историческихъ фактовъ?

Чего же ждаты, чего хотѣтъ для Черногоріи? Ей предстоитъ только—два выхода изъ ея современнаго печальнаго положенія: или добиться, путемъ ли оружія, содѣйствіемъ ли дипломатовъ, части приморскаго берега и Герцеговины, перестать быть Черногоріей и основать новое политическое тѣло,—создать себѣ политическую форму и ту осѣдлость, при которой возможно будетъ для народа гражданское и духовное развитіе, и сдѣлать своею политическою задачею—собираніе всѣхъ старыхъ Сербскихъ земель, сгруппированіе всего Сербскаго племени. Или же, если это невозможно, отбросить всѣ притязанія на гражданственность, государственность, цивилизацію, европеизмъ, и возвратившись къ прежнимъ формамъ быта, стать, какъ прежде, вольнымъ военнымъ станомъ, мстителемъ Славянскихъ обидъ, аванпостомъ Славянской свободы! Но и это едва ли возможно: разъ нарушенная цѣльность не восстанавливается въ первобытной крѣпости,—политическая и нравственная отравы не остаются безъ слѣдовъ въ народномъ организмѣ.... Пусть же дипломатія пойметъ наконецъ, что ея совѣты до сихъ поръ, ея требованія благоустройства и порядка поставили Черногорію въ то—едва ли не безвыходное положеніе, въ которомъ она теперь находится; что, возбудивъ въ народѣ политическое честолюбіе созданіемъ государственной формы, она обязана дать народу и возможность идти безпрепятственно и безопасно тѣмъ путемъ, на который вызвала его сама же дипломатія; однимъ словомъ, пусть создастъ ей средства существованія и гражданскаго развитія, укрѣпивъ за ней пристань у моря и землю Герцеговины—и во всякомъ случаѣ не позволявъ Туркамъ основаться укрѣпленными поселеніями въ единственномъ убижищѣ Славянской свободы!

Бѣдный Черногорскій народъ! Ты ни на волосъ еще не утратилъ ни своей знаменитой доблести, ни преданности вѣрѣ, ни цѣломудренности нравовъ. Ты бился, какъ левъ, ты, можетъ быть, никогда не совершалъ такихъ чудесъ храбрости, какъ въ эту роковую войну,—но страшное напряжение силъ осталось бесплодно, кровь пролилась даромъ,—и въ награду за всѣ твои сверхъестественные мученическіе подвиги—

ги—Турки селятся у тебя въ утесахъ, тебѣ грозитъ нищета и голодъ! И съ недоумѣніемъ глядишь ты вокругъ, не понимая, что творится съ тобою и надъ тобою, что ослабило силу твоихъ ударовъ, отчего славныя дѣянія вѣнчались безславіемъ! Ты еще не разгадалъ, какою сѣтью нравственныхъ противорѣчій опутывается твое бытіе, какъ душишь тебя участіе просвѣщеннаго міра, сколько развѣдающей отравы внесено въ твою жизнь соблазною тебя государственною формой! Неужели погибнешь ты жертвой собственной, нравственной измѣны и роковаго—твоими же подвигами привлеченнаго къ тебѣ вниманія Европы!

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „МОСКВА“.

1867 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ).

Москва, 4-го января.

Наконецъ-то! подумали мы, печатая въ 1 № нашей газеты приглашеніе графини Протасовой и графини Блудовой прислать къ нимъ пожертвованія въ пользу женщинъ, дѣтей и раненыхъ, бѣжавшихъ въ Грецію съ острова Кандіи. Наконецъ-то рѣшились у насъ открыто, не прибѣгая ни къ какимъ загадочнымъ намекамъ, выразить если не прямое сочувствіе нашимъ единовѣрцамъ въ борьбѣ ихъ съ мусульманами, то, по крайней мѣрѣ, состраданіе имъ въ постигшихъ ихъ бѣдствіяхъ. Мы увѣрены, что горячее жепское слово, присланное намъ изъ Петербурга, найдетъ себѣ такой же горячей отзывъ и въ Москвѣ. Мы не можемъ однакожъ не пожалѣть, что сочувствіе русскаго общества Кандіотамъ проявляется нѣсколько поздно, тогда, когда уже почти удалось Туркамъ сломить и задавить массою своихъ войскъ героическую силу малочисленныхъ Грековъ, когда уже почти всѣ храбрые подвижники свободы и Креста перерѣзаны и пере-душены. Нельзя не скорбѣть, что Россія, въ дѣлѣ состраданія православнымъ братьямъ, такъ мученически гибнущимъ за свою народность и вѣру—родную намъ вѣру—дала опередить себя Англіи и Америкѣ; что пужень былъ примѣръ иностранцевъ для того, чтобъ и наше русское общество дозволило себѣ дѣятельное выраженіе соболѣзнованія. Нельзя не подивиться также, что Москва какъ бы ожидала сигнала изъ Петербурга, чтобы начать и съ своей стороны денежные сборы въ пользу Кандіотовъ. Намъ извѣстно также, что пер-

вначално предполагалось даже и въ Москвѣ открыть, въ этихъ видахъ, цѣлый рядъ публичныхъ чтеній и разныхъ общественныхъ времяпрепровожденій, болѣе или менѣе увеселительныхъ, прикрывая ихъ назначеніе дипломатическою формулой: «съ благотворительною цѣлью». Къ чему это? Общество не правительство. Общество, по самой природѣ своей, не можетъ дипломатичать. Требовать, чтобъ цѣлое общество, цѣлый многомилліонный народъ пускался въ дипломатическія соображенія и прибѣгалъ къ дипломатическимъ изворотамъ, было бы не только безнравственно, но и противно здравому смыслу. Такія притязанія на дипломатію могли бы только исказить самое призваніе общества — быть вѣрнымъ и сознательнымъ выраженіемъ народнаго духа; они бы только подорвали его нравственную силу, правду чувства и мысли, чѣмъ только оно и можетъ быть сильно. Намъ нерѣдко удавалось слышать совѣты, повидимому благонамѣренные и преисполненные предумотрительной мудрости (въ сущности очень дешевой и близорукой), о необходимости скрыть, не выставлять наружу чувствъ и мыслей Россіи по отношенію къ Грекамъ и Славянамъ, дабы тѣмъ не раздражать и не испугать Европу, не ослабить нашихъ политическихъ союзовъ съ иностранными державами, не навлечь подозрѣнія на тѣхъ, кому бы мы желали помочь и не вовлечь ихъ въ горшкую бѣду. Въ Россіи и правительство и общество долго держались этихъ политическихъ пріемовъ, и историческій опытъ показалъ, что не только мы, но ни Греки ни Славяне ничего отъ нихъ не выиграли, но напротивъ того несомнѣнно и много проиграли. Мы никого — не только ни одного государственнаго чловѣка, но ни одного школьника въ Европѣ не переубѣдимъ насчетъ нашихъ историческихъ, естественныхъ, вполне законныхъ влеченій въ политикѣ. Какъ бы мы ни скромничали, какъ бы мы ни смирились, Европа намъ не повѣритъ, и не повѣритъ потому, что все же она лучшаго о насъ мнѣнія, чѣмъ мы сами, — что ей немыслима и возможность для Русскаго народа стать въ противоестественныя отношенія къ своимъ братьямъ по вѣрѣ и крови, а для русской дипломатіи — ступить на такой лживый и ложный политическій путь. Скрывать отъ Европы наше сочувствіе Грекамъ и Славянамъ, наше желаніе видѣть ихъ свободными отъ иноземнаго ига и

помогать ямъ при каждомъ удобномъ случаѣ—не все ли это равно что увѣрять ее, будто мы перестали быть Русскими? А такъ какъ, при всемъ даже стараніи, мы не можемъ перестать быть ими, не можемъ отречься отъ своего русскаго имени, то точно также не можемъ утаить отъ міра свое единовѣріе съ Греками, свое единовѣріе и единоплеменность съ Сербами и Болгарами. Точно также какъ нельзя намъ постыдиться своей народности и не исповѣдывать ее предъ всѣмъ міромъ, нельзя намъ постыдиться и этой нашей духовной и кровной связи и не исповѣдывать ее громко и во всеуслышаніе. Къ тому же, повторяемъ, скрывай мы или не скрывай, результаты будутъ одни и тѣ же, или еще гораздо хуже. Европа не дастъ вѣры нашимъ словамъ и будетъ предполагать съ нашей стороны тайныя козни. Турція конечно еще менѣе въ состояніи намъ повѣрить, и положеніе христіанъ подъ турецкимъ игомъ нисколько бы отъ такихъ нашихъ пріемовъ не облегчилось. Мы же, съ своей стороны, только бы связали сами свободу своихъ движеній, къ собственному вреду; прилагали бы увѣренія къ увѣреніямъ въ нашей невинности предъ Европой,—заручились бы разными невыгодными для себя обѣщаніями и запутались бы наконецъ въ собственныхъ дипломатическихъ хитросплетеніяхъ. Развѣ всего этого не бывало? Какъ бы мы ни добивались лестнаго аттестата отъ европейскихъ кабинетовъ о нашей политической благонравности, мы,—даже стѣжавъ, повидимому вполне заслуженную нами, пальму умѣренности,—все же не приобрѣли бы ничьего довѣрія, и ни одного искренняго союзника въ Европѣ. Мы только бы оскорбляли нашихъ кровныхъ и единовѣрныхъ, нашихъ естественныхъ и единственно-искреннихъ союзниковъ въ мірѣ, указавшихъ намъ природою и исторіей. Напротивъ того, дѣйствуя открыто и прямо, мы бы могли поднять духъ въ угнетенныхъ родственныхъ намъ племенахъ и укрѣпить ихъ нравственно до той силы, которая, какъ бы повидимому она ни была мала, творить чудеса. Примѣръ мы видимъ на Грекахъ и отчасти на Сербяхъ Княжества Сербскаго.

А гявъвъ Европы?...

Стоить только русскому государю отпустить себѣ бороду—и онъ непобѣдимъ, сказалъ Наполеонъ I. Нужно ли говорить, что эти слова слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ смыслѣ?

Не разумѣлъ онъ подъ ними грубаго, вѣшняго признака народности, но такую цѣльность, такое единство народнаго духа въ правительствѣ и народѣ, такое всепроникновеніе вѣшней и внутренней политики національными началами, которыя дѣйствительно создаютъ силу несокрушимую, или по крайней мѣрѣ умножаютъ самую матеріальную силу сторицею и тысячеорицею. Тотъ же Наполеонъ говаривалъ, что духъ арміи равняется тремъ четвертямъ всей ея матеріальной силы. А чему же можетъ равняться духъ цѣлаго народа по отношенію къ матеріальному могуществу государства? Очевидно, что для западнаго міра нѣтъ ничего выгоднѣе нашего уклоненія отъ народныхъ началъ и отъ нашего историческаго призванія; всякая измѣна началамъ русской народности, такъ часто и такъ безсознательно совершавшаяся въ русскомъ обществѣ со временъ Петра, только радуется и укрѣпляетъ нашихъ враговъ, только возбуждаетъ ихъ презрѣніе. Заявленіе своей силы, ревнивое соблюденіе своей національной чести и достоинства, сознаніе своего могущества и вѣрность своему народному историческому призванію не только не способны, какъ думаютъ иные тонкіе политики, навлечь на насъ грозу Европы, но напротивъ опи-то и способны отвратить грозу, приобрести намъ достоюжное уваженіе и союзниковъ — ищущихъ опереться на твердую и самосознающую себя силу. Презрѣніе же не исключаетъ страха. Всякое приниженіе наше предъ Европой, всякое отреченіе отъ своей исторической задачи является въ ея глазахъ или презрительною ложью, или слабостью, которою надлежитъ воспользоваться, пока великанъ (потому что великанъ не можетъ умалиться, какъ бы ни натуживался казаться малымъ) — пока великанъ не догадается о присущей ему, но имъ еще не знаемой силѣ.

Впрочемъ не объ этомъ собственно хотѣли мы говорить, хотя нельзя не сознаться, что сказанное нами пришлось къ слову. Мы имѣли только намѣреніе заявить, что общество въ выраженіи своего сочувствія кандидатамъ не было обязано стѣсняться тѣми соображеніями, которыя могутъ не дозволить правительству, въ данную минуту, выказать это сочувствіе прямо и открыто. Напротивъ, общественныя заявленія могутъ быть полезны и самому правительству, свидѣтельствуя

за него предъ всей Европой — съ какой силой приходится считаться и ему, и самой Европѣ, и тѣмъ самымъ подкрѣпляя его дипломатическія ходатайства, направленныя въ духъ общественныхъ заявленій.

Конечно мы рады, что наше общество, и по преимуществу высшее, принялось за денежные сборы. Но мы были бы еще болѣе рады, еслибы интересъ кандіотскаго дѣла проникъ и въ другіе классы, вошелъ въ знаніе и сознаніе русской народной массы. Нѣтъ у народа преходящей моды на сочувствіе, какъ это бываетъ въ свѣтскомъ обычаѣ. Народное сочувствіе во сто кратъ прочѣе, могущественнѣе и плодотворнѣе всякаго сочувствія высшихъ общественныхъ сферъ. Мѣдный грошъ крестьянина, — по пословицѣ: съ міра по ниткѣ, — создаетъ богатства, съ которыми не можетъ равняться никакое частное состояніе. Мы жалѣемъ, что печатное слово не проникаетъ въ крестьянскую избу, но есть между высшимъ обществомъ и простымъ народомъ тоже цѣлые классы людей, для которыхъ не лишнимъ будетъ наше слово. Вы, русскіе люди еще храпящіе вѣрно завѣты отцовъ, вы соблюдающіе святой обычай молитвъ утреннихъ и вечернихъ и посѣщающіе усердно храмы Божіи, припомните себѣ, что говорится въ этихъ молитвахъ. Не твердите ли вы ежедневно: «Помяни, Господи, братій нашихъ плѣнныхъ и избави ихъ отъ всякаго обстоянія!» Кто же эти братья наши, которыхъ нужно избавить отъ обстоянія? Эти братья наши плѣнные—это вотъ именно тѣ самые Греки, которые теперь на островѣ Кандія или Критѣ борются съ мусульманами, — православные Греки, отъ предковъ которыхъ приняли мы нашу святую вѣру. Эти братья наши плѣнные—это Сербы и Болгары, точно также православные, и сверхъ того одного съ нами племени и языка. «Обстояніе ихъ» — невыносимый гнетъ враговъ Христа, Турокъ, отъ котораго они силятся и не могутъ избавиться! Только и есть въ мірѣ одна могучая православная держава—это наша Русь: на нее одну и возлагается упованіе плѣнныхъ братій. Пособите же братьямъ, чѣмъ можете, въ ихъ борьбѣ и страданіяхъ, чтобы исполнилась молитва—да избавятся они отъ своего тяжкаго обстоянія. Пособите и мѣднымъ грошомъ: мірскаго грошъ великъ; ободрите ихъ своимъ участіемъ, своею скорбью, и сотворите

соборную молитву объ успѣхъ живыхъ и объ упокоеніи душъ во брани убіенныхъ...

Въ воскресенье, 8 января, по желанію нѣкоторыхъ, будетъ отслужена заупокойная обѣдня, а потомъ и панихида по убіеннымъ во брани Кандіотамъ, въ Греческомъ монастырѣ на Никольской. Обѣдня начнется въ 10 часовъ; панихида около 12-ти...

Москва, 6-го января.

Меркнетъ заря на Западѣ — брезжетъ заря на Востокѣ. Гаснутъ послѣдніе лучи древней славы и могущества Рима, и выступаетъ изъ долгой ночи древняя слава и значеніе Царьграда. Уже дрожатъ и рушатся столбы вселенскаго папскаго престола, и римско-католическій міръ съ недоумѣніемъ ждетъ того роковаго часа, когда снимется съ папства печать всемірнаго владычества, знаменуемая Римомъ, и римскій папа перестанетъ быть римскимъ. Въ эту великую пору Православная Церковь на Востокѣ, послѣ многихъ вѣковъ мертвящаго рабства и униженія, воздвигается къ свободѣ и новой жизни. Не знаменательно ли такое совпаденіе событій, и кто назоветъ его случайнымъ? И въ какую безпредѣльную ширь и даль уходятъ историческіе горизонты, оглядываемые мысленнымъ взоромъ съ этой высоты созерцанія!

Какъ бы ни старались современные публицисты возвести значеніе государства на высоту отвлеченнаго принципа, отрѣшеннаго отъ всякой не-государственной примѣси, отъ всякаго сторонняго, духовнаго элемента, и именно отъ элемента вѣры, но такое требованіе, обращенное къ государству, можетъ-быть и справедливое въ отвлеченной теоріи, противорѣчить могучимъ, неодолимымъ требованіямъ живой исторіи народовъ. Если изъять изъ современнаго изученія политической исторіи государствъ — исторію церквей и вѣроисповѣданій, ихъ значеніе какъ историческихъ двигателей, какъ началъ, подъ духовнымъ воздѣйствіемъ которыхъ воспиталась и сложилась та или другая народность въ политической организмы, которыми опредѣлилась и заклеилась политическая дѣятельность этого государственнаго организма, то исторія государствъ останется неразъясненною и явится только ка-

кимъ-то случайнымъ сцѣпленіемъ внѣшнихъ событій. Вѣроисповѣданіе, какъ бытовое начало, проникающее собою, подобно воздуху, всю жизнь народа, — даетъ, частью вѣдомо, частью невѣдомо для него самого, характеръ и направленіе его историческимъ судьбамъ и всѣмъ отправленіямъ его жизни, какъ духовной, такъ отчасти и матеріальной, какъ общественной, такъ и государственной. Государственная исторія народовъ православныхъ, римско-католическихъ и протестантскихъ различается главнѣйшимъ образомъ въ силу различія этихъ исповѣданій. И хотя многіе изъ насъ еще недавно готовы были утверждать, что русская народность вовсе не связана съ православіемъ, что нѣтъ различія между русскимъ латиняниномъ и русскимъ православнымъ, однако они же не перестаютъ требовать отъ государства политики національной, т. е. политики проникнутой духомъ національности, согласной не только съ вещественными, но и съ нравственными интересами русской народности; и они же теперь къ числу этихъ интересовъ присоединяютъ, повинувшись очевидности факта и увлеченію собственнаго русскаго чувства, духовные интересы нашего единовѣрія съ православными христіанами на Востокѣ. Они невольно признаютъ за русскимъ государствомъ обязанность: дѣйствовать въ качествѣ внѣшней силы православнаго общества.

Точно такого же согласія съ духовными національными интересами требуютъ и западныя общества отъ политики своихъ государствъ; точно такъ же характеръ вѣроисповѣданія отражается и на ихъ политической дѣятельности. И именно теперь, по отношенію къ Восточному вопросу, ярко выдается особенный образъ дѣйствій католическаго міра, главной представительницей которыхъ Франція. Если и предположить, что самъ Тюльерійскій кабинетъ, въ поведеніи своемъ на Востокѣ, готовъ былъ бы руководствоваться соображеніями чисто-политическаго свойства, то общество, даже независимо отъ политическихъ соображеній, является поразительно равнодушнымъ къ страданіямъ православныхъ народовъ. Мало того: оно выражаетъ къ нимъ презрѣніе и неприязнь, и тяготѣетъ своимъ вліяніемъ на политикѣ самого правительства. Враждебное отношеніе латинства къ православію сказывается какъ въ невѣрующемъ обществѣ Франціи,

такъ и въ обществѣ вѣрующемъ, или преданномъ латинству. Въ этомъ смыслѣ особенно замѣчательны теперь печатные органы латинской клерикальной партіи и вообще римско-католическихъ интересовъ. Не желая явиться прямо противниками принципа національности и свободы, они отказываютъ въ сочувствіи своему возстанію Грековъ на Критѣ на томъ основаніи, что здѣсь дѣйствуетъ будто бы не столько желаніе освободиться отъ тягостнаго турецкаго гнета, котораго тягость, по ихъ словамъ, еще подлежитъ большому и очень большому сомнѣнію, сколько духъ всесвѣтной революціи, враждующій съ принципомъ авторитета и порядка. Для католиковъ, признающихъ въ области вѣры одинъ духовный авторитетъ папы, какъ главы вселенской церкви, а на этомъ началѣ зиждущихъ самый политическій порядокъ міра, — даже турецкій султанъ является представителемъ начала порядка и авторитета!

Они не только не замѣчаютъ, до какого недѣльнаго вывода довела ихъ неумолимая логика, но и не догадываются, въ какое противорѣчіе впадаютъ они сами съ собою, защищая въ то же время революціонныя попытки и дѣйствія Поляковъ. Впрочемъ приписывать это противорѣчіе ихъ недогадливости было бы признавать со стороны ультрамонтанскихъ публицистовъ какую-то добросовѣстность: тутъ просто дѣйствуетъ старая, закоренѣлая ненависть латинянина ко всему православному. Христіанинъ-Грекъ возстающій на власть магметанина-султана — революціонеръ и недостойнъ ни сочувствія, ни даже сожалѣнія. Полякъ возстающій на власть христіанскаго же государя — не революціонеръ, а праведный герой и подвижникъ! Если относительно Польши ихъ ослѣпляла вражда къ Россіи, какъ къ грозному призраку, доселѣ пугающему Европу, то относительно Грековъ и Греціи какой политической страхъ, какая политическая вражда можетъ руководить ими? Вся загадка разрѣшается тѣмъ, что Поляки — католики, и торжество ихъ есть торжество католицизма, а Греки — православные и торжество ихъ возбѣщаетъ торжество православія. Мы помнимъ, какъ тотъ же Пій IX, котораго можно признать наичистѣйшимъ и искреннѣйшимъ представителемъ латинства, благословлялъ знамена латинянъ подвизавшихся, въ союзѣ съ мусульманами, на православную

Россію, за сохраненіе Турціи; другими словами—молилъ Бога да продлитъ Онъ мусульманское иго надъ православными христіанами! И, такую же тайною или явную, большею частью даже безотчетною, ненавистью ко всѣмъ народамъ исповѣдующимъ православіе одушевленъ весь католическій Западъ, на какой бы степени силы или упадка ни стояло въ различныхъ его обществахъ личное чувство вѣры. Поэтому-то Восточный вопросъ есть въ то же время вопросъ объ отношеніяхъ латинства къ греческому вѣроисповѣданію, латинскаго міра къ православному. Такъ становятся вопросъ сами католики. Есть только два разрѣшенія Восточнаго вопроса, говоритъ органъ ультрамонтанства *le Monde*: «одно посредствомъ католицизма, другое посредствомъ греческой схизмы». «Поспѣшимъ обратить турецкихъ Славянъ въ латинство, усилимъ дѣятельность нашихъ духовныхъ миссіонеровъ, тогда Востокъ примкнетъ неразрывно къ міру латинской цивилизаціи, будетъ намъ неопасенъ, будетъ намъ свой»—такъ еще недавно возглашалъ въ газетѣ *l'Opinion Nationale* ея редакторъ Гсру, котораго папство считаетъ однимъ изъ ярыхъ своихъ противниковъ: такое значеніе придастъ и этотъ врагъ латинства бытовому значенію латинскаго вѣроисповѣданія въ жизни народовъ и государствъ!

На той же точкѣ зрѣнія стоятъ и государственные дѣятели латинскаго Запада; тѣми же правилами руководствуется и его политика. Было время, что Славяне въ Турціи находились подъ обаяніемъ славы Наполеона III, провозгласившаго такъ-называемый «принципъ національностей», и, обольстившись его словами, думали видѣть въ немъ чуть не мессію, ниспосланнаго для освобожденія угнетенныхъ народностей. Но злой опытъ доказалъ имъ,—такъ говоритъ авторъ - Болгаринъ недавно изданной въ Букарештѣ на французскомъ языкѣ брошюры: «Болгарія предъ лицомъ Европы (*La Bulgarie devant l'Europe*),— что Наполеонъ III является такимъ мессіей только тамъ, гдѣ есть мѣсто для славы и интересовъ Франціи, славы и интересовъ католицизма и латинскаго міра.» «Западъ,—продолжаетъ съ горечью тотъ же авторъ,—убѣдившись, что христіане въ Турціи никогда не станутъ ни Французами, ни Англичанами по національности, стремится пересоздать ихъ въ свою національность посредствомъ религіи.

Мы поняли, что только на одномъ этомъ условіи согласенъ онъ даровать намъ свое покровительство. Еслибъ Сербія была вѣроисповѣданія и происхожденія латинскаго, давнымъ-давно были бы ей отданы ея крѣпости, удерживаемыя Турками, и не однѣ только крѣпости! Еслибы Герцеговинцы были католиками, давно бы добилась для нихъ Франція той же автономіи, какъ и для Ливана! Еслибы Черногорцы были латинскаго племени, границы ихъ тѣсныхъ владѣній были бы расширены уже давно! Еслибы Капдіоты не были православные, другія рѣчи держалъ бы маркизъ де-Мутъ въ Аѳинахъ! Еслибы мы, Болгары, были въ церковномъ подчиненіи Риму, мы бы не казались Европѣ народомъ самымъ неспособнымъ для политическаго существованія!» «Западъ,—такъ заканчиваетъ этотъ радъ прихвровъ авторъ Славянинъ,—желалъ бы, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу освобожденія христіанъ въ Турціи отъ невыносимаго и чуждаго ига, сначала заручиться ими въ религіозномъ смыслѣ, поработить себѣ ихъ совѣсть».

И такія-то бѣды, такія искушенія и соблазны выдерживаютъ уже четыре вѣка сряду православныя племена въ Турціи. Каждый изъ восьми милліоновъ православныхъ, подвластныхъ султану, можетъ сказать себѣ и говорить ежедневно: отрекись я отъ своей православной вѣры, жена и дочь моя не будутъ обезчещиваемы Туркомъ, поле мое не будетъ ограблено; достояніе мое, стяжанное кровью и потомъ, не разграбится, самъ я не буду терпѣть обидъ и униженія, не буду видѣть своей вѣры и своихъ храмовъ поруганными!» Будь Латинецъ,—твердятъ ему безпрестанно миссіонеры и консулы, духовные и политическіе агенты католическаго Запада,—и приобрѣтешь свободу и благосостояніе... И страшнымъ недоумѣніемъ объять нашъ бѣдный братъ, и обращаться взоры свои къ дальнему сѣверу, туда, гдѣ Россія....

Вотъ каково значеніе Восточнаго вопроса для латинскаго и для православнаго міра, и мы сочли незлишнимъ, вслѣдъ за перепечатаннымъ нами вчера воззваніемъ старѣйшаго архипастыря нашей церкви о пособіи братьямъ-христіанамъ на Востокъ,—напомнить отзвы и дѣйствія, по отношенію къ тѣмъ же христіанамъ, латинскаго клира и томящагося въ предсмертныхъ судорогахъ римскаго папства.

Москва 14-го января.

Какія бы надежды ни питали нѣмецкіе патриоты послѣ совершившагося въ прошломъ году расширенія Пруссіи и въ виду приготовляющагося объединенія Германіи; какіе бы расчеты ни руководили нѣмецко-мадьярскими министрами Австріи въ задуманномъ ими политическомъ переустройствѣ распатавшейся имперіи Габсбурговъ; что бы ни думали западные публицисты о томъ движеніи, которое овладѣло христіанскимъ населеніемъ Балканскаго полуострова, — для насъ во всѣхъ этихъ событіяхъ прежде всего видѣется — тѣсно связанный съ ними Славянскій вопросъ. Сольется ли нѣмецкій народъ въ одно цѣлое, распадется ли Австрія и Турція на свои составныя части, наши отношенія къ этимъ переворотамъ опредѣляются нашимъ славянскимъ происхожденіемъ. Да, мы наконецъ дождались того времени, когда вопросъ Славянскій, такъ долго отвергаемый, заявилъ свое несомнѣнное право на бытіе и сталъ не только жизненнымъ, но и животрепещущимъ вопросомъ современной политики. Изъ области чисто отвлеченнаго археологическаго вопроса онъ перешелъ въ область дѣйствительности; изъ предмета сердечныхъ влеченій и поэтическихъ сочувствій — онъ сдѣлался предметомъ серьезныхъ политическихъ комбинацій. Давно ли и въ нашей журналистикѣ интересы Славянства возбуждали презрительную насмѣшку надъ славянофилами, не дававшими угаснуть славянской идеѣ въ русскомъ общественномъ сознаніи, — и посмотрите теперь: русскія газеты ревнуютъ одна передъ другой въ выраженіяхъ симпатіи къ Славянству!

Впрочемъ, если въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ возможно было сомнѣваться на счетъ глубины и силы народныхъ сочувствій къ тѣмъ національнымъ идеямъ, которыя проповѣдывали въ Австріи такъ-называемые панслависты; то теперь, въ виду столькихъ поколѣній, выросшихъ и воспитавшихся на этихъ идеяхъ, въ виду значительнаго развитія политической литературы у Славянъ всѣхъ наименованій, въ виду столькихъ удавшихся національныхъ учреждений, созданныхъ тѣмъ или другимъ славянскимъ племенемъ, — отрицать существованіе общеславянскаго движенія было бы про-

сто безуміемъ. Въ этомъ національномъ движеніи, проявляющемся среди всѣхъ австрійскихъ и турецкихъ Славянъ, живутъ ли они въ Богеміи или Босніи, въ Трїединомъ Королевствѣ или Восточной Галиціи, заключается общая черта ихъ жизни, поддерживающая въ нихъ взаимность и племенную связь. И какое бы значеніе мы ни придавали слову Славяне, родовое или видовое, при каждомъ прикосновеніи съ дѣйствительностью, мы встрѣтимся съ одними и тѣми же явленіями, съ одними и тѣми же потребностями, съ одними и тѣми же стремленіями. Наконецъ, большую часть Славянъ, живущихъ внѣ Россіи, соединяетъ общая историческая судьба; они имѣютъ родину и не имѣютъ отечества. И тоска по отечествѣ объяла ихъ....

Одинаковое повсюду, по своему характеру, славянское движеніе встрѣчаетъ однакожъ разныхъ враговъ и разныя препятствія, смотря по тому, въ какой мѣстности оно совершается. Борьба, которую должны выдерживать Славяне въ Австріи, не похожа на борьбу, которую они должны вести въ Турціи. Притомъ турецкіе Славяне опираются въ вѣковой борьбѣ съ мусульманами преимущественно на свой христіанскій характеръ; Славяне же австрійскіе, включенные въ государство, архивы котораго наполнены трактатами, патентами, дипломами, и которое долго сдерживало національныя стремленія всевозможными конгрессами, должны ссылаться на свои историческія права, провинціальныя привилегіи, сословныя, земскія и общинныя институціи. Австрія подчиняетъ своихъ Славянъ не столько силою оружія, ея слабость въ этомъ отношеніи доказалъ до очевидности 1848 годъ, — сколько историческими преданіями, дипломатическими актами и парламентарною хитростью. Турція угнетаетъ своихъ Славянъ проще, грубѣе, откровеннѣе и держится противъ нихъ не собственною силою, но благодаря лишь европейскому заступничеству. Оставляя покуда Турцію въ сторонѣ, рассмотримъ подробнѣе политическую игру, въ которую играетъ теперь Австрія съ своими славянскими народами.

Австрія только что издала новый патентъ, на основаніи котораго чрезвычайная имперская дума, имѣющая разсуждать о политическомъ переустройствѣ Австріи, должна составиться изъ сеймовыхъ делегацій. Но вслѣдствіе необыкновеннаго

возбужденія, господствующаго между различными партіями, земскимъ сеймамъ предоставлена полная свобода выбрать самимъ тотъ способъ, какимъ должны быть составлены эти делегаціи, посредствомъ ли выбора изъ сеймовыхъ курій, или изъ полного состава земскихъ сеймовъ. Оффиціальныя органы вѣпскаго министерства стараются всячески выказать, до какой степени правительство, издавая послѣдній патентъ, было безпристрастно къ своимъ народамъ. Но они правы лишь въ томъ смыслѣ, что правительство въ своемъ патентѣ ничего никому не обѣщаетъ, ни передъ кѣмъ не принимаетъ на себя никакихъ обязательствъ. Если австрійское правительство имѣло въ виду именно эту цѣль, то оно какъ нельзя болѣе достигло ея: ибо ни одинъ изъ австрійскихъ народовъ, которыхъ касался этотъ патентъ, не остался имъ доволенъ. Но болѣе всѣхъ недоволены Нѣмцы. Ихъ историческое право, на которомъ они основывали свое господство въ Австріи, т. е. февральскій патентъ 1861 г., потеряло теперь всякое значеніе. Новые выборы въ земскіе сеймы въ большинствѣ такъ-называемыхъ нѣмецко-славянскихъ провинцій не могутъ быть Нѣмцамъ благоприятны, а назначеніе делегацій отъ сеймовъ въ имперскую думу еще того менѣе. И вотъ австрійскіе Нѣмцы, желая получить посредствомъ переговоровъ съ Славянами то, въ чемъ отказало имъ само правительство, обратились къ послѣднимъ съ угрозою: не явится въ чрезвычайную думу, если сеймовые выборы образуютъ на сторонѣ славянской партіи значительное большинство. Замѣтимъ кстати, — и это не лишено интереса, — что главными крикунами въ этомъ случаѣ и вообще врагами Славянъ являются публицисты даже не чисто-нѣмецкаго происхожденія: по самому точному осмотру нѣмецкой журналистики въ Австріи, оказывается, что только двѣ газеты издаются въ ней чистыми Нѣмцами — *Die Stimmen aus Tyrol* и *Reform*; всѣ же остальные принадлежатъ нѣмецко-еврейской партіи и издаются преимущественно нѣмецкими Евреями. Только двѣ вышеупомянутыя газеты и соглашаются заранѣе со всѣми послѣдствіями, къ которымъ должны привести новый патентъ, новые земскіе сеймы и чрезвычайная имперская дума; остальные же газеты не хотятъ и слышать о равноправности.

А между тѣмъ Австрію постигъ новый ударъ со стороны нѣмецкаго отечества. Баварское министерство князя Гогенлоу включило въ свою программу договоръ съ Пруссіей, по которому Баварія должна будетъ признать за Пруссіей право предводительства надъ южно-нѣмецкими войсками въ случаѣ войны. Нѣмецко-еврейскіе журналисты съ ужасомъ повторяютъ слова, сказанныя недавно однимъ изъ депутатовъ ниже-австрійскаго сейма: «Австрія, созданная императоромъ Рудольфомъ, можетъ распасться при одномъ изъ его преемниковъ того же имени». Это намекъ на имя нынѣшняго наследника австрійскаго престола. Вотъ какіе мрачныя призраки носятся въ воздухѣ предъ австрійскими государственными людьми! И если въ 1848 году чешскимъ историографомъ Палацкимъ данъ былъ лозунгъ всему австрійскому Славянству: «когда бы Австрія не было, такъ мы, Славяне, должны были бы создать ее вновь», то нынѣ уже говорятъ сами Чехи, составившіе федеративную теорію и распространявшіе ее между австрійскими соплеменниками. «Мы были до Австріи, говорятъ они теперь, будемъ и послѣ нея!» Весь вопросъ о будущности Чехіи состоитъ, по мнѣнію чешскихъ публицистовъ, лишь въ томъ: удастся ли Чехамъ соединить въ общій сеймъ всѣ земли Чешской Короны — Богемію, Моравію, Силезію, и въ такомъ видѣ сохранить свою политическую самостоятельность и внутреннюю независимость, при короляхъ ли изъ Габсбургскаго дома, или при владѣтеляхъ изъ какой-либо иной династіи? Еще большія требованія, относительно будущаго, высказываются другимъ племенемъ между западными Славянами, принадлежащими къ Австріи: мы разумѣемъ требованія галицкихъ Поляковъ, которыхъ задоръ растетъ съ каждымъ днемъ и докраснаетъ до самыхъ безобразныхъ, несбыточныхъ надеждъ. Впрочемъ, намъ нѣтъ здѣсь надобности распространяться о нихъ: Поляки въ Австріи, какъ и повсюду, стоятъ особнякомъ отъ другихъ народовъ, имѣютъ въ виду только свои отдѣльныя цѣли и поэтому совершенно равнодушно относятся къ участи Австріи. Намъ нѣтъ здѣсь надобности говорить и о Галиціи вообще: это вопросъ особый и совершенно несложный. Во всякомъ случаѣ австрійское правительство, издавая новый патентъ и созывая чрезвычайную

имперскую думу, вовсе не думало при этомъ опираться на однихъ только Чеховъ, или Поляковъ; оно, конечно, не намѣрено было раздражать до конца своихъ Нѣмцевъ. Хотя новый патентъ изданъ собственно не для нихъ, но Славяне и Нѣмцы могутъ заговорить на чрезвычайной имперской думѣ не о тѣхъ вопросахъ, на которые имъ указываетъ теперь вѣнское правительство, имѣвшее въ виду одну Венгрію и соглашеніе ея требованій съ общимъ устройствомъ имперіи. Сдѣлавъ прежде небольшія уступки народамъ, населяющимъ западную половину Австріи, въ надеждѣ отвлечь ихъ симпатіи то отъ Пруссіи, то отъ Россіи, австрійское правительство напрягаетъ теперь всѣ свои силы, чтобы изъ юго-восточныхъ земель своей имперіи образовать для себя опору въ виду приближающагося разрѣшенія Восточнаго вопроса. Новый министръ, заправляющій иностранными дѣлами Австріи, баронъ Бейсть, обнаруживаетъ едва ли не большую пріязнь къ Мадырамъ чѣмъ всѣ прежніе министры Австріи, и это очень хорошо поняли австрійскіе Славяне. Послѣ извѣстнаго приѣма хорватской депутаціи Францомъ-Иосифомъ, хорватскія газеты прямо объявили, что баронъ Бейсть не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о венгерскомъ государственномъ правѣ, объ исторіи Тріедиаго Королевства и смотреть на восточный вопросъ съ точки зрѣнія исключительно мадыарской. Но дѣло не въ томъ, кого австрійскій министръ думаетъ употребить въ качествѣ своего орудія для достиженія какихъ-то цѣлей на Востокъ, Мадыаръ или южныхъ Славянъ; дѣло въ томъ, что послѣ постыднаго изгнанія изъ Германіи и Италіи, Австрія волей-неволей должна будетъ обратиться на Востокъ, такъ или иначе подчиняя свои внутреннія отношенія внѣшнимъ замысламъ. Въ этой зависимости внутреннихъ международныхъ отношеній Австрійской имперіи то отъ судьбы Германскаго союза, то отъ состоянія дѣлъ на Востокъ, и скрывается тѣсная связь между разорванными частями южнаго Славянства. Австрія, сильная въ Германіи, могла бы скорѣе присоединить турецкихъ Сербовъ къ своимъ южно-славянскимъ провинціямъ; Австрія, ослабленная послѣдними войнами и окруженная отовсюду врагами, можетъ потерять и своихъ южныхъ Славянъ въ случаѣ освобожденія Славянъ турецкихъ. Вотъ источникъ ея дружбы съ Мадыарами, ко-

торыхъ она будетъ возвышать на югѣ, подобно тому, какъ старается, повидимому, возвысить Чеховъ на сѣверѣ и Поляковъ на востокѣ своей имперіи.

Но не говоря уже о томъ, что участь сѣверныхъ и восточныхъ провинцій Австріи зависить не столько отъ уступокъ ея правительства въ пользу Чеховъ или Поляковъ, сколько отъ дальнѣйшаго хода дѣлъ въ Пруссіи и остальной Германіи и отъ твердости національной политики въ Россіи, нельзя не видѣть, что судьба австрійскаго юга постоянно будетъ въ зависимости отъ событій, которыя могутъ разыграться въ сѣверныхъ частяхъ Балканскаго полуострова.

Такимъ образомъ въ политической сферѣ нѣтъ частныхъ противорѣчащихъ другъ другу славянскихъ вопросовъ, австрійскаго, турецкаго или еще какого-либо другаго: есть одинъ Славянскій вопросъ, и онъ долженъ собою наполнить всю будущую исторію Австріи, европейской Турціи и Россіи.

Существованіе такъ-называемыхъ земель Чешской Короны, судьба Галиціи и Венгрии, положеніе такъ-называемаго Триединаго Королевства, Сербіи, Босніи и Черногоріи, наконецъ возрожденіе Болгарскаго народа, — все это неразрывная часть одного и того же общеславянскаго вопроса.

Подобно Австрійцамъ, связывающимъ судьбу Австріи съ историческими именами Рудольфовъ, южные Славяне также придаютъ мистическое значеніе именамъ турецкихъ султановъ. Они рассказываютъ, что въ одномъ изъ монастырей Фрушской горы, этой священной горы сербскаго православія, хранится старинная рукопись, современная паденію Сербскаго царства, гдѣ сказано, что владычество Турокъ утвержденное Османомъ, котораго имя начпнается съ послѣдней буквы греческой азбуки, окончится при султанахъ, имена которыхъ будутъ начинаться первою буквою. Имена Абдуль-Меджида и Абдуль-Асиза служатъ, такимъ образомъ, для турецкихъ христіанъ счастливымъ предзнаменованіемъ. Такъ народное воображеніе, въ эпоху приближающихся испытаній, ищетъ себѣ ободренія и опоры въ историческихъ примѣтахъ и предсказаніяхъ!...

Москва, 18-го января.

Какъ ни желательно было бы, въ виду внутреннихъ затрудненій, отложить разрѣшеніе задачъ внѣшней политики; какъ ни хотѣлось бы намъ, чтобы событія замедлили свой ходъ до поры болѣе удобной и благопріятной для Россіи,—но время не ждетъ и событія идутъ,—не справляясь о томъ, готовы ли мы или не готовы. И блаженны тѣ, кого они застапуть бдящими! Необходимо, поэтому, чтобы наше общество перестало относиться къ Восточному вопросу какъ къ вопросу досужему и отвлеченному, касающемуся только «сердечной» стороны нашего національнаго существованія, симпатій религіозныхъ и родственныхъ. Нѣтъ, этотъ вопросъ не досужій и не отвлеченный, а настоятельно требующій практическаго разрѣшенія, которое во всякомъ случаѣ и въ какомъ бы смыслѣ ни совершилось—будетъ неминуемо имѣть самыя практическія послѣдствія для Россіи. Войною ли чреваты событія, или такую дипломатическою игрою, въ которой шахъ и матъ можетъ равняться любому военному пораженію,—какъ бы то ни было, но плохо будетъ, если они застигнутъ насъ въ расплохъ—со стороны ли нашего матеріальнаго обезпеченія, со стороны ли общественнаго сознанія. Конечно, когда событія надвинутся близко, то они заслонятъ собою на горизонтѣ и внѣшней и внутренней политики всѣ другіе интересы, и могучимъ вѣяніемъ своимъ прочистятъ нашъ сгущенный разными испареніями воздухъ, но не поздно ли уже тогда будетъ?

Съ одной стороны, Турецкая имперія разлагается, вслѣдствіе матеріальныхъ и нравственныхъ причинъ, вслѣдствіе ослабленія той дикой, по цѣльной силы, которая въ лицѣ Магометовъ и Мурадовъ создала владычество Османовъ; съ другой вслѣдствіе того, что мѣра долготерпѣнія христіанскихъ племенъ исполнилась. Войны Россіи съ Турками въ XVIII столѣтіи, войны, придвинувшія ее къ самому устью Дуная и отдавшія въ ея владѣніе весь сѣверный и восточный берегъ Чернаго моря, возбудили въ одно и то же время угасавшій духъ въ поработенныхъ Славянахъ и Грекахъ—и страхъ и зависть въ Западной Европѣ. Съ того времени Турція по-

ступила подъ опеку западноевропейскихъ державъ, которая не менѣ всякихъ поражений способствовала и способствуетъ распаденію мусульманскаго царства. Элементъ европейской цивилизаціи подѣйствовалъ на Турцію какъ свѣжій воздухъ на гниющее тѣло. Вся задача Европы состояла и состоитъ въ томъ, чтобы положить предѣлы матеріальному и нравственному усилению Россіи, чтобы не дать возникнуть новому міру—православно-славянскому, котораго знамя предносится единой свободною славянскою державой, Россіей, и который ненавистенъ латинно-германскому міру. Не время и не мѣсто входить здѣсь въ изслѣдованіе тѣхъ, глубоко зарытыхъ въ исторіи и въ тайнахъ духа человѣческаго, причинъ этой ненависти латинно-германскаго Запада къ Славянамъ вообще и къ Россіи въ особенности: довольно признать этотъ фактъ несомнѣнно существующимъ (и не признать его невозможно),—но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо понять, что никакое наше смиреніе и никакое наше безкорыстіе не укротятъ этой злобы и боязни; что только отреченіе отъ своей русской народности и пераздѣльной съ нею вѣры, могли бы мы утолить эту европейскую вражду и утишить подозрѣнія. Впрочемъ, какъ далеко ни простиралось бы иногда наше угодничество предъ Европой, наше заискиванье добраго ея о насъ мнѣнія, наши завѣренія о нашей допропорядочности,—мы все же не можемъ дойти до той степени униженія, которая была бы равносильна смертному себѣ приговору. Доказательствомъ этому служитъ и недавній разрывъ съ папою—хотя и послѣдовавшій послѣ длиннаго ряда несовмѣстныхъ съ нашимъ достоинствомъ уступокъ папѣ, послѣ невыносимыхъ оскорбленій со стороны Рима, превысившихъ мѣру даже нашего долготерпѣнія.

Итакъ, задача Европы состояла и состоитъ въ томъ, чтобы овладѣть рѣшеніемъ Восточнаго вопроса, т. е. вопроса о судьбѣ Балканскаго полуострова и населяющихъ его племенъ. Для духовной ассимиляціи себѣ православныхъ народовъ, для усвоенія ихъ себѣ въ нравственномъ отношеніи и для отчужденія отъ Россіи, была направлена на бѣдныхъ раіевъ Турціи латинская пропаганда, благодаря которой всѣ совращающіеся въ католичество переходятъ изъ тревожнаго и страдальческаго—сравнительно въ благоденственное и мир-

ное житіе. Затѣмъ было испробовано средство упрочить Турцію посредствомъ европейской цивилизаціи. Западъ снабдилъ ее регулярными войсками, обучилъ ее офицеровъ, снарядилъ ее всяческимъ оружіемъ для того только, чтобъ она могла бороться съ Россіей и съ своими подданными христіанами. Вѣрные прихвостники Западной Европы и латинства, давно измѣнившіе братскому союзу Славянъ,—Поляки были, разумеется, главными пособниками въ этихъ козняхъ. Они нацѣлили турецкія пушки и ружья на своихъ братьевъ Славянъ, они предводительствуютъ мусульманскими полчищами противъ христіанъ православныхъ, въ званіи разныхъ Искендеръ-беевъ и Осмапъ-пашей... И такая нація смѣетъ еще мечтать о возрожденіи!—Но западно-европейскій маневръ посредствомъ Турецко-европейской цивилизаціи не удался, нужно было иначе придать силы одряхлѣвшему Осману. Христіанская Европа, съ благословенія папы, совершила крестовый походъ, но уже не противъ мусульманъ, а противъ христіанъ, въ защиту того самаго владчества, противъ котораго ополчалась въ Средніе вѣки. У Россіи было отнято право исключительнаго покровительства турецкимъ христіанамъ и замѣнено совокупнымъ покровительствомъ всѣхъ крупныхъ державъ; такъ что къ Турціи было буквально приставлено семь нянекъ, включая сюда и правительство султана. Но русская пословица о семи нянькахъ сбылась и тутъ. Никакіе гати-гумаюны не уврачевали смрадныхъ язвъ умирающаго Осмапа, и христіанскія племена отчасти подняли, а скоро и всѣ поднимаютъ знамя возстапія.

Въ виду этого-то событія стоятъ теперь, думая трудную думу, Европа и Россія. Нѣтъ возможности отсрочивать долѣе рѣшеніе Восточнаго вопроса, какъ бы ни было это желательно для Россіи, вслѣдствіе ея финансовыхъ и иныхъ затрудненій. «Покорнѣйше просить христіанскія населенія, мучимыя и унижаемыя, обождать, потерпѣть еще немножко, сидѣть смирно, сложа руки и довольствоваться дипломатическими предстательствами предъ его величествомъ султаномъ» — такая политика, которой мы нѣкоторое время держались и до которой есть много охотниковъ въ высшихъ петербургскихъ сферахъ,—такая политика дешевой мудрости и умѣренности теперь не только неумѣстна, несвоевременна,

но грозить Россіи утратой ея значенія въ глазахъ турецкихъ населеній, и передачею рѣшенія Восточнаго вопроса въ руки Европы. На смѣну этой политики является другая: политика невмѣшательства въ дѣла Турціи и предоставленія имперіи собственнымъ ея силамъ. Другими словами, эта политика предполагаетъ, воздержавъ европейскія правительства отъ оказанія матеріальной помощи султану, тѣмъ самымъ дать ей сокрушиться подъ ударами возстающихъ населеній, а дальнѣйшій ходъ дѣла, равно какъ и устройство политическихъ судьбъ этихъ населеній обозначатся въ послѣдствіи сами собой.

Эта политика, повидимому, самая благоразумная и единственно возможная при желаніи избѣгнуть скорой и дѣятельной войны—едва ли состоятельна. Еслибы даже и всѣ западныя державы обязались держаться этой политики,—то для нихъ нѣтъ того интереса оставаться въ ея предѣлахъ, какой можетъ быть повидимому, и только повидимому, для насъ,—и онѣ тотчасъ бы нашли средство нарушить обязательство, какъ скоро признали бы это для себя выгоднымъ. Точно такъ поступили онѣ и съ Парижскимъ трактатомъ, который былъ честно и строго соблюдаемъ только съ той стороны, для которой онъ былъ тягостенъ, и былъ нарушенъ безъ церемоній къ пользѣ и выгодѣ Запада. Дерзость инициативы—великое условіе успѣха, и въ этомъ отношеніи легко создать для Россіи такое же неловкое положеніе, какое было создано для нея при избраніи поручика прусской службы и родственника прусскаго королевскаго дома въ князя Румыніи. Постараемся объяснить это обстоятельство.

Западъ уже не вѣритъ въ возможность сохраненія Турецкой имперіи. Крымская война окончательно разубѣдила его, если только и прежде это убѣжденіе было искреннее,—да къ тому же этотъ способъ оживленія гниющаго трупа стоилъ Западу слишкомъ много денегъ и крови. Западъ не вѣритъ также и въ успѣхъ, по крайней мѣрѣ скорый успѣхъ, нравственной ассимиляціи турецкихъ христіанскихъ племенъ, или покоренія ихъ латино-германской цивилизаціи. Онъ, правда еще не отказывается отъ способовъ толкнуть эти племена на такую дорогу, съ которой уже не было бы поворота назадъ и которая на вѣки отдалила бы ихъ отъ Россіи: недавняя попытка

соблазнить одного из іерарховъ греческой церкви въ Константинополь въ унию и подорвать крѣпость единства вѣры въ православныхъ племенахъ Турціи, свидѣтельствуешь о томъ, что латинская пропаганда продолжаетъ входить въ соображенія французской дипломатіи. Но во всякомъ случаѣ Западъ не ограничивается и не ограничится подобными медленными средствами. Ему приходится считаться теперь съ личными свойствами тѣхъ племенъ, къ которымъ онъ до сихъ поръ относился съ презрѣніемъ,—съ ихъ мужествомъ, храбростью, живучестью и жаждою политической жизни,—и на этомъ расчетѣ строится, пока еще въ тайнѣ, новый планъ западной политики относительно Востока.

Дѣло обстоитъ съ точки зрѣнія Запада такимъ образомъ: откладывать долѣ разрѣшеніе Восточнаго вопроса невозможно;—слѣдовательно необходимо захватить это разрѣшеніе въ свои руки и исхитить его изъ рукъ Россіи. Сохранить Турцію невозможно; презирать долѣ требованія христіанскихъ племенъ и не признавать ихъ правъ на бытіе—невозможно, какъ потому, что они начали заявлять эти права слишкомъ энергически, такъ и потому, что презирая ихъ, Западъ возвышаетъ вліяніе Россіи, дать ей *le beau rôle*, какъ выражаются Французы; наконецъ ассимилировать ихъ, покорить ихъ себѣ духовно и нравственно—пока невозможно. Слѣдовательно, что же остается? Остается опять овладѣть рѣшеніемъ Восточнаго вопроса въ такомъ смыслѣ, чтобъ это рѣшеніе послужило къ ущербу Россіи, чтобъ распаденіе Турецкой имперіи не только не усилило Россію, но создало для нея рядъ новыхъ опасностей и затрудненій,—чтобъ, наконецъ, сплошному единству православной славянской массы было противопоставлено другое единство не славянское, обязанное своимъ происхожденіемъ преимущественно Западу. И нѣтъ сомнѣнія, скоро Европа, дождавшись благоприятной минуты и опутавъ Русскую добросовѣстность какими-нибудь дипломатическими сѣтями, вдругъ, къ удивленію міра, объявитъ себя воспламененною сочувствіемъ къ страждущимъ христіанамъ и въ особенности къ греческой народности, перещеголяетъ въ дѣятельномъ выраженіи этого сочувствія—Россію, заберетъ въ свои руки инициативу этого дѣла, и поставитъ насъ въ такое положеніе, что мы будемъ тащиться

сзади ея, догонять ея, безпокойно ожидать—куда ей вздумается повернуть, и при всемъ томъ таить въ себѣ внутреннее сознание, что она заставляетъ насъ содѣйствовать своимъ, чуждымъ и гибельнымъ для насъ, политическимъ расчетамъ. Такъ было, повторяемъ, въ дѣлѣ о Дунайскихъ княжествахъ, такъ можетъ случиться и теперь, если мы не переменимъ образа дѣйствій... Но однимъ выраженіемъ сочувствія Европа не ограничится. Ея планы шире и дальновиднѣе. Объ нихъ поговоримъ завтра.

Москва, 19 января.

Дальновидная Англія прежде всѣхъ стала измѣнять старой своей политикѣ на Востокъ. Не она ли настойчивѣе всѣхъ ратовала въ пользу сохраненія Турецкой имперіи? и вотъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ парижскаго мира, Англія почти удвоила силу самаго злаго врага мусульманскаго владычества, за которое вела такую кровопролитную войну: она присоединила къ Греціи добровольно, въ видѣ дара, группу Ионическихъ острововъ. Съ тѣхъ поръ имя Англіи, ненавистное Грекамъ послѣ поступковъ ея съ торговымъ греческимъ флотомъ въ дѣлѣ купца Пачифико, возстановилось снова у Грековъ въ чести и славѣ. Англія даровала имъ короля; Англія является дѣятельною и могучею покровительницей, Англія же и ихъ тайная руководительница. Англійскіе корабли первые начали перевозить раненныхъ инсургентовъ и ихъ семейства съ острова Кандіи въ Грецію: ихъ примѣру послѣдовали и мы,—это правда,—но все же честь зачина въ этомъ дѣлѣ принадлежить не намъ... Читатели помнятъ, конечно, какимъ вдругъ неожиданнымъ участіемъ къ Сербіи промолвился, года три тому назадъ, англійскій парламентъ, и въ англійской литературѣ появились книги съ выраженіями сочувствія къ Сербскому княжеству. Послѣ энергической политики лорда Стратфорда Редклифа, въ Константинополѣ, политика Англіи при Турецкомъ дворѣ какъ бы стусебалась,—но только повидимому: значеніе «императора Франковъ» у христіанскихъ племенъ Турціи въ послѣднее время сильно ослабѣло и уступаетъ мѣсто значенію Англіи.

Во всякомъ случаѣ она уважается какъ сила, которая знаетъ чего хочетъ и можетъ сдѣлать то, что захочетъ. Очевидно, что Англія заранѣе разставляетъ для себя точки опоры на Востокѣ. Съ другой стороны, и Наполеонъ III подготавливаетъ себѣ позицію въ средѣ латинской расы (возстановляетъ и объединяетъ которую онъ чувствуетъ въ себѣ особое призваніе). Интриги Франціи, свергнувъ князя Кузу, посадили на княжескій престолъ иностраннаго принца, и такимъ образомъ традиціямъ, связывавшимъ съ нами эти княжества, положенъ конецъ. Европейскій принцъ, близкій родственникъ могущественнаго королевскаго дома, не могъ принять вассальное отношеніе къ султану иначе какъ временно — въ виду скорого обрѣтенія полной независимости и самостоятельности. Такимъ образомъ на нашей границѣ, рядомъ съ единоплеменной Дунайскимъ княжествомъ Бессарабією (по крайней мѣрѣ въ значительной ея части), между нами и Турціей, или вѣрнѣе между нами и Славянами, поперекъ дороги въ Царьградъ, возникаетъ государство, которое имѣетъ въ будущемъ виды на присоединеніе къ себѣ около двухъ милліоновъ австрійскихъ Румуновъ.

Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что операціоннымъ базисомъ политики Запада противъ Россіи скоро послужитъ Греція. Орудіемъ будетъ избрана такъ-называемая «великая идея» или идея о «великой Греціи». Извѣстно, что Греки смотрятъ на маленькое Греческое королевство какъ на залогъ будущей сильной греческой державы, и что нѣтъ Грека, который бы не мечталъ о возстановленіи Византійской имперіи. А такъ какъ ни Россія, ни Славяне Балканскаго полуострова не могутъ желать этого возстановленія, то несмотря на единовѣріе, Греки, — такъ надѣются на Западъ, — могутъ изъ друзей обратиться въ злѣйшихъ нашихъ враговъ. Западъ будетъ всѣми силами льстить гордости и самолюбію греческой націи и постарается сдѣлать изъ Грековъ оплотъ противъ Россіи и Славянскаго міра. Единству славянской массы, какъ мы уже сказали, онъ попытается противопоставить единство греческаго племени, и поэтому станетъ всѣми мѣрами благопріятствовать греческому объединенію. Такова тайная мысль иностранной политики, которая не замедлитъ выразиться и явно. Если ужъ приходится Западу мириться

съ православіемъ, такъ онъ скорѣе помирится съ нимъ въ лицѣ греческаго, нежели славянскаго племени; если можетъ онъ допустить возвышеніе на Востокѣ какой-либо политической силы, такъ ужъ скорѣе греческой, нежели русской. Эту задачу для западной политики довольно рѣзко выставляетъ г. Бѣле, въ одной изъ январскихъ книжекъ *Revue des Deux Mondes*. Любопытнѣе всего, что въ этой замѣчательной статьѣ не говорится почти ни слова о славянскихъ племенахъ, населяющихъ Турцію: они, какъ должно подразумевать, обрекаются на подданство Грекамъ и Румунамъ, такъ какъ одновременно съ расширеніемъ предѣловъ греческой державы, съ одной стороны должна расширяться и значительно подвинуться дальше на югъ вновь создаваемая Европою румынская держава. И дѣйствительно, эта мечта французскаго публициста совпадаетъ съ политическими фактами. На Дунаѣ позиція уже занята Западомъ, политическое развитіе Валахій и Молдавіи получило направленіе непріязненное для Россіи. Съ юга, т. е. со стороны Греціи, начинается то движеніе, которому Россія не можетъ не сочувствовать, которому не можетъ не содѣйствовать, но которымъ, безъ сомнѣнія, воспользуются западныя державы для того, чтобы поставить Грековъ въ отношенія враждебныя къ Россіи и Славянамъ. Въ политическомъ отдѣлѣ нашей газеты было упомянуто объ адресѣ Болгаръ къ Султану, сочиненномъ, по общему мнѣнію, католическими монахами — лазаристами. Въ этомъ адресѣ заставляютъ Болгаръ выразить такую мысль, что для нихъ владычество Турокъ сноснѣе чѣмъ владычество Грековъ. Греческія газеты полагаютъ, что этотъ адресъ измышленъ по ненависти католиковъ къ Грекамъ. Мы думаемъ, напротивъ, что этотъ адресъ есть только преждевременное проявленіе политическихъ замысловъ французской политики, которой лазаристы служатъ постояннымъ и вѣрнымъ орудіемъ... Трудно, конечно, представить себѣ, чтобы Западъ охотно допустилъ образованіе могущественной греческой имперіи, но можно съ достовѣрностью предположить, что если возникновеніе греческой державы на развалинахъ Турціи и будетъ имъ допущено, какъ неизбежное, то не иначе какъ на условіяхъ какой-либо благовидной, но тѣмъ не менѣе весьма существенной, матеріальной и нравственной зависимости отъ

Запада. Западъ предложитъ Грекамъ купить себѣ политическое величіе цѣною дружбы къ Россіи, т. е. непремѣннымъ условіемъ своего содѣйствія Грекамъ онъ поставитъ, въ той или другой формѣ, разрывъ ихъ съ Россіей. Константинополемъ же онъ во всякомъ случаѣ постарается распорядиться такъ, чтобъ эта византійская столица не имѣла никакого грознаго и стратегическаго значенія. — Мы вовсе не утверждаемъ, чтобъ эти соображенія иностранной политики были безошибочны: Западъ и не знаетъ, съ какими силами ему придется считаться, да и Греки не такой народъ, который легко было бы Западу подчинить своему безусловному вліянію. Всего было бы лучше, конечно, еслибъ возстающіе въ Турціи христіане обошлись безъ всякаго содѣйствія западныхъ державъ, — но именно въ возможность-то этого невмѣшательства мы и не вѣримъ. Не вѣримъ потому, во первыхъ, что такое невмѣшательство можетъ быть невыгодно для политическихъ интересовъ Европы и лишило бы ее возможности дать то или другое, сообразное съ ея видами, направленіе разрѣшенію Восточнаго вопроса. Вторыхъ потому, что и Франціи и Австріи нѣтъ другаго исхода для поправленія своихъ политическихъ обстоятельствъ, какъ принять дѣятельное участіе въ разрѣшеніи этого вопроса. Національное самолюбіе Франціи до сихъ поръ не можетъ помириться ни съ неудачею дипломатическаго похода на Россію относительно Польши, ни съ возвеличеніемъ Пруссіи и приобрѣтенною ею воинскою славой, ни съ категорическимъ отказомъ Бисмарка допустить извѣстное округленіе французскихъ границъ на счетъ Германіи. Ни всемірная выставка, ни новѣйшія quasi-либеральныя реформы не въ состояніи удовлетворить Французовъ. Востокъ же представляетъ богатую тему для политической фразеологій, такъ легко воспламеняющей французское тщеславіе: «la grande cause de l'Occident, la cause de la civilisation», сочувствіе Эллинамъ, сочувствіе Румунамъ, — участіе въ вопросѣ всемірно-исторической важности, — все это, вмѣстѣ съ тайнымъ желаніемъ поднять свое политическое значеніе и загладить свои неудачи, можетъ послужить настоящимъ поводомъ къ дѣятельному вмѣшательству въ дѣла Востока, когда наступитъ къ тому время. Что же касается до Австріи, то о значеніи для нея Восточ-

наго вопроса нѣтъ надобности и распространяться. Вытѣсненная изъ Германіи или, лучше сказать, сокрушенная какъ держава германская, имперія Габсбурговъ сохранила тѣмъ не менѣе всѣ традиціи и инстинкты крупной державы. Австрія въ судорожныхъ конвульсіяхъ мечется теперь изъ стороны въ сторону, отыскивая точку опоры и цѣпляясь за каждый случай, который могъ бы придать ей вновь политическое значеніе. Она преисполнена вождельніи расширить узкую полосу земли, которою она владѣетъ по берегу Адриатическаго моря, и приобрести Герцеговину и Боснію; она желала бы присоединить къ себѣ и Дунайскія княжества и княжество Сербское, и въ то же время основательно опасается, что вмѣсто приобрѣтенія новыхъ земель — можетъ утратить и свои собственныя въ пользу этихъ же самыхъ княжествъ, что австрійскіе Румыны отойдутъ къ Валахіи и Молдавіи, а австрійскіе Сербы къ Сербскому княжеству. Рокковая сила влечетъ ее къ неминуемой гибели, но она не погибнетъ, не испытавъ новой борьбы и новыхъ дипломатическихъ союзовъ и комбинацій.

Западная политика ставитъ Россію въ положеніе странное и исполненное затрудненій. Нельзя, напримѣръ, Россіи не сочувствовать ослабленію вассальныхъ отношеній Молдавіи и Валахіи къ правительству султана; нельзя ей не признать, что назначеніе княземъ независимаго принца всего сильнѣе содѣйствуетъ такому ослабленію; притивиться подобной мѣрѣ значило бы, повидимому, противиться «прогрессу», «гуманности», значило бы отречься отъ собственной традиціонной политики въ пользу этихъ княжествъ, и т. д. — Но нельзя не видѣть въ то же время, что назначеніе Гогенцоллерна есть политическая интрига, направленная противъ Россіи, и что Россія, вынужденная согласиться на такое нарушеніе Парижскаго трактата (нарушенія, котораго, говоря вообще, она не можетъ и не желать), въ то же самое время сама упрочиваетъ позицію для Запада на Дунаѣ. Въ такое же фальшивое отношеніе легко можемъ мы стать и къ Греціи, — и это тѣмъ болѣе прискорбно, что нѣтъ страны въ мірѣ, которая бы сочувствовала Грекамъ въ ихъ стремленіи къ независимости и свободѣ такъ какъ Россія, которая бы съ такимъ участіемъ

слѣдила за геройскими подвигами Кандіотовъ и такъ соболѣзновала объ участи ихъ семействъ. Не одна сотня тысячъ рублей вышлетса имъ въ помощь изъ Россіи, несмотря на всеобщее у насъ финансовое затрудненіе. Но какъ ни велика наша симпатія къ Грекамъ, мы не можемъ и не должны приносить имъ въ жертву ни нашихъ братьевъ Славянъ — Болгаръ и Сербовъ, ни интересовъ Россіи.

Намъ кажется, что Россія должна поспѣшить овладѣть инициативой разрѣшенія Восточнаго вопроса: въ противномъ случаѣ овладѣютъ ею западныя державы и создадутъ намъ опять то неловкое положеніе, о которомъ мы говорили. Намъ кажется, что параллельно съ движеніемъ греческимъ должно было бы происходить и движеніе славянское; что Россія должна была бы тверже настаивать на освобожденіи Бѣлграда отъ турецкаго гарнизона и принять болѣе дѣятельное участіе въ разрѣшеніи церковной греко-болгарской распри, — однимъ словомъ, стать во главѣ, а не въ хвостѣ того движенія, которое объемлетъ Востокъ...

Москва, 25-го января.

Въ тишинѣ, подѣ мирною сѣнію науки, во имя самыхъ серьезныхъ и искреннихъ интересовъ знанія, готовится въ нашей общественной жизни событіе истинно знаменательное. Нынѣшнею весною, въ Москвѣ откроется этнографическая выставка, и вмѣстѣ съ тѣмъ положится основаніе постоянному этнографическому музею. Первоначальная мысль этой выставки, которой предполагали дать строго-антропологическій характеръ, возникла еще въ 1864 году въ средѣ, не задолго предъ тѣмъ возникшаго, Общества любителей естествознанія. Но скорѣй первоначальный планъ этого предпріятія расширился: изъ антропологической выставка превратилась въ этнографическую. Матеріальныя средства для исполненія ея предложены были обществу В. А. Дашковымъ. Наконецъ, въ концѣ 1865 года программа выставки была увеличена, по предложенію Н. А. Попова, еще новымъ отдѣломъ — *славянскимъ*. Комитетъ, занимающійся устройствомъ этой выставки, неоднократно уже публиковалъ о пожертво-

ваніяхъ, которыя были получены имъ съ разныхъ сторонъ и свидѣтельствовали — съ какимъ всеобщимъ сочувствіемъ эта счастливая мысль была встрѣчена русскимъ обществомъ. Съ неменьшимъ сочувствіемъ отнеслись къ этому предпріятію и Славяне, преимущественно австрійскіе. Львовское ученое общество, извѣстное подъ именемъ галицко-русской Матицы и Львовскій Народный Домъ, т. е. русскій національный клубъ, назначили 200 гульденовъ и особую комиссію для собранія наиболѣе характеристическихъ одѣяній, употребляемыхъ русскимъ населеніемъ по обоимъ склонамъ Карпатъ, и уже успѣли, при небольшомъ пособіи московскаго комитета, составить интересную коллекцію этнографическихъ предметовъ. Хорватское ученое общество, занимающееся изученіемъ исторіи и нарѣчій южныхъ Славянъ, образовало особый комитетъ, а по южно-славянскимъ городамъ назначило комиссіонеровъ для составленія южно-славянскаго этнографическаго музея въ Загребѣ, объявивъ, что приступая къ такому предпріятію, оно руководствуется мыслию, программой и примѣромъ, поданными московскимъ обществомъ: часть вещей южно-славянскаго музея будетъ доставлена и на московскую выставку. Затѣмъ фабрикантъ изъ города Осека (Esseg) въ Славоніи, Феликсъ Лай, выслалъ нѣсколько прекрасныхъ костюмовъ изъ той мѣстности и множество разныхъ вещей, употребляемыхъ въ домашнемъ быту и сельскомъ хозяйствѣ у Сербовъ и Хорватовъ. Не малое собраніе такихъ же вещей пожертвовано московскому музею сербскимъ депутатомъ на сеймѣ Тріединого Королевства, жителемъ города Вуковара, Александромъ Вукашиновичемъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей между небольшимъ племенемъ Словенцевъ, Матія Мааръ, пожертвовалъ московскому музею чрезвычайно красивую и интересную свадебную группу изъ южной Штирии со всею обстановкой. Извѣстный въ ученomъ мѣрѣ, какъ этнографъ и археологъ, президентъ чешскаго историческаго общества въ Прагѣ, Карлъ-Яроміръ Эрбенъ, предпринялъ, по порученію московскаго комитета, поѣздку въ окрестности города Домажлицъ (Taus) лежащаго на границахъ Богеміи и Баваріи, гдѣ однакожъ наиболѣе удержались національные чешскіе обычаи и одѣянія, и уже успѣлъ выслать въ Москву собранную имъ коллекцію. Знаменитый хорватскій «патрі-

отъ», хотя и католическій епископъ, Штроссмайеръ, и буковинскій православный епископъ Гакманъ сами предложили свои услуги къ обогащенію не только московской этнографической выставки, но и музея. При этомъ слѣдуетъ упомянуть о весьма богатомъ и во многихъ отношеніяхъ замѣчательномъ собраніи костюмовъ, фотографій и другихъ этнографическихъ предметовъ, которые присланы на выставку изъ Царства Польскаго, благодаря содѣйствію князя В. А. Черкаскаго. Комитетъ не ограничился однакожъ простымъ приглашеніемъ славянскихъ ученыхъ и жертвователей участвовать въ московской выставкѣ, но и дѣлалъ заказы, при посредствѣ нашего священника въ Вѣпѣ, М. Ѳ. Раевского, въ тѣхъ мѣстностяхъ, откуда нельзя было ожидать обильныхъ пожертвованій. Мы увѣрены, что въ свое время будутъ объявлены во всеобщее свѣдѣніе имена всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя были исполнителями порученій комитета въ различныхъ славянскихъ земляхъ и тѣмъ оказали существенное содѣйствіе великолѣпію выставки и полнотѣ будущаго музея. При этомъ нельзя не вспомнить, что дѣятельность славянскихъ корреспондентовъ значительно затруднялась сперва войною между Австріей и Пруссіей, потомъ холерою, которая свирѣпствовала въ Австріи весьма сильно, и наконецъ крайнею и попятною для насъ, Русскихъ, педовѣрчивостію, съ какою сельское славянское населеніе встрѣчало просьбы о снятіи фотографическихъ изображеній съ наиболѣе типическихъ лицъ и о покупкѣ народныхъ одѣяній. Теперешнія волненія на Балканскомъ полуостровѣ значительно затруднили собраніе этнографическихъ предметовъ, которыми можно было бы характеризовать бытъ турецкихъ Славянъ. Но мы знаемъ, что комитетъ все-таки имѣетъ надежду получить нѣсколько костюмовъ изъ княжествъ Сербіи и Черногоріи; а относительно болгарскихъ одѣяній также сдѣлано нѣсколько заказовъ, при посредствѣ одесско-болгарскаго попечительства. Такимъ образомъ, наша русская выставка становится русско-славянскою, тѣмъ болѣе что инородцы будутъ представлены на ней какъ второстепенныя и подчиненныя племена. Само собою разумѣется также, что при размѣщеніи славянскихъ вещей въ будущемъ музей принято будетъ во вниманіе то значеніе, которое долженъ имѣть Славянскій міръ для русской науки.

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни посмотрѣли на допущеніе славянскаго отдѣла на русскую выставку, во всякомъ случаѣ оно въ высшей степени полезно и важно. Если выставка и музей имѣютъ цѣлію ознакомишь русскую публику съ бытовою стороною русской жизни, то сравненіе съ Славянами всѣхъ наименованій должно стоять въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ: общія, родственныя черты еще не совершенно исчезли въ современной жизни славянскихъ народовъ, и подмѣтить эти черты можно только при помощи сравненія. «Замѣчательное предпріятіе, писалъ одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ, которому поручено было освѣдомиться о томъ, что можетъ быть доставлено на выставку изъ страны Кашубовъ, населяющихъ восточную часть прусской Помераніи, докторъ Манигартъ, — замѣчательное предпріятіе Общества любителей естествознанія открыть въ Москвѣ этнографическую выставку общааетъ принести наукѣ весьма важную пользу. Эта выставка представитъ картину теперешняго состоянія Славянскихъ народовъ: она сразу поставитъ на видъ, на какой высокой или низкой степени образованія, зависящей отъ вѣдшихъ условій жизни и отъ историческаго развитія, стоятъ они; она легко покажетъ, что стало изъ отдѣльныхъ частей Славянства въ теченіе ихъ исторической жизни, подъ вліяніемъ благоприятныхъ и неблагоприятныхъ обстоятельствъ времени, какъ далеко каждая отрасль Славянства приблизилась къ образцу человѣческой нравственности, выступивъ изъ общихъ всѣмъ имъ началъ. Я думаю, что это будетъ картина величественная, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ и мрачная»... Мрачная въ томъ смыслѣ, добавимъ мы, что на многихъ типахъ славянскихъ, въ ихъ этнографической обстановкѣ, не можетъ не лежать печать рабства, неволи и отчужденія отъ своей народности, подъ варварскимъ ли турецкимъ, или просвѣщеннымъ австрійскимъ гнетомъ.

Но, кромѣ интереса строго научнаго, припятіе славянскаго отдѣленія на московскую выставку принесетъ ту выгоду, что сильнѣе чѣмъ что-либо другое скрѣпитъ взаимное сближеніе въ области науки и литературы между Русскими и остальными Славянами. За границей, напримѣръ въ Германіи, подобныя предпріятія вызываютъ часто оживленныя сходки ученыхъ со всѣхъ концовъ нѣмецкаго міра. Эти сходки за-

мѣняли нерѣдко Нѣмцамъ недостатокъ политическаго единства, и дѣлались отчасти именно съ цѣлю—живѣе возбудить сознание національнаго и содѣйствовать политическому единству. Въ подобныхъ съѣздахъ ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, духовныхъ, за границей всегда принимается живое участіе городъ, служащій средоточіемъ для такого съѣзда. У Нѣмцевъ, а также и у австрійскихъ Славянъ, есть обычай, котораго они твердо держатся въ подобныхъ случаяхъ: не только устраивать особенные, за половинную цѣну, поѣзды по желѣзной дорогѣ къ городу, гдѣ происходитъ ученое или какое-либо иное празднество, но и устраивать отъ имени городской общины дешевыя помѣщенія для пріѣзжихъ на все время праздника. Такъ праздновалась, на примѣръ, чешскими Славянами, въ 1863 году, тысячелѣтняя память Св. Кирилла и Меодія въ Моравскомъ городѣ Брюннѣ: русскіе путешественники явившіеся на это торжество, пользовались всѣми упомянутыми нами удобствами, устройствомъ которыхъ занимался особый комитетъ изъ мѣстныхъ жителей. Переходя къ нашему празднеству, готовящемуся нынѣшнюю весной, мы должны сказать, что на русско-славянскую этнографическую выставку придутъ депутаціи отъ чешскихъ и хорватскихъ ученыхъ обществъ, отъ вѣнскаго географическаго общества и отдѣльные представители отъ другихъ славянскихъ учреждений, преимущественно австрійскихъ.

Отстанемъ ли мы отъ Нѣмцевъ? Отстанемъ ли и отъ своихъ братьевъ—бѣдняковъ Славянъ? Пристыдить ли Москву какой-нибудь Вюрцбургъ или Брюннъ? Если почему-либо наша Московская общая Городская Дума не считаетъ себя въ правѣ производить на пріемъ гостей расходы изъ городскихъ капиталовъ, то неужели не найдется во всей Москвѣ ни одного богатаго человѣка, который бы пожертвовалъ на это деньги? Неужели не соберется и по подпискѣ достаточной суммы, чтобы могла Москва явиться, по истинѣ, народною русскою столицей, столицей единой свободной славянской державы, и отпраздновать родственныи пиръ? Или мы уже не въ состояніи предложить и трапезы своей роднѣ, своимъ кровнымъ братьямъ? И велики ли нужны на это деньги! Тысячъ шесть-семь рублей, едва ли больше..... Нѣтъ, Москва

не опозорить себя, встрѣтить и проводить гостей съ честью и станеть для нихъ и для всего Славянства средоточіемъ нравственной славянской силы. Москва ли посрамить свою славу?...

Москва, 5-го февраля.

Дѣло спѣеть. Трепетъ новой жизни уже слышится на Востокѣ; бодрѣ стали, оживились сознаниемъ и изготавляются къ упорной кровавой борьбѣ христіанскія населенія Турція. Тайно и явно куется оружіе, свозятся запасы, племена ссылаются между собою, — все полно тревоги и ожиданія, все *макануть* послѣдней, роковой битвы. Дѣло спѣеть, но еще не успѣло, и вникая пристальнѣе въ подробности дѣйствительной обстановки Восточнаго вопроса, можно, пожалуй, и не жалѣть о томъ, что дипломатія думаетъ продлить агонію своего пациента. Нужно еще нѣсколько времени для того, чтобы наши Славяне могли совсѣмъ снарядиться къ бою и сами сдѣлаться рѣшителями своей политической судьбы. Это время близко, — но не мѣшаетъ, однако же, прежде вывести турецкій гарнизонъ изъ Бѣлграда, дать выдвинуться впередъ и предъявить свои права на существованіе многочисленному Болгарскому народу, — не мѣшаетъ и намъ сначала докончить свою желѣзную дорогу отъ Москвы къ Черному морю.

Сопоставляя тронную рѣчь императора Наполеона, сообщенную намъ вчера по телеграфу, вмѣстѣ съ депешами изъ Аѳинъ и изъ Триеста въ томъ же №, — мы убѣждаемся, что соглашеніе между Россіей, Франціей и Австріей относительно дипломатическаго образа дѣйствій на Востокѣ — въ данную, настоящую минуту есть дѣло рѣшеное. Императоръ Французовъ объявилъ, что ничто не грозитъ сохраненію мира, что великія державы согласились между собою дѣйствовать дипломатическимъ путемъ и требовать отъ Порты уступокъ, удовлетворяющихъ законныя требованія христіанскихъ населеній и не нарушающихъ правъ султана. Такое положеніе, конечно, заключаетъ въ себѣ самомъ вопіющее противорѣчіе и есть *contradictio in adjecto*, ибо законныя и законнѣйшія требованія христіанъ состоятъ именно въ нарушеніи и разрушеніи верховныхъ правъ султана: этого не

могутъ не знать и на Западѣ. Но эта условная бессмыслица, эта дипломатическая формула лжи, которою никто не убѣждается и которой никто не вѣритъ, ничего болѣе не значитъ, какъ желаніе отдалить, еще на нѣкоторое время, неизбежную развязку грознаго вопроса. Всѣми смутно чувствуется, что этимъ грознымъ Восточнымъ вопросомъ исторія какъ бы зоветъ къ отвѣту на страшный историческій судъ Востокъ и Западъ, какъ бы понуждаетъ ихъ свести итоги прожитому, расчестъся съ прошлымъ и предъявить дѣйствительныя права на новое бытіе въ будущемъ политическомъ строѣ... И понятно такое медленіе стараго міра на порогѣ суда, на краю будущаго. Всѣ державы сознаютъ, что скоро потребуется отъ нихъ такого напряженія усилій, такого расхода матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ, для котораго онѣ еще не готовы, и на который пельзи отважиться легкомысленно и очертя голову. И мы думаемъ, что собственно для нашихъ братьевъ Славянъ—такое промедленіе послужить на пользу.

Но если христіане могутъ извлечь для себя пользу даже изъ промедленія, если и Россія можетъ желать отсрочки для окончательнаго разрѣшенія восточной задачи, то все же мы не видимъ особенной пользы собственно для Россіи въ согласіи ея участвовать (если вѣрить телеграфу) въ той дипломатической лжи, которую она не можетъ и повторить своими устами не краснѣя. Что значитъ, спрашиваемъ опять, удовлетвореніе законныхъ требованій христіанъ? Императору Французовъ, конечно, можно съ высоты трона толковать о верховныхъ правахъ султана и обманывать себя и міръ надеждою на примѣненіе хатти-шерифовъ и хатти-гумаюповъ, но мы не можемъ опозорить себя выраженіями вѣры въ такой лживый способъ замиренія Турціи. Одновременно съ соглашеніемъ Россіи съ Франціей, о которомъ возвѣстилъ императоръ Наполеонъ, мы читаемъ въ иностранныхъ журналахъ статью изъ *Correspondance russe* (газеты, которую въ Европѣ почитаютъ за оффиціозный органъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и которая, какъ кладъ, не дается въ подлинникѣ Русскимъ въ Россіи), что Россія не вѣритъ въ примирительную силу административныхъ реформъ въ Турціи и ничего не ожидаетъ отъ турецкаго правительства. Если такъ, то что же значитъ это «соглашеніе» и это

намѣреніе Россіи «не отдѣлять своей политики на Востокъ отъ политики Франціи»?

Что можетъ теперь учинить дипломатія, къ какимъ существеннымъ результатамъ способенъ привести европейскія ходатайства и предстательства? Въ чемъ можетъ теперь, въ данную минуту, заключаться удовлетвореніе законныхъ требованій христіанъ? Потребуяютъ ли державы, чтобы Критъ былъ присоединенъ къ Греціи, чтобы турецкіе гарнизоны были выведены изъ сербскихъ крѣпостей? Послѣднее довольно вѣроятно и будетъ имѣть важныя послѣдствія для Сербіи; оно развяжетъ ей руки и избавитъ ее отъ вѣчнаго страха за существованіе столицы сербскаго княжества: турецкія пушки, направляемыя польскими офицерами, уже не будутъ грозить разрушеніемъ Бѣлграду и держать Сербію подъ матеріальнымъ и нравственнымъ гнетомъ. На эту уступку впрочемъ Турція, какъ извѣстно, склонялась и прежде. Но согласатся ли Англія и Франція на присоединеніе Кандіи и согласится ли на это Турція, не истощивъ послѣднихъ усилий въ борьбѣ? Между тѣмъ Критяне провозгласили на своемъ собраніи рѣшеніе, отъ котораго едва ли отступятъ: «присоединеніе къ Греціи или смерть». Хотя, какъ говоритъ телеграмма, полученная чрезъ Одессу, Греки и приуныли вслѣдствіе слуховъ о соглашеніи между Россіей и Франціей,— Франціей, которая такъ несочувственно, такъ жестоко, въ лицѣ маркиза де Мутье, отнеслась къ національному одушевленію Грековъ, — нельзя однако же думать, чтобы это соглашеніе не сопровождаемое никакими насильственными мѣрами противъ возставшихъ, прекратило борьбу. Кровь будетъ литься попрежнему, — въ то самое время, какъ Россія, вмѣстѣ съ Франціей, будетъ пастаивать надъ султаномъ, чтобы онъ исправилъ несправимую, турецкую администрацію, и будетъ, въ хорѣ съ западными державами, стараться убаюкать мучимыхъ сладкою и старою пѣснью, что сердце мучителя преполнено любви и самыхъ благихъ и кроткихъ желаній. Мы конечно говоримъ все это въ томъ предположеніи, что Россія, вмѣстѣ съ западными державами, ограничится въ настоящее время однимъ дипломатическимъ ходатайствомъ о какомъ-либо облегченіи Кандіотовъ отъ налоговъ и о болѣе дѣйствительномъ выполненіи хатти-гумаюна. Между

тѣмъ кровь могла бы перестать литься, и Восточный вопросъ еще былъ бы далекъ отъ полнаго разрѣшенія, если бы было исполнено законное требованіе Грековъ острова Крита присоединиться къ Грекамъ королевства. Если же на это невозможно было бы добиться согласія прочихъ державъ, то все же мы не видимъ, почему бы Россіи нельзя было остаться одной при своемъ мнѣніи, и почему, въ полномъ сознаніи чистоты и безкорыстія своихъ намѣреній, не могла бы она предъявить Турціи такое соблаженіе, которое бы дѣйствительно на нѣкоторое время уняло кровь и замрило Грековъ? На совѣтѣ западныхъ державъ Россія, какъ всего лучше знакомая съ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ, должна бы, казалось намъ, являться ходатаемъ за истинные интересы христіанскихъ населеній, и не присоединяться къ фальшивому хору европейскихъ дипломатовъ. Одно заявленное громко, хотя бы и неуваженное, требованіе Россіи, на примѣръ, о присоединеніи Крита къ Греціи, подняло бы значеніе Россіи на Востокѣ выше значенія прочихъ благосклонныхъ къ султану державъ, а подъемъ этого значенія для насъ несравненно дѣйствительнѣе въ будущемъ и дастъ намъ практическіе результаты несравненно важнѣйшіе, чѣмъ настоящія дипломатическія уступки и сдѣлки. Впрочемъ, повторяемъ, мы должны дожидаться болѣе положительныхъ свѣдѣній объ этомъ соглашеніи нашемъ съ Франціей, о которомъ такъ торжественно возвѣстилъ Наполеонъ III: тогда уяснятся намъ поводы и виды этого соглашенія.

Читатели нашего политическаго отдѣла вѣроятно не пропустили безъ вниманія помѣщенную въ 28 № нашей газеты статью сербскаго публициста Матія Бана. Въ одно время съ нею въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появились письма одного Серба изъ Бѣлграда, а въ 27 № этой газеты помѣщена и телеграмма изъ Берлина совершенно въ духѣ этихъ двухъ упомянутыхъ нами статей. Оба писателя стараются доказать, что Восточный вопросъ не долженъ пугать Европу, что Европѣ нечего и вмѣшиваться въ его разрѣшеніе, что онъ можетъ быть разрѣшенъ силою самихъ внутреннихъ національныхъ элементовъ Балканскаго полуострова. «Мы не только не просимъ, но и не хотимъ, чтобъ Европа подняла за насъ оружіе; мы желаемъ только, чтобъ она не мѣшала

намъ», говорятъ Сербы. Поэтому они и не очень хлопчатъ о немедленномъ взрывѣ на Востокъ; намѣреваясь рѣшить вопросъ своими силами, они собираются съ силами. Вотъ почему, отчасти, мы и сказали, что небольшое замедленіе въ разрѣшеніи Восточнаго вопроса не повредитъ славянскому дѣлу. Но мы имѣемъ здѣсь въ виду и нѣчто другое, о чемъ забываютъ оба сербскіе писателя, весьма вѣрно отражающіе народныя стремленія Сербовъ. По ихъ мнѣнію, на Балканскомъ полуостровѣ только три народности: греческая, румынская и сербская, или славянская, сгруппировавшаяся около Сербіи. Г. Банъ говоритъ о «Тройственномъ Союзѣ» трехъ будущихъ государствъ Румынскаго, Греческаго и Сербскаго, который долженъ обезпечить миръ Европы. Въ то же время упомянутая нами телеграмма изъ Берлина возбѣщаетъ, въ видѣ какой-то международной сплетни, что Россія предлагаетъ устройство Союза, на мѣсто Турціи, изъ Сербіи, Румыніи и Греціи, съ центральнымъ управленіемъ въ Константинополѣ. Намъ нѣтъ надобности доказывать неосновательность этой депеши, но она свидѣтельствуетъ, что подобныя соображенія уже пущены въ ходъ въ Европѣ. Мы вполне сочувствуемъ побужденіямъ и даже плану сербскихъ публицистовъ, но не можемъ не подивиться только одному, что ни тотъ, ни другой даже не упоминаютъ о Болгарахъ и о болгарской народности, тогда какъ Болгаръ почти вдвое больше, чѣмъ Сербовъ, и Болгарскій народъ имѣетъ свою исторію и преданія. Подобное забвеніе со стороны Сербовъ глубоко оскорбитъ ихъ сосѣдей и братьевъ Болгаръ, и если Сербы ихъ забываютъ, то мы, Русскіе, забыть ихъ не должны и не можемъ. Мы желаемъ союза Болгаръ съ Сербами для противодѣйствія османскому владычеству и честолюбивымъ греческимъ замысламъ, если таковыя будутъ предъявлены Греками относительно Славянскихъ племенъ,—но мы не можемъ требовать отъ Болгаръ, чтобъ они исчезли какъ Болгары въ племени сербскомъ, если на то нѣтъ соизволенія самихъ Болгаръ. Болгары поставлены въ худшія условія жизни и существованія, чѣмъ Сербы,—у нихъ менѣе залоговъ для политическаго возрожденія, чѣмъ у Сербовъ,—они народъ менѣе воинственный и отважный,—но въ нихъ живо сознаніе своей болгарской народности, эта народность богато одарена

духовно, и хочетъ жить. Пусть же Сербы примутъ это къ свѣдѣнію и пусть Болгары воспользуются отсрочкой Восточнаго вопроса для предъявленія и своихъ правъ на бытіе...

Москва, 11-го февраля.

Мы были правы, когда, разсуждая о тронной рѣчи Наполеона III, переданной намъ по телеграфу, высказали нѣкоторое удивленіе и сомнѣніе по поводу провозглашеннаго императоромъ Французовъ рѣшенія Россіи: «не отдѣлять своей политики отъ политики Франціи на Востокѣ.» Мы тогда же выразили желаніе дожидаться болѣе положительныхъ свѣдѣній объ этомъ нашемъ соглашеніи съ французскимъ правительствомъ, и мы должны сознаться, что статья, вызванная этою рѣчью въ *Journal de St.-Petersbourg* и напечатанная нами во вчерашнемъ № «Москвы», въ значительной степени успокоиваетъ встревоженное русское чувство. Съ соблюденіемъ всѣхъ формъ, требуемыхъ вѣжливостію и дипломатическими приличіями, органъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ даетъ ясно понять, что заявленіе Наполеона о такомъ трогательномъ согласіи русской политики съ французскою и о такой великодушной нашей готовности идти на буксиръ французской дипломатіи—было совершеннымъ сюрпризомъ для самого русскаго кабинета. Оказывается, что наши дипломатическія сношенія съ Франціей, по Восточному вопросу, не давали вѣнценосному оратору ни малѣйшаго повода употреблять въ своей рѣчи такія риторическія гиперболы—чтобы не сказать: небылицы. Оказывается, что Франція шла въ послѣднее время совершенно врозь съ нашимъ кабинетомъ по дѣламъ Востока; что она постоянно и ревниво оберегала власть Порты въ ея столкновеніяхъ съ Сербамъ и Грекамъ, и что она-то и внушила Турціи «ту систему насильственнаго подавленія, которая привела къ кровопролитной междоусобной войнѣ.» Оказывается, что не Россія рѣшилась не отдѣлять своей политики отъ политики французской, но Франція рѣшилась сдѣлать *volte-face* съ проворствомъ, достойнымъ знаменитаго Боско, и пристать наконецъ къ тому образу дѣйствій, который давно совѣтовала и которому неуклонно слѣдовала Россія. Дипломатическій тактъ не дозволяетъ, конечно,

нашему официальному журналу выходить изъ предѣловъ сдержанности въ обсужденіи того страннаго, хотя и ловкаго маневра, которымъ французскій кабинетъ счелъ нужнымъ прикрыть эту переѣмную позицію. Но мы имѣемъ право быть нѣсколько откровеннѣе. Причина этого маневра ясна. Франція, спохватившись наконецъ, что ея политика ошибочная, подрываетъ ея вліяніе на Востокъ, и что напротивъ въ той же мѣрѣ усиливается значеніе Россіи, являющейся единственнымъ ходатаемъ предъ Европою и Портою за бѣдствующихъ христіанъ, — Франція, въ лицѣ своего водителя, рѣшилась опередить Россію, такъ-сказать — переѣхать ее, *перебить у нея инициативу*, присвоить себѣ честь почина, принадлежащую Россіи, и не задумалась, съ храбростью паразитической, безцеремонно и во всеуслышаніе извратить факты и объявить, что сама Россія соглашается пристегнуть себя къ французской политикѣ. Мы не можемъ согласиться съ *Journal de St.-Petersbourg*, что «въ виду результатовъ столь благоприятныхъ интересамъ просвѣщеннаго міра было бы ребячествомъ спорить, кому принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ инициатива или первенство, *какая держава отклонилась или присоединилась къ другой.*» Извращеніе истины въ такомъ важномъ для Россіи вопросѣ можетъ бросить, или по крайней мѣрѣ имѣетъ цѣлю бросить невыгодную тѣнь на нашъ политическій образъ дѣйствій и компрометировать насъ въ глазахъ восточныхъ населеній, озлобленныхъ на Францію за ея политику на Востокъ, — представивъ Россію какъ бы солидарною съ политикой французскаго кабинета. Объясненіе *Journal de St.-Petersbourg* конечно не получить такой торжественной огласки, какъ тронная рѣчь императора Французовъ; *Moniteur* едва ли перепечатаетъ статью официального органа русскаго министерства, и кому же въ Европѣ придетъ на умъ подозрѣвать неточность въ такихъ важныхъ политическихъ заявленіяхъ, которыя совершаются съ высоты трона? Можно, впрочемъ, надѣяться, что ни Греки, ни Славяне не дадутъ себя смутить подобными завѣреніями, какъ бы торжественны они ни были. Имъ слишкомъ хорошо извѣстна истина, они вѣдѣютъ слишкомъ полновѣсными доказательствами — какова была прежняя система дѣйствій Франціи на Востокъ: ихъ не обморочитъ неправда пышныхъ французскихъ фразъ.

Но дѣло едва ли ограничится фразами. Ровно мѣсяцъ тому назадъ мы говорили, несмотря на почти-непріязненное отношеніе Франціи къ критскому возстанію, что когда придетъ время, французскій кабинетъ не затруднится дать внезапный, именно *сюрпризъ* поворотъ своей политикѣ и вдругъ явится благодѣтелемъ Грековъ—съ тѣмъ, чтобы занять господствующую позицію и стать во главѣ дѣла. Вотъ почему мы и настаивали съ такою рѣзкостью на томъ, чтобы Россія не дала себя опередить и поспѣшила овладѣть инициативой въ Восточномъ вопросѣ. Но овладѣть инициативой не въ томъ еще состоитъ, чтобы, какъ говорить *Journal de St.-Petersbourg*, *первому* побудить,—выписываемъ подлинныя слова,— «великія державы къ общему соглашенію, съ цѣлью прекратить кровавыя столкновенія и предотвратить ихъ возобновленіе, совѣтуя Портѣ принять мѣры, которыя могли бы помприть сохраненіе турецкаго владычества съ развитіемъ и благоденствіемъ христіанскихъ населеній Востока». Намъ кажется, что совѣтовать это—все равно, что совѣтовать невозможное, ибо одно исключаетъ другое, и развитіе христіанскихъ народовъ съ сохраненіемъ оттоманскаго владычества несомнѣнно и непримиримо. Намъ кажется, что совѣтовать невозможное и входить въ соглашеніе о мѣрахъ палліативныхъ, слѣдовательно неспособныхъ предотвратить зло—это не значитъ еще овладѣть положеніемъ дѣла. На такомъ пути легко дать себя опередить всякому, менѣе «благонамѣренному» и менѣе заботящемуся о репутаціи умѣренности и добронравности; на такомъ пути легко остаться позади всѣхъ, съ полученіемъ даже, въ воздаяніе за свою скромность, сурпризовъ въ родѣ тѣхъ, которые недавно возбудили «удивленіе» оффиціального органа нашего министерства. Здѣсь нуженъ починъ болѣе смѣлый, нужна инициатива фактовъ. Всякій обладающій рѣшимостью и способностью такой инициативы поставитъ менѣе рѣшительныхъ какъ бы въ зависимость отъ своего образа дѣйствій.

Въ томъ же самомъ № *Journal de St.-Petersbourg*, гдѣ говорится о вышеупомянутыхъ добрыхъ совѣтахъ Портѣ, находится и другая статья, не имѣющая характера оффиціального *communiqué*, но тѣмъ не менѣе выражающая мысль редакціи. Она также перепечатана нами во вчерашнемъ №.

Эта статья высказываетъ какъ бы нѣкоторое недовѣріе къ успѣху подобныхъ совѣтовъ и палліативныхъ мѣръ. Того же мнѣнія, только болѣе рѣзкаго, держится и Correspondance Russe. Мы вполнѣ раздѣляемъ это мнѣніе. Никто лучше русскаго кабинета не знакомъ съ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ, и никому лучше его не можетъ быть извѣстно, что ни излѣчить «больнаго», ни продлить слишкомъ долго его агонію—нѣтъ возможности. Никто искреннѣ Россіи не желаетъ развитія и благоденствія христіанскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ, никто менѣе ея не заинтересованъ въ сохраненіи оттоманскаго владычества, и никто, въ то же время, глубже не убѣжденъ въ несовмѣстности этого владычества съ благоденствіемъ христіанъ. Такое внутреннее сознаніе и такая вполнѣ справедливая оцѣнка состоянія дѣлъ на Востокѣ — необходимо лишаютъ насъ вѣры въ собственные наши дипломатическія ходатайства и предательства, приспосаблиаемыя нами въ ладъ съ общимъ тономъ западно-европейской дипломатіи. Наше министерство подаетъ совѣты, въ успѣхъ которыхъ само не вѣритъ; пишетъ ноты, которыхъ назначеніе скорѣе свидѣтельствовать передъ Европой о нашемъ безкорыстіи и миролюбіи, нежели домогаться дѣйствительнаго спасительнаго результата. Подобное внутреннее противорѣчіе естественно ослабляетъ нашу силу и ставитъ насъ постоянно въ ложное положеніе. Оно не удовлетворяетъ ни общественнаго мнѣнія въ Россіи, ни ожиданій христіанъ на Востокѣ, не внушаетъ и довѣрія западноевропейскимъ правительствамъ. Россія, какъ проситель, ходатайствуя за христіанъ, стучится въ двери европейскихъ кабинетовъ, добываясь отъ нихъ благопріятнаго отзыва, справляясь о томъ, что они намѣрены сдѣлать, приглашая ихъ дѣйствовать вмѣстѣ, и получаетъ въ отвѣтъ отъ кабинетовъ, надумавшихся и снесшихся тайно другъ съ другомъ: «ступай за нами: мы знаемъ про себя, что мы сдѣлаемъ и когда сдѣлаемъ; если будешь идти за нами, — мы объявимъ міру о твоёмъ миролюбіи, въ противномъ случаѣ мы опять обвинимъ тебя въ властолюбивыхъ замыслахъ, въ ambition moscovite, чего ты, какъ огня, боишься и ради чего ты готова на всякія уступки, свидѣтельствующія о твоёмъ безкорыстіи». Этотъ страхъ нашъ, въ самомъ дѣлѣ, ловко эксплуатируется за-

падными державами, и привелъ насъ къ тому, что отъ парижскаго трактата, самовольно нарушеннаго европейскими кабинетами, осталось обязательнымъ и дѣйствительнымъ единственно то, что служить ко вреду и къ ущербу Россіи.

Во имя нарушенія этого трактата, Россія въ правѣ возвратитъ себѣ устье Дуная и не стѣсняться условіемъ, опредѣляющимъ цифру нашихъ военныхъ судовъ въ Черномъ морѣ. Во имя перемѣнъ, произведенныхъ Франціей въ Дунайскихъ Княжествахъ, Россія въ правѣ требовать — гласно и пастойчиво — такихъ же перемѣнъ и для Сербскаго Княжества. Въ кандійскомъ вопросѣ Россія не можетъ предлагать другаго разрѣшенія, какъ присоединенія Крита къ Греціи. Таково, по крайней мѣрѣ, наше мнѣніе. Во всякомъ случаѣ, мы въ правѣ надѣяться, что наше министерство иностранныхъ дѣлъ, давшее столько доказательствъ національнаго на правленія своей политики, признаетъ наконецъ необходимость гласно и явно, — въ циркулярной ли нотѣ, или въ какой бы то ни было дипломатической формѣ, — заявить о правахъ Россіи и выразитъ предъ Европою, восточными христіанами и общественнымъ мнѣніемъ Россіи, какъ свои дальновидныя соображенія, такъ и тѣ положительныя средства къ умиренію Востока, которыя можетъ пока присовѣтывать Россія безъ ущерба своему нравственному достоинству.

Москва, 18 февраля.

Упрямый Мадыаръ осилилъ упрямство Нѣмца. Восемнадцатилѣтняя борьба Австріи съ Венгріей окончилась на дняхъ къ совершенному торжеству мадыарскаго племени. Трудно найти что-либо любопытнѣе и поучительнѣе этой борьбы. Она обнаруживаетъ столько же и замѣчательное искусство политическихъ вождей Венгрии, сколько и политическую упругость самой націи. Она свидѣтельствуетъ наконецъ, о томъ что значить, какимъ могучимъ рычагомъ въ исторической дѣятельности народа служить сила *самолюбія* — вѣра въ себя, въ достоинство и право своей народной личности. Мадыарское племя, какъ извѣстно, физиологически вымираетъ, но мадыарскій національный духъ живъ и живучъ и неуго-

мимо продолжает свои нравственные завоеванія, превращая въ Мадарь не-мадьярскихъ обитателей Венгрии. Германизация, исхитившая у Славянскаго міра столько славянскихъ странъ, собравшая такую богатую жатву въ славянскихъ населеніяхъ Австріи, — сокрушилась объ упорство ревливой мадьярской національности. Новое доказательство, что ни превосходство «культуры», ни высшая степень цивилизациі, ни преимущества языка, имѣющаго значеніе всемірнаго гражданства, — то есть ни одна изъ тѣхъ причинъ, которыми оправдывается обыкновенно онѣмченіе Поляковъ въ Познани и вообще духовное порабоженіе одного племени другимъ, — не въ силахъ покорить чужой народности, если она сама въ себя несомнѣнно вѣритъ, если ей неотъемлемо присуще признаніе своихъ собственныхъ правъ на жизнь и самостоятельное личное развитіе, — если однимъ словомъ, она хочетъ жить — и быть самой собою.

Мы не ищемъ апологію мадьярской народности; напротивъ, мы съ глубокою скорбью свидѣтельствуемъ объ ея успѣхахъ, столь опасныхъ и вредныхъ для обитающихъ въ Венгрии и вообще въ Австріи Славянъ. Но мы не можемъ, мы не должны относиться съ презрѣніемъ къ тѣмъ нравственнымъ силамъ, которыя даютъ перевѣсъ чужимъ національностямъ надъ славянскою. Мы должны внимательно всматриваться въ свойство этихъ силъ и укрѣпляться въ собственномъ народномъ самосознаніи. Нашъ горькій упрекъ относится впрочемъ не къ однимъ Славянамъ, живущимъ въ Западной Европѣ, внѣ Россіи, но отчасти и къ намъ, Русскимъ. Не приходится ли нерѣдко и намъ самимъ, у себя дома, доказывать, что государственное внѣшнее единство еще не приводитъ къ такъ-называемой ассимиляціи или отожествленію племенъ, и что важнѣе всѣхъ внѣшнихъ практическихъ мѣръ къ обрусѣнію нашихъ окраинъ — это выясненіе нами себѣ самимъ понятія о нашей народности и строгое, неуклонное огражденіе ея правъ, по крайней мѣрѣ въ сознаніи. Если хотя въ сознаніи мы крѣпко будемъ держаться своей народности и держать ея имя для себя самихъ «честно и грозно», то практическія послѣдствія произойдутъ отъ того сами сами собою — несравненно болѣе плотворныя, чѣмъ всякія искусственныя насильственныя мѣры. Не столько

о томъ чтобы *обрусить* нашихъ инородцевъ (разумѣемъ собственно западныхъ) должны мы заботиться, сколько о томъ, чтобы они *обрусели*, — а это возможно только при постоянномъ нравственномъ дѣйствіи на нихъ силы нашего собственного мнѣнія о своей русской народности, и отъ степени этой силы....

Но обратимся къ побѣдѣ Мадьяръ надъ австрійскимъ правительствомъ и къ послѣдствіямъ ея для австрійскаго Славянства.

Послѣ того какъ Венгрія въ 1849 г., побѣжденная русскими войсками и простершаяся, по извѣстному выраженію Паскевича, «у ногъ его величества», императора всей Россіи, была передана нами императору Францу-Иосифу, — послѣ казней и другихъ дѣйствій мщенія, совершенныхъ раздраженными австрійскими Нѣмцами, древняя конституція Венгерскаго королевства была отмѣнена, и австрійское правительство, централизируя власть въ Вѣнѣ, лишило Венгрію той политической самостоятельности, на которую она имѣла право по силѣ своей конституціи и по первоначальнымъ договорамъ съ Габсбургами. Сознавая всю непадежность своего мозаичнаго государственнаго состава; чувствуя вмѣстѣ съ утратой историческаго обаянія, нѣкогда связаннаго съ именемъ «священной римской имперіи» и съ утратою своего верховнаго значенія въ Германіи послѣ разрушенія старыхъ нѣмецкихъ порядковъ Наполеономъ I-мъ, — ослабленіе прежнихъ связей державныхъ части государственнаго зданія; въ виду, наконецъ, пробудившагося національнаго сознанія у разноплеменныхъ своихъ народовъ и потрясенная событіями 1848 и 1849 года, — Австрія, въ теченіи послѣднихъ 18-ти лѣтъ металась, какъ больной въ горячкѣ, отъ одной политической системы къ другой. Всѣ усилія этого послѣдняго періода были направлены австрійскою имперіей къ тому, чтобы сыскать себѣ политическую формулу управленія и такую норму государственнаго бытія, въ которой разнородность состава не мѣшала бы сплошному политическому единству и централизациі правительственныхъ силъ. Самымъ могучимъ противникомъ такого единства и централизаціи являлась, разумѣется, Венгрія съ преданіями и привычками своей долгой конституціи-

онной жизни, съ упорствомъ и отважностью мадьярскаго народнаго духа. Императоръ австрійскій вознамѣрился замѣнить династическую связь Венгріи съ имперіей въ особѣ короля и императора (Personalunion) — прямымъ, непосредственнымъ соединеніемъ ея съ Австріей, и вотъ именно на попытки къ осуществленію этихъ замысловъ со стороны правительства и на отпоръ со стороны Венгріи и употреблено ровно восемнадцать лѣтъ. Тактика національной мадьярской партіи, предводимой знаменитымъ Деакомъ, состояла въ томъ, чтобы требовать ни болѣе ни менѣе какъ возстановленія непрерывности историческаго права и историческаго преданія Венгріи, именно возстановленія конституціи, не прибавляя и не убавляя ничего, не допуская ни отступленій ни сдѣлокъ. Всякіе революціонные приемы были отвергнуты этою партіей; она постоянно держалась почтительности въ формахъ, но крѣпко стояла на почвѣ законности, и никакія усилія правительства не могли выбить ее изъ этой позиціи. Не переходя къ фактическому сопротивленію, Венгрія ограничивалась однимъ пассивнымъ отрицаніемъ легальности австрійскихъ правительственныхъ мѣръ. *Сознаніе* цѣлой страны отъказывало неумолимо всѣмъ дѣйствіямъ австрійскаго правительства въ Венгріи, всѣмъ учиненнымъ съ 1848 года преобразованиямъ — въ нравственной и юридической санкціи. Для Мадьяръ теченіе легальной жизни прервано 1848 годомъ, и все совершенное Австріей въ Венгріи, послѣ уничтоженія конституціи Св. Стефана, признается ими какъ юридически не бывшее, non esset, или какъ дѣйствіе насильственное, вѣзаконное. Созывается ли императоромъ сеймъ, съ тѣмъ чтобы привести въ исполненіе задуманную императоромъ мѣру, сеймъ почтительно объявляетъ, что будучи созданъ не на точномъ основаніи конституціи, онъ не считаетъ себя правоспособнымъ дать требуемое отъ него утвержденіе. Сеймъ распускается, созывается вновь — и опять объявляетъ себя некомпетентнымъ. Приглашается ли Венгрія послать депутатовъ въ имперскую думу, она отказывается и дѣлаетъ имперскую думу не полною, несостоятельною, и разрушаетъ планы австрійскихъ министровъ. Никакихъ уступокъ, никакихъ сдѣлокъ, никакихъ требованій, кромѣ требованія возстановленія конституціи, или своей юридической правоспособности; ни-

какого другаго сопротивленія, кромѣ отказа въ согласіи, въ освященіи правительственныхъ дѣйствій добровольнымъ участіемъ въ нихъ. Правительству очищалось постоянно открытое поле дѣйствовать внѣшнею властью; оно такимъ пассивнымъ сопротивленіемъ поставлялось постоянно въ необходимость—или уступить требованіямъ Венгріи, или прибѣгнуть къ насилію. Но прибѣгать къ насилію было и опасно и не своевременно, особенно когда положеніе финансовъ, и политическія соображенія, и отношенія къ прочимъ частямъ имперіи вынуждали Австрію перейти отъ абсолютизма къ конституціонной формѣ правленія, когда нужно было поднять свой финансовый и политическій кредитъ громкими либеральными мѣрами. Напрасно и грозилъ и упрашивалъ императоръ, напрасно совершалъ поѣздки въ Офенъ и самъ лично, и вмѣстѣ съ своею супругой: приемы были торжественные, но требованія неумолчны. Положеніе австрійскаго правительства было невыносимо, но оно сдѣлалось еще невыносимѣе послѣ пораженія при Садовой, исключившаго Австрію изъ Германіи. Гдѣ искать поддержки, на что опереться? На нѣмецкія ли земли имперіи? Но Нѣмцевъ такъ немного и ихъ тянетъ къ единству съ Германіей; нѣмецкимъ элементомъ Пруссія могущественнѣе, и перевѣсъ будетъ на ея сторонѣ. На Славянъ ли? Но Славяне восьми наименованій не представляютъ сплошной политической силы, они разрозненны, разноязычны, они враждуютъ между собою (какъ напримѣръ Поляки и Русскіе въ Галиціи),—у нихъ нѣтъ ни аристократіи, ни богатства, ни живыхъ политическихъ преданій, ни того нравственнаго авторитета, который бы подчинилъ имъ Мадыаръ и Нѣмцевъ,—ни того упругаго, несокрушимаго, гордаго и воинственнаго духа, который внушаетъ страхъ и невольно покоряетъ. Австрія пробовала систему федерализма; но не говоря о томъ, что Венгрія—могущественнѣйшій членъ имперіи—не соглашалась ни на какія измѣненія въ своей конституціи,—федерализмъ велъ ее къ безконечному раздробленію. Приходилось или дѣлить имперію, на основаніи принципа національной равноправности, на самыя мелкія политическія дробы—чуть не по деревнямъ и селамъ,—признавать автономію и Чеховъ, и Моравлянъ, и Русскихъ, и Поляковъ, и Словаковъ, и Сербовъ банатскихъ, и Хорватовъ, и Сло-

венцовъ, и Сербовъ иллирійскихъ, и Румыновъ, и т. д. и т. д.: но такое дѣленіе, при нравственномъ ослабленіи силы нѣмецкаго связующаго цемента, не представляло надежныхъ ручательствъ за продолжительное существованіе. — Или дѣлить имперію на нѣсколько группъ: на нѣмецкую, чешскую и польскую? Но всѣ эти группы не въ состояніи пересилить группы венгерской. Три милліона Русскаго населенія Галиціи не хотятъ признавать въ ней господства незначительнаго польскаго меньшинства, и сосѣдство съ Русскою имперіею придаетъ нѣкоторый вѣсъ ихъ сопротивленію. Что же касается до Чеховъ, то ихъ политическія преданія не представляютъ живой непрерывной силы, а вызваны на свѣтъ Божій изъ-подъ пыли архивовъ. Австрійскому правительству ничего не оставалось дѣлать, какъ искать опоры себѣ въ Мадырахъ и Нѣмцахъ, и оно рѣшилось уступить вполне и безотговорочно требованіямъ Венгріи. 14 апрѣля должно совершиться въ Офенѣ коронованіе императора Франца-Иосифа какъ короля Венгріи, ибо Венгрія повинуется не императору австрійскому, а своему королю. «Я обещаю свято и нерушимо охранять Венгрію и ея конституцію, въ надеждѣ что Венгрія охранитъ имперію», возвѣщаетъ императоръ Францъ-Иосифъ въ своемъ манифестѣ. «Эльзень!» восклицаютъ Мадыры. Союзъ заключенъ.

Но этотъ союзъ — на гибель Славянамъ. Мадыры требуютъ возстановленія политическихъ предѣловъ Венгріи, простиравшихся, какъ извѣстно, до Адриатическаго моря и включавшихъ въ себѣ не только Банатъ, но и такъ-называемую Славонію и Хорвацію. Они не признаютъ равноправности славянской національности съ мадырскою, и имъ предстоитъ рѣшать у себя дома тотъ вопросъ, которымъ мучается за предѣлами Лейты Австрія. Этотъ вопросъ пахнетъ кровью: междоусобная брань, между Мадырами съ одной стороны и Сербамъ и Хорватами съ другой въ 1849 году, еще жива въ памяти этихъ народовъ. Въ другой разъ мы рассмотримъ подробнѣе это положеніе дѣлъ, чреватое грозными событіями... Что же касается Славянъ по сю сторону Лейты, то Нѣмцы и министерство относятся къ нимъ съ величайшимъ пренебреженіемъ. Богемскій сеймъ безъ церемоній распущенъ. Конференція Славянъ въ Вѣнѣ вызвала насмѣшки нѣмец-

кихъ газетъ: «на какомъ языкѣ стануть эти Славяне различныхъ наименованій объясняться между собою? Конечно, опять на нѣмецкомъ, какъ было на сѣздахъ пражскихъ въ 1848 году!!!» Это пренебреженіе, эти насмѣшки вызываются и оправдываются вполне — *отсутствіемъ* у разноименныхъ, разновѣрныхъ и разноязычныхъ австрійскихъ и славянскихъ племенъ—общаго *объединяющаго ихъ славянскаго языка и славянскаго политическаго начала.*

Пока Славяне не доработаются своимъ сознаніемъ до этого объединяющаго начала, всё ихъ усилія устроить свою судьбу въ Австріи къ выгодѣ славянской національности—останутся тщетными. Ни съ Мадырами, ни съ Нѣмцами у нихъ не можетъ быть искренняго союза. Уроки исторіи, кажется, должны были бы вразумить ихъ, что надѣяться на Австрію имъ нечего, и что мечты о созданіи славянской конфедераціи на *нѣмецкой закваскѣ* были неисполнимыми и грѣшными мечтами. Это задача неразрѣшимая и остается неразрѣшимою. Изъ нея только два выхода: или полное опѣмеченіе Славянъ, или распаденіе австрійскаго нѣмецко-мадыарско-славянскаго союза.

Впрочемъ для одной части Австріи вопросъ вовсе не представляется сложнымъ: именно для сосѣдней съ Россіей Галицкой и Карпатской Русп. Ей не далеко ходить за своимъ естественнымъ объединяющимъ началомъ...

Москва, 21-го февраля.

«Въ критскомъ или кандійскомъ вопросѣ, Россія не можетъ предложить иного, сообразнаго съ своимъ достоинствомъ, совѣта Портѣ, какъ отдать Кандію Греціи»,—говорили мы по поводу тронной рѣчи императора Наполеона и по поводу разныхъ дипломатическихъ нотъ и депешъ, перекрещивавшихъ Европу во всѣхъ направленіяхъ и заключавшихъ въ себѣ тотъ общій смыслъ, чтобъ «установить между великими державами соглашеніе съ цѣлью прекратить и предотвратить кровавыя столкновенія, которыя могли бы *поминуть* сохраненіе оттоманскаго владычества съ благоденствіемъ христіанскихъ населеній Востока». Это соглашеніе, сколь-

ко можно судить по документамъ, сообщеннымъ иностранными газетами, установилось было на томъ, чтобы предложить Турціи даровать Криту такъ-называемую автономію съ мѣстнымъ управленіемъ, составленнымъ на половину изъ мусульманъ и христіанъ, подъ верховнымъ завѣдываніемъ Дивана. Но не трудно было предвидѣть, что такимъ позднимъ совѣтамъ не потушить разгорѣвшагося пламени и не унять льющуюся кровь. Имѣя въ виду одну геройскую рѣшимость Критянъ не поддаваться ни на какія обѣщанія и сдѣлки и не прекращать борьбы до конца, мы не могли не сожалѣть, что и Россія будетъ тянуть ту же фальшивую ноту, какую задаетъ по дѣламъ Востока камертонъ западно-европейской политики. «Одно заявленное громко, *хотя бы и не уваженное*, требованіе Россіи о присоединеніи Крита къ Греціи подняло бы значеніе Россіи на Востокъ выше значенія прочихъ державъ», говорили мы, въ той увѣренности, что подъемъ этого значенія дастъ намъ въ будущемъ несравненно дѣйствительнѣйшіе практическіе результаты, чѣмъ настоящія дипломатическія уступки и «компромисы»...

«Русскій посланникъ, генералъ-адъютантъ Игнатьевъ, совѣтуетъ Портѣ согласиться на *присоединеніе Кандии къ Греціи*», — возвѣстила намъ русская телеграмма, пересланная изъ Константинополя въ Петербургъ черезъ Одессу....

Мы съ нетерпѣніемъ ждали того № Journal de St.-Petersbourg, въ которомъ, по соображенію времени, должна была появиться эта телеграфическая депеша, чтобы видѣть — будетъ-ли она опровергнута. Journal de St.-Petersbourg перепечаталъ ее вполнѣ безъ всякаго возраженія: напротивъ изъ того значенія, которое онъ придаетъ сообщеннымъ въ этой же телеграммѣ извѣстіямъ о битвахъ въ Кандии и Фессалии, можно заключить, что онъ вообще признаетъ эту телеграмму вполнѣ достовѣрною.

Съ радостью и благодарностью будетъ привѣтствовать Россія такое смѣлое и рѣшительное дѣйствіе нашего кабинета, вполнѣ достойное нашихъ историческихъ преданій, вполнѣ согласное съ требованіями нашей національной политики и нашей народной совѣсти. Значеніе этого дипломатическаго поступка еще болѣе дѣлается важнымъ, когда сличимъ одно-временныя съ нимъ дѣйствія французскаго и англійскаго кабинетовъ.

Сообщенное нѣкоторыми иностранными газетами извѣстіе о томъ, что и Франція дала будто бы подобный же совѣтъ Турціи, не подтвердилось. Напротивъ, колебанія французской политики, сначала склонявшіяся въ пользу Турціи, затѣмъ внезапно замѣнившіяся рѣшеніемъ, согласнымъ, какъ казалось, съ направлениемъ русскаго кабинета,—въ послѣднее время, какъ пишутъ заграничные журналы, опять возобновились и видимо принимаютъ положеніе благопріятное интересамъ Порты. Что же касается до Англіи, то достаточно взглянуть въ англійскую *Синюю Книгу* и въ депеши лорда Станлея, чтобы убѣдиться, какъ далекъ Джонъ Бульъ отъ самой мысли объ отдѣленіи Крита.

Изъ депешъ лорда Станлея къ британскому послу въ Константинополь, лорду Лайонсу, отъ 17 января, можно видѣть, что Англія,—впрочемъ не очень охотно и со всѣми оговорками вѣжливости, дабы не оскорбить щекотливости Высокой Порты,—рѣшилась присоединиться къ предложенію Франціи и Россіи, сдѣланномъ Портѣ о дарованіи Криту мѣстной автономіи. Но турецкое правительство дало знать по телеграфу своему посланнику въ Лондонъ, что подобное предложеніе оно считаетъ за желаніе раздробить Турецкую имперію, что Порта сама занята сочиненіемъ проекта управленія Критомъ и во всякомъ случаѣ предоставляетъ починъ этого дѣла себѣ. Англійскій кабинетъ поспѣшилъ завѣрить Турцію въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, что не только мысль о раздробленіи Оттоманской имперіи чужда ему и Франціи, но и мысль о какихъ бы то ни было посягательствахъ на власть и на достоинство его величества султана,—что все желаніе Англіи и Франціи заключается въ томъ, и единственно въ томъ, чтобы христіанамъ и мусульманамъ была дана возможность жить *мирно* вмѣстѣ подъ верховнымъ владычествомъ Порты. Въ такомъ же смыслѣ, послѣ этого свиданія съ турецкимъ посланникомъ, писалъ лордъ Станлей и сэръ-Буканану, англійскому послу въ С.-Петербургъ, сообщая ему, что, «соглашаясь поддержать предложенія Франціи и Россіи о мѣстной автономіи Крита, британскій кабинетъ полагаетъ ограничиться однимъ сообщеніемъ дружескихъ совѣтовъ, отклоняя всякій помыслъ о настойчивости въ дѣйствіяхъ; что онъ съ радостью узналъ о собственномъ намѣреніи Порты гаранти-

ровать Кандіи хорошее управленіе посредствомъ разныхъ административныхъ мѣръ; что, наконецъ, прибавляетъ лордъ Станлей для большаго поясненія, подъ именемъ мѣстной автономіи Англія *нисколько не разумѣетъ отдѣленія Крита отъ Оттоманской имперіи*. Хотя, по словамъ британскаго министра, русскій посоль въ Лондонѣ, баронъ Брунновъ, выразилъ ему, по поводу такого заявленія, свое удовольствіе, однакожь мы не можемъ не припомнить здѣсь кстати тѣхъ ироническихъ выраженій, въ которыхъ высказалъ Journal de St.-Petersbourg въ статьѣ, перепечатанной нами 19 февраля, свое мнѣніе объ этомъ рѣшеніи англійскаго кабинета. «Надо признаться, — говоритъ органъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, — что Англія, уступившая Греціи Іоническіе острова, преподаетъ Турціи совершенно непонятный совѣтъ, если предложитъ ей не соглашаться на уступку территоріи, большинство населенія которой питаетъ къ Турціи антипатію совершенно иного (т. е. несравненно сильнѣйшаго) свойства, чѣмъ населеніе Іоническихъ острововъ къ Англіи.»

Разговоръ турецкаго посла съ британскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ могъ служить достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что оттоманскій Диванъ отвергнетъ всякія предложенія о дарованіи Криту автономіи, хотя бы и подъ верховенствомъ султана. Такъ вѣроятно и было, хотя мы должны основывать наши заключенія не столько на официальныхъ данныхъ, сколько на соображеніи хода дѣлъ, а отчасти и на телеграммахъ. Мы не знаемъ — къ этому ли именно предложенію, или же къ позднѣйшему совѣту генерала Игнатьева относится та телеграмма, которая помѣщена нами въ 39 № «Москвы» и вызвала вышеупомянутую статью Journal de St.-Petersbourg. Во всякомъ случаѣ можно съ достовѣрностью утверждать, что дипломатическій циркуляръ Порты, содержаніе котораго передано этою телеграммой, направленъ весь противъ Россіи, ибо Франція не послѣдовала за Россіей въ совѣтѣ уступить Кандію Греціи. Парижскій корреспондентъ Кельнской Газеты, вообще довольно правдивый, увѣдомляетъ, что со всѣхъ сторонъ подтверждается отступленіе Франціи назадъ въ дѣлѣ Восточнаго вопроса. Можно предполагать навѣрное, — пишетъ онъ, — что Тюльбертскій кабинетъ значительно сблизился въ своихъ воззрѣніяхъ съ

возврѣніями лорда Станлея (а каковы они—мы уже видѣли) и теперь гораздо болѣе расположенъ къ Турціи, чѣмъ прежде». Самый тонъ турецкаго циркуляра заставляетъ предполагать, что дѣло не обошлось безъ внушеній Франціи и Англіи. Порта объявляетъ, что снисходительность ея истощилась, что она чувствуетъ себя достаточно сильною, чтобы справиться съ возмущеніемъ и безъ посторонняго содѣйствія, что она имѣетъ тѣ же права на Кандію, какъ и Россія на Польшу, и слагаетъ отвѣтственность за всѣ послѣдствія на тѣхъ, кто подъ маской дружбы ищетъ достиженія своихъ практическихъ цѣлей, нарушающихъ европейскій миръ. Эта ссылка на Польшу едва ли можетъ быть объяснена однимъ турецкимъ невѣжествомъ, какъ оно ни колоссально. тутъ видно вліяніе и польскихъ совѣтовъ: въ совѣтчикахъ-Полякахъ у Турціи недостатка нѣтъ. Трудно было бы только предположить, чтобъ эта ссылка была присовѣтована Англіей въ то время, какъ она еще продолжаетъ усмирять Ирландію. Возражать Турку и объяснять ему нашу правду въ Польшѣ мы не станемъ, но легко можетъ случиться, что французскіе публицисты воспользуются этою темой, и что она послужитъ со временемъ мотивомъ для самаго французскаго кабинета! Какъ бы то ни было, но намекъ на практическія цѣли едва ли къ кому иному можетъ относиться кромѣ Россіи. Такъ не относительно ли уже Россіи принимаетъ Порта роль обвинительницы и угрожающее положеніе??

Нельзя не высказать вновь сожалѣнія, что русское правительство не считаетъ нужнымъ держать въ извѣстности русское общество о своихъ дипломатическихъ дѣйствіяхъ на Востокѣ и только изрѣдка выступаетъ съ полу-официальными статьями, бросающими слабый, неясный свѣтъ... Мы должны теряться въ догадкахъ среди разнорѣчныхъ извѣстій, сообщаемыхъ о нашей политикѣ заграничными газетами. Въ нынѣшнемъ же № есть свѣдѣнія, почерпнутыя изъ *Allgemeine Zeitung*, которыя не согласуются ни съ полученными нами телеграммами, ни съ намеками *Journal de St.-Petersbourg*. Ясно только одно, что роковой властительный ходъ событій выпуждаетъ Россію отдѣлять свою политику на Востокѣ отъ политики Франціи и Англіи; что Порта принимаетъ относительно насъ угрожающій тонъ; что Россія на-

становяеть на такой мѣрѣ, которая хотя и можетъ дѣйствительно на время унять кровопролитіе, но на которую не согласны ни Франція, ни Англія, ни Турція. Но это уединенное, изолированное положеніе Россіи не должно смущать насъ. Россія *не одна*; ея политика на Востокъ будетъ поддержана не только самымъ искреннимъ сочувствіемъ, самымъ живымъ содѣйствіемъ Русскаго народа, но и всѣми нравственными и вещественными силами Греко-Славянскаго міра...

Москва, 5-го марта.

Неотразимая сила историческаго призванія Россіи, какъ православной и славянской державы, — призванія, безъ котораго Россія не была бы Россіей, — ощутительно и воочію, съ вѣдома ея и безъ вѣдома, волей и неволей, направляетъ и исправляетъ ея пути, возмѣщаетъ утраты, разрушаетъ враждебныя козни, и сквозь всѣ невзгоды и препятствія неуклонно ведетъ ее на высоту такого подвига, для котораго, повидному, нѣтъ у нея ни вещественныхъ средствъ, ни могучихъ, нравственныхъ двигателей — властолюбія, гордости, дерзкой самоувѣренности. Она терпитъ пораженіе — и побѣжденной силнѣе прежняго пугаются побѣдителя; она унижается — и растетъ въ грозномъ величіи и обаяніи; она разорена — ее пуще боятся; она уменьшаетъ войско — всѣмъ это вѣдомо и всѣмъ чудятся несмѣтныя полчища; она мыслитъ идти назадъ и обрѣтается впереди; она блуждаетъ, — и чья-то невѣдомая рука выводитъ ее на *стезю правую*; самое то, что творитъ она по малодушію и по слабости, — ея недругами приписывается расчету, мысли и силѣ. Въ томъ-то и дѣло, что сила ея историческаго призванія слышится и чувствуется, отчасти даже безотчетно и инстинктивно, всѣми ея врагами, всѣми западноевропейскими державами, хотя можетъ-быть менѣе всего сознается самою Россією, — и эта нравственная сила страшнѣе и грознѣе всякихъ вещественныхъ силъ, или вѣрнѣе сказать — въ этомъ вся и сила Россіи, равно какъ и весь смыслъ, вся задача и причина ея историческаго бытія. Событія, будто волны на свои хребты, возносятъ ее на высоту, съ которой шире всѣхъ объемлетъ ея историческій

кругозоръ, и съ которой, какъ выражаются стратегики, можетъ она господствовать надъ политическимъ положеніемъ. Да, Россія занимаетъ господствующую позицію относительно Востока, позицію которой она не искала, но которая ей неотъемлема по самой сущности дѣлъ, по всеобщему тайному и явному признанію. Но чтобы не быть отставленной отъ подвига, какъ «рабъ лукавый и лѣнивый», она должна и нравственно его стоять, и въ собственномъ сознаніи стать въ уровень съ высотой подвига и событій; должна неохотно вѣрить въ силу своего историческаго призванія и непреклонно служить ему. Сознанія вѣры и подвига — вотъ чего требуетъ отъ Россіи Божья и историческая правда.

Разительную противоположность представляютъ политическіе документы нашего кабинета, печатаніе которыхъ мы продолжаемъ въ сегодняшнемъ №, рядомъ съ рѣчью главы англійскаго кабинета и вообще съ преніями англійскаго парламента, помѣщаемыми въ этомъ же №. Тогда какъ всѣ депеши князя Горчакова свидѣтельствуютъ о томъ, что Россія, даже съ ущербомъ своему личному политическому самолюбію, не переставала заботиться объ облегченіи страданій христіанскаго населенія на Востокѣ, неослабно призывая къ тому западныя державы, возбуждая оскорбительное подозрѣніе, подвергаясь отказамъ, исполненнымъ грубаго недовѣрія и зависти, — британскій министръ даже теперь, даже въ то мгновеніе, когда льется потоками христіанская кровь и совершаются чудеса мученичества и героизма, торжественно объявляетъ въ средѣ представителей цивилизованнѣйшей страны Европы, во всеуслышаніе всего христіанскаго міра, что нѣтъ въ исторіи примѣра умѣренности больше той, какую являетъ Турція, что жалобы христіанъ неосновательны и преувеличены, что мусульманское иго надъ христіанами есть легкое и кроткое иго, и что исламъ идетъ неуклонно по пути прогресса! Лордъ Дерби осуждаетъ рѣчь герцога Аргайля, которая, выражая состраданіе человѣка и христіанина къ обдѣствующимъ христіанамъ, порицаетъ дѣйствія англійскаго правительства, воспрещавшаго своему консулу оказывать помощь спасавшимся съ Крита женамъ, дѣтямъ и раненымъ. Лордъ Дерби возстаетъ противъ всякихъ рѣчей и выраженій, въ парламентѣ, живаго сочувствія христіанскому населенію на

Востокъ. «Наша обязанность, какъ *друзей Турціи*, — говорить онъ, — всѣми мѣрами прешатствовать тому, что можетъ подрывать ея права, авторитетъ и силу».

Вглядываясь внимательно въ дипломатическіе документы Русскаго кабинета, мы должны признать, что они не только удовлетворяютъ всѣмъ нравственнымъ требованіямъ, предъявляемымъ намъ самимъ нашею единоплеменностью, единовѣріемъ и простымъ человѣческимъ состраданіемъ, — но и всѣмъ требованіямъ политическаго разсчета. Въ политикѣ, какъ вездѣ, путь самый честный есть въ то же время самый искусный и вѣрный; способъ прямой и искренній — въ то же время и самый надежный. Если мы вспомнимъ севастопольскій разгромъ и условія Парижскаго мира, грозившія намъ совершенной утратой нашего вліянія на Востокъ, — то политическое наше положеніе того времени представится чуть не безвыходнымъ. И однако же ничѣмъ болѣе, какъ постояннымъ безоружнымъ протестомъ, — не противъ принятыхъ нами въ Парижѣ унижительныхъ условій, но, въ силу самихъ этихъ условій, — противъ злоупотребленій оттоманскаго владычества и въ защиту христіанъ, Россія не только создала себѣ и христіанамъ выходъ изъ своего затруднительнаго положенія и подготовила возможность торжества праваго дѣла, но и заняла, какъ мы сказали выше, господствующую позицію на Востокъ. Лицемеріе Западной Европы заставило ее, въ число результатовъ Крымской войны, внести и «улучшеніе быта христіанскаго населенія», и отнявъ у Россіи исключительное право заботы о христіанахъ, которое создано само собою, не было даже и правомъ, а естественнымъ послѣдствіемъ русской исторіи, — признать его правомъ и обязанностью всѣхъ великихъ державъ Европы. Россія, не выходя изъ предѣловъ трактата, именно эту сторону его обратила въ оружіе противъ него самого и своихъ враговъ, воспользовавшись одна этимъ правомъ и обязанностью, — такъ неискренно, изъ одной зависти къ Россіи, принятыми на себя западно-европейскими кабинетами. Обезсиленная и побѣжденная, лишенная возможности внѣшняго насильственнаго дѣйствія, она стала стражей на порогѣ Турціи, безкорыстнымъ ходатаемъ за христіанъ и неумолимымъ, зоркимъ обвинителемъ и европейской лжи, и мусульманскаго зла. Она

постоянно приглашала западные кабинеты къ совокупному дипломатическому дѣйствию и, непрестанно свидѣтельствуя о бѣдствіяхъ христіанъ, — какъ ударъ вѣщаго колокола, въ урочный часъ будила и раздражала ихъ совѣсть. Отказы западныхъ державъ, обличая ихъ недоброжелательство къ Греко-Славянскому міру и благоволеніе къ Турціи, послужили имъ же ко вреду, а не Россіи, хотя ея безсиліе, повидимому, выступало отъ того позорнѣе и ярче. Напротивъ. На сторонѣ Россіи стала нравственная правда и право. Большой пользы изъ трактата извлечь было трудно, — и лордъ Грей на дняхъ, въ отвѣтъ лорду Дерби, справедливо сказалъ, что «Крымская война только усилила вліяніе Россіи на Востокъ, потому что всѣ христіанскія населенія видятъ въ ней дружественную державу, а въ западно-европейскихъ державахъ своихъ враговъ». Онъ выразилъ даже мысль, что лучше было бы не стѣснять Россію въ ея вліяніи на Турцію, потому что она могла бы, еслибъ ей не мѣшали, добиться своевременно необходимыхъ уступокъ въ пользу Славянъ и Грековъ, которые теперь своими требованіями грозятъ взволновать спокойствіе Европы. — Съ завистью и озлобленіемъ приходитъ теперь Западно-Европейскій міръ къ признанію этой правды и права Россіи, — и вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, грубо отвергать ея право, начинаетъ заботиться уже о томъ, чтобы, чрезъ признаніе этого права, парализировать то вліяніе и значеніе, которое даетъ ей настоящее положеніе дѣлъ на Востокъ. Англія, впрочемъ, держится еще покуда старой своей политической системы относительно Турціи, шагъ за шагомъ отстаивая цѣлость Оттоманской имперіи, и нехотя уступая силѣ обстоятельствъ, заставляющей ее присоединяться къ совокупному дѣйствию державъ, даже и въ такомъ случаѣ, когда оно ограничивается однимъ совѣтомъ. Громкія увѣренія Франціи, что Россія рѣшилась слѣдовать на буксирѣ ея политики, оказались — явно для всѣхъ — живою фразой; напротивъ, какъ сознаются уже и всѣ иностранныя газеты, Наполеонъ III, желая сохранить миръ, по крайней мѣрѣ до окончанія года, присоединяется отчасти къ русской политикѣ на Востокъ, влеча за собой и Австрію. Но въ этой политикѣ, гдѣ сила лежитъ въ безкорыстїи интересовъ, въ искренности сочувствія, въ могуществѣ единовѣрія и единоплемени-

ности, имъ не упредить Россію, если она останется вѣрна своему призванію и не поддастся ни страху, ни обольщенію. Если пошло дѣло на состраданіе и сочувствіе къ Славянамъ и Грекамъ, такъ первенство, безъ сомнѣнія, останется за Россіей, такъ какъ это состраданіе и сочувствіе у западныхъ державъ не есть дѣло правды, а политическаго разчета; и такъ какъ весь ихъ интересъ на Востокѣ состоитъ въ томъ, чтобы ослаблять значеніе Россіи и создать такой порядокъ вещей, который отвергается самими благодѣтельными ими народами.—Иностранныя газеты замѣчаютъ сами, что, не смотря на официальное учрежденіе комитета вспоможенія христіанамъ въ Парижѣ, сочувствіе къ Грекамъ въ Европѣ значительно убавилось въ виду положенія, занятаго Россіей.

Такая неестественность отношеній Запада къ Востоку и къ Россіи не можетъ ни продолжаться долго, ни разрѣшиться одними политическими комбинаціями, особенно въ виду парламентскихъ рѣчей британскаго министерства. Восточный вопросъ неразрывно связанъ съ вопросомъ о существованіи Австріи, которой пограничныя съ Турціей населенія, единоплеменные возстающимъ или нмѣющимъ возстать Турецкимъ Славянамъ, съ ненавистью и ожесточеніемъ потрясаютъ теперь, недавно наложенное на нихъ политикою Бейста, мадыарское иго. Въ то же самое время и Русскіе въ Галиціи, кровь отъ крови нашей и кость отъ костей нашихъ, стонутъ подъ гнетомъ польскимъ, усиленнымъ тою же полигикою Австріи.—Тьеръ, котораго слово до сихъ поръ вѣситъ много въ общественномъ мнѣніи Франціи,—какъ возвѣщаетъ вчерашняя телеграмма,—требуетъ для Франціи союза съ Англіей, Австріей и второстепенными государствами, и императоръ Наполеонъ, какъ бы въ соотвѣтствіе этому требованію, выражаетъ свое сочувствіе политическимъ видамъ и дѣйствіямъ австрійскаго кабинета, украшая Бейста большимъ крестомъ почетнаго Легіона. Ни съ Англіей, возрѣніе которой на Восточный вопросъ такъ рѣзко расходится съ возрѣніемъ нашего кабинета, ни тѣмъ менѣе съ Австріей нѣтъ для Россіи совмѣстнаго пути. Она не можетъ пристать къ англо-австрійско-французскому союзу, который неминуемо образуется. Какія бы, повидимому, уступки ни дѣлала теперь намъ

Франція на Востокъ, мы не должны обольщаться ими. Иные замыслы куетъ Европа, — подъ видомъ мирнаго торжества промышленности и искусства, приготавлиаемаго въ Парижѣ... Безъ *небольшой* войны на Востокъ не обойдется, говорить откровенно англійскій Times. Но можетъ ли быть «небольшая» война на Востокъ?... И какую еще силу конвульсій проявить, въ послѣдней борьбѣ съ смертью, умирающей Османъ!

Москва, 28-го марта.

Изъ помѣщаемаго ниже письма нашего петербургскаго корреспондента читатели могутъ видѣть, какъ дѣятельно заботятся въ Петербургѣ объ устройствѣ достойной встрѣчи ожидаемымъ къ намъ гостямъ изъ различныхъ концовъ Славянскаго міра. А между тѣмъ эти гости будутъ въ Петербургѣ только проѣздомъ. Цѣль ихъ посѣщенія—Москва. Москва сзываетъ гостей на свою этнографическую выставку; Москва предлагаетъ этнографическій урокъ всему ученому и неученому люду, имѣющей явить научныя и наглядныя доказательства нашего славянскаго единства. Созвавши гостей, надо умѣть ихъ и встрѣтить. Нѣтъ сомнѣнія, что Дума, какъ официальный органъ московскаго общества, сдѣлаетъ всѣ необходимыя распоряженія, соотвѣтствующія важности событія—представляющаго не только ученый, но и великій общественный и политическій интересъ.

Задуманная безъ всякой предвзятой мысли, безъ всякаго участія правительства, не по правительственному, а общественному почину, съ чисто ученою цѣлью, эта выставка, силою самихъ современныхъ обстоятельствъ, выдвигается изъ ряда обыкновенныхъ ученыхъ торжествъ и экспозицій. Не мы виноваты, если фактъ науки возводится самъ собою въ значеніе политическое. Дѣваться съ фактомъ некуда; солгать наукѣ намъ было бы невозможно. При всей своей скромности, смиренности, миролюбіи и безкорыстіи, не думая никого пугать и застрашивать, Россія не можетъ же скрыть единоплеменной связи 80 милліоновъ Славянъ, ни своего родства съ находящимися уиѣ ея предѣловъ какими-нибудь 30 милліонами австрійскихъ и турецкихъ подданныхъ... Не на-

ша вина, если желая въ первый разъ пробѣрить, путемъ ученаго этнографическаго подбора, данныя науки, мы невольно дѣлаемъ переключку всѣхъ славянскихъ племенъ,—и эта переключка смущаетъ латино-германскую Европу, и ученая выставка становится громкимъ свидѣтельствомъ!

Да, эта скромная выставка должна составить эпоху въ исторіи Славянства. Въ первый разъ съѣдутся Славяне вмѣстѣ. Бдутъ они какъ уроженцы Чешской, Моравской земли, Словацкаго комитата и т. д., — но съѣхавшись, невольно явятся здѣсь какъ представители различныхъ Славянскихъ племенъ. И обновивъ здѣсь, у насъ въ Москвѣ, сознание своего славянскаго единства въ живомъ общеніи другъ съ другомъ и съ нами, укрѣпивъ свою духовную и нравственную связь съ Россіей, они возвратятся домой къ своей обычной борьбѣ—съ Мадыарами ли, съ Нѣмцами ли, съ Турками—съ обновленными и укрѣпленными силами. Живое ощущение единства дѣйствительнѣе отвлеченнаго научнаго сознанія; оно освѣжитъ и ободритъ, оно освободитъ ихъ отъ тяжкаго разслабляющаго чувства разрозненности и одиночества. Бывали и прежде, именно въ 1848 году, съѣзды Славянъ въ Прагѣ,—но они не имѣли смысла: тамъ не было *насъ*, не было представителей того Славянскаго племени, которое, милостью Божіею, одно сохранило свою свободу, создало могущественнѣйшую въ мірѣ державу, и на которое Богъ возложилъ высокій подвигъ: послужить освобожденію и возрожденію поработенныхъ и угнетенныхъ братьевъ. Нѣтъ у Россіи ни стремленій къ захватамъ, ни замысловъ на политическое преобладаніе: она желаетъ только свободы духа и жизни Славянскихъ племенамъ, остающимся *отрными* Славянскому братству. Она представляетъ имъ собою такую нравственную, а потому и политическую точку опоры, которая стѣбитъ всякой матеріальной помощи, и въ которой нѣтъ имъ спасенія. Не всѣ Славянскія племена одинаково понимали это призваніе Россіи. Отступники Славянскаго братства, Поляки—или вѣрнѣе сказать Польская шляхта—разнесли много клеветъ, породили много предубѣждений,—но теперь сами собою разсѣиваются клеветы, падаютъ предубѣжденія, и видятъ Славяне: кто имъ другъ и кто недругъ... Едва только мы, Славяне, опознаемъ другъ друга, и безъ всякихъ угрозъ, безъ всякой

предумышленной стачки, безъ всякихъ политическихъ замысловъ и видовъ, въ чувствѣ любви и обновленнаго братскаго единенія, едва лишь окликнемъ другъ друга, аукнемся чрезъ равнины и горы Европы, и разѣнимся братскимъ поклономъ,— то уже само собою, честно, высоко и грозно станетъ въ мірѣ Славянское имя.

И этотъ первый съѣздъ Славянъ, гдѣ они должны опознать другъ друга и ощутить живо свое братство, свое единство, свою духовную силу, совершается въ Москвѣ, въ столицѣ Русскаго народа. Не знаменательно ли это? Никто, затѣвая выставку, не думалъ объ этомъ, не отдавалъ себѣ въ томъ отчета, — по такъ случилось. Случилось! иначе и быть не могло: исторія логична...

Бѣдутъ къ намъ не гордые знатностью рода, не могущественные представители капитала и иныхъ силъ и богатствъ: бѣдутъ къ намъ простые, смиренные, бѣдные. За то всѣ они подвижники славянскаго духа, труженики науки и мысли, крѣпкіе стоятели за свою народную самостоятельность, выдержавшіе години страшныхъ испытаній виѣшняго гнета нѣмецкаго, турецкаго и въ послѣднее время мадыарскаго, не поддавшіеся ни страху, ни соблазну, — и среди всѣхъ страданій и искушеній, оставленные богачами и знатными своего племени, не сломившіеся духомъ въ борьбѣ, не утратившіе вѣры въ историческое призваніе Славянства, *претерпѣвые до конца!*.. И вотъ, когда казалось дошли они до крайняго истощенія силъ, судьба ведетъ ихъ въ Россію, и не отсюда ли начало спасенія *претерпѣвыхъ?*...

Настоящая минута особенно критическая для Славянъ Австрійской имперіи. Австрія, послѣ долгихъ колебаній, рѣшилась, для сохраненія своего политическаго существованія, опереться на Мадыаръ, Нѣмцевъ и Поляковъ, отдавъ послѣднимъ въ жертву Русскихъ въ Галиціи, а первымъ — Славянъ прочихъ наименованій... Объединившаяся Германія собирается, покончивъ свое дѣло дома, усилить свое стремленіе на Востокъ и германизацию тѣхъ остальныхъ Славянскихъ племенъ, которыя еще торчатъ въ латиногерманской Европѣ какъ заноза, какъ посторопнее тѣло, не претворившееся въ одну съ нею органическую сущность.

Встрѣтимъ же нашихъ гостей, нашихъ незнатныхъ, бѣд-

ныхъ, гнетомыхъ всяческимъ гнетомъ, нашихъ «плѣнныхъ» братьевъ со всѣмъ подобающимъ ихъ честной бѣдности и святому труженничеству почетомъ, согрѣемъ ихъ братскимъ привѣтомъ, ободримъ и укрѣпимъ ихъ нашимъ сочувствіемъ на дальнѣйшій подвигъ борьбы,—и здѣсь, въ стѣнахъ Кремля, обновимъ съ ними нашъ духовный братскій союзъ.

Таковъ да будетъ нашъ отвѣтъ, отвѣтъ Россіи и всего славянскаго міра—на вызовъ сдѣланный намъ объединеніемъ германскаго племени и на всѣ угрозы Европы...

Москва 1-го іюля.

Примиреніе австрійскаго императора съ Венгріей, завершенное въначіемъ въ Пештѣ и раздвоеніемъ имперіи на двѣ политическія группы, и пріѣздъ въ Россію представителей всего Славянскаго міра—вотъ бесспорно самыя крупныя событія послѣдняго времени. Они двинули въ новый фазисъ, на новую чреду, политическую жизнь Австрійской имперіи; они составятъ новую эру въ исторіи Славянства. Поговоримъ собственно о посѣщеніи Славянами Россіи. Они пробыли здѣсь только мѣсяцъ, но этотъ мѣсяцъ былъ сплошной праздникъ, непрерывный рядъ торжествъ и ликованій, въ которыхъ лично и заочно приняла участіе, можно сказать, вся Россія. Знаменательность этого событія нашла себѣ полное истолкованіе и въ произнесенныхъ рѣчахъ, и въ стихахъ, и въ газетныхъ статьяхъ русскихъ и славянскихъ, и даже въ яростныхъ возгласахъ гнѣва и страха нѣмецко-еврейскихъ публицистовъ. Все это, безъ сомнѣнія, уже давно извѣстно нашимъ читателямъ и не нуждается въ повтореніи. Но тѣмъ не менѣе это событіе не такого рода, которому можно подвести итогъ, которое можно признать законченнымъ, сложеннымъ со счетовъ и сданнымъ въ архивъ. Напротивъ, оно тѣмъ-то важно, что дѣйствіе его не столько внѣшнее, сколько внутреннее, нравственное, — не столько политическое, сколько общественное, не столько въ настоящемъ, сколько (и даже преимущественно) въ будущемъ. Нѣмцы и даже нѣкоторые изъ нашихъ «политиковъ», подсмѣиваясь надъ славянскимъ съѣздомъ, спрашиваютъ обык-

новенно: «гдѣ же результаты? покажите намъ практическіе результаты: etwas greifbares, какъ выражается Allgemeine Zeitung. Что далъ этотъ сѣздъ кромѣ фразъ, объятій и восклицаній? Къ какимъ послѣдствіямъ, къ какому условленному плану дѣйствій привело это братское свиданіе!?» Такіе вопросы предполагаютъ или близорукость, или неискренность. Еслибы результаты были въ самомъ дѣлѣ ничтожны, то за что бы Нѣмцамъ такъ дуться и кипятиться? Видно они чуютъ нѣчто другое, и дѣйствительно есть результаты, которыхъ историческаго объема и вѣса теперь ни измѣрить, ни взвѣсить, но отъ которыхъ уже теперь протянулись тѣни на австрійское будущее. Ихъ нельзя, конечно, ни осозать рукой, ни ткнуть пальцемъ, какъ нельзя осозать и захватить въ кулакъ самосознанія и ничего принадлежащаго къ сферѣ духа,—но успѣхи славянскаго самосознанія и подъемъ славянской мысли и воли—такія духовныя даянія славянскаго сѣзда, которыя, безъ всякаго условленнаго плана дѣйствій, безъ всякой предумышленной сдѣлки, не замедлятъ сказаться сами собой, живымъ дѣломъ, въ судьбѣ славянскихъ народовъ.

Самаго важнаго, самаго главнаго результата славянскаго сѣзда надо искать—въ самой Россіи. Величайшимъ, благимъ послѣдствіемъ посѣщенія насъ Славянами было то, что Славянскій вопросъ въ самой Россіи перешелъ въ общественное вѣдѣніе и сознаніе, изъ отвлеченнаго сталъ дѣйствительнымъ, реальнымъ, изъ области книжной спустился въ жизнь. А этого только и недоставало славянскому вопросу, чтобы сдѣлаться живою силой, перестать быть вопросомъ и стать дѣломъ. Отнынѣ онъ не есть достояніе только ученыхъ и литераторовъ или только одной школы славянофилловъ, а всего русскаго общества. Интересъ славянскій сталъ теперь близкимъ интересомъ cadaго Русскаго. Признаніе все-славянскаго братства было произнесено, и съ высоты престола (что составляетъ величайшую честь и славу нынѣшняго царствованія), и въ тѣхъ низшихъ слояхъ общества, которые доселѣ были ему совершенно чужды. Тридцать тысячъ народа, напримѣръ, облежавшихъ павильонъ, гдѣ давался Москвою пиръ на весь міръ славянскій въ лицѣ его представителей, и привѣтствовавшихъ вынесенную къ нимъ хоругвь

съ изображеніемъ Свв. Кирилла и Меѳодія, приобщились разомъ къ познанію своего кровнаго и духовнаго братства съ Славянами. Съ этой точки зрѣнія представляется особенно знаменательнымъ и праздникъ, данный славянскимъ гостямъ собственно московскимъ купечествомъ. Русское купеческое сословіе стоитъ по преимуществу на почвѣ практической. Оно не легко поддается обманамъ и призракамъ. Его составляютъ не мечтатели, а люди дѣла. Оно обладаетъ способностью и силою прилагать теорію къ жизни и обращать въ положительное дѣйствіе отвлеченныя умозрѣнія и вопросы. Его сочувствіе, — если оно однажды приобрѣтено, — прочнѣе и надежнѣе всякаго иного сочувствія. Оно, по самому роду своихъ занятій и по своему общественному положенію, ближе къ народу чѣмъ классъ литераторовъ, чиновниковъ и вообще дворянъ. Оно искони причислялось къ земщицѣ. Здѣсь мы уже слышимъ прибой народной волны, — за нимъ начинается уже океанъ народный. А въ Россіи только то дѣло и имѣетъ историческую будущность, которое пускаетъ корни въ народное сознаніе, которое приметъ и взложить на свои плечи Русскій народъ.

Какъ скоро Россія вся проникнется сознаніемъ своего славянскаго призванія, — Славянскій вопросъ будетъ рѣшенъ.

Этого еще нѣтъ, но начало тому уже положено, а начало — половина дѣла, говоритъ пословица. Безъ сознанія своего славянскаго призванія немислимо ни правильное духовное развитіе, ни истинная національная политика для Россіи. Национальность политики предполагаетъ дѣятельность соотвѣтственную интересамъ внѣшнимъ и внутреннимъ своей земли, своей народности. Но развѣ русскіе политическіе интересы могутъ быть поняты внѣ связи съ ея интересами какъ *Славянской державы*? Развѣ русская народность по тому самому, что она русская, не есть народность по преимуществу славянская? Развѣ возможна полнота русскаго народнаго самосознанія безъ сознанія славянскаго происхожденія, славянской стихіи русскаго народа и подлежащаго ему историческаго подвига? Чтобы вполне уразумѣть русскую народность, надо понять ее не только какъ русскую, но и какъ славянскую; чтобы русская политика была вполне національною, русскою, необходимо, чтобы она была не только русскою, но

и славянскою. Въ сущности тутъ нѣтъ двойства понятій, а напротивъ совершенное тождество, но сознание этого-то тождества и необходимо для нашего правильного развитія — и государственнаго, и общественнаго, и политическаго, и духовнаго. Это сознание было нами утрачиваемо, но вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивалось нами и сознание нашей народности, и наступалъ рядъ тѣхъ пагубныхъ блужданій, тѣхъ чудовищныхъ противународныхъ направленій въ нашей политической и общественной жизни, которыми ознаменовалъ себя послѣ реформы Петра Великаго такъ-называемый петербургскій періодъ русской исторіи. Вмѣстѣ съ успѣхами нашего народнаго самосознанія, вмѣстѣ съ народнымъ направленіемъ въ искусствѣ и наукѣ возникла вновь и память о нашемъ славянствѣ. Вмѣстѣ съ подъемомъ русскаго народнаго духа, вмѣстѣ съ проявленіемъ его какъ силы, въ средѣ общественныхъ и политическихъ отношеній приготовилась почва и для русскаго славянскаго самосознанія въ жизни и стало возможнымъ то, о чемъ за годъ тому назадъ никто ни гадать, ни думать не смѣлъ: славянскій съѣздъ въ Москвѣ со всею его неожиданной обстановкой, со всею его непредвидѣнной знаменательностью. И ничто такъ быстро не подвигло впередъ этого славянскаго самосознанія Россіи, какъ именно случайное собраніе, по поводу этнографической выставки, представителей славянскихъ племенъ. Они явились къ намъ не какъ Чехи, Хорваты, Словаки, Сербы, но какъ *Славяне*, — и благодаря нашей взаимной встрѣчѣ, мы, Русскіе, сами живѣе ощутили свои славянскія узы, свое собственное славянство. Важнѣе этого результата ничего быть не можетъ.

Да, главнѣйшая задача Славянскаго міра вся теперь въ томъ, чтобы Россія поняла себя какъ его средоточіе и познала свое славянское призваніе. Въ этомъ одномъ все. Въ этомъ вся будущность и Россіи и всѣхъ славянскихъ племенъ. Какъ Россія немислима въ Славянскаго міра, ибо она есть его главнѣйшее выраженіе и вѣщественно и духовно, такъ и Славянскій міръ немислимъ безъ Россіи. Вся сила Славянъ въ Россіи, вся сила Россіи — въ ея славянствѣ. Но если и самою природою и исторіею суждено Россіи быть центромъ тягости всего Славянскаго міра, то необходимо, чтобы она была имъ и въ сознаниі. Необходимо,

чтобы сама Россія вполне уразумѣла тотъ долгъ, который на нее налагаетъ ее значеніе какъ представительницы Славянства, какъ носительницы славянскаго знамени,—а однажды сознавъ этотъ долгъ, она съумѣетъ и свершить его. Въ этомъ отношеніи славянскій съѣздъ далъ такой результатъ, въ сравненіи съ которымъ всѣ другіе результаты, равно какъ и всѣ прочія заботы о сдѣлкахъ и соглашеніяхъ съ Славянами — являются второстепенными.

Силы, силы нравственной прибыло разомъ и намъ и имъ,— и Россіи, и всему Славянству.

Пусть только Россія, повторяемъ, разовѣетъ въ себѣ славянское самосознаніе,—остальное придетъ само собою, остальное приложится.

Москва, 14-го іюля.

Мѣра долготерпѣнія переполнилась и для самыхъ покорныхъ, самыхъ безотвѣтныхъ доселѣ подданныхъ турецкаго султана, для самой миролюбивой и трудолюбивой славянской народности. Встаетъ болгарское племя. Не подъ силу наконецъ стало Болгарамъ гнуть выи въ постыдномъ турецкомъ ярмѣ, задыхаться подъ тяжелою, вѣками наслоенною толщею позора и срама. Четыреста лѣтъ рабства, разоренія, униженія,—четыреста лѣтъ самаго дикаго произвола, самыхъ неистовыхъ истязаній вынесли и перемогли мирные земледѣлы, не измѣнивъ ни вѣрѣ, ни народности. и теперь подвиглись на послѣдній, рѣшительный бой. Конечно, еще малая только часть подыала знамя, еще только своихъ передовыхъ, застрѣльщиковъ такъ-сказать, выслало, бѣдное оружіемъ и деньгами и воинскимъ опытомъ, привыкшее къ сельскимъ трудамъ болгарское племя,—но все дѣло въ начинѣ, въ первыхъ жертвахъ.... Начинъ положенъ, жертвы принеслись, полилась болгарская кровь, и дрогнулъ весь шестимилліонный народъ. Возстаніе быстро распространяется. Надеждъ на успѣхъ оно, повидимому, не имѣетъ теперь пока никакихъ. Средства его скудны, ничтожны, но медлить долѣе было уже невозможно. Болгары почували нашествіе той исторической минуты, когда спросятъ отъ cadaго сла-

вянского племени его права на жизнь, — а такое право покупается только готовностью умереть, пожертвовать жизнью въ борьбѣ за свободу. До сихъ поръ подвигъ Болгаръ былъ болѣе страдательнаго, пассивнаго свойства: надо было устоять, сохраниться въ живыхъ. Подъ напоромъ жесточайшей тираніи и всевозможныхъ соблазновъ и искушеній, казалось уже совсѣмъ потухалъ въ нихъ пламень жизни и передавался лишь, какъ въ известной знаменательной игрѣ «живь-живь курилка», отъ поколѣнія къ поколѣнію мерцающе искрой. Но искра не погасла и вспыхнула яркимъ и могучимъ огнемъ, какъ только пахнуло на нее благодатное вѣяніе русской науки. Юрій Венелинъ, Русскій изъ Руси Карпатской, dokonчившій свое образованіе въ Москвѣ, посланный на счетъ русской Академіи наукъ въ придунайскую область Турціи, первый (около сорока лѣтъ тому назадъ) своимъ знаменитымъ изслѣдованіемъ: «Древніе и нынѣшніе Болгаре» и своею безпредѣльною горячею любовью къ запечатланному славянскому племени (даже не попавшему въ число «дѣтей Славы» въ известной поэмѣ Коллара), призвалъ Болгаръ къ возрожденію подвигомъ науки и самосознанія. На кладбищѣ Данилова монастыря, въ Москвѣ, красуется изящный бѣломраморный памятникъ, поставленный на могилѣ Венелина «благодарными за свое возрожденіе Болгарами».

И какимъ быстрымъ пламенемъ охватила Болгаръ эта разгорѣвшаяся искра народной памяти! Отыскалось шестимилліонное племя — забытое, забытое, смѣшиваемое съ Сербами, Валахами, Греками, но не перестававшее храпеть, вмѣстѣ съ вѣрою, нравы и обычаи предковъ и смутныя преданія славной исторической старины. Какъ и всѣмъ славянскимъ племенамъ, судило Провидѣніе и Болгарамъ — возродиться къ историческому бытію не только плотію, но и духомъ, не одною физиологическою силою народности, по путемъ мысли, науки, однимъ словомъ — работою народнаго самосознанія. Потребность просвѣщенія сказалась въ болгарскомъ племени съ неудержимою властью. Послѣдній грошъ, сбереженный отъ жадности Турка, отдавался на учрежденіе школы; молодые Болгары пробирались въ Россію, преимущественно въ Москву, чтобы почерпнуть просвѣщеніе изъ роднаго источника и разлить его потомъ по болгарскимъ городамъ и селамъ. Мы

имѣемъ право свидѣтельствовать и симъ свидѣтельствуемъ, что большинство ихъ трудилось честно, училось прилежно, а нѣкоторые кончали курсъ университетскій съ блистательнымъ успѣхомъ и удостоивались ученой степени. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что являлись они изъ страны полу-дикой, изъ-подъ власти варварскаго обычая, плохо подготовленные, вынужденные уже во взрослыхъ годахъ начинать подготовку снова, — и что приходилось имъ здѣсь бороться и съ климатомъ, и съ бѣдностью, потому что скудны были средства, которыя могла удѣлить имъ общественная благотворительность. Многихъ похитила у жизни рановременно наша суровая зима; нѣкоторые, по возвращеніи на родину, задохлись въ турецкихъ тюрьмахъ или погибли иною насильственной смертью отъ злобы Турокъ, по доносамъ латинскихъ монаховъ и другихъ враговъ славянскаго возрожденія, — но многимъ за то удалось и посѣять доброе сѣмя и взростить добрый отъ сѣмени плодъ.

На помощь народной вѣрности вѣрѣ и преданіямъ, и ослабѣвшей народной исторической памяти явилась сознательная, просвѣщенная мысль. Возродившись духовно, не можетъ уже, безъ преступленія, не стремиться болгарское племя и къ возрожденію политическому, къ освобожденію отъ мусульманскаго ига. Если прежде предстояла ему возможность пасть, замереть подъ гнетомъ Ислама и погибнуть, — то теперь допустить себя до гибели было бы для Болгаръ тяжкимъ грѣхомъ самоубійства. Они *могутъ* жить, они *обязаны* жить; они и хотятъ жить, но эта жизнь, при настоящемъ положеніи дѣлъ на Востокѣ, добывается только вооруженною борьбой, открытымъ возстаніемъ....

Эта борьба также права и свята, какъ и древняя борьба Русскихъ съ Татарами. Но не въ томъ положеніи Болгарія, въ какомъ была Россія, куда являлись орды временами, незванымъ страшнымъ гостемъ, владычествуя издали надъ страной, имѣвшей самобытное политическое устройство и созрѣвавшей въ силѣ и ростѣ. У Болгаръ нѣтъ ни политической организаціи, какъ даже у Румыновъ и Сербовъ, ни административнаго устройства, которое дало бы имъ возможность сплотиться и образоваться въ прочный союзъ, — ни точекъ опоры, ни вождей народныхъ, ни высшей іерархіи ду-

ховной: только поселяне, торговцы да священники держаютъ поднять знамя свободы. А между тѣмъ, какъ мы уже сказали, медлить долѣе нельзя: къ турецкому обычному гнету приложилось невыносимое матеріальное разореніе; къ турецкому азіатскому произволу присоединяется еще ложь европейско-либеральныхъ формъ, макиавеллическая система духовнаго растлѣнія, доселѣ неизвѣстная Туркамъ и преподаваемая имъ ихъ западными друзьями, — соблазны латинской и даже протестантской пропаганды. Обстоятельства въ Турціи сложились такъ: измѣни только православію, будь латинянинъ или протестантъ, или только поддайся «уніи» съ признаніемъ римскаго папы, — и будешь ты огражденъ отъ турецкаго насилія, и будешь имѣть покровительство могущественныхъ въ Турціи представителей Франціи и Великобританіи! Православнымъ остается самимъ *промышлять* о себѣ (по выраженію древнихъ русскихъ грамотъ), и домогаться правды войною.. Какой безконечный рядъ обезчещенныхъ жень, поруганныхъ дѣвиць, осрамленныхъ юношей, мучениковъ и жертвъ турецкой алчности и разврата представляетъ исторія послѣднихъ четырехъ столѣтій на христіанскомъ Востокѣ! И этому ряду не только еще нѣтъ конца, но, по послѣднимъ извѣстіямъ, неистовства Турокъ стали напоминать первыя времена побѣднаго разгула оттоманской силы. Тѣмъ жесточе теперь на возставшихъ Болгаръ обрушивается мщеніе Турокъ, чѣмъ сильнѣе прежде презирали ихъ Турки! Какъ и это мирное племя, эти райи, пріобыкшіе пресмыкаться и ползать съ слезными мольбами у ногъ своихъ повелителей, и они тоже захотѣли свободы?! Это не Черногорцы, не Сербы, которыхъ Турки привыкли уже бояться, а потому и уважать, — это простые робкіе поселяне... Раздавить ихъ скорѣе, безъ околичностей, потушить, задавить возстаніе въ самомъ началѣ, не дать подняться въ Европѣ, рядомъ съ критскимъ, и еще новому болгарскому вопросу!... И въ силу такихъ наставленій свирѣпствуетъ теперь въ болгарскихъ селахъ бѣшенная месть Оттомановъ, и плодитъ себѣ тучи мстителей въ раздраженномъ народѣ...

А въ это самое время — глава Ислама, потомокъ покорителей Царьграда, держащій подъ своею пятою миллионы православныхъ Славянъ, изнывающихъ въ тщетныхъ усиліяхъ

обрѣсти себѣ свободу, — въ это самое время турецкій султанъ торжественно появляется въ лондонскомъ королевскомъ оперномъ театрѣ, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ англійскаго престола, и привѣтствуется «гимномъ» нарочито въ честь его въ Англии сочиненнымъ, въ которомъ высказывается желаніе: «да одолѣетъ и сломитъ султанъ всѣхъ враговъ своихъ»...

Мы уже говорили объ участіи принятомъ русскимъ обществомъ, еще болѣе чѣмъ правительствомъ, въ духовномъ возрожденіи болгарскаго племени. Богу извѣстно, какъ безкорыстно, какъ чуждо всякихъ политическихъ цѣлей и соображеній было это участіе! Но этого мало. Мы должны помочь и политическому возрожденію Болгаръ, — Болгаръ, отъ которыхъ мы сами получили нашихъ первыхъ учителей вѣры, которые дали Славянству Кирилла и Меодія, на языкѣ которыхъ стало доступно и намъ и всѣмъ Славянамъ Слово Божіе... Если вся Россія подвиглась сочувствіями къ подвигамъ Кандіотовъ, то тѣмъ болѣе побужденій сочувствовать ей несчастному болгарскому племени, поставленному въ худшія условія чѣмъ Греки — жители Крита. У Грековъ подъ бокомъ свободная Греція; потомокъ Эллиновъ еще можетъ надѣяться на симпатіи Европейскаго міра; но у Болгаръ одна надежда — на насъ. Посрамятъ ли мы эту надежду?.. Правительство, конечно, не можетъ дѣйствовать иначе, какъ въ предѣлахъ дозволяемыхъ дипломатическими правилами и приличіями, но намъ ничто не мѣшаетъ возвѣстить о своемъ сочувствіи громко и подать руку помощи воюющимъ братьямъ, — помощи одобрительнымъ словомъ, заступничествомъ общественнаго мнѣнія, и пуще всего деньгами. Сербскій митрополитъ, высокопреосвященный Михаилъ уже открылъ въ Бѣлградѣ комитетъ для пособія раненымъ, вдовамъ и семействамъ убитыхъ Болгаръ: такіе комитеты должны устроиться и въ Россіи. Съ этою цѣлью, а также и съ болѣе прямою цѣлью поддержать усилія болгарскаго племени, отстаивающаго свою свободу, открываемъ и мы у себя подписку... Не падайте духомъ, мужайтесь и ратуйте, братья! Не пропадутъ ваши усилія и жертвы уже и потому, что удалось вамъ заявить міру о болгарской народности, о ея правѣ и волѣ — жить, и вписать въ число подлежащихъ его рѣшенію вопросовъ «Болгарскій вопросъ»!...

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на статью о Болгаріи, помѣщаемую ниже въ Славянскомъ Отдѣлѣ.

Москва, 2-го августа. »

Продолжающіяся извѣстія объ успѣхахъ русскаго слова въ Славянскихъ земляхъ обращаютъ насъ снова къ славянскому вопросу. Чѣмъ болѣе позволительно радоваться этимъ успѣхамъ, тѣмъ болѣе обязанности возлагается на насъ — обратиться съ строгимъ испытаніемъ къ самимъ себѣ. Чѣмъ болѣе русскихъ успѣховъ въ Славянскихъ земляхъ, тѣмъ болѣе славянскихъ успѣховъ должно быть въ Русской землѣ. Мы уже сказали въ № 5, что самая рѣшимость Славянъ сблизиться съ нами въ языкѣ, благодѣтельная сама по себѣ и похвальная со стороны Славянъ, для насъ отчасти постыдна, отчасти унижительна. Она постыдна для насъ, потому что мы съ своей стороны ничего не сдѣлали, чтобы языкъ нашъ, который вполнѣ, и притомъ одинъ изъ всѣхъ прочихъ родственныхъ, имѣетъ право на званіе всеславянскаго, былъ признанъ за таковой и прочими Славянами. Она для насъ почти унижительна, потому что Славяне рѣшаются усвоить нашъ языкъ вовсе даже не въ силу его историческихъ правъ, а вслѣдствіе побужденій внѣшнихъ и отрицательныхъ, потому что мы — числительная сила и независимая держава. Таково положеніе дѣла въ настоящее время. Что же будетъ дальше? Сколько несомнѣнно животворное дѣйствіе, которое должно оказаться на славянскихъ народностяхъ отъ ихъ общенія въ словѣ, столько же вѣроятно то, что собственно на насъ дѣйствіе это должно отразиться пока довольно безславно.

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что лучшая часть Славянства, наиболѣе образованная, что всѣ передовые и даже рядовые славянскіе бойцы усвоить нашъ языкъ. Но прежде чѣмъ себѣ это представимъ, позволимъ себѣ представить, какъ это можетъ быть достигнуто. Грамматикъ, которыя бы непосредственно сличали русскій языкъ съ прочими славянскими, и притомъ съ каждымъ изъ нихъ порознь, — у насъ нѣтъ. У насъ нѣтъ собственной даже грамматики независимой отъ всѣхъ потребностей сличенія, —

нѣтъ такой, которая отнеслась бы къ своему содержанію самостоятельно или, что то же, вполне вѣрно, которая бы не смотрѣла на русскій языкъ черезъ нѣмецкое окно съ переплетами, изъ-за которыхъ различныя формы языка кажутся тождественными, а тождественныя — различными. Самая послѣдняя и самая добросовѣстная изъ грамматикъ ушла не далѣе сознанія, что прежнія изложенія законовъ нашего языка слѣдовали системѣ сначала Готшеда, потомъ Аделунга, и что въ настоящее время стало-быть слѣдуетъ перенести на русскій языкъ въ возможной подражательности систему Гримма. Точно также нѣтъ у насъ и словарей, не только такихъ, которые сличили бы непосредственно славянскія нарѣчія съ русскимъ, но и такихъ, которые сличили бы составъ русскаго языка самого съ собою. Имѣемъ замѣчательный трудъ Востокова; имѣемъ превосходный трудъ Дала (объ академическомъ словарѣ почтительно умалчиваемъ): первый обращается съ исконно-древнею славянскою рѣчью, давно всюду вымершею; другой живописуетъ въ современномъ состояніи живую великорусскую рѣчь. Но гдѣ нить, связывающая то и другое? Кто объяснилъ преемство, которымъ языкъ отъ своего умершаго прошлаго пришелъ къ живому настоящему? Мы спрашиваемъ не о преемствѣ чисто-звуковомъ и не о внѣшней связи въ разновременныхъ формахъ языка: объ измѣненіяхъ, которымъ подвергались звуковыя формы славянорусской рѣчи, о совершенномъ паденіи нѣкоторыхъ и замѣнѣ другихъ новыми были предложены изслѣдованія и выводы, даже болѣе далекіе и широкіе, чѣмъ допускаетъ самъ нашъ языкъ (а затѣмъ что такъ велитъ нѣмецкій образецъ), — мы спрашиваемъ о логической сторонѣ языка, и притомъ не о той, которая выразилась исключительно въ грамматическихъ формахъ, а о той, которою образованъ нашъ словарь, о преемствѣ понятій, которыя исторически разложились по отдѣльнымъ рѣченіямъ въ составъ нашего языка, и которыя насъ, чрезъ христіанство, чрезъ исторію литературы, исторію быта и государства, связываютъ заранѣе и съ общеславянскою древностью, и съ древностью классической, и съ повѣйшими народами. Только ясно выразумѣнное это преемство (при грамматикѣ сколько-нибудь исправной) способно ввести cadaго въ дѣйствительное обладаніе

русскимъ языкомъ. Но къ объясненію этого преемства у насъ, можно сказать, не сдѣлано почти ничего: ибо не могутъ же здѣсь идти въ счетъ изслѣдованія, которыя воображаютъ, что въ исторіи нашего языка, минуя обширнѣйшую церковную литературу и пробавляясь однѣми легендами и мѣологическими принадлежностями быта, можно столь же легко обернуться, какъ это легко въ языкѣ нѣмецкомъ, у котораго нѣтъ почти ничего за собою кромѣ готеской библіи да пѣсенъ и легендъ съ мѣологіей. Что же касается до трудовъ покойныхъ Хомякова и К. С. Аксакова, то въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, они оказались починомъ ни отъ кого не поддержаннымъ.

Итакъ, Славянищъ, желающій изучить нашъ языкъ, осуждается пріобрѣтать и строй его и составъ изъ третьихъ рукъ, не точно передающихъ то, что получили онѣ отъ вторыхъ, которыя сами въ свою очередь не отличались безукоризненною вѣрностью въ передачѣ. Но, положимъ, все это преодоленно. Такъ или иначе Славянищъ овладѣваетъ нашимъ языкомъ, хотя бы настолько, насколько владѣютъ имъ петербургскіе литераторы, употребляющіе слово *выглядитъ* въ смыслѣ формы настоящей, а не будущей. Что же затѣмъ? Узнанные словарь и грамматика, хотя бы и панзустъ, еще не жизнь языка, не слово и не рѣчь. Чтобъ языкъ получилъ жизнь, чтобъ онъ сроднился болѣе или менѣе тѣсно съ народомъ, поколѣніемъ, лицомъ, необходимо употребленіе его въ живомъ разговорѣ или въ чтеніи, или въ томъ и другомъ вмѣстѣ. Первое достаточно для удовлетворенія обычныхъ житейскихъ потребностей, для тѣснаго домашняго обихода; для Славянъ, въ отношеніи къ русскому языку, оно и не очень удобно, по ихъ разобщенному отъ насъ положенію, и не очень нужно потому, что для постоянного обихода у каждаго изъ племенъ есть свой языкъ или свое нарѣчіе, которые будутъ жить и которымъ нельзя не желать жизни. Русскій языкъ западнится Славянамъ въ области высшей, тамъ гдѣ дѣятельность по преимуществу сопровождается мышленіемъ и самосознаніемъ, и гдѣ самая мысль возлетаетъ выше потребностей не только семейства и кружка, но и выше потребностей племени. Это жизнь науки и высшей общественности по преимуществу. Итакъ, употребленіе русскому язы-

ку среди Славянъ предрекается по преимуществу литературное, и самое вступленіе въ нашъ языкъ можетъ быть каждымъ Славяниномъ совершенно дѣйствительнымъ образомъ только чрезъ нашу готовую литературу.

Приступить Славянинъ къ нашему письменному богатству, — что же онъ найдетъ? Два-три истинно-великихъ художника; два-три писателя съ порывами къ истинно-самостоятельному мышленію; нѣсколько дѣльных изслѣдованій — больше изъ диссертаций, обезпечивающихъ вступленіе въ профессуру; нѣсколько произведеній изъ жанра, въ родѣ разсказовъ г. Успенскаго и отчасти драмъ самого Островскаго — этихъ попытокъ дагерротипировать уродства быта и рѣчи и возвести карриатуру въ перлъ созданія. Затѣмъ довольно переводовъ, не отличающихся вѣрностью подлинникамъ, еще болѣе беллетристическихъ произведеній, не отличающихся дарованіемъ, наконецъ творенія Бѣлипскаго, Чернышевскаго и tutti quanti — недоваренные объѣдки чужихъ мыслей. И только. Академія издаетъ свои труды на французскомъ и нѣмецкомъ; университеты, съ благоразумною экономіей, остерегаются давать публикѣ, пропорціонально числу своихъ профессоровъ, хотя бы двадцатую долю того, что даютъ пропорціонально числу своихъ дѣятелей заграничные университеты. Словомъ, наука даже не въ дѣтствѣ, а въ младенствѣ; не можетъ до сихъ поръ покончить споръ даже о томъ, съ чего должно начинать учиться; публицистика не въ авантажѣ обрѣтается....

Не много и не привлекательно... Послѣдствіе при такихъ данныхъ можетъ быть двойное. Языкъ нашъ также поспѣшно будетъ брошенъ, какъ горячо онъ теперь принимается: вотъ одно изъ возможныхъ послѣдствій — очень естественное, когда изучающіе увидятъ, что не къ готовой умственной трапезѣ они приступаютъ; что напротивъ еще многимъ и много нужно потрудиться къ изготовленію желанной трапезы, немногимъ менѣе того труда, какой потребенъ къ обработкѣ и прочихъ славянскихъ литературъ. Къ такому концу теперешнее настроеніе Славянъ въ особенности легко можетъ обернуться, если современно съ этимъ благоприятно повернется ихъ политическое положеніе: съ ослабленіемъ гнета, ослабнуть и тѣ внѣшнія побужденія, которыми пока ис-

ключительно влекутся соплеменники наши къ нашему языку. Или же возможенъ другой исходъ. Сознаніе славянскаго единства будетъ укрѣпляться болѣе и болѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ укрѣпляться и сознаніе необходимости имѣть общеславянскій языкъ. Занятія русскимъ языкомъ убѣдятъ между тѣмъ всѣхъ, для кого это еще не ясно, что языкъ, называемый русскимъ, представляетъ для общеславянскаго употребленія не одно внѣшнее удобство, но имѣетъ на то и право, внутреннее, самостоятельное, упроченное тысячелѣтнею исторіей и ею настоячиво предлагаемое. Тогда русская рѣчь получитъ въ Славянскихъ земляхъ полное гражданство; знакомство съ русскимъ языкомъ распространится въ населеніяхъ, съ тѣмъ вмѣстѣ разовьется и русская письменность, но разовьется *тамъ*. Оттуда будемъ мы получать увѣсистые волюмы самостоятельныхъ научныхъ произведеній; тамъ будутъ лучшіе органы самостоятельной періодической печати; тамъ явятся блестящіе беллетристическія произведенія; словомъ; тамъ будутъ наши и мыслители и публицисты и поэты. Мы окажемся въ хвостѣ, въ положеніи Бельгіи относительно Франціи; и самый нашъ языкъ, по неизбѣжному закону, подчинится вліянію наиболѣе дѣятельной среды. Вмѣсто того чтобы наложить свою печать на другія племена, мы будемъ обречены понести на себѣ чужой отпечатокъ, и стихъ Пушкина вмѣстѣ съ его прозой нами же самими будутъ отнесены въ разрядъ ученическихъ попытокъ, не достигшихъ умѣнья владѣть вполнѣ образованною рѣчью!

Первое изъ предположенныхъ послѣдствій, во всякомъ случаѣ, будетъ гибельно,—для прочихъ Славянъ гораздо болѣе чѣмъ для насъ. Славянскія народности исчезнутъ, если останутся разрозненными; онѣ останутся разрозненными, если не будутъ имѣть общаго языка; онѣ не будутъ имѣть общаго языка, если не возьмутся за языкъ русскій. Но какое изъ двухъ послѣдствій для современныхъ обладателей русскаго языка почетнѣе — рѣшить трудно.

Возможенъ, конечно, и еще исходъ, наиболѣе для всѣхъ благоприятный, когда бы и мы, въ перегонку съ прочими соплеменниками, принялись съ удесятеренными усиліями за трудъ самостоятельной умственной жизни. Но на кого возложимъ въ этомъ надежду? На современныхъ ли представи-

телей нашей науки и нашего слова? Трудно ожидать внезапнаго измѣненія сложившихся воззрѣній и привычекъ; нужды нѣтъ, что у нѣкоторыхъ, по случаю славянскаго съѣзда, и явилось внезапное славянофильствованіе. Да и какъ требовать самостоятельной науки, когда на науку въ самомъ обществѣ нѣтъ запроса? Воспранетъ ли, подъ вліяніемъ всеславянскаго движенія, само общество? Въ недостаткѣ способности радушно отнестись къ Славянству, правда, упрекнуть его нельзя: доказательствомъ—пріемъ, оказанный гостямъ этнографической выставки, и то сочувствіе, съ какимъ вслушивались рѣчи о славянскомъ единствѣ и о нашемъ всеславянскомъ значеніи. Насколько однако способны мы при этомъ возрости внутренно въ славянскую силу, и насколько, даже въ часы самаго горячаго сочувствія, способны мы настроиться однозвучно съ прочимъ Славянствомъ, объ этомъ лучше всего могутъ дать понятіе два слѣдующихъ одновременныхъ факта. Во время этнографической выставки, въ одинъ изъ тѣхъ немногихъ вечеровъ, когда старымъ московскимъ друзьямъ удавалось залучать нѣкоторыхъ изъ славянскихъ гостей къ себѣ на келейную бесѣду, хозяинъ дома предложилъ гостямъ прибѣгнуть въ разговорѣ къ какому-нибудь другому языку, кромѣ русскаго, языку обоюдно вразумительному и обоюдно извѣстному, напримѣръ пѣмецкому. Вопросовъ представлялось такъ много, разбирать ихъ приходилось такъ подробно, а рѣчь русская такъ гостей затрудняла! Но гости отказались наотрѣзъ отъ предложенія: «ни!» отвѣчали они покачавъ головой, «въ святой Москвѣ!?»

А въ ту же этнографическую выставку и въ той же Москвѣ, стоило прислушаться при разъѣздахъ изъ торжественныхъ собраній, которыя давались въ честь Славянъ, на какомъ нарѣчій преимущественно объяснялась наша публика. Наблюдатель открылъ бы, что вмѣстѣ съ русскою рѣчью особенно обильно сыпалась рѣчь французская. И это бывало послѣ cadaго собранія, послѣ тѣхъ рѣчей о необходимости единаго славянскаго для Славянъ языка, которыя постоянно произносили были на этихъ собраніяхъ, и послѣ тѣхъ выраженій единодушнаго сочувствія, съ которыми постоянно принимаемы были эти рѣчи. Съ неизмѣнною точностію обнаружилось это даже и послѣ университетскаго акта, на ко-

торомъ выслушано было отъ Головацкаго это трогательное объясненіе, что онъ не знаетъ какъ и выразить счастье, которое доставляется ему настоящей возможностью сказать въ средоточіи Русской земли слово роднымъ русскимъ братьямъ на родномъ русскомъ языкѣ. Рѣчь оратора прерывалась отъ волненія, прерываема была восторженными рукоплесканіями. И однако французская рѣчь залила потомъ и лѣстницу и дворъ университетскій. Разговаривавшіе не стѣснялись даже тѣмъ, что съ ними рядомъ выходили тѣ самые, въ лицѣ которыхъ такъ недавно чествовали они славянское единство и предъ которыми съ такимъ неистовымъ восторгомъ рукоплескали они рѣчамъ о необходимости единого для Славянъ славянскаго языка—русскаго.

Противопоставленіе этихъ двухъ фактовъ краснорѣчиво и не требуетъ добавленій. Нѣтъ, съ нашего общества достаточно, если вырастетъ оно хотя до внѣшняго, поверхностнаго сочувствія Славянству: оно не переростетъ само себя и перерости не можетъ. Возложимъ лучше надежду на будущее поколѣніе; благо между славянскою молодежью возникаютъ взаимныя сношенія, а они способны разбудить славянскую мысль и чувство. Подождемъ и успѣховъ образованія въ простомъ народѣ, благо самый фактъ Славянства послѣдними событіями уже введенъ въ его сознаніе. А это значитъ много.

Москва, 30-го сентября.

Иллюзіи кончились. Всѣ попытки водворить спокойствіе и благоденствіе на Балканскомъ полуостровѣ подъ верховнымъ владычествомъ Порты, изыскать формулу примиренія между притѣснителями и притѣсненными, сочинить сдѣлку между Евангеліемъ и Кораномъ, внушить духъ европейскаго либерализма турецкимъ властямъ и благоправія турецкимъ поданнымъ-христіанамъ,—всѣ эти попытки европейскаго самообольщенія разбились о несокрушимую правду дѣйствительности, о неумолимую логику исторіи. Подобно упругой стали, которую какъ ни нажимаютъ, ни гнутъ — она разгибается и расправляется снова. Восточный вопросъ, временно наслуемый дипломатическими комбинаціями и вмѣ-

шательствами кабинетовъ, опять выпрямляется во весь свой ростъ, во всей своей грозной несомнѣнности, со всею грубостью своего *некстатти* для большинства европейскихъ державъ. На призывъ Порты положить оружіе Критъ отвѣчалъ новымъ воззваніемъ къ брани. Критское національное собраніе отвергло милость турецкаго падишаха, обѣщанную имъ амнистію и всѣ тѣ блага, которыя сулила острову «отеческая заботливость» и «высокая мудрость» султана. Не обольстило Критянь обѣщаніе «улучшеннаго генераль-губернаторства» или «виляэта». Они нашли, что кунить такой виляэтъ цѣною крови, лившейся цѣлыхъ четырнадцать мѣсяцевъ, цѣною столькихъ жертвъ и усилій—было бы не только невыгодно, но и позорно, было бы измѣной знамени, которое они вознесли такъ высоко и вѣрности которому они принесли клятву предъ лицомъ всего міра. Борьба возобновляется снова, если не съ удвоенною силой, то съ удвоеннымъ ожесточеніемъ и, со стороны Грековъ, со всею энергіей отчаянія: они не ждутъ болѣе помощи отъ Европы.

Что же сдѣлаетъ Россія, какъ отнесется она къ этому новому фазису Восточнаго вопроса? Говоримъ «новому» потому только, что событія вновь доказали всю тщету дипломатическихъ усилій дать иное направленіе историческому теченію дѣлъ на Востокъ и выдвинули вопросъ на чистоту, во всей его рѣзкости и со всею нетерпимостью отсрочекъ и сдѣлокъ. Конечно, бесплодность дипломатическихъ попытокъ могла быть предвидѣна и заранѣе; но едва ли позволительно было даже и Россіи не исчерпать всѣхъ средствъ (какъ бы мало она ни вѣрила въ ихъ успѣхъ) для предотвращенія громадныхъ политическихъ сотрасеній и иныхъ страшныхъ золъ, которыя неминуемо повлекло бы за собою разрѣшеніе Восточнаго вопроса мятежомъ и насиліемъ. Надо было, наконецъ, доказать и самой Европѣ, что мы не только не противники мирнаго рѣшенія вопроса, но и съ своей стороны направляли всѣ дипломатическія усилія къ этой цѣли—до послѣдней крайности, до совершеннаго истощенія вѣры. Русскій кабинетъ прамодушнѣе чѣмъ другія союзницы Порты пытался раскрыть ей глаза на ту бездну, въ которую ее увлекаетъ ея политика; онъ не поощрялъ ее къ борьбѣ съ ея собственными подданными, а указывалъ ей дѣйствитель-

ные способы укротить эту борьбу. Таковъ смыслъ и послѣднихъ попытокъ, сдѣланныхъ русскою дипломатіей нынѣшнимъ лѣтомъ. Далѣе идти некуда. Упорствовать на этомъ дипломатическомъ пути, подвергать свои ходатайства не только отказу, но и превратному толкованію, на свои настоянія получать двусмысленные отвѣты, продолжать, по необходимости, довольствоваться завѣдомо-лживыми, никогда не исполняемыми турецкими обѣщаніями, однимъ словомъ, самому вызывать и терпѣть постоянное *hasco* своихъ усилій—это было бы, кажется намъ, уже несовмѣстно съ достоинствомъ великой державы, и несовмѣстно именно съ достоинствомъ Россіи, какъ всего болѣе знакомой съ положеніемъ христіанскихъ племенъ Оттоманской имперіи. Это значило бы компрометтировать честь русскаго имени на Востокъ, возбуждая понапрасну надежды въ греко-славянскомъ населеніи; значило бы явно, въ виду всѣхъ, позволять себя морочить турецкой политикѣ и ставить себя въ ложное положеніе посредника, котораго посредничество ни одною стороною не принимается, но обращается ему же во вредъ, какъ свидѣтельство его неумѣстной довѣрчивости и непрозорливости. Наше дипломатическое слово должно быть полновѣсно: мы не можемъ, мы не должны упразднить его вѣсь, расточая его попустому. По нашему мнѣнію, насколько извѣстны намъ обстоятельства дѣла на Востокъ, Россіи ничего инаго не остается дѣлать, какъ только отрясти прахъ съ ногъ своихъ на порогъ турецкаго кабинета, отказаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ совѣтовъ и ходатайствъ, отъ всякаго дипломатическаго вмѣшательства, и громко и честно заявить и Дивану и всей Европѣ, что мы отнынѣ предоставляемъ Турцію ея собственной судьбѣ. Пусть сладитъ она сама какъ знаетъ съ своими подданными; пусть управится собственною мудростью, посмѣявшись мудрости, безкорыстію и чистосердечію русскихъ совѣтовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, можемъ ли мы поступить иначе? Вотъ уже болѣе года какъ Европа пребываетъ зрительницею кровавой борьбы Крита,—зрительницею если не совсѣмъ спокойною, то все же воздерживающеюся отъ всякой рѣшительной попытки прекратить тѣ азіатскія неистовства, которыми съ какою-то наглостію щеголяетъ Порта—на зло европей-

скому просвѣщенію. Вотъ уже болѣе года, какъ Европа деликатными и вѣжливыми словами пробуетъ умиловить турецкаго падишаха, величаетъ его какъ просвѣщеннѣйшаго и гуманнѣйшаго государя, и этотъ просвѣщеннѣйшій и гуманнѣйшій, новопожалованный членъ европейской семьи, бросаетъ ей въ лицо оскорбленіе за оскорбленіемъ. Въ благодарность за оказанный ему почетъ, за восторженный приемъ въ столицахъ Европы, онъ даритъ европейскихъ дипломатовъ произведеніями европейской же дипломатической лжи: утонченнымъ празднословіемъ, мнимо-либеральными реформами на европейскій образецъ, ссылкой на турецкое *общественное мнѣніе!*... И кровь христіанъ продолжаетъ литься подъ мечомъ Ислама, и Европейцы, запутавшись въ сѣти собственныхъ словъ, продолжаютъ сносить насмѣшливое поруганіе Турка надъ христіанскою цивилизаціей. Но не чувствуетъ ни позора, ни обиды Западная Европа: терзаютъ вѣдь только Славянъ и Грековъ, которыхъ она не признаетъ своими. Какъ бы то ни было—Европа, продолжая терпѣть совершающуюся на Критѣ и въ самой Турціи разгулъ турецкой мести и тираниі, дѣлается солидарною съ мучителями, сама позорится позоромъ, сама кровавится кровью мучимыхъ христіанъ. Россія еще менѣе можетъ выносить такое положеніе, потому что эти христіане ей еще болѣе свои, чѣмъ Западу, и сопредѣльны съ нею. Если нельзя принять мѣръ рѣшительныхъ къ измѣненію такого состоянія дѣлъ, къ прекращенію дальнѣйшаго пролитія христіанской крови, — остается, по крайней мѣрѣ, одно: умыть руки и снять съ русской дипломатіи отвѣтственность за всякія дальнѣйшія послѣдствія турецкой политики. Еслибы всѣ европейскія державы, за-интересованныя въ положеніи Порты, объявили ей такое свое рѣшеніе, то онѣ стали бы въ единственно возможное теперь и честное отношеніе—и къ Турціи и къ ея христіанскимъ подданнымъ, сдерживая другъ друга взаимнымъ соглашеніемъ невмѣшательства...

Будемъ ждать новыхъ извѣстій съ Востока, будемъ надѣяться, что и русское министерство иностранныхъ дѣлъ разсѣетъ мракъ, сгустившійся около русской политики, какими-нибудь лучами свѣта, какими-нибудь сообщеніями, которыхъ такъ давно ждетъ и не дождется русское общество. Оно

имѣть полное упованіе на политическое направленіе нашего кабинета и немногіе, обнародованные доселѣ, дипломатическіе русскіе документы послѣднихъ лѣтъ по дѣламъ Востока имѣли всегда свойство поднимать русскій общественный духъ и утѣшать русское сердце. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не замѣчать, что Восточный вопросъ вступаетъ въ новый фазисъ, мы не можемъ не смущаться сплетнями и толками иностранныхъ публицистовъ, какъ бы мало мы ни придавали имъ цѣны; мы не можемъ наконецъ и оставаться безучастными къ политической роли Россіи въ вопросѣ, съ которымъ связана ея народная и государственная честь и ея собственная историческая судьба, — мы просимъ и теперь нѣкотораго вниманія къ нашему русскому чувству и русскому общественному мнѣнію, неизмѣнившемуся въ своемъ довѣрїи къ главѣ нашихъ дипломатовъ съ знаменитой политической кампанїи 1864 года.

Москва, 10-го ноября.

Мы печатаемъ въ нынѣшнемъ № нѣсколько корреспонденцій исполненныхъ животрепещущаго политическаго интереса для Россіи, — и считаемъ нужнымъ предпослать имъ нѣсколько словъ, отставляя до другаго раза обсужденіе нѣкоторыхъ нашихъ внутреннихъ домашнихъ дѣлъ. Мы не только не боимся наскучить читателямъ частымъ обращеніемъ къ вопросамъ внѣшней политики, но считаемъ вполне уместнымъ и даже должнымъ сосредоточивать ихъ вниманіе на тѣхъ именно внѣшнихъ политическихъ вопросахъ, которые имѣютъ живую, неразрывную связь съ направленіемъ нашей политики внутренней, — которыхъ правильное разрѣшеніе состоитъ въ прямой зависимости отъ степени развитія и силы народнаго самосознанія въ насъ самихъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ. Нужно, необходимо нужно, чтобъ наше общественное и правительственное разумѣніе стояло въ уровень съ тѣми событіями, которыя готовятся. А событія готовятся великія, — такія событія, которыя не позволятъ намъ отдѣлываться смиреніемъ и скромностью, которыя призовутъ насъ къ спросу и къ отвѣту, о которыя, какъ о пробный камень, испытаетъ и проверитъ исторія степень нашей при-

годности и достоинства для исполненія нашего великаго историческаго предназначенія. Не можетъ скрыть отъ читателей, что когда читаешь, въ письмахъ изъ славянскихъ земель, какъ высоко возносится тамъ русское имя, какъ вымещается на нашихъ бѣдныхъ единоплеменныхъ братьяхъ самый фактъ существованія Россіи, съ какою любовью и съ какимъ уповаемъ обращаются къ ней взоры, лютою злобою Ислама и Рима истязуемаго, православнаго Востока, когда слышишь эти возванія, эти мольбы о сочувствіи, объ участіи, о помощи, когда видишь эту вѣру въ Россію, вѣру несокрушимую, неизмѣнившую въ теченіи столькихъ временъ и лѣтъ, вѣру не по заслугамъ нашимъ, но по внутреннему свидѣтельству славянскаго духа и по указаніямъ внѣшнихъ признаковъ о призваніи Россіи, какъ единой свободной и сильной славянской державы, какъ единой истинной представительницы и главы Славянскаго міра,—невольно озираешься на насъ самихъ, и неволью сжимается сердце. И въ виду того высокаго подвига, который Провидѣніе предначертало Россіи, въ виду призванія, для котораго она видимо избрана,—припоминаешь тогда себѣ всю ту борьбу, которую еще приходится вести у насъ дома за достоинство русскаго имени, за честь и право русской народности,—припоминаешь все малодушіе нѣкоторыхъ нашихъ такъ-называемыхъ вліятельныхъ сферъ, ихъ подобострастное отношеніе къ мнѣнію западной Европы, ихъ идолопоклонство предъ кумпромъ европейской цивилизаціи, ихъ невѣжество, ихъ непониманіе и неспособность пониманія народной, не официальной, не казенной Россіи.... Никпеть бодрость и вѣра, порою, и въ насъ самихъ, когда живо ощутишь вновь всю глубь и ширь царящаго у насъ недоразумѣнія между высшею общественною, нерѣдко и административною средою, и между народомъ съ его бытовыми и духовными историческими основами; когда живо представишь себѣ вновь эту великую Русскую землю, этотъ великій, сильный, бодрый и умный народъ, и падеъ нимъ цѣлые слои атмосферы, гдѣ произрастаетъ «Вѣсть», и все что подъ этимъ нарицательнымъ именемъ разумѣется, гдѣ самодовольно ублажаются изреченіями дешевой мудрости и чувствомъ своего европеизма, гдѣ не мучаются никакимъ тяжелымъ запросомъ на народное самосознаніе и самостоятель-

ную дѣятельность, не тревожатся никакимъ безпокойнымъ патріотическимъ порывомъ, гдѣ не чувствуютъ ни оскорбленія, ни обиды русскому народному достоинству, гдѣ выше народной чести возлюблена полицейская тишина, гдѣ все, по части трудныхъ задачъ русской народности, такъ безразлично, ровно, кругло и гладко, — гладко какъ выбритый Чичиковскій подбородокъ! Уныніе овладѣваетъ душой, когда представишь себѣ, повторяемъ, Русскій народъ и надъ нимъ между прочимъ цѣлую среду — не злокозненныхъ и умышленно-враждебныхъ Россіи интригановъ, какъ думаютъ нѣкоторые наши публицисты, а какихъ-то судящихъ и рядящихъ и власть имущихъ институтокъ, съ ихъ простодушіемъ, малодушіемъ, легкомысліемъ и невѣжествомъ!.. Но нѣтъ! непростительно и постыдно было бы такое уныніе, въ виду тѣхъ великихъ преобразованій нынѣшняго царствованія, которыя, пробивъ эти описанныя нами сферы, призвали къ жизни массы Русскаго народа и связали ихъ тѣснѣйшими узами съ верховною властью; въ виду уже явленныхъ намъ откровеній народнаго историческаго духа на высшей высотѣ нашего всенароднаго и государственнаго представительства. Не той странной средѣ, не тѣмъ сферамъ, о которыхъ мы говорили, обязана Россія своимъ новымъ бытіемъ и всѣми новыми притоками силъ, хлынувшими въ нее въ послѣднія десять лѣтъ, а вождю народа и тѣмъ народнымъ духовнымъ стихіямъ, которыми живеть, существуетъ, движется и предъявляетъ права на великую будущность наша Россія. Въ самомъ дѣлѣ, мы уже обладаемъ великими задатками, великими ручательствами, какъ въ преобразованіяхъ, свершенныхъ инициативою и волею Государя, такъ и во внѣшней нашей политикѣ, — ручательствами въ томъ, что русская народная историческая идея, вопреки «Вѣсти», вопреки всѣмъ подобнымъ петербургскимъ произрастеніямъ и темнымъ силамъ, одержитъ верхъ и все поле и поле будетъ сказываться въ нашей государственной жизни. Что значать зловѣщія увѣренія «Вѣсти», разславшей на дняхъ какія-то печатныя инсинуаціи въ видѣ летучихъ листовъ, съ просьбою раздать ихъ въ кругу своихъ знакомыхъ, какія-то печатно-тайнственныя нашептыванія о томъ, что «обстоятельства рѣшительно благоприятствуютъ дальнѣйшему развитію тѣхъ идей, которыя составляютъ основу

этого изданія? Что значать, повторяемъ, всѣ эти ея пуганія, всѣ эти явленія нашей безнародности въ нѣкоторыхъ петербургскихъ сферахъ, — рядомъ съ такимъ, напримѣръ, политическимъ дѣйствіемъ Россіи, какъ декларація 29 октября, рядомъ съ этимъ «первымъ шагомъ Россіи на свободно-славянскомъ политическомъ полѣ», какъ выражаются съ восторгомъ въ Бѣлградѣ? Наши единоплеменники видятъ въ ней «лучезарную зарю новой великой исторической жизни, восходящую для Россіи и для единовѣрныхъ и единоплеменныхъ съ нею народовъ Востока». «Россія объявляетъ намъ—пронеслось электрической искрой по всему Востоку,—что часъ нашего освобожденія пробилъ». Впрочемъ пусть прочтутъ читатели сами письмо нашего бѣлградскаго корреспондента, писанное, по его словамъ, «подъ первымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ въ Сербіи новой великодушной политикой императора Александра II».

Такой же лучезарной зарей ждуть для себя и Славяне австрійской имперіи. «Всему есть мѣра на землѣ, есть также мѣра скромности и терпѣнію. Но никакое терпѣніе не выдержать, глядя на преслѣдованія и страданія Славянъ австрійскихъ». Такъ начинается свое письмо къ намъ одинъ, всякаго довѣрія заслуживающій, русскій путешественникъ съ австрійскихъ береговъ Дуная, — письмо, въ которомъ онъ яркими красками рисуетъ положеніе Славянъ, гнетомыхъ Поляками, Мадырами и австрійскими Нѣмцами. Пусть читатели сообразятъ вмѣстѣ всѣ эти письма и корреспонденціи изъ Бѣлграда, съ Дуная, изъ Хорватіи и изъ Галиціи, вчерашнее письмо изъ Пешта, и имъ представится полная картина какъ бѣдствій, испытываемыхъ въ Европѣ славянскими племенами, какъ ихъ ожиданій и упованій, такъ и всѣхъ козней и честолюбивыхъ замысловъ мадыарско-австрійской политики. Тяжелому искусству подвергнуты теперь Славяне. Не за свою вину гонимы они, а имъ ставится въ вину самое существованіе Россіи — отъ нихъ требуютъ не только вѣрно-подданническаго долга коронѣ Габсбуровъ, который соблюдался ими всегда строже и неукоснительнѣе, чѣмъ ихъ гонителями Поляками, Мадырами и Нѣмцами, но требуютъ духовнаго отреченія отъ Россіи, т. е. отъ исповѣданія Россіи, какъ главы Славянскаго міра, требуютъ, слѣдовательно,

духовной измѣны своей народности, всему Славянству. Уже прошло то время, когда на умы славянскихъ народовъ могла дѣйствовать польская и нѣмецкая ложь о мнимыхъ замъслахъ Россіи, о ея стремленіяхъ къ завоеваніямъ и къ подчиненію Славянъ своей государственной власти. Теперь Славяне знаютъ и вѣрятъ, что даже мысль о поглощеніи независимости славянскихъ племенъ ненавистна въ Россіи, и полагаетъ она свое предназначеніе въ томъ, чтобы призвать всѣхъ ихъ къ жизни, самобытности и свободѣ. Мы ли останемся глухи къ ихъ мольбамъ и воплямъ, когда они гонимы и мучимы за насъ, за то что мы имъ братья, за то что мы могучи, за то что держимъ высоко славянское знамя, и что носить на челѣ своемъ Россія печать своего великаго призванія? Пусть наши единоплеменники пребываютъ въ вѣрѣ въ Россію до конца, — но какимъ бременемъ великаго, святаго долга ложится на насъ эта вѣра! ложится на всѣхъ безраздѣльно, на правительство, какъ и на общество, на каждаго изъ васъ, читатели!

Москва, 18-го ноября.

Мы говорили вчера, что вопросъ о свѣтской власти папы есть вопросъ о самомъ католическомъ вѣроученіи, — вопросъ, съ которымъ связаны судьбы католической церкви, всего латинскаго Запада. Къ латинскому ли Западу должны мы отнести Славянъ — Чеховъ и Моравовъ, и Хорватовъ и иныхъ Славянъ латинскаго вѣроисповѣданія? Къ Риму ли прикованы они узами вѣры и общенія церковнаго? Современная исторія дастъ отвѣтъ удовлетворительный, но вопіетъ противъ него все славное прошлое этихъ племенъ, возстаетъ противъ него пробудившееся снова къ жизни славянское самосознаніе, противорѣчить ему вся духовная сущность славянской народности. И теперь, когда римскій вопросъ волнуетъ недоумѣніемъ, мучаетъ неразрѣшимостью весь католическій міръ, не въ чужомъ ли пиру похмѣльемъ является прикосновенность западныхъ Славянъ къ этому вопросу? Латиняне ли они развѣ? Будутъ ли они вмѣстѣ съ Латинянами томиться неразрѣшимостью задачи о папствѣ, кружиться и

путаться въ противорѣчїи, тщетно отыскивая изъ него выхода, когда разрѣшеніе у нихъ подъ рукою, когда имъ стѣнитъ только освѣжить свою историческую память, допросить преданїа, обратиться къ лучшей порѣ своего прошлаго, воспомянїемъ о которой живится въ нихъ и теперь сознаніе и чувство народности. Старина славянская не есть отжившая, но живая сила; славянская археологія не есть интересъ отвлеченной науки, но животрепещущїй интересъ дѣйствительности. Не славянскїе ли апостолы Кириллъ и Меѳодїй принесли свѣтъ христіанства къ Моравамъ и Чехамъ? Не ихъ ли письменнымъ глаголомъ славословится и доннѣ истина Христова у православныхъ Славянъ, и не ихъ ли отреклись Славяне, уловленные и полоненные Римомъ? Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ языкѣ возносились у нихъ хваленїа славянскимъ первоучителямъ, по случаю недавняго тысячелѣтнаго юбилея крещенїа Моравской земли? Не латинскою ли литургїей чествовалась память мужей давшихъ Славянамъ литургїю славянскую? Не латинскими ли письменами выражалась благоговѣйная признательность потомковъ — изобрѣтателямъ народныхъ славянскихъ письменъ? Не постыдно ли, не бессмысленно ли такое противорѣчїе, не преступно ли въ немъ пребывать и упорствовать? А между тѣмъ не трудно припомнить Чехамъ, какую борьбу вели они съ папой изъ-за славянской литургїи, до самаго XII вѣка; не могутъ они не припомнить, что православныя преданїа не вымирали до XV вѣка и сказались въ явленїи Гуса. Въ Гусѣ и цѣломъ рядѣ гуситскихъ войнъ выразилась борьба Чехїи за духовную самостоятельность Славянства противъ латинской лжи, — и величая нынѣ имя этого мученика духовной свободы и славянской народности, чтѣ приносятъ въ даръ современные Чехи на алтарь его памяти? Не ту ли неволю, не то ли же самое духовное рабство, отъ котораго надѣялся онъ спасти Чешскїй народъ своею мученическою смертью, — не примиренїе ли съ тѣми именно началами, которыя онъ считалъ гибельными для славянской народности, съ которыми завѣщала вѣчную и непримиримую вражду? Такїя внутреннїя противорѣчїа обойдены быть не могутъ, и только легкомысліе можетъ мечтать — воздвигнуть на подобной духовной расщелинѣ прочное и цѣльное зданіе народности.

Не живы ли преданія православія и у Славянъ адриатическихъ, къ несчастію олатиненныхъ? Не считаетъ ли и теперь (какъ убѣждаютъ въ томъ свидѣтельства путешественниковъ и наши личные наблюденія) Славянинъ-католикъ изъ простаго народа въ Хорватіи и на всемъ Далматинскомъ побережьи вѣру православную — старую вѣру и молитвы православныхъ священниковъ — болѣе дѣйствительными чѣмъ молитвы латинскихъ патеровъ? — Мы не можемъ пускаться тѣперь въ подробныя изслѣдованія всѣхъ слѣдовъ исторической памяти православія, сохранившихся у облатиненнаго Славянства, — мы считаемъ достаточнымъ напомнить о нихъ пробудившейся или еще пробуждающейся славянской совѣсти. Ей предстоитъ теперь совершить дѣло не отступленія отъ вѣры предковъ, а возвращенія къ вѣрѣ предковъ.

Нѣтъ ничего нагубнѣе, для истиннаго возрожденія славянской народности, той ложной мысли, что народность стоитъ выше вѣры, что вѣроисповѣданіе есть дѣло только совѣсти личной, и что славянскіе патріоты должны относиться къ нему безразлично. Такимъ образомъ, по ихъ понятіямъ, «народность» выходитъ какимъ-то попятіемъ вѣншиимъ, безъ внутренняго, духовнаго содержанія, — между тѣмъ какъ именно въ содержаніи вся суть и сила. Пусть обратятся къ исторіи: латинство и православіе, какъ мы уже не разъ говорили, это тѣ историческія и духовныя начала, подъ воздѣйствіемъ которыхъ двинулись различными историческими путями, сложились и образовались различно народности въ западной и восточной Европѣ. Быть латиняниномъ значитъ принадлежать къ латинской церкви, имѣть своимъ духовнымъ отечествомъ Римъ, состоять въ духовномъ соединеніи со всѣмъ латинскимъ западнымъ міромъ, примыкать, въ извѣстной степени, къ его нравственнымъ и историческимъ судьбамъ. Быть православнымъ значитъ состоять въ духовномъ союзѣ съ восточною церковью, съ міромъ греко-славянскимъ. Въ силу этого глубокаго духовнаго различія дѣлится европейскій міръ на двѣ половины, на два міра — на Востокъ и Западъ: это не географическіе термины, а термины качественные, означающіе различіе просвѣтительныхъ началъ, ставшихъ дѣйственными силами въ исторіи человѣчества. Міръ восточный есть міръ православно-славянскій, котораго представитель-

ницей является, Россія, къ которому примыкають и влекутся неодолимымъ влеченіемъ всѣ даже иновѣрные славянскія племена, въ комъ не успѣло запустить глубокихъ корней латинство,—миръ самобытный, съ несомнѣннымъ залогомъ великой исторической будущности, ненавидимый западною Европою. Мѣрой ненависти европейской измѣряется, какъ мы уже говорили однажды, въ каждомъ славянскомъ племени внутренняя прочность славянскаго элемента. Не могутъ не причислить себя Славяне, хотя бы и католики, къ міру восточному: чтó бы они ни дѣлали,—Западъ ихъ не признаётъ *своими*, пока не отрелись они отъ славянской народности. Если православные ему ненавистны, то и католики-Славяне не сыны, а только *пасынки* западной Европы, и для нихъ она все же не мать, а мачиха. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ только одно усыновлено Западомъ вполне — это именно то племя, которое приняло латинство себѣ въ плоть, кровь и душу, которое отрелись отъ братства славянскаго и стало передовымъ войскомъ латинскаго Запада противъ православно-славянскаго міра,—это племя польское. Его похитилъ изъ Славянскаго міра католицизмъ; онъ изгубилъ, онъ завѣлъ его славянскую душу. Если прочія католическія славянскія племена еще сохранили въ себѣ славянскую душу, такъ именно благодаря тому, что они чужды латинскаго фанатизма, что католицизмъ не отождествился съ ихъ народною сущностью, что въ той или другой формѣ, сознательно или безсознательно, еще живутъ въ нихъ преданія православія и сказывается протестъ ихъ духовной славянской природы.

Съ неудержимою силой возникло въ новѣйшее время народное самосознаніе 80 милліоновъ Славянъ. Подъ знаменемъ Кирилла и Меодія, еще недавно, здѣсь въ Москвѣ, торжествовалось первое видимое проявленіе всеславянства, праздновался праздникъ славянскаго братства. Но не означаетъ ли знамя Кирилла и Меодія, просвѣтителей славянскихъ, объединявшее на московскомъ съѣздѣ всѣ славянскія племена, единство началъ просвѣтительныхъ? означаетъ, безъ сомнѣнія, если не какъ совершившійся фактъ, то какъ необходимое требованіе... Безъ объединенія духовнаго не совершится объединеніе Славянскаго міра...

И вотъ, когда потребность объединенія созрѣла въ сердцахъ

славянскихъ племенъ, — не внѣшняго только, но по преимуществу внутреннаго; когда Славяне начинаютъ разумѣть себя накопецъ міромъ особливимъ, славянскимъ, съ своимъ самобытнымъ призваніемъ въ человѣчествѣ и ищутъ сознать свое высшее объединительное начало, — одновременно съ этимъ движеніемъ славянскаго духа, доводитъ логика исторіи духовное начало неславянскаго Запада до того крайняго предѣла абсурда, далѣе котораго идти невозможно. Возстаетъ вопросъ римскій, вопросъ — *быть или не быть* для латинства. Весь католическій міръ призывается къ отвѣту, — исторія предъявляетъ запросъ всѣмъ членамъ латинской церкви.

Теперь или никогда. Если Славяне хотятъ остаться Славянами, и не только остаться Славянами, но исхитить свою славянскую душу изъ цѣпей духовнаго плѣна, сковывавшихъ ихъ съ судьбами латинскаго міра, — то на вопросъ, предлагаемый имъ современною исторіей, они должны дать отвѣтъ рѣшительный и неуклончивый, должны отречься Рима и всѣхъ дѣлъ его, всенародно и гласно, безъ сдѣлокъ и изворотовъ. Теперь Славяне стоятъ на перепутьи: идти ли имъ въ путь Запада или въ путь Востока, въ путь латинства или въ путь православія, примыкать ли имъ къ судьбамъ западноевропейскаго міра или къ судьбамъ міра греко-славянскаго, — ибо господствующая вѣра въ Славянствѣ, хотя бы только по численности вѣрующихъ, а не по тождеству съ славянскою пародною сущностью, есть вѣра православная... Выбирайте же, Чехи, Моравы, Хорваты, Словаки, Словинцы! Хотите ли, вмѣстѣ съ западною Европой, пробавляться религиозными сдѣлками и компромисами безвѣрія съ суевѣріемъ, вязнуть вмѣстѣ съ нею въ непроходимой чащѣ духовныхъ противорѣчій, — къ тому же не вашихъ, не изъ васъ порожденныхъ, а навязанныхъ вамъ врагами вашей славянской свободы; — или же выйдти на тотъ широкій духовный путь истины православной, которымъ идутъ 60 милліоновъ вашихъ славянскихъ братій, которымъ шли первоначально и ваши предки? Хотите ли вы, ревнуя о своей народной славянской самостоятельности, имѣть свою народную церковь, въ качествѣ члена церкви вселенской, или же признавать своимъ духовнымъ центромъ попрежнему латин-

скій Римъ? Хотите ли имѣть главою церкви Христа, или папу?

Мы не видимъ причины, почему, пользуясь свободою вѣроисповѣданія, огражденною конституціей, не могли бы тѣ изъ Славянъ-католиковъ, которые раздѣляютъ нашъ образъ мыслей, отречься отъ латинства, присоединиться къ православію, воскресить древнее славянское богослуженіе и воздвигнуть православные храмы — и въ Прагѣ, и Бернѣ, и въ прочихъ олатиненныхъ мѣстахъ. Кто можетъ имъ въ этомъ воспрепятствовать? Ужели не сознаютъ они, какъ неизбежно, на вѣки вѣковъ, упрочать они духовную самостоятельность своего національнаго развитія, — какой крѣпкій камень положить они во главу угла воздвигаемаго ими зданія своей народности и всего Славянства?

Настоящій мигъ есть вѣщій мигъ. Ужели не внимутъ наши братья, олатиненные Славяне, этому зову исторіи? Во имя ли только одной Россіи или и *всего* Славянскаго міра должно раздаться слово русской державы на этомъ сомнищѣ представителей европейскихъ державъ, призываемыхъ нынѣ судить папѣ, панству и всему вѣроисповѣдному строю латинскаго міра?...

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „МОСКВИЧЪ“.

1868 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ).

Москва, 9-го января.

Въ послѣдній разъ, обозрѣвая политическое положеніе Западной Европы, мы сказали, что если волновавшіе ее въ прошломъ году вопросы и не разрѣшены, то разрѣшенія замѣнены сдѣлками, устраняющими, хоть на нѣкоторое время, опасность нарушенія мира, — и что только есть одинъ вопросъ, на который съ подозрительностью и безпокойствомъ взирають западно-европейскія державы—это вопросъ Восточный. Если воспалительный характеръ взаимныхъ ненормальныхъ отношеній этихъ державъ перешелъ въ хроническій, то здѣсь наоборотъ: хроническій недугъ западно-европейской политики, называемый Восточнымъ вопросомъ, получаетъ въ настоящее время видимо воспалительное свойство.

Итогъ прошлаго года представляетъ значительное видоизмѣненіе политической игры и политическихъ ролей въ Европѣ—по отношенію къ Востоку. Только роль самой Россіи осталась неизмѣнна, именно потому, что это не роль, что ея политическій образъ дѣйствій на Востокъ не обусловленъ личными выгодами и случайными соображеніями, а опредѣляется ея историческимъ призваніемъ, національнымъ самосознаніемъ, естественнымъ сочувствіемъ съ угнетенными, страдающими подъ ненавистнымъ игомъ, единовѣрными и единоплеменными ей народами Балканскаго полуострова. О правотѣ и искренности нашей политической программы свидѣтельствуетъ рядъ дипломатическихъ документовъ нашего кабинета, недавно опубликованныхъ и разосланныхъ нами

какъ подписчикамъ «Москвича», такъ и прошлогоднимъ подписчикамъ «Москвы», не успѣвшей во-время сообщить ихъ своимъ читателямъ.

Но если Россія шла и идетъ неизмѣннымъ путемъ, то не таковъ, оказывается, путь союзныхъ ей великихъ державъ. Конецъ 1867 года застаетъ въ Европѣ уже инныя политическія сочетанія, инныя соображенія и цѣлюю сѣтъ новыхъ интригъ, которую, какъ паутину, снуеть и раскидываетъ на русской дорогѣ западно-европейская дипломатія. Въ первой и даже въ началѣ второй половины прошлаго года, хотя не совсѣмъ охотно и не совсѣмъ искренно, Франція не рѣшалась отдѣляться рѣзко отъ насъ въ Восточномъ вопросѣ, а напротивъ, при всей уклончивости и измѣнчивости своей политики, уступала, болѣе или менѣе, настояніямъ Россіи и присоединялась къ нашему дипломатическому на Турцію походу. Пруссія не только не противилась нашей политической программѣ, но какъ бы побуждала насъ къ ея энергическому выполнению. Оффиціозный органъ графа Бисмарка, «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», то и дѣло твердилъ, что одними убѣжденіями и совѣтами отъ Порты ничего не добьешься, и если желать, чтобы всѣ эти дипломатическія попытки не окончились однимъ пустословіемъ, то необходимо придать имъ характеръ болѣе серьезнаго и рѣшительнаго дѣйствія. Наконецъ, казалось, наша дипломатія одержала побѣду; ей удалось согласить къ общему важному дѣйствию четыре державы, и знаменитая декларация за подписью Россіи, Франціи, Пруссіи и Италіи должна была, повидимому, закончить дипломатическую кампанію на Востокѣ. Но эта же декларация послужила и поворотною точкой для восточной политики западно-европейскихъ державъ. Франція, какъ бы испугавшись сама своей уступки Россіи и тѣхъ обязательствъ, которыя налагала на нее такая солидарность съ русскою политикой,—поспѣшила тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ ослабить значеніе ею же подписаннаго акта. Она не хотѣла рѣзкаго и рѣшительнаго разрыва съ Россіей по отношенію къ восточной политикѣ,—она подписала декларацию, отчасти чтобы польстить Россіи, отчасти связанная, можетъ-быть, своими собственными прежними обѣщаніями и увѣреніями въ желаніи дружнаго и совмѣстнаго съ Россіей образа дѣй-

ствій на Востокъ,—но въ самое то время, какъ подписывалась декларация, совершалось то сближеніе Франціи съ Австріей, которое немислимо безъ единства политическихъ видовъ относительно Турціи, такъ какъ Восточный вопросъ есть жизненный вопросъ для державы Габсбурговъ.

Какъ бы то ни было, но зальцбургское свиданіе императоровъ Наполеона и Франца-Иосифа и послѣдовавшее затѣмъ сближеніе обоихъ кабинетовъ довольно рѣшительно видоизмѣнило восточную политику Франціи. Это сближеніе и это видоизмѣненіе, вмѣстѣ съ тѣмъ истолкованіемъ, которое дано было деклараціи французскимъ кабинетомъ, не могло не оказать вліянія на взаимныя отношенія Франціи и Россіи. Объ охлажденіи между ними уже давно говоритъ иностранная журналистика, а обпародованіе въ печати нашей дипломатической съ Франціей переписки, обличившей всю неискренность и уклончивость ея политики, прибавило еще болѣе горечи къ чувствамъ французскаго кабинета. Оффиціозная газета «Patrie» какъ будто подрядилась дать этимъ нашимъ документамъ самое превратное толкованіе и посвятила длинный рядъ статей на то, чтобы не только ослабить благоприятное для насъ впечатлѣніе, которое способна была произвести эта оффиціальная переписка, но обратить ихъ въ обвинительный актъ противъ самой Россіи. Западная политика употребила всѣ усилія, чтобы отнять у деклараціи всякое значеніе, низвести ее на степень самаго ничтожнаго документа, самой пустой, несостоятельной угрозы, и тѣмъ нанести пораженіе русскому кабинету, такъ дорожившему этимъ актомъ, этимъ «*согласіемъ*» четырехъ державъ. Что осталось теперь отъ этого согласія? Изъ упомянутыхъ четырехъ державъ, первая Франція, отдѣлившись отъ Россіи, присоединилась на Востокъ къ политикѣ той державы, которая наотрѣзъ отказалась подписать декларацию и которой политическіе виды относительно Турціи діаметрально противоположны видамъ Россіи. Отношенія Пруссіи къ подписанному ея обязательству и къ восточной политикѣ Россіи становятся по меньшей мѣрѣ двусмысленны. Декларация, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта Порты, объявляла этой послѣдней, что державы, «истощивъ всѣ усилія соглашенія и совѣты, отказываютъ оттоманскому правительству во всякой нравственной поддержкѣ,

способной облегчить ему выходъ изъ затрудненій». Порта дала отвѣтъ отрицательный, а между тѣмъ Франція, вмѣстѣ съ Австріей, продолжаетъ, какъ и прежде, прискивать для Порты различные выходы изъ затрудненій! Въ послѣднее время къ Австріи и Франціи присоединилась и Пруссія, и коллективное ихъ постоянное относительно разныхъ реформъ, предлагаемыхъ ими Портѣ, свидѣтельствуетъ уже о нѣкоторомъ сближеніи между этими тремя державами по вопросамъ восточной политики. Но крайней мѣрѣ иностранныя газеты съ торжественнымъ ликовапіемъ и злорадствомъ относительно Россіи, указываютъ на этотъ фактъ какъ на положительный признакъ сближенія. Италия еще не отдѣлялась отъ русской политики на Востокъ, но вѣроятно и она не замедлитъ потянуть въ ту же сторону, куда потянула и Пруссія.

Но этого мало. Если державы, подписавшія декларацію, признаютъ, что требуя реформъ, благодѣтельныхъ для всѣхъ христіанъ, дѣйствуя въ видахъ челоуѣколюбія, онѣ еще не стаповатся въ прямое противорѣчіе съ этимъ актомъ, то послѣднее ихъ совокупное дѣйствіе, о которомъ на дняхъ сообщилъ намъ телеграфъ, есть уже совершенное нарушение и буквы и духа деклараціи. Мы разумѣемъ извѣстіе, напечатанное въ офиціозномъ французскомъ журналѣ «*Patrie*», что Австрія, Франція и Пруссія сдѣлали энергическія представленія въ Бѣлградѣ касательно военныхъ приготовленій Сербіи, характера и тона ея сношенія съ Портою, а Англія препроводила въ Бѣлградъ категорическую ноту въ томъ же смыслѣ. Между тѣмъ извѣстно, что именно провозглашенный въ деклараціи принципъ невмѣшательства со стороны четырехъ великихъ державъ поднялъ духъ христіанскаго населенія Турціи и что именно въ томъ и заключалась задача деклараціи, дабы побудить Порту, страхомъ неотвращаемыхъ отъ нея европейскимъ вмѣшательствомъ опасностей, къ требуемымъ отъ нея уступкамъ.

Повторяемъ, мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ для опредѣленія въ настоящую минуту политическаго положенія Россіи и ея отношеній къ Европѣ. Мы имѣемъ дѣло только съ внѣшними признаками, обнаруживающимися на разныхъ пунктахъ. Они въ послѣднее время участились, и совокупность этихъ признаковъ свидѣтельствуетъ, что западно-евро-

пейская политика остается вѣрна своимъ преданіямъ, своей враждѣ къ Россіи и всему Славянскому міру. Будто по сигналу, иностранная журналистика вновь затрубила о завоевательныхъ замыслахъ и интригахъ Россіи на Востокѣ, именно въ ту самую минуту какъ Россія, обнародовавшемъ дипломатическихъ документовъ, дала доказательства своего безкорыстія. Но въ этомъ-то безкорыстіи, въ томъ именно обстоятельстве, что выведенная на свѣтъ Божій наша политика неминуемо возбуждаетъ къ себѣ сочувствіе христіанскаго населенія, — въ этомъ во всемъ и видятъ для себя опасность западныя державы.... Укажемъ еще на нѣкоторые признаки, характеризующіе общее политическое положеніе. Официозная австрійская печать, излагая политическую программу барона фонъ-Бейста, объявляетъ рѣшительно, что какъ ни необходимъ для Австріи миръ, она готова противодействовать съ оружіемъ въ рукахъ всякой славянской попыткѣ къ освобожденію Востока. Нельзя не поразиться такою переменною тона. Давно ли тотъ же самый г. Бейстъ предлагалъ Россіи свои услуги для побужденія западныхъ державъ къ пересмотру парижакаго трактата? Давно ли онъ же, въ разговорѣ съ русскимъ посломъ, графомъ Штапельбергомъ, «отрекался вполне отъ прежней политической на Востокѣ системы Вѣнскаго кабинета», излагалъ взгляды объ «автономіи или selfgovernment» христіанскихъ народовъ Турціи, — взгляды, какъ выражается нашъ посоль, «согласившіеся вполне съ исконными началами нашей политики?» Это было съ небольшимъ годъ тому назадъ (см. донесеніе графа Штапельберга князю Горчакову отъ 16 ноября 1866 года). И что же видимъ мы теперь? Австрія не только объявляетъ себя враждебною всякимъ попыткамъ восточныхъ христіанъ къ осуществленію этихъ началъ, но чуть-чуть не угрожаетъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ, — наперекоръ политикѣ русской, провозгласившей принципъ невмѣшательства. Такая перемена тона явно свидѣтельствуетъ, что Австрія не чувствуетъ себя болѣе слабою и изолированную, а напротивъ поддержанною; и дѣйствительно, она въ своемъ новомъ политическомъ пути опирается на поддержку иныхъ державъ, и именно Франціи и Англіи. Въ то же самое время Порты видимо приободряется, заключаетъ новый заемъ, что было бы

положительно невозможно безъ гарантій французскаго или англійскаго правительства, а усилія французскаго и австрійскаго кабинетовъ также видимо направлены къ тому, чтобы разстроить дружественныя отношенія Россіи и Пруссіи. Та же самая оффиціозная австрійская печать, которая становится въ такое рѣшительное противорѣчіе съ дипломатическимъ образомъ дѣйствій Россіи и съ провозглашеннымъ ею началомъ невмѣшательства, одушевилась теперь самими нѣжными и любовными чувствами къ гегемоніи прусской; французскій кабинетъ также не перестаетъ увѣрять Пруссію въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, — а въ послѣднее время даже и часть прусской печати (напримѣръ «Крестовая Газета») начинаетъ прямо проповѣдывать о преимуществѣ для Пруссіи австро-французскаго союза передъ союзомъ съ Россіей.

Такимъ образомъ къ 1868 году Россія какъ бы является вновь одинокою на своемъ политическомъ пути, которымъ шла, и идетъ, и будетъ идти неизмѣнно, хотя бы и была оставлена всѣми своими союзниками, всѣми тѣми, которые вмѣстѣ съ нею подписали знаменитую декларацію. Ближайшимъ и непосредственнымъ послѣдствіемъ такого новаго положенія дѣлъ будетъ, можетъ-быть, новая отсрочка разрѣшенія Восточнаго вопроса, если западнымъ державамъ удастся, своимъ вліяніемъ и угрозами, предотвратить возстаніе, будущю весною, того или другаго христіанскаго племени въ Турціи. Но если, на этой горячей вулканической почвѣ, предотвратить вспышки имъ не удастся, если мѣра терпѣнія христіанъ дѣйствительно переполнена, если послѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ, какое-нибудь вооруженное вмѣшательство Австріи, одной или съ другими державами, въ дѣла Востока, — тогда, нѣтъ сомнѣнія, Россія исполнитъ и найдеть въ себѣ достаточно силъ исполнить свое высокое историческое призваніе.

Обозначивъ внѣшними признаками общее политическое положеніе Восточнаго вопроса въ данную минуту, рассмотримъ внимательно: что же произвело такую перемену въ направленіи западно-европейской политики въ теченіи года, въ какой степени перемену эту можно считать рѣшительною, и точно ли Россія одинока въ Европѣ?...

«Для Пруссіи нѣтъ ни малѣйшей выгоды содѣйствовать развитію и усиленію панславизма», — говоритъ прусская «Крестовая Газета», исчисляя поводы къ сближенію Пруссіи съ Австріей, — и этому мнѣнію громко и съ радостью вторить и французская политическая печать. Слово выговорено; врагъ названъ, и имя его скоро сдѣлается пугаломъ всего европейскаго Запада... Не въ этомъ ли словѣ должны и мы искать ключъ къ разгадкѣ современнаго фазиса европейской политики?... Но объ этомъ до другаго раза.

Москва, 11-го января.

«Политическое одиночество Россіи» — вотъ, по единодушному сказанію иностранной журналистики, къ чему направлены теперь всѣ усилія западно-европейской политики, преимущественно австро-французской; вотъ въ чемъ лежитъ залогъ европейскаго мира и тишины. Съ этою цѣлью Парижъ и Вѣна интригуютъ и кокетничаютъ съ Берлиномъ, желая отдалить Пруссію отъ совмѣстнаго образа дѣйствій съ Россіей по вопросамъ внѣшней политики. Пруссія, повидному, очень довольна такими ухаживаніями и намѣрена извлечь изъ нихъ всѣ возможныя для нея выгоды. Возвѣщая, посредствомъ своего органа, «Всеобщей Сѣверогерманской Газеты», что нѣтъ надобности ради завязывающихся добрыхъ связей съ однимъ сосѣдомъ ссориться непременно съ другимъ, и что всего лучше держаться хорошихъ отношеній съ обоими (т. е. и съ Австріей, и съ Россіей), графъ Бисмаркъ, безъ всякаго сомнѣнія, постарается обезпечить себя со стороны Франціи надежными ручательствами мира, и заручиться вмѣстѣ съ тѣмъ какими-нибудь полезными, для своихъ видовъ въ Германіи, гарантіями и отъ австрійскаго кабинета. Въ то же время, если возжигать пламя войны не входитъ въ его политическую смѣту 1868 года, онъ не откажется принять нужныя мѣры и на Востокъ, чтобы потушить за-благовременно искру, готовую вспыхнуть и разгорѣться всеобщимъ пожаромъ. И дѣйствительно — если только извѣстіе исполнѣ справедливо — Пруссія, вмѣстѣ съ Франціей, Австріей и Англіей, производитъ, по французскому выраженію, надле-

жащее давленіе на сербскаго князя, т. е. дѣлаеть ему «энергическое» представленіе о томъ, чтобы онъ умѣрилъ свой тонъ въ сношеніяхъ съ Портой, пересталъ ее тревожить воинственными демонстраціями и прекратилъ свои приготовленія къ войнѣ. Конечно, такой образъ дѣйствій несогласенъ съ обязательствомъ, налагаемымъ на Пруссію деклараціей, подписанной ею вмѣстѣ съ Россіей, и вообще съ русской политической системой на Востокъ, но тутъ еще нѣтъ повода къ ссорѣ съ русскимъ сосѣдомъ, а есть достаточно поводъ содержать въ миролюбивомъ напряженіи и поставить нѣкоторымъ образомъ въ зависимость отъ прусской политики кабинеты парижскій и вѣнскій. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы, несмотря на всѣ усилія, затушить искру на Востокъ не удалось, и вспыхнувшее пламя обхватило собой и Австрію, слѣдовательно и всю Европу, то конечно положеніе, которое въ такомъ случаѣ приметъ Пруссія относительно Франціи, Австріи и Россіи, будетъ имѣть немалое вліяніе на судьбы міра. Какое положеніе приметъ Пруссія въ виду такой случайности,—этотъ вопросъ, какъ ни желаютъ добиться заранее его предрѣшенія оба императора, и Наполеонъ III и Францъ-Иосифъ,—прусскій государственный министръ, безъ сомнѣнія, оставитъ открытымъ: такое положеніе дѣла для Пруссіи всего выгодише.

Какая же причина заставила французскій кабинетъ измѣнить прежній уклончивый характеръ своей дипломатіи и съ такою рѣшимостью возстать противъ плановъ русской восточной политики? Мы разумѣемъ здѣсь, кромѣ проекта о внутреннемъ устройствѣ Оттоманской имперіи на началахъ автономіи христіанскихъ общинъ,—также то предложеніе Россіи, въ силу котораго Восточный вопросъ долженъ быть локализованъ, т. е. ограниченъ мѣстностью самой Турецкой имперіи, и рѣшеніе его должно быть предоставлено собственнымъ силамъ христіанскаго населенія Турціи, безъ всякаго вмѣшательства со стороны европейскихъ державъ... Не отрекалась ли этимъ самымъ Россія отъ приписываемыхъ ей завоевательныхъ замысловъ? Не связывала ли она себѣ руки? Не утверждаютъ ли у насъ многіе, и даже весьма авторитетные публицисты, что у Франціи и Россіи нѣтъ столкновенія противоположныхъ интересовъ на Востокъ?...

Мы, съ своей стороны, не раздѣляемъ этого мнѣнія: столкновѣнія интересовъ матеріальныхъ, пожалуй, и нѣтъ; за то нельзя не признать противоположности интересовъ духовныхъ, т. е. противоположности интересовъ міра латинскаго, католическаго, котораго Франція есть искони представительница, съ интересами міра православнаго, во главѣ котораго стоитъ Россія. Вся исторія французской политики на Востокѣ подтверждаетъ истину нашихъ словъ; и какъ бы ни отрицала современная французская интеллигенція практическое значеніе духовно-историческихъ началъ, подъ воздѣйствіемъ которыхъ сложилась французская нація, все-таки, сознательно или несознательно для ея вождей,—эта историческая духовная *натура* Франціи беретъ свое и сказывается въ рѣшительные моменты исторіи. Примѣръ мы видѣли недавно—въ Римѣ; не перестаемъ видѣть и на Востокѣ. Впрочемъ, даже устрояя эту не всѣми сознаваемую причину нашего раздора съ Франціей по отношенію къ Турціи, мы не можемъ затрудниться въ объясненіи новѣйшаго поведенія Франціи въ Восточномъ вопросѣ. Стоитъ только вспомнить вальцбургское свиданіе...

Поддержаніе и упроченіе могущества Австріи торжественно признано современною задачею французской политики—самимъ императоромъ Наполеономъ въ тронной рѣчи его, произнесенной годъ тому назадъ, при открытіи парламентской сессіи. Въ сохраненіи австрійской державы заключается, по словамъ императора, необходимое условіе европейскаго равновѣсія, нарушеннаго внезапнымъ ростомъ Пруссіи и образованіемъ Сѣверогерманскаго Союза. И дѣйствительно, Австрія представлялась и представляется, какъ французскимъ государственнымъ мужамъ, такъ и каждому изъ Французовъ, естественною союзницей Франціи, естественнымъ противобѣсомъ той грозной силѣ, которая создалась въ одинъ годъ у самыхъ предѣловъ Французской имперіи. Изъ всѣхъ иностранныхъ державъ Австрія, недавно невидимая и осмѣиваемая, теперь, безспорно, самая популярная между Французами: въ этомъ нѣтъ ни моды, ни случайности, ни увлеченія, а инстинктъ самосохраненія, общій всѣмъ французскимъ партіямъ безразлично. Но чтó значитъ поддержаніе Австріи, упроченіе ея могущества, какъ великой европейской

державы? Прусская кампанія не лишила Австрію ни клочка земли, а только включила ее изъ Германскаго Союза. Возвратиться силою въ этотъ Союзъ не можетъ входить въ планы Австріи и еще менѣе въ планы Франціи, при посредствѣ которой заключенъ былъ миръ между имперіей Габсбурговъ и возникающею имперіей Гогенцоллерновъ. Поддержать Австрію—значитъ устранить тѣ внутреннія причины слабости, которыя привели ее къ гибели, упрочить ея внутреннее устройство, т. е. пересоздать ее на новыхъ, болѣе крѣпкихъ началахъ. Здѣсь, само собою разумѣется, выступаетъ на первый планъ вопросъ о различныхъ національностяхъ австрийской имперіи (въ чемъ именно и заключалась причина ея слабости), слѣдовательно—вопросъ *Славянскій*. Новая начала, на которыхъ пересоздалась теперь Австрія,—это *дуализмъ*, т. е. раздѣленіе имперіи на двѣ половины: венгерскую и цислейтанскую, съ двумя отдѣльными и однимъ общимъ министерствомъ, подъ верховнымъ конституціоннымъ правленіемъ короля-императора. Въ сущности эта система есть признаніе политическаго господства за двумя національностями, мадьярской и нѣмецкой: Славяне, различныхъ наименованій, которые составляютъ преобладающее, по численности населенія, племя въ имперіи, подѣлены между обѣими половинами. За исключеніемъ Поляковъ, остальные 17 милл. Славянъ не примирились съ новой системой, требуя и для себя признанія тѣхъ же, или почти тѣхъ же, правъ, которыми надѣлены Мадьяры. Несмотря на все пренебреженіе, оказанное барономъ Бейстомъ славянскому элементу, несмотря на то, что славянскія требованія не находятъ себѣ сочувствія въ Европѣ, какое находили національные порывы Мадьяръ и Поляковъ, несмотря на то, что вѣнское правительство, повидимому, торжествуетъ побѣду, выросло въ собственныхъ глазахъ и глазахъ Европы,—оппозиція большинства населенія обѣихъ половинъ имперіи не можетъ не беспокоить и не раздражать Мадьяръ и Нѣмцевъ, не можетъ не тревожить барона Бейста, равно и всѣхъ тѣхъ, которымъ дорого «управленіе могущества Австріи». Такимъ образомъ, Франція, заинтересованная въ судьбѣ Австріи, заинтересована теперь непосредственно и *въ вопросъ Славянскомъ*.

Этотъ вопросъ въ настоящее время важнѣе для Франціи

чѣмъ вопросъ Восточный. Можно сказать, что самый Восточный вопросъ утратилъ теперь свое самостоятельное, перво-степенное значеніе для французской политики и цѣнится ею теперь не столько самъ по себѣ, сколько въ мѣру своей связи съ вопросомъ Славянскимъ, слѣдовательно и съ судьбами Австріи. Сказать: «Славянской вопросъ» — это значитъ другими словами сказать: вопросъ всего Славянскаго міра, а этотъ міръ не замыкается предѣлами австрійской державы, но объемлетъ собою, съ одной стороны, всю Россію, съ другой — такъ называемый «Востокъ», т. е. Оттоманскую имперію съ ея «Восточнымъ вопросомъ». Уничтоженіе Оттоманской имперіи значитъ освобожденіе, возрожденіе къ политической жизни и независимости подвластныхъ Турціи славянскихъ племенъ, т. е. цѣлыхъ восьми или болѣе миллионъ Славянъ, — а такое возрожденіе не можетъ не усилить и безъ того грознаго славянскаго элемента австрійской державы. Ставянская независимость по ту сторону Дуная и Савы — опасный сосѣдь для славянской зависимости съ Мадьяръ и Нѣмцевъ по сю сторону Дуная и Савы. Славянское движеніе въ Турціи неминуемо отзовется въ средѣ Славянъ австрійскихъ, а эта среда числитъ въ себѣ 17 миллионъ, 17 миллионъ *недовольныхъ!* Недовольство 17 миллионъ Славянъ, при довольствѣ Мадьяръ и Нѣмцевъ, — вотъ фундаментъ новаго, воздвигаемаго Бейстомъ, австрійскаго государственнаго зданія, — зданія, которое Франція взялась поддерживать. Созидать на такомъ основаніи — мысль, конечно, дерзкая, обличающая, кромѣ того, глубочайшее презрѣніе къ политической способности и силѣ національнаго духа славянскихъ племенъ. Впрочемъ, иначе и быть не могло. Историческая *натури* австрійскаго государства — нѣмецкая; нѣмецкимъ гениемъ оно создано и до сихъ поръ держалось, нѣмецкій элементъ составляетъ, безпорно, ея жизненную, господствующую, не количественную, а качественную силу. Отречься отъ этого значенія нѣмецкаго элемента въ пользу Славянъ Австрія не можетъ, не совершивъ надъ собою самоубійства; она подѣлилась властью съ мадьярскою націей, дабы укрѣпить себя силою матеріальной, и потому что при такомъ раздѣлѣ нѣмецкая народность все же удерживаетъ за собою преобладаніе хотя въ одной половинѣ имперіи; по-

дѣлаться же властью съ Славянами—это равнялось бы, повторемъ, отреченію отъ господства нѣмецкаго духа, историческаго зиждителя австрійскаго государства. Кромѣ того, признать справедливое право славянской національности—не дозволяютъ Нѣмцу его вѣковая вражда, ненависть и презрѣніе къ славянскому племени. Всѣ эти чувства, конечно, умѣряются цивилизаціей, нерѣдко отрицаются, не всегда сознаются, но они тѣмъ не менѣе продолжаютъ пребывать со всею слѣпою силой инстинкта, вопреки всякимъ благоразумнымъ расчетамъ управляютъ судьбами Австріи, и, въ ея рѣшительные историческіе моменты, даютъ себя знать во всей своей первоначальной дикости: въ эти моменты вдругъ въ цивилизованномъ Нѣмцѣ, въ его отношеніяхъ къ Славянамъ, пробуждается что-то похожее на чувство средневѣковаго рыцаря къ *виленамъ*. Скорѣе способенъ Нѣмецъ сдѣлать уступку Азіатцу, преклониться предъ его грубою матеріальной силой,—какъ это и творятъ теперь австрійскіе Нѣмцы предъ Мадырами,—нежели признать права на самостоятельность и будущность славянской народности.

Какъ бы то ни было, по понятю теперь, что главная задача австрійской государственной политики—покорить австрійскія различныя славянскія племена системѣ дуализма, или по крайней мѣрѣ примирить ихъ съ нею. Понятно также, что все способное питать, возвышать, возбуждать въ этихъ племенахъ ихъ національный духъ, ободрять и обнадеживать ихъ успѣхъ въ борьбѣ съ австрійскою государственной властью,—все это можетъ быть этой власти только ненавистно, затрудняетъ ее въ достиженіи цѣли, представляется серьезною опасностью для того «упроченія могущества и величія австрійской державы», котораго такъ добивается баронъ Бейстъ и не менѣе его—императоръ Французовъ.

И вдругъ, въ то самое время какъ баронъ Бейстъ, казалось, смѣлыми маневрами прижалъ, по своему выраженію, къ стѣнѣ всѣ эти національности—чешскую, моравскую, русскую (*ruthenisch*), сербскую, хорватскую, словацкую, словенскую, и безцеремонно презрѣлъ ихъ настоятельныя требованія,—поднялась, обличилась и предстала грознымъ привидѣніемъ идея *Славянства*. Ея существованіе было не безъизвѣстно австрійскимъ государственнымъ людямъ и самой

Европѣ, но она представлялась имъ какой-то отвлеченною мыслью, искусственнымъ понятіемъ, ученымъ терминомъ, безсильною утопій. Правда, она проявилась и въ жизни, во время революціи 1848 года, но проявившись, доказала только всю свою политическую несостоятельность, ибо признала себя неспособною жить безъ нѣмецкой государственной центральной власти и вновь водворила ее, трудами и кровью Славянъ, на австрійскомъ престолѣ. Такое дѣйствіе только усугубило презрѣніе Нѣмцевъ къ идеѣ панславизма и утвердило въ нихъ вѣру въ нѣмецкое право на господство. Но 1867 годъ составляетъ эпоху въ исторіи Славянскаго міра. Надъ племеннымъ эгоизмомъ, надъ индивидуальнымъ народнымъ сознаниемъ каждаго славянскаго племени, возобладало сознание всеславянства, и сознание это явилось уже не отвлеченною, а живою, реальною силою...

Что же произошло?

Произошло то, что въ это самое время славянское самосознание пробудилось наконецъ и въ славянской Россіи, вызванное работой ея внутренняго народнаго самосознанія. Произошло то, что должно было произойти: съ одной стороны 17 милліоновъ Славянъ, оскорбленныхъ въ своемъ народномъ чувствѣ, угнетенныхъ въ правахъ своей національности; съ другой стороны 60 милліоновъ Славянъ, высоко вознесшихъ славянское знамя, создавшихъ величайшую въ мірѣ, могущественную, единственную пока вполне независимую славянскую державу. Преграда недоразумѣній пала между ними, — они сознали себя братьями и выразили это сознание словомъ; угнетенные въ своихъ національныхъ правахъ Славяне почувствовали, что ихъ національность не можетъ погибнуть, увѣровали въ себя и въ свое историческое призваніе. Таковъ былъ смыслъ славянскаго съѣзда въ Россіи, въ маѣ 1867 года. Не было установлено никакой политической программы, никакого условнаго образа дѣйствій, — не было преподано никакихъ политическихъ совѣтовъ, никакихъ наставленій; не произнесено, да и не задумано было со стороны Русскихъ никакого внушенія гостямъ-Славянамъ о какомъ-либо неповиновеніи Славянъ своей государственной власти, не выражено никакихъ намѣреній или предположеній не только о поглощеніи Славянъ Россією, но даже о полити-

ческомъ объединеніи славянскихъ племенъ подъ верховенствомъ Россіи. Выражено было одно: радость встрѣчи, радостное сознаніе своего братства, своихъ братскихъ узъ, и искреннее горячее пожеланіе—да призовутся всѣ славянскія племена къ жизни, къ свободѣ, къ самостоятельному развитію. Ссылаемся во свидѣтельство истины нашихъ словъ на нѣмецкіе журналы, издающіеся въ Россіи (напр. St.-Petersburger Zeitung, газета «Вѣсть», печатающая по-русски), которые именно глумились надъ тѣмъ, что славянскій съѣздъ не привелъ ни къ какимъ результатамъ, а все ограничивалось выраженіемъ чувствъ и празднымъ словоговореніемъ. Пусть такъ; мы не споримъ. Но западный міръ почувалъ новое вѣяніе славянскаго духа, призналъ за идеей славянства новую, небывалую нравственную силу, и хотя ни одинъ изъ австрійскихъ славянскихъ подданныхъ не уклонился отъ легальнаго пути,—однако самый тотъ фактъ, что не умерла и не спитъ славянская національность, а живуча, и хочетъ жить, и предъявляетъ права свои на жизнь, — одинъ этотъ простой фактъ достаточенъ для того, чтобы смутить западную Европу и встревожить ея совѣсть страшнымъ призракомъ опасностей, созданнымъ ея собственнымъ воображеніемъ.

«Папславизмъ» — вотъ современное пугало Франціи, Австріи и Германіи; вотъ новая стѣна, ставшая между Россіей и остальной Европой, между Востокомъ и Западомъ; вотъ новый властитель думъ западно-европейскихъ политиковъ, подъ воздѣйствіемъ котораго отсрочиваютъ они рѣшеніе Восточнаго вопроса; вотъ наконецъ тотъ призывный кличъ къ бою, къ крестовому походу на Россію и на Славянскій міръ, который еще не раздался, — раздастся, можетъ быть, и не скоро, по рано или поздно раздастся неминуемо.

Откуда же такая вражда и злоба?

Москва, 14-го февраля.

Какъ шумъ приближающейся бури, доносится до насъ тревожный гулъ съ Востока. Омеръ-паша вооружаетъ мусульманское населеніе; шейхъ-уль-исламъ зоветъ правовѣрныхъ къ кровавому мщенію, къ послѣдней битвѣ на жизнь

и смерть съ христіанами; болгарскіе комитеты организуются, издають прокламаціи; албанскія племена пристають къ Черногорцамъ; Сербія ставитъ не только войско, но и народъ на военную ногу; австрійскіе дипломатическіе агенты беспокоятся и возятся то около князя Николая, то около князя Михаила, снують взадъ и впередъ по Дунаю, по Босніи и Герцеговинѣ; пограничныя австрійскіе полки готовятся къ походу. Весь Востокъ, какъ паутиной, затканъ хитросплетенною политическою интригой Франціи, Австріи и Англии, — а надъ нимъ, въ просторѣ политическаго горизонта Европы, носится зловѣщее карканье французскихъ, австрійскихъ и англійскихъ публицистовъ. Иностранная журналистика конечно увѣряетъ, будто бы она мятется только въ предвидѣніи опасностей, которыми угрожаетъ миру Россія; но такъ какъ изъ всѣхъ державъ именно только Россія и не угрожаетъ миру, то всѣ эти клики и возгласы знаменуютъ лишь тайный злой умыселъ самихъ иностранныхъ правительствъ. Стоитъ только прислушаться къ этому визгливому аккорду фальшивыхъ звуковъ, стоитъ взглянуть на всю совокупность извѣстій и сужденій о Востокѣ, распространяемыхъ заграничною пресою, чтобы съ полною безошибочностью признать въ этой агитаціи симптомъ дѣйствительной опасности, грозящей Востоку, — но не со стороны Россіи, а со стороны Запада, и именно трехъ вышеупомянутыхъ державъ. Не даромъ прусская «Всеобщая Сѣверогерманская Газета» замѣчаетъ оффиціозному французскому органу «Patrie», что не Россія, а сама газета «Patrie», ложными извѣстіями о Россіи, пугаетъ общественное мнѣніе Европы. Понятно теперь, почему мы, въ нашемъ Политическомъ Отдѣлѣ, отводимъ теперь такое просторное мѣсто «дѣламъ Востока»: читатели согласятся, что интересъ, возбуждаемый настоящимъ положеніемъ Восточнаго вопроса, заслоняетъ почти вполне интересъ какихъ-нибудь французскихъ публичныхъ словопреній о томъ или другомъ правительственномъ проектѣ закона, или разныхъ политическихъ *chassez en avant, chassez en arrièrre* и другихъ раз мелкихъ правительствъ средней и южной Германіи.

Всѣ вѣсти и слухи, приходящіе съ Востока и сообщаемые заграничною журналистикой, свидѣтельствуютъ о суетливой дѣятельности дипломатическихъ представителей Англии, Франціи

и Австріи, но послѣднихъ двухъ по преимуществу. Дѣятельность эта направлена, какъ о томъ возглашается безпрестанно, въ пользу сохраненія мира, обезпеченія цѣлости Оттоманской имперіи и предотвращенія висящихъ надъ нею опасностей. Обезпеченіе цѣлости, предотвращеніе опасностей — требованіе, повидимому, благонамѣренное, но весьма широкое или, вѣрнѣе сказать, до такой степени эластичное, что можетъ легко допустить не одно отрицательное, но и положительное отношеніе къ дѣлу. Есть несомнѣнныя данныя, удостовѣряющія, что западныя державы хотятъ воспользоваться такою растяжимостью понятія о томъ, что требуется пользами Порты, и растянуть его до обязанности вооруженнаго вмѣшательства. Въ этомъ согласномъ хорѣ трехъ державъ, Англія тянетъ свою неизмѣнную басовую ноту, тогда какъ Франція и Австрія переливаются разнообразными дипломатическими модуляціями. Можно было бы предположить, вмѣстѣ съ одною италіанскою газетою, что эти два кабинета, съ разрѣшенія Англіи, не только умышленно увеличиваютъ значеніе опасностей, грозящихъ Турціи, но собственно своею дипломатическою охранительною возней умышленно возбуждаютъ искусственное волненіе въ христіанскомъ населеніи, дабы имѣть предлогъ создать для Австріи крѣпкую позицію на Дунаѣ и въ предѣлахъ самой Оттоманской имперіи. Пптрига западно-европейской дипломатіи представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

Вытѣсненная изъ Германіи, Австрія тѣмъ самымъ отѣснена къ Востоку. Система дуализма была естественнымъ послѣдствіемъ битвы при Садовой, ибо федеративная форма, которой такъ справедливо домогаются австрійскіе Славяне, враждебна, какъ видно, по самому инстинкту тѣмъ главнѣйшимъ политическимъ элементамъ, которые были дѣйствующими силами въ исторіи Австріи, — т. е. нѣмецкому и мадьярскому. Впрочемъ дуализмъ въ настоящее время представляетъ двойственное господство этихъ двухъ элементовъ только по наружности: въ сущности преобладаетъ одинъ — мадьярскій. На него оперлась австрійская государственная власть всею своею тяжестью; на него переносить. въ него влагаетъ душу, инстинкты и похотѣнія, свойственныя натурѣ крупнаго государства. Мы убѣждены, что этотъ путь, избранный австрійскимъ пра-

вительствомъ, приведетъ его къ гибели,—что на этотъ путь увлекается оно только роковою антипатіею, презрѣніемъ и враждой къ славянскому племени; но какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что весь центръ политическаго тяготѣнія Австріи находится теперь въ мадыарской ея половинѣ. Въ то время какъ Мадыары представляются крѣпкою, цѣльною политическою силою, такъ-называемая Цислейтанія (т. е. другая половина имперіи, по сю сторону рѣки Лейты) являетъ изъ себя, въ политическомъ и административномъ отношеніи, самое жалкое зрѣлище. Большая ея часть, Богемія съ Моравіею, не принимаетъ никакого участія въ имперской думѣ и требуетъ для себя такого же положенія, какъ и Венгрія; никакіе происки для доставленія господства польскому элементу въ Галиціи (также принадлежащей къ убогой Цислейтаніи) не могутъ обезпечить для Австріи безусловную покорность ея трехмилліоннаго русскаго населенія, напротивъ тѣмъ сильнѣе обращаютъ его взоры на однородную и сосѣдственную съ нимъ Россію; недавно образованное цислейтанское министерство изъ разныхъ нѣмецкихъ или онѣмеченныхъ учителей, профессоровъ, чиновниковъ, не внушаетъ, несмотря на полученный ими титулъ Excellenz, никакого уваженія аристократическому элементу Вѣны, вызываетъ насмѣшки со стороны не только Славянъ, но и Нѣмцевъ. Не малая часть этихъ послѣднихъ влечется тайными симпатіями къ своему «общегерманскому отечеству». Допустивъ преобладаніе мадыарскаго политическаго начала, австрійское правительство необходимо должно усвоить себѣ и всѣ мадыарскія политическія стремленія и притязанія, изъ которыхъ, разумѣется, самое главное есть стремленіе къ господству надъ южными Славянами, какъ входящими въ составъ Венгріи, такъ и находящимися за Савой и Дунаемъ, въ предѣлахъ Турецкой имперіи. Въ воображеніи Мадыаръ постоянно рисуется какая-то новая австрійско-мадыарская, можетъ-быть даже мадыаро-славянская имперія, въ которой Славяне если и не будутъ вполне поработаны, такъ все же имѣютъ признать верховенство мадыарскаго политическаго объединительнаго начала. Разумѣется, ни императоръ Францъ-Иосифъ, ни баронъ Бейсть нисколько не Мадыары и не безъ внутренняго насилія своей нѣмецкой совѣсти пожимаютъ руку симъ

«азиатскимъ варварамъ»,—но, въ качествѣ Западно-Европейцевъ, они задаютъ при этомъ другую цѣль. Предполагая возможнымъ руководить мадьярскимъ движеніемъ, они мечтаютъ быть въ то же время представителями и носителями исторической германской идеи въ ея стремленіи на Востокъ. Грубыми руками Мадьяръ должна эта идея воплотиться въ созданіи какого-либо новаго могущественнаго дунайскаго государства, имѣющаго наследовать большую часть Оттоманской имперіи. Эта цѣль встрѣчаетъ себѣ всеобщее сочувствіе въ западной Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, настоящее движеніе Славянъ какъ въ Турціи, такъ и въ самой части Австріи, пограничной съ Турціей, представляется Западу потому именно опаснымъ, что оно есть движеніе національно-славянское. проникнутое сознаніемъ славянской народности, грозящее Европѣ самостоятельнымъ духовнымъ и политическимъ развитіемъ славянскаго элемента. Такъ какъ славянская народность, поднявшая знамя славянства, не можетъ, по всѣмъ соображеніямъ Европы, не возбуждать сочувствія славянской Россіи, не можетъ не примыкать, хотя бы только духовно, къ этому великому славянскому цѣлому и не почерпать въ самомъ существованіи Россіи нравственной для себя опоры,—то отсюда и всѣ вины Россіи въ глазахъ Запада, какъ бы ни держала она себя смиренно и скромно. О причинахъ этой вражды латино-германскаго Запада къ Славянству говорить здѣсь не мѣсто, — да мы уже и говорили объ этомъ прежде: она должна быть признана какъ несомнѣнный фактъ. Оттереть Россію отъ Славянъ и отъ Востока, овладѣть славянскимъ движеніемъ въ Турціи, стать во главу его, ассимилировать это племя западной Европѣ, усвоить себѣ этотъ матеріалъ и употребить его какъ фундаментъ для духовнаго и вещественнаго господства западно-европейскаго элемента, — вотъ миссія, возлагаемая теперь западною Европой на Австрію, вотъ программа, разработанная, какъ мы увѣрены, при зальцбургскомъ свиданіи императоровъ Франца-Иосифа и Наполеона. Похитить Востокъ, не только у Россіи, но и у Славянъ — въ смыслѣ приниженія на Балканскомъ полуостровѣ славянской народности; завоевать Востокъ для Запада, частію вещественно — путемъ австрійскихъ захватовъ, маскированныхъ тою или другою

формой; частію духовно — путемъ европейской культуры, или, вѣрнѣе, путемъ разложенія оттоманскаго элемента различными ядами европейской цивилизаціи (ибо *положительное, органическое ея начало—христіанство—не можетъ помириться съ органическимъ началомъ турецкой народности—исламизмомъ*) — вотъ конечный результатъ переговоровъ и комбинацій, къ которымъ пришла западно-европейская дипломатія, по крайней мѣрѣ Франціи, Англии и Австріи. Баронъ Бейстъ недавно, почти официально, объявилъ, что для Австріи единственный поводъ къ войнѣ можетъ подать только стремленіе къ освобожденію Востока путемъ *славянской пропаганды*. Другими словами: этому освобожденію дозволить Европа совершиться только путемъ пропаганды австрійской или западно-европейской, — и потому надо всѣми мѣрами стараться оттѣснить отъ Востока славянскую Россію, которой одно существованіе питаетъ и живитъ каждую славянскую народность, — и очистить поле для австрійскаго преобладанія. Въ нынѣшнемъ же № нашей газеты читатели найдутъ выписку изъ англійской газеты «Times», которая прямо проповѣдуетъ необходимость союза Австріи съ Турціей, или «германской цивилизаціи съ мусульманскимъ невѣжествомъ» для противодѣйствія *національнымъ* стремленіямъ Славянъ. Франція, съ своей стороны, устроиваетъ въ Турціи «Главную Школу», т. е. разсадникъ принаровленнаго къ Туркамъ европейскаго просвѣщенія, и пытается ввести на всемъ пространствѣ Оттоманской имперіи реформы, имѣющія оцивилизовать, обезнародить, стусежать и Турокъ и Славянъ, и обратить ихъ въ какую-то особую, на экстрактѣ цивилизаціи, химически, составленную композицію.

Какія же средства употребляютъ эти три европейскія державы для выполненія своей программы? Ни одна можетъ быть не желаетъ настоящей войны; особенно же для Австріи война не представляется выгодною. Но въ томъ-то и состоитъ мастерство дипломатіи, чтобы, обойдясъ безъ войны, достигнуть тѣхъ же самыхъ результатовъ, которые могла бы дать и война. Для этого прежде всего надо обезопасить себя со стороны Россіи и поставить ее, посредствомъ интимидациі общественнымъ мнѣніемъ Европы, въ самое фальшивое для Россіи и въ самое выгодное для Европы положеніе. Маневръ

этотъ извѣстепъ и уже не разъ удавался иностраннымъ дипломатамъ. Пустивъ въ ходъ всевозможныя басни о замыслахъ Россіи, о ея воинственныхъ и честолюбивыхъ видахъ, смугливъ ее клеветой, заставивъ ее оправдываться въ небывалой винѣ, вынудивъ отъ нея чуть не клятвенныя увѣренія въ ея благонамѣренности, требуя все новыхъ и новыхъ доказательствъ ея безкорыстія и мирнаго настроенія, требуя отъ нея официальныхъ заявленій о нежеланіи посягать на разрушеніе Оттоманской имперіи, — западно-европейскіе кабинеты надѣются связать руки Россіи, запутать ее въ ея собственныхъ заявленіяхъ и увѣреніяхъ. Съ другой стороны, въ силу возбужденнаго ими же подозрѣнія на русское правительство, они являются передъ Европою какъ бы отвѣтчиками за ея спокойствіе, а предъ Турціей какъ бы ея охранителями отъ происковъ Россіи, слѣдовательно какъ бы получаютъ право и даже обязываются принять *втроемъ* необходимыя для сей цѣли мѣры. Однимъ словомъ, они овладѣваютъ, можно сказать — уже завладѣли позиціей; они возятся теперь и суетятся о сохраненіи турецкаго мира, а Россія поставлена въ такое положеніе, что всякимъ своимъ движеніемъ, всякимъ дипломатическимъ шагомъ рискуетъ подать этимъ тремъ интригующимъ державамъ поводъ къ фальшивой тревогѣ и послужить имъ же на пользу. Затѣмъ эти державы задались, кажется довольно искренно, задачею не допускать вспыхнуть какому-либо сильному и дружному возстанію христіанскихъ племенъ. Конечно, онѣ не могутъ не сознавать, что австрійскія затѣи, весьма хорошо извѣстныя Сербіи, способны только усилить, а не ослабить вооруженіе княжества, но разсчитать ихъ такъ: не допуская, какъ мы сказали, разгорѣться пламени бунта, воспользоваться, при первомъ удобномъ случаѣ, призракомъ опасности для того, чтобы ввести австрійскія войска въ Боснію или Герцеговину. Такое вступленіе войскъ можетъ совершиться въ видѣ дружественнаго содѣйствія султану, даже съ его согласія; наглость дипломатіи способна даже дойти до такой степени, что эта мѣра будетъ, пожалуй, предложена всѣмъ европейскимъ державамъ, какъ самая раціональная и необходимая для огражденія цѣлости Оттоманской имперіи. Несогласіе Россіи на эту мѣру вызвало бы, непремѣнно, по всей Европѣ

кликъ негодованія, какъ явное свидѣтельство ея тайнаго стремленія лишить Турцію дѣйствительной гарантіи существованія и помощи въ борьбѣ съ подданными-бунтовщиками!!!

Но не Россіи поддаваться этимъ интригамъ и быть игролищемъ западно-европейской дипломатіи. Ея положеніе, безъ сомнѣнія, затруднительно. Было бы повидимому, всего полезнѣе посовѣтовать христіанскимъ населеніямъ ожидать для попытокъ освобожденія болѣе благоприятныхъ временъ. Но не говоря уже о томъ, что послѣдовать такому совѣту трудно, особенно тамъ, гдѣ столько горючихъ матеріаловъ и каждая искра можетъ возжечь пожаръ, — не говоря уже о томъ, что при условіяхъ дипломатической позиціи, уже занятой въ Турціи Франціей, Австріей и Англіей, — годъ, два, три отсрочки способны дѣйствительно усилить значеніе этихъ державъ ко вреду славянской народности и обезсилить энергію христіанъ тѣмъ или другимъ образомъ, — не говоря уже о всемъ этомъ, малѣйшій *признакъ* опасности послужить достаточнымъ поводомъ для упомянутыхъ державъ къ принятію благодѣтельныхъ, спѣшныхъ мѣръ спасенія Турціи, т. е. къ занятію какой-либо пограничной турецкой провинціи австрійскими полками. Что же дѣлать Россіи? Мы не беремъ на себя труда предугадывать то рѣшеніе, которое избереетъ мудрость нашего кабинета, но не можемъ не высказать нашего мнѣнія, что Россіи не выпутаться изъ этихъ дипломатическихъ интригъ инымъ способомъ, какъ тѣмъ, которымъ былъ разрѣшенъ гордіевъ узелъ. Намъ представляется возможнымъ только одно твердое и категорическое заявленіе со стороны Россіи барону Бейсту: «при первомъ движеніи австрійскихъ войскъ за Дунай или Саву, русскія войска занимаютъ Галицію»....

Москва, 30-го апрѣля.

Вышеприведенная, полученная нами телеграмма изъ Праги свидѣтельствуетъ о томъ сильномъ политическомъ движеніи, которое возникаетъ въ настоящее время среди Чешскаго народа. Готовясь къ большому національному торжеству — закладкѣ зданія для чешскаго народнаго театра (для чего собирались пожертвованія въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ),

Чехи неизбежно должны были придать этому торжеству значение болѣе широкое. На это вызывало ихъ самое положеніе дѣлъ, господствующее въ настоящее время въ Австріи. Магьяры, причинившіе столько бѣдъ и зла Австрійской имперіи, не разъ боровшіеся противъ ея цѣлости и даже бытія, получили такія права, которыхъ не имѣютъ даже Нѣмцы въ западной половинѣ имперіи. Мало того, получивъ право на самостоятельное, отдѣльное даже въ политическомъ отношеніи существованіе, Магьяры отказались нести надлежащую часть тѣхъ общихъ повинностей и долговъ, которые лежатъ на всей Австрійской имперіи: Магьяры приняли на себя только 30% общихъ расходовъ. Такимъ образомъ вся тяжесть долговъ, нажитыхъ благодаря венгерской революціи 1848 и 1849 годовъ, стремленію вѣнскаго правительства господствовать надъ италіанскими землями и упорному желанію великогерманской партіи держать Австрію во главѣ Германіи,—пала теперь на западныя земли имперіи. Самая большая доля этихъ тяжестей пришла на часть Чеховъ, всегда платившихъ огромныя подати въ государственную казну, ибо ихъ страна считается одною изъ лучшихъ и воздѣланнѣйшихъ провинцій Австріи. Но этого мало: потерявъ болѣшую часть доходовъ съ Венгріи, которые отнынѣ будутъ оставаться въ ней и не доходить до Вѣны, вѣнское министерство должно было подумать объ увеличеніи своихъ спеціальныхъ средствъ и издало постановленіе о новыхъ налогахъ, въ томъ числѣ и о налогѣ съ личнаго дохода во всѣхъ его видахъ. Изъ чешскихъ земель послышались сильныя и общіе протесты. Сельскія и городскія общины, окружныя собранія сходились, составляли возраженія противъ новаго закона и отсылали ихъ въ намѣстничество. Въ Вѣнѣ не принимали ничего рѣшительнаго по этому поводу. Носились даже слухи, что министерство подаетъ въ отставку, не видя нныхъ средствъ получить нужныя деньги. Недовольство Чеховъ ни для кого не было тайной; о немъ говорили во всѣхъ европейскихъ газетахъ.

Не доставало только болѣе общаго заявленія, болѣе сильнаго выраженія этого недовольства, чѣмъ отдѣльные протесты. И вотъ теперь, собравшись у подошвы исторической горы Ржипа, съ которой, по мнѣнію преданій протецъ чешскаго на-

рода Чехъ впервые увидалъ страну, предназначенную для его потомковъ,— собравшись для того, чтобы отломить громадный камень отъ этой горы и перевести его въ Прагу для закладки народнаго театра, — собравшись въ числѣ 20,000 человекъ для историческаго и національнаго торжества, Чехи рѣшительно и громко высказались по вопросу о ихъ политическомъ существованіи. Они еще разъ протестовали противъ новаго разорительнаго налога и постановили домогаться такой же самостоятельности для своей страны, какую пользуется Венгрія, и созванія новаго земскаго сейма на основаніи всеобщей подачи голосовъ. Конечно, такое заявленіе и при такихъ обстоятельствахъ уже само по себѣ имѣетъ значеніе. Но важно также знать: будетъ ли это постановленіе передано правительству посредствомъ особой депутаціи и думаютъ ли въ Вѣнѣ серьезно о примиреніи съ Чехами, которое, повидимому, для Австріи столь же необходимо, какъ и соглашеніе съ Мадырами...

Привѣтствуемъ первое славянское вѣче!

Москва, 28-го мая.

Никогда еще событія, совершающіяся въ странахъ смежныхъ съ Россіей, у ея окраинъ, не обозначали такъ определенно и такъ ярко политическую роль, завѣщанную Россіи всею ея исторіей, какъ въ послѣднее время. Къ ея совѣтамъ снова прислушиваются тѣ христіанскіе народы Юговосточной Европы, покровительство надъ которыми принадлежало ей до парижскаго міра; на нее устремлены взоры западныхъ Славянъ, вліянія надъ которыми она даже никогда не добивалась надлежащимъ образомъ: и въ то же время ея власть продолжаетъ распространяться на земли Средней Азіи; она прямо вынуждена занять ихъ. Съ одной стороны сочувствіе, вызванное не какими-либо великими жертвами, не какими-либо героическими усиліями въ пользу сочувствующихъ, а простымъ, но открытымъ предъ лицомъ остальной Европы признаніемъ физическаго и историческаго родства съ ними; съ другой—отсутствіе серьезнаго сопротивленія со стороны народныхъ массъ, даже нѣкоторая готовность къ принятію

русскаго подданства. Ищущій свободы Славянскій міръ и извѣчные рабы азіатскихъ владыкъ—вотъ тѣ историческіе сосѣди, отношенія къ которымъ всегда опредѣляли и будутъ опредѣлять политическую роль Россіи—роль не легкую, но естественную, не измышленную и всегда вызывающую изъ среды Русскаго народа и горячихъ дѣятелей, и искреннихъ защитниковъ. Это не то ложное служеніе отвлеченному ученію объ европейскомъ равновѣсіи, которымъ напрасно такъ гордились государственные люди первой половины нынѣшняго столѣтія; это не разорительныя заботы о чужомъ спокойствіи, не ученическія упражненія на подсказанную своекорыстными наставниками программу въ чаяніи заслужить ихъ одобреніе: это дѣятельность вытекающая сама собой изъ дѣйствительной жизни, изъ давно существовавшихъ отношеній, находящая для себя силы и средства тамъ, гдѣ ихъ не искали и не ждали, дѣятельность не требующая такихъ безмѣрныхъ жертвованій, на какія вызывали и священный союзъ, и слишкомъ широко понимаемый Восточный вопросъ, а между тѣмъ болѣе плодovitая, болѣе благодарная и вмѣстѣ съ тѣмъ почетная. Это давно поняли наши строгіе судьи, публицисты Западной Европы. Они чувствуютъ, какъ колеблется та почва, на которой устроены были ихъ политическіе трибуналы, судившіе дѣла Россіи. Прежде они могли говорить, утверждаютъ еще и теперь, что право заботиться о христіанствѣ восточныхъ народовъ не можетъ исключительно принадлежать одной Россіи, что попеченія о гражданскомъ порядкѣ и благоустройствѣ Турецкой имперіи столь же обязательны для Западной Европы, какъ и для Восточной, что слишкомъ усердныя хлопоты Россіи о томъ подозрительны и прикрываютъ властолюбіе русскаго правительства, которое они въ то же время упрекали въ варварствѣ относительно внутренняго управленія своей страны. Со времени Крымской войны нѣтъ болѣе основательныхъ поводовъ обвинять Россію въ излишней заботливости о восточныхъ христіанахъ. А между тѣмъ съ нѣкотораго времени западные публицисты опять усматриваютъ торжество Россіи тамъ, откуда она повидимому была навсегда вытѣснена. Источникъ этого торжества они видятъ въ національныхъ стремленіяхъ нынѣшней Россіи: Россія, сознающая свою славянскую миссію, представ-

зается имъ болѣе грозною и могущественною, чѣмъ Россія, утверждавшая повсюду внѣшній порядокъ и благочиніе, заботившаяся только о религиозныхъ нуждахъ покровительствуемыхъ ею племень, и ничего не знавшая о ихъ народныхъ и политическихъ интересахъ. «Эпоха покровительства восточнымъ христіанамъ кончена для Россіи; наступаетъ эпоха ея вліянія на славянскіе народы», — возглашаетъ Мазадъ въ своей послѣдней статьѣ, помѣщенной въ «Revue des deux Mondes», и онъ совершенно правъ, видя въ этомъ направленіи источникъ новой и могущественной силы ея. Католическая и цивилизованная Европа могла соперничать съ Россіей православною и тщившейся цивилизовать другихъ; но Европа романская и германская не имѣетъ въ своихъ рукахъ равносильнаго оружія противъ Россіи, какъ державы славянской. А нравственное значеніе и внутренняя сила національнаго родства, народной взаимности, стали ясны для западныхъ публицистовъ послѣ торжества итальянскаго дѣла, послѣ недавнихъ событій въ Германіи. Вотъ почему вѣчная рабыня западной политики, польская эмиграція, эта магнатствующая и по прежнему льнущая къ иноземному часть польской шляхты, неславянскаго происхожденія которой мы не будемъ доказывать, но окончательное вырожденіе которой на чужой почвѣ несомнѣнно, такъ настойчиво твердитъ Чехамъ, шумно заявляющимъ свое сочувствіе Русскому народу: «вамъ предстоитъ выборъ между Россіей и цивилизованною Европой; въ первомъ случаѣ мы—ваши враги, во второмъ союзники.» Но что же сдѣлала цивилизованная Европа для самой польской шляхты—этого никогда не скажетъ польская эмиграція; а сколько позора и бѣдствій принесла цивилизованная Европа Чешскому народу и остальнымъ Славянамъ, перечисленіемъ того наполнены творенія славянскихъ публицистовъ. Итакъ, политическое значеніе Россіи среди европейской семьи заключается не въ ея смиреніи предъ Западною Европою, не въ ея ученическомъ знакомствѣ съ требованіями европейской цивилизаціи, а въ ея народныхъ и прирожденныхъ симпатіяхъ и стремленіяхъ. Всѣ историческія преданія Россіи коренятся въ ея славянскомъ происхожденіи; будущіе успѣхи ея на политическомъ поприщѣ обусловливаются національнымъ, т. е. славянскимъ направленіемъ,

и программа этой политики не должна быть въ разладѣ съ частными программами, которыя выработаны остальными Славянами вмѣстѣ и каждымъ племенемъ порознь. Познакомить мало-по-малу нашихъ читателей съ этими программами—мы сочтемъ своею обязанностію.

Другое дѣло—пріобрѣтенія Россіи въ Средней Азій. Тамъ все: и ея собственные интересы, и выгоды подвластныхъ народовъ, — дають широкій просторъ для русской политики, какъ политики христіанской и цивилизующей, сѣющей одною рукою сѣмена истиннаго ученія, а другою утверждающей прочныя начала общественнаго порядка и частной предпріимчивости, которыхъ недоставало этимъ странамъ, обширнымъ, обильнымъ, но нуждающимся въ нарядѣ....

Москва, 15-го августа.

На больномъ, пязавленномъ тѣлѣ ежедневно открываются новыя раны, и нѣтъ врача, который бы исцѣлилъ ихъ. Сегодня въ горахъ нѣкогда цвѣтущей Кандін льется кровь Грековъ, жаждущихъ изгнать изъ разореннаго острова угнетающихъ ихъ пришельцевъ; назавтра воинственные четы Болгаръ переходятъ историческія воды Дуная и тянутся въ Балканскія горы, чтобы оттуда держать въ страхѣ своихъ притѣснителей. Вчера шла рѣзня въ горахъ Ливана и въ Сиріи, и кровь Маронитовъ лилась подъ ударами изувѣрныхъ Друзовъ; сегодня оскверняется могила стараго вождя Мирдитовъ-католиковъ, и надъ его прахомъ тоже рѣзня — между поклонниками Евангелія и Корана. Тамъ отказываются платить дань, раздраженныя безмѣрными требованіями турецкихъ властей, издавна привыкшія къ свободѣ, племена Герцеговины и ищутъ соединенія съ Черногоріей; здѣсь терпѣливо несущіе въ продолженіе пятисотъ лѣтъ иго Османіевъ, Босняки, — христіане и мусульмане, — возстаютъ и изгоняютъ турецкихъ чиновниковъ, прибывшихъ къ нимъ возвѣстити о новыхъ поборахъ. Повсюду кровь, повсюду насиліе, повсюду борьба! Эти безпрестанные судороги и припадки, повторяющіеся уже не періодически, какъ это бывало прежде, а сдѣлавшіеся постояннымъ, ежедневнымъ

явленіемъ, лучше всего свидѣтельствуя, что большое тѣло находится въ предсмертныхъ страданіяхъ, и чѣмъ продолжительнѣе будутъ они, тѣмъ мучительнѣе жизнь изживающаго свой вѣкъ организма, тѣмъ бѣдственнѣе положеніе народовъ, насильно прикованныхъ къ одру умирающаго. Что же поддерживаетъ такую уродливую жизнь? Ради какихъ святыхъ и разумныхъ цѣлей длится этотъ рядъ физическихъ бѣдствій и нравственныхъ пытокъ? Европа давно убѣдилась, что отъ прежней славы Турецкой имперіи остались лишь одни воспоминанія, что у мусульманства нѣтъ болѣе средствъ оживить упавшій духъ потомковъ Османа, что христіанскіе народы съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе чувствуютъ свое превосходство предъ магометанами, живѣе сознаютъ свои права на владѣніе родною страной и на свободную жизнь. Трудно держать тамъ власть, гдѣ властелинъ стоитъ ниже имъ управляемыхъ: онъ невольно долженъ искать опоры извнѣ, — и вотъ Западная Европа протягиваетъ турецкому правительству руку помощи... Но эта поддержка, исходя не изъ сочувствія къ Туркамъ, а изъ своекорыстныхъ цѣлей, не даетъ оттоманскому царству столь необходимыхъ ему жизненныхъ силъ, а способна лишь снабдить его тѣми искусственными обрядами управленія, при помощи коихъ Европа издавна привыкла налагать оковы на свои народы. Друзья Турціи поняли, что однимъ мечомъ нельзя удержать власть султана надъ его подданными, и охотно надѣляются его своею правительственною опытностію. Дѣленіе на вилайеты и разныя перемѣны въ областномъ управленіи, смѣшанные суды въ окружныхъ городахъ и государственный совѣтъ въ столицѣ, равноправность народная и вѣронсповѣдная, провозглашенная на бумагѣ, — вотъ тѣ жалкія нововведенія, которыя перенесены въ Турцію съ Запада. Но передѣлываются и ломаются лишь внѣшнія формы жизни, а духъ вражды и безсилія, господствовавшій въ ней, остается тотъ же.

И вотъ каждый день представляетъ новыя доказательства внутренней несостоятельности Турецкой имперіи, ея губительнаго вліянія на подвластные ей народы. «Европа непослѣдовательна, Европа невѣрна самой себѣ», — говоритъ новосадская газета «Напредакъ»: «у Европы въ прошедшемъ столѣтіи былъ свой больной человѣкъ — старая Польша, и

европейская дипломатія уничтожила ее. Современная Турція, состояніе которой еще несноснѣе и безуряднѣе, чѣмъ прежней Польши, продолжаетъ существовать вопреки историческимъ указаніямъ и опытамъ. Турція также должна быть подѣлена между тѣми народами, которыя входятъ въ ее составъ и могутъ образовать новыя государства». Сравненіе поучительно, но сербская газета забыла довести его до конца. Народамъ, которымъ существованіе Турціи служитъ только препоною для свободнаго развитія и правильной жизни, надо безвозвратно убѣдиться въ необходимости раздѣла Турціи и вмѣстѣ съ тѣмъ согласиться не только въ способахъ, но и въ послѣдствіяхъ этого дѣленія. Отсутствие то такого соглашенія между народами Балканскаго полуострова и служить основаніемъ западно-европейскимъ расчетамъ на возможность продленія Турецкой имперіи; изъ разногласія національныхъ интересовъ Грековъ, Славянъ, Румыновъ и Албанцевъ Европа почерпаетъ увѣренность даже въ необходимости турецкой власти надъ ними.

Европейская дипломатія видитъ, что союзъ между этими народами еще не созрѣлъ, что соглашеніе между ними и даже главныя условія его еще недостаточно выяснились, и не только поддерживать такой порядокъ вещей, но и всячески поощряетъ его. Заявленія турецкихъ народовъ не совпадаютъ другъ съ другомъ во времени, усилія ихъ высвободиться изъ-подъ страшнаго ига разрознены, требованія политическихъ реформъ не равносильны. Возстаніе Кандіотовъ другой годъ стоятъ одинокимъ; прошлогоднее возстаніе Болгаръ едва ли имѣло основы въ самомъ народѣ и было только попыткою, средствомъ—узнать расположеніе Европы къ болгарскому племени. Нынѣшнее возстаніе было повидимому болѣе подготовлено, грянуло совершенно неожиданно послѣ ужаснаго событія, совершившагося въ Сербіи,—но и оно едва ли приведетъ къ чему-либо иному, кромѣ преждевременной и бесполезной траты силъ, поставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ ложное положеніе сосѣднія Румынію и Сербію. Но этого мало. Европейская публицистика ищетъ русскихъ агентовъ среди возставшихъ Болгаръ, видитъ въ придунайскихъ волненіяхъ подстрекательства Россіи. Такая подозрительность не ограничивается впрочемъ одними славянскими движеніями:

тайное русское вмѣшательство стараются отыскать даже въ событіяхъ, совершающихся въ отдаленной Кандіи. Все это доказываетъ, что любимая мысль южно-славянскихъ патриотовъ, желаемая ими съ той минуты, какъ освободилась Италия и объединилась сѣверная Германія, — мысль о томъ, что народы Балканскаго полуострова не только сами должны позаботиться о своей будущности, но и одни лишь они имѣютъ исключительное право на такую заботу, вмѣшательство же Европы будетъ нарушеніемъ этого права, — мысль эта быть можетъ вѣрна по идеѣ, но не въ дѣйствительности. Помимо частныхъ выгодъ народовъ Балканскаго полуострова, съ судьбою Турціи тѣсно связанъ великій Восточный Вопросъ. Рѣшеніе его никоимъ образомъ не можетъ совершиться безъ участія остальныхъ европейскихъ народовъ, имѣющихъ какія-либо отношенія къ Востоку и владѣющихъ силой для охраненія этихъ отношеній. Притомъ же и вопросы италянскій и германскій не рѣшались одними мѣстными средствами, особнякомъ отъ остальнаго міра. Тѣмъ ошибочнѣе, тѣмъ страннѣе надежды на принципъ невмѣшательства въ судьбы Славянскихъ народовъ. Славяне, Греки, Румыны и Албанцы могутъ и должны разсчитывать на свои собственныя силы, но не слѣдуетъ имъ обманывать ни себя, ни своихъ друзей. лестною, но несбыточною мечтой о томъ, что Европа останется безучастною зрительницею гибели Турціи. Къ вмѣшательству Европы всегда можетъ воззвать сама Порта, — да и кромѣ того, кругъ народовъ, интересующихся ходомъ Восточнаго Вопроса, болѣе и болѣе расширяется. Сѣвероамериканскіе Соединенные Штаты внимательно слѣдятъ за событіями, совершающимися въ восточныхъ окраинахъ Средиземнаго моря: они заявили себя за освобожденіе Кандіи; они предлагаютъ свободный путь чрезъ Дарданеллы; они ревниво смотрятъ на планы Западной Европы, связанные съ Суецкимъ перешейкомъ. Мы впрочемъ готовы искренно привѣтствовать такой новый оборотъ заатлантической политики. Вмѣшательство Сѣверо-Американскаго народа въ дѣла Турецкой имперіи можетъ принести съ собой только благотѣльные послѣдствія для ея христіанскихъ подданныхъ.

Что же касается Западной Европы, то она никогда и не думала отказываться отъ права вмѣшательства во внутрен-

ня дѣла турецкихъ земель. Въ послѣднее время она сдѣлала новый, весьма важный шагъ въ этомъ отношеніи, склонивъ Порту подписать договоръ о дозволении иностраннымъ подданнымъ приобрѣтать поземельную собственность въ ея владѣніяхъ. Этимъ европейская дипломатія разомъ достигаетъ двухъ цѣлей: съ одной стороны, вводится пришлый, чисто-европейскій элементъ въ составъ разнохарактернаго населенія Оттоманскаго царства и ему предназначается роль связующаго и преобладающаго начала между туземцами: не початая и чрезвычайно богатая природныя силы, сокрытыя въ земляхъ Балканскаго полуострова, могутъ привлечь въ его малозаселенныя земли обширную и густую колонизацію изъ Европы. Съ другой стороны, при той легкости, съ какою уроженцы Турецкой имперіи переходятъ въ иностранное подданство (чѣмъ, болѣе другихъ державъ, пользовалась Австрія), каждое изъ западныхъ европейскихъ государствъ можетъ принять въ свое подданство, и стало-быть уже подъ обязательное покровительство, значительную долю турецкаго христіанскаго населенія. Государства, устраниющіяся отъ подписанія вышеупомянутаго договора съ Турціей, не только чрезъ это ничего не выигрываютъ, но могутъ еще ослабить даже и то вліяніе, какимъ они пользовались до сихъ поръ на Востокъ. Россія провозгласила было принципъ невмѣшательства въ дѣла турецкихъ народовъ; Западная Европа не присоединилась къ этому заявленію: теперь европейская дипломатія выговорила себѣ новое, весьма сильное средство для своего вмѣшательства во всѣхъ концахъ и углахъ Турецкой имперіи. Неужели русская дипломатія отринетъ очевидныя выгоды, представляемыя новымъ договоромъ, и нанесетъ, такимъ образомъ, собственными руками интересамъ Русскаго народа на Востокъ ничѣмъ не заслуженное пораженіе?

РЪЧИ И. С. АКСАКОВА

въ засѣданіяхъ Московскаго Славянскаго Благотворительнаго
Комитета (Общества) въ 1876, 1877 и 1878 гг., его воззва-
ніе и другіе документы изъ той же эпохи.

THE HISTORY OF THE

... ..

1. Засѣданіе Славянскаго Комитета 17 января 1876 года.

Въ политехническомъ музеѣ состоялось экстренное засѣданіе Славянскаго Благотворительнаго Комитета, назначенное по поводу пріѣзда въ Москву агента международнаго комитета по вспомошествованію Герцеговинцамъ г. Веселитскаго-Божидаровича. По словамъ *Московскихъ Вѣдомостей*, публики на этотъ разъ собралось болѣе чѣмъ обыкновенно бываетъ въ засѣданіяхъ Комитета. Въ 8 часовъ вечера предсѣдатель комитета И. С. Аксаковъ открылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью:

Мм. Гг! Нынѣшнее засѣданіе наше выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Мы собрались сюда для того, чтобы всѣмъ наличнымъ составомъ Московскаго Славянскаго Комитета, уже 17 лѣтъ ратующаго за идею славянской взаимности, почтить благодарнымъ привѣтомъ того, кто такъ самоотверженно, такъ дѣлательно перелагалъ эту идею въ дѣло, былъ ея живымъ воплощеннымъ образомъ предъ лицомъ тысячей и тысячей нашихъ единоплеменниковъ,—подавалъ имъ утѣшеніе и ободреніе въ настоящую, самую тяжкую пору ихъ вообще скорбной исторической жизни. Г. Веселитскій-Божидаровичъ здѣсь предъ вами. Своими дѣйствіями въ званіи агента международнаго комитета, учрежденнаго для сбора пожертвованій и оказанія помощи бѣдствующимъ семействамъ жителей Босніи и Герцеговины, онъ стяжалъ себѣ повсемѣстную громкую извѣстность и въ то же время всеобщую признательность всѣхъ жертвователей, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, почти вся Россія... Но чтѣ за причина и этой извѣстности, и этой признательности? Г. Веселитскій-Божидаровичъ былъ повидимому только орудіемъ посторонней благотворительности. Но, мм. гг., мы видимъ изъ ежедневнаго опыта, во чтѣ, по большей части, обращается повсюду об-

щественное благотвореніе, это совокупное множество личныхъ милостыней, личныхъ жертвъ, личныхъ сердечныхъ движеній и великодушныхъ порывовъ, — во чтѣ обращается оно, проходя изъ канцелярїи въ канцелярїю и дохода наконецъ до цѣли своего назначенія? Въ какое-то механическое дѣйствіе бездушнаго, хотя и благотворительнаго снаряда, утрачивающее самое живительное свойство благотворенія, самую лучшую его сторону — непосредственное прикосновеніе любви, освящающей подааніе, облагораживающей и дающаго и прїемлющаго; оно уже не пользуется нравственно, если даже и пользуется вещественно, чтѣ, однако, въ полной мѣрѣ едва ли возможно всегда. Но не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ; недостатокъ матеріальной помощи съ успѣхомъ восполняется иногда пробужденіемъ мужества и упованія въ несчастныхъ. Въ настоящемъ же случаѣ, при оказаніи пособія Герцеговинцамъ, предстояло не только призрѣть и пригрѣть сиротствующихъ, голодныхъ и холодныхъ, снабдить ихъ одеждой и пищей, однимъ словомъ — совершить не только дѣло челоуѣколюбія въ отношеніи къ страждущимъ людямъ, но и дѣло сочувствія сильныхъ къ слабымъ, свободныхъ къ угнетеннымъ, братьевъ къ братьямъ. Вотъ въ исполненіи всей этой задачи и состоитъ подвигъ г. Веселитскаго Божидаровича. Онъ для оказанія помощи Герцеговинцамъ имѣлъ въ распоряженіи своемъ только десятки, едва ли сотни тысячъ рублей, тамъ, гдѣ бы нужны миллионы, но онъ съумѣлъ личными силами души сохранить за этою общественною милостыней ея нравственный характеръ. онъ донесъ въ цѣлости до страждующихъ всю святую совокупность состраданія миллионувъ сердецъ, онъ донесъ до бѣдствующихъ Славянъ, изнемогающихъ въ священной борьбѣ за свою народность, вѣру, свободу — все порученное ему благое бремя сочувствія и любви великаго братскаго народа. И вотъ онъ теперь здѣсь, сподобившійся понести иное святое бремя, въ возвратъ вамъ за благодаренія: тысячи благословеній, благодарныхъ молитвъ и слезъ нашихъ измученныхъ братьевъ, а теперь надеждъ и упованій, высокихъ упованій, возлагаемыхъ ими на насъ — Русское общество, Русскій народъ... Оскудѣетъ ли дающая братская рука? Обманетъ ли Россія ожиданія поработенныхъ? Господа! Считаю излишнимъ, послѣ сказаннаго мною,

перечислять въ подробности заслуги г. Веселитскаго-Божидаровича, напоминать, напримѣръ, достоинство его превосходныхъ отчетовъ, краснорѣчивыхъ не по словосочиненію только, но по мастерскому воспроизведенію фактовъ во всей простотѣ правды, и могущественно подвигшихъ сердца къ состраданію несчастнымъ Герцеговинцамъ не у насъ лишь въ Россіи, но даже и въ Западной Европѣ, прежде всегда съ такимъ холоднымъ высокоуміемъ относившейся къ славянскому племени. Полагаю, что эти заслуги дають г. Веселитскому-Божидаровичу безспорное право на званіе почетнаго члена нашего Московскаго Славянскаго Комитета (званіе, на раздачу котораго мы, какъ вамъ извѣстно, очень скупы), и если вы раздѣляете мое мнѣніе, то приглашаю васъ заявить о вашемъ согласіи теперь же нашему дорогому гостю.

2. Отъ Московскаго Славянскаго Комитета *).

Неистовства, звѣрства, бѣшенный разгулъ самыхъ дикихъ страстей, сожиганіе заживо дѣвицъ, напередъ поруганныхъ и обезчещенныхъ, истребленіе мирныхъ жителей десятками тысячъ, опустошеніе цѣлаго края огнемъ и мечемъ, — всѣ роды мукъ и бѣдъ обрушены нынѣ на безоружное болгарское населеніе разсвирѣпѣвшимъ изувѣрствомъ азіатской орды, сидящей на развалинахъ древняго, великаго православнаго царства и другихъ православныхъ славянскихъ державъ. Нѣкогда обузданная русскими государями, но затѣмъ, изъ зависти къ Россіи и ненависти къ Славянству, вновь возвеличенная совокупными усиліями всей Западной Европы; введенная ею въ семью христіанскихъ государствъ, размазванная ею румынами и бѣлилами европейской цивилизаціи, эта орда, эта Турція, это чудовищное зло и чудовищная ложь замышляетъ теперь на глазахъ всей Европы растоптать болгарское племя и сломить въ своихъ предѣлахъ послѣдній оплотъ славянской народности — Сербію и Черногорію. Но чаша долготерпѣнія, даже и славянскаго, переполнилась.

*) Воззваніе это послѣдовало въ іюнь 1876 года.

Искра, зажженная герцеговинскимъ отчаяніемъ, разгорѣлась въ широкое пламя. Встаетъ Болгарія, сербская и черногорская рать ринулась въ бой, — начинается страшная, кровавая, послѣдняя борьба Славянства съ Исламомъ. Для Славянъ это борьба на жизнь и смерть; они рѣшились добиться независимости или погибнуть. Нѣтъ у нихъ ни оружія въ достаткѣ, ни денегъ, некогда воздѣлывать поля, ни призирать женъ и дѣтей, остающихся безъ крова и пищи. Въ то время, какъ англійское министерство одушевляетъ Турцію нравственною и матеріальною поддержкою, а Австро-Венгрія какъбы желѣзною стѣпой, по есей своей обширной границѣ, ограждаетъ Турцію отъ провоза къ воюющимъ Славянамъ оружія и хлѣба, остальные западно-европейскія державы присутствуютъ безучастно при неравномъ, убійственномъ спорѣ, готовые вырвать плодъ побѣды у христіанъ, если Богъ благословитъ ихъ побѣдой.

За что же такъ долго, такъ упорно удерживаетъ Европа эти несчастныя племена въ оковахъ рабства? За что страждутъ такъ ужасно и такъ давно Болгары и Сербы? За то единственно, что они православные и Славяне, что единовѣрны и единоплеменны съ Россіей. Вотъ за какой грѣхъ они казнятся, и пѣтъ у нихъ защитниковъ во всемъ мірѣ кромѣ одной Россіи... Но развѣ этого мало?

Представляя разрѣшеніе этого вопроса въ отношеніи политическомъ высшимъ соображеніямъ, — Московскій Славянскій Комитетъ взываетъ къ русской общественной совѣсти и молить о помощи жертвамъ возстанія, казнящимся за грѣхъ православія, за грѣхъ единовѣрія и единоплеменности съ нами! Пособить мы, общество и народъ, можемъ и право имѣемъ только деньгами. Съ самаго начала герцеговинской борьбы, русское духовенство на всемъ пространствѣ Россіи, отъ архипастырей до сельскихъ священниковъ, явилось ревностнымъ ходатаемъ предъ Русскою землею о нуждахъ нашихъ славянскихъ братьевъ и краснорѣчиво доказало, что вмѣстѣ съ чувствомъ христіанскаго милосердія оно хранитъ въ себѣ неизмѣнно живое народное чувство и вѣрное разумѣніе русскаго историческаго призванія и долга. Да окажетъ же наше высокочтимое духовенство свое содѣйствіе Комитету и въ настоящемъ случаѣ, и съ молитвою о ниспосланіи на-

шимъ братьямъ побѣды и одолѣнія на враговъ, да приступятъ къ новому сбору пожертвованій.

3. Рѣчь вице-президента Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета въ засѣданіи 24 октября 1876 г.

Мм. Гг. Можно было думать, что приспѣлъ наконецъ часъ для русской земли сдать свое дѣло государству, — то дѣло величайшей *государственной* важности, которое до сихъ поръ, въ теченіи столькихъ мѣсяцевъ, съ неимовѣрнымъ напряженіемъ силъ, выносила она одна на своихъ плечахъ, безъ пособія и содѣйствія своего правительства. Я разумѣю здѣсь не призрѣніе только больныхъ, голодныхъ, сирыхъ Болгаръ и Сербовъ различныхъ наименованій, не помощь только деньгами и тряпьемъ, а помощь кровью, страдную работу освобожденія — однимъ словомъ дѣятельное участіе Русскаго народа въ самой войнѣ сербской за славянскую независимость. Подписанное на дняхъ Портою перемиріе еще не служитъ порукою въ томъ, что за нимъ послѣдуетъ миръ, такой миръ, который бы пришелся въ мѣру законныхъ требованій нашихъ братьевъ, въ мѣру нашей пародной чести и кровавыхъ жертвъ, принесенныхъ Русскою землею. Поэтому временное прекращеніе военныхъ дѣйствій еще нисколько не поводъ къ ослабленію трудовъ и усилій, ознаменовавшихъ послѣднее время нашей общественной жизни. Въ отставку выбыть еще нельзя. Еще не настала для общества пора слагать съ себя тяжкое бремя необычной ему, — можно сказать — нежданной, негаданной дѣятельности.

Я сказалъ: «необычной, нежданной, негаданной». Въ самомъ дѣлѣ то, что творилось въ Россіи въ эти послѣдніе мѣсяцы — неслыхано и невидано не только въ русской, но и въ ничьей истории. Общество, — точнѣе — самъ народъ, помимо своего правительства, безусловно вѣрнаго дипломатическимъ обязательствамъ, — безъ всякой помощи государственной организаціи, ведетъ войну въ лицѣ нѣсколькихъ тысячъ своихъ сыновъ (сыновъ, а не наемниковъ), на свои частныя средства, въ странѣ, хотя и родственной, но чу-

жедальней, доселѣ ему почти неизвѣстной, — не изъ корысти, не за свои прямые, практическіе, матеріальные интересы, а за интересы повидимому ему чуждые и отвлеченныя. Ведеть не прятать, не потаенно, а среди бѣла дня, съ полнымъ сознаниемъ законности, правоты, святости, — скажу болѣе: *естественности* своихъ дѣйствій. Этой-то простоты и безыскусственности нашего общественнаго движенія никакъ не способна понять Западная Европа, въ которой почти всякое публичное совокупное дѣйствіе является продуктомъ подготовительной агитаціи, заговора, подстрекательства, и совершается лишь подъ руководствомъ и при посредствѣ правильно организованныхъ, хотя бы и скрытныхъ учреждений. Нисколько не удивительно поэтому, что какому-нибудь лорду Биконсфильду, да и не ему одному, даже и нѣкоторымъ нашимъ доморощеннымъ иностранцамъ русской крови (преимущественно на высшихъ общественныхъ ступеняхъ), мерещатся тайныя общества и въ Россіи, такъ что весь позоръ, по ихъ мнѣнію, или иначе: всю честь русскаго народнаго вмѣшательства въ сербскую войну они приписываютъ лишь коварству Славянскаго Комитета! Нельзя безъ улыбки читать такое иностранное мнѣніе о могуществѣ нашего Комитета. Вамъ, мм. гг., лучше чѣмъ кому-либо извѣстно, какъ мало заслужена Комитетомъ приписываемая ему честь. Такова природа этого всенароднаго движенія, что оно не только не могло быть сочинено Комитетомъ, не только не способно было втѣсниться въ какія-либо комитетскія рамки, но перешло далеко за его края и почти подавило собою нашу скромную организацію. Здѣсь уже дѣло не Славянскаго Комитета, а всей Русской земли, и величайшая честь для Комитета — умалиться до значенія простаго орудія народной мысли и воли, — орудія посильнаго, и къ сожалѣнію, недостаточнаго.

До какой степени не было никакой предумышленности въ дѣйствіяхъ Комитета — лучше всего доказывается тѣмъ, что Комитетъ вовсе не былъ приготовленъ къ той обширной дѣятельности, которая выпала ему на долю. Наша Распорядительная Коммиссія, устроенная, такъ сказать, по домашнему, изъ трехъ-четыреухъ лицъ, безъ всякаго подобія канцеляріи, долго продолжала работать въ томъ же составѣ,

хотя ей становилось трудно и даже очень трудно; только съ іюля мѣсяца обзавелась она первымъ письмоводителемъ на жалованьѣ, и потому лишь постепенно, уступая необходимости, увеличивала количество служащихъ, воспользовавшись въ то же время усерднымъ и дѣятельнымъ содѣйствіемъ многихъ членовъ Славянскаго Комитета и почти всего правленія Московскаго Общества взаимнаго кредита, гдѣ я имѣю честь предсѣдательствовать.

Если это наше искреннее признаніе можетъ навлечь на насъ упрекъ въ непредусмотрительности, то оно, съ другой стороны, служить самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на клеветы иностранныхъ газетъ; британскій премьеръ, полагаю, совершенно бы сбился съ толку, еслибъ свое представленіе о Комитетѣ провѣрилъ по нашимъ книгамъ и документамъ. Но и упрекъ въ непредусмотрительности былъ бы несправедливъ. Наше народное движеніе изумило не одну Европу, но и русское общество, т. е. образованный, мыслящій слой Россіи, именно тѣмъ самымъ, что оно было *народное*, не въ риторическомъ, а въ точномъ смыслѣ этого слова. Десятки лѣтъ раздавалась проповѣдь такъ-называемыхъ славянофиловъ и была, казалось, лишь гласомъ вопіющаго въ пустынь; двадцать два года назадъ Крымская война, возникшая также изъ-за Восточнаго или вѣрнѣе Славянскаго вопроса, вызвавъ могучій взрывъ «патріотизма», не пробудила однако же историческаго самосознанія въ тѣхъ народныхъ слояхъ, гдѣ сидятъ самые корни русской силы, духовной и вѣшной... Намъ не виденъ и не вѣдомъ таинственный процессъ внутренняго народнаго созрѣванія и вообще духовныхъ отпращиваній народнаго организма; можно было, конечно, догадываться, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія и разныхъ сословныхъ юридическихъ перегородокъ, съ распространеніемъ грамотности, умственный кругозоръ народа расширился и дѣятельность мысли стала вольнѣе, — но то, что совершилось, превзошло самыя смѣлыя ожиданія. Признаюсь откровенно, каждый новый фазисъ проявленій народнаго сочувствія поражалъ меня радостною нечаянностью, пока наконецъ не объявилось это сочувствіе во всей своей могучей и простой правдѣ. Не менѣе поражалъ меня постепенно измѣнявшійся строй мыслей и тонъ рѣчей въ нашей такъ-

называемой интеллигентной сферѣ, въ нашей печати: всѣ литературные лагери, партіи и фракціи перемѣшались, всѣ очутились, чуть не къ всеобщему своему удивленію, согласными и единодушными въ самомъ главномъ, жизненномъ для Россіи вопросѣ; вчерашніе противники встрѣтились союзниками. Точно будто подломились ходули и всѣ сошли на землю, стали на ноги, — точно будто сбросили арлекинскіе наряды и оказались тѣмъ, чтó они въ самомъ дѣлѣ, русскими людьми просто, какъ есть.

Было чему удивляться человѣку, помнящему бывшее нашей общественной жизни, да и выяснилось это не вдругъ, а одновременно съ ходомъ событій. Когда началось возстаніе въ Герцеговинѣ, съ небольшимъ годъ назадъ, и Московскій Славянскій Комитетъ, а также и его Петербургскій Отдѣлъ, напечаталъ посланіе митрополитовъ Сербскаго и Черногорскаго, эти посланія духовныхъ лицъ были, чрезъ русское духовенство, доведены до свѣдѣнія народа, — только доведены до его свѣдѣнія, не больше, и пожертвованія уже и тогда приняли размѣры дотолѣ небывалые. Предъ народомъ стали раздвигаться предѣлы православнаго міра, открываться новые горизонты братства. Но все это еще было смутно. Не менѣе смутно было сознаніе и въ общественныхъ сферахъ, — такъ что когда генераль Черняевъ, въ сентябрѣ прошлаго года, пріѣхалъ въ Москву и предложилъ отправить вмѣстѣ съ нимъ человѣкъ пятьдесятъ нижнихъ чиновъ въ Черногорію, а оружія на 500 человѣкъ, — планъ этотъ не могъ состояться — за недостаткомъ денежныхъ средствъ, которыхъ у Комитета въ то время не было еще вовсе, а у частныхъ лицъ не оказалось въ готовности... Послѣдовавшая затѣмъ дѣятельность Комитета имѣла внѣшній видъ и даже характеръ — преимущественно благотворительный; добровольцами, при пособіи Комитета, отправлялись въ Герцеговину одни южные Славяне, Сербы, отчасти Болгаре, проживавшіе въ Россіи: исключеніе составили только два русскихъ офицера, нарочно для этой цѣли пріѣхавшіе въ Москву, такъ какъ въ Петербургѣ въ пособіи имъ было отказано. Когда же на славянскомъ небосклонѣ появилась заря новой, болѣе значительной въ политическомъ смыслѣ и организованной борьбы, именно борьбы Сербскаго княжества съ Портою за освобож-

деніе подвластныхъ Туркамъ Славянскихъ земель, и генераль Черняевъ, въ концѣ марта нынѣшняго года, заявилъ Комитету о своемъ намѣреніи ѣхать въ Сербію, то Комитетъ, конечно, не могъ не оцѣнить великаго значенія такого событія, какъ появленіе Черняева во главѣ сербскаго войска. Но ни Комитетъ, ни самъ Черняевъ, конечно, еще не предвидѣли тогда, что произойдетъ въ самомъ русскомъ населеніи, даже въ средѣ пахарей-мужиковъ. Присутствіе Черняева въ сербской арміи казалось Комитету прежде всего полезнымъ въ отношеніи военномъ, но особенно важно для Комитета было то, что вождемъ сербскимъ являлся именно Русскій, представитель русской идеи, русскаго воззрѣнія на славянское дѣло, въ смыслѣ истинныхъ интересовъ Славянства, въ мѣстной племенной исключительности и розни. Комитету было очевидно, что подвигъ самоотверженія со стороны Черняева не можетъ не поднять среди Славянъ обаяніе и честь русскаго имени, сильно, въ то время, скомпрометтированнаго дипломатіей, не можетъ не поднять и въ самомъ русскомъ обществѣ его нравственный уровень, чувство собственнаго достоинства. Нужно было только устранить нѣкоторыя денежныя затрудненія, останавливавшія отъѣздъ генерала Черняева: сумма была ничтожная, всего 6,000 рублей, и Комитетъ не задумался ее выдать. Вскорѣ затѣмъ какъ ogłosилось прибытіе Черняева въ Сербію (что уже само по себѣ произвело сильное впечатлѣніе какъ въ Европѣ, такъ въ Россіи и во всемъ мірѣ Славянскомъ), началась страшная эпопея рѣзни, грабежей, насилій и всѣхъ турецкихъ неистовствъ въ Болгаріи. Тутъ уже не нужно было никакихъ особенныхъ усилій со стороны Комитета для возбужденія сочувствія и состраданія. Историческій мотивъ борьбы съ *неотранными* и лютымъ Татаринномъ, проходящій сквозь все житіе Русскаго народа, отзвукъ пережитыхъ золь и скорбей, увѣковѣченныхъ и пѣсней и церковными празднествами, но казалось затертыхъ въ народной памяти новѣйшими бѣдами, — все это не то, чтобы припомнилось въ видѣ историческихъ фактовъ, а самый врагъ, самое зло представило какъ что-то давно знакомое и родное. Для Русскаго нѣтъ врага популярнѣе Турка: пожертвованія вещами и деньгами полились рѣкою...

Началась сербская война. Съ первой же минуты она стала *своею* Россіи; честь русскаго имени связывалась съ именемъ вождя. За Черняевымъ вслѣдъ поѣхало въ Сербію, помимо Комитета, нѣсколько его сослуживцевъ и близкихъ пріятелей. Вниманіе общества и самого народа, отъ Герцеговины, Босніи, Черногоріи—перейдя на Болгарію,—сосредоточилось тогда на Княжествѣ Сербскомъ и такимъ образомъ обошло весь кругъ православныхъ Славянскихъ племенъ. Съ замираніемъ сердца слѣдила Россія за неравномѣрною борьбою маленькой православной земли, величиною меньше Тамбовской губерніи, съ громадными полчищами азіатской орды, разсѣвшейся въ трехъ частяхъ свѣта. Но когда сербскія войска испытали первую неудачу, когда на эту почву возбужденнаго народнаго сочувствія пала, такъ сказать, первая капля русской крови, когда совершился первый подвигъ любви и принеслась первая, чистая жертва во имя Россіи, отъ Русскаго, за вѣру и братьевъ, тогда дрогнула совѣсть всей Русской земли, и какимъ-то откровеніемъ сердца — народъ разомъ усвоилъ себѣ, не мудрствуя лукаво, весь міръ истинно-славянскаго, т. е. православнаго братства. Онъ какъ-то разомъ перешагнулъ чрезъ всѣ географическія и инныя научныя трудности, да и ступилъ, какъ ни въ чемъ не бывало, на путь своего историческаго призванія, который, казалось, такъ мудро было бы ему втолковать безъ спеціальныхъ учебниковъ. Всѣ эти названія горъ и рѣкъ, эти Моравы, Савы, Дрины, стали ему какъ бы своя, и прохаживаясь между ними, онъ словно повторилъ себѣ, чрезъ восемь столѣтій, замѣчаніе Нестора въ его лѣтописи: «а русскій языкъ и словенскій единъ есть». Въ этомъ сознаніи, приобрѣтенномъ Русскимъ народомъ, залогъ всего будущаго: оно стѣпнѣ всякихъ побѣдъ, и еслибъ въ настоящую минуту дѣло славянское и казалось кому-либо въ проигрышѣ, то эта временная неудача ничто въ сравненіи съ величіемъ добытаго.

Какъ съ самаго начала, такъ и потомъ, Московскій Славянскій Комитетъ не зазывалъ и не заманивалъ съ своей стороны ни одного добровольца. Сами собой, одинъ за другимъ, стали являться отставные офицеры, прося указаній, совѣтовъ и содѣйствія: какъ бы пробраться въ Сербію и стать въ ряды арміи подъ начальствомъ Черняева? Извѣстіе о смер-

ти Кирѣева, перваго Русскаго, павшаго въ этой войнѣ, разомъ двинуло сотни охотниковъ, да и впоследствии этотъ фактъ постоянно повторялся: стоило только огласиться новымъ смертямъ въ средѣ русскихъ добровольцевъ, на мѣсто каждаго умершаго являлось десять живыхъ съ готовностью заступить его мѣсто: смерть не отпугивала, а какъ бы привлекала. Но все же въ началѣ волонтеры были изъ числа людей только военнаго ремесла и *офицерскаго* званія. Я помню минуту истиннаго умиленія, испытаннаго мною, когда въ первый разъ обратился ко мнѣ съ просьбою объ отправкѣ его въ Сербію «нижній чинъ» — унтеръ-офицеръ Карасевъ: такъ еще новъ и неожиданъ былъ для меня подобный самовольный починъ въ низменной нашей общественной средѣ! Вскорѣ это ощущение смѣнилось впечатлѣніями еще сильнѣйшаго свойства, когда стали являться уже не одни нижніе чины, но и простые крестьяне. И съ какой смиренной настойчивостью, какъ бы испрашивая милости, со слезами, на колѣняхъ, молили они объ отправленіи ихъ на поле битвы,—именно молили, потому что Комитетъ принялъ было за правило: оказывать пособіе только отставнымъ *военнымъ*. Само собою разумѣется, однако, что подобныя просьбы крестьянъ были нами всегда уважены. И надобно было видѣть ихъ радость при объявленіи имъ комитетскаго рѣшенія. Впрочемъ эти сцены стали повторяться такъ часто, движеніе такъ усилилось, дѣла и хлопотъ прибавилось такъ много, что уже некогда было ни останавливаться надъ проявленіями народнаго чувства, ни спрашивать въ подробности являющихся о двигавшемъ ихъ побужденіи: «положилъ себѣ помереть за вѣру», — «сердце кипитъ», «не терпится — хочу послужить нашимъ», «нашихъ бьютъ»; — куда? — «къ нашимъ, за одно постоять» — вотъ краткіе отвѣты, звучавшіе спокойною искренностью и такою душевною простотою, въ которой слышалась неодолимаа мощь. Чувствовалось, что предъ вами, въ смиренномъ обликѣ, безъ горделивой, самодовольной осанки, стояли герои—скажу больше: люди того зкаала, изъ какаго выходили мученики первыхъ вѣковъ христіанства. Да, намъ приходилось сподобиться узрѣть самую душу народную!.

Разумѣется, случались и ошибки, бывали и исключенія; иногда тѣже самые герои и мученики, въ ожиданіи подвига,

или отправляясь на смертный подвигъ, не отказывались подчасъ и гульнуть. Но у кого же хватило бы духа бросить за это въ нихъ камень? Повторяю: со стороны нижнихъ чиновъ и простолюдиновъ-добровольцевъ не было и не могло быть никакого корыстнаго расчета въ ихъ побужденіяхъ. Я по крайней мѣрѣ добросовѣстно предварялъ всѣхъ и каждаго о суровости предстоявшаго имъ жребія,—да и ничего «выгоднаго» не представлялось имъ съ перваго же раза: 50 рублей на брата, изъ которыхъ не менѣе 35 уходило на проѣздъ по Румыніи, да еще на дорожныя харчи и т. п. издержки.

Движеніе приняло наконецъ такіе размѣры, что пришлось устроить особое отдѣленіе собственно для приѣма волонтеровъ, для разсмотрѣнія ихъ просьбъ и заявленій. Это отдѣленіе было открыто въ Славянскомъ Базарѣ, въ помѣщеніи, предложенномъ нашимъ членомъ А. А. Пороховщиковымъ, который самъ въ немъ усердно занимался вмѣстѣ съ Н. Д. Бакунинимъ и В. И. Симанскимъ. Затѣмъ оно было переведено въ домъ князя Гагарина, который вызвался принимать постоянное участіе въ нашихъ занятіяхъ и работаетъ съ утра до позднаго вечера. Вскорѣ Комитетъ убѣдился, что нѣтъ никакой возможности сосредоточить народное движеніе не только въ одномъ московскомъ центрѣ, но даже и еще въ двухъ другихъ центрахъ, въ Петербургѣ и Киевѣ, гдѣ существуютъ Отдѣлы. Вся Россія готова была покрыться Отдѣлами Славянскаго Комитета, изъ всѣхъ городовъ прислались намъ о томъ заявленія; но мы, къ истинному сожалѣнію, не могли удовлетворить эту настоятельную потребность: разрѣшеніе на учрежденіе Отдѣла зависитъ не отъ насъ, а отъ Министерства внутреннихъ дѣлъ. Къ счастью, въ Одессѣ существуетъ утвержденное правительствомъ особое общество, подъ названіемъ Благотворительнаго Славянскаго Общества Кирилла и Меодія, и оно своею дѣятельностью оказало значительныя услуги общему дѣлу. Къ счастью также, въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ нашлись настолько просвѣщенные и причастные всенародному чувству начальники, что они безъ труда разрѣшили мѣстнымъ жителямъ: учреждать особые кружки «для сбора пожертвованій», кружки, которые и послужили центрами для мѣстной дѣя-

тельности на пользу общаго дѣла. Но когда порывъ сочувствія охватываетъ собою десятки милліоновъ народа на пространствахъ чуть не цѣлой части свѣта, мудро упорядочить, регулировать проявленія этого сочувствія, дать ему рамки, форму, правильное единообразіе, особенно при отсутствіи надлежащей гласности. Насъ, именно Московскій Славянскій Комитетъ, обвиняютъ въ томъ, что у насъ Россія, такъ сказать, выбилась изъ рукъ; что мы не сумѣли покрыть себѣ стройной организаціи, что не воспользовались въ должной мѣрѣ народною готовностью жертвовать, и оставляли множество мѣстъ безъ указаній и руководства. Фактъ вѣренъ, но упрекъ несправедливъ. Поставленные лицомъ къ лицу съ сочувствіемъ всей необъятной Россіи, мы лишены были даже возможности сноситься съ нею путемъ печати — по причинамъ, отъ насъ не зависѣвшимъ. Для письменныхъ же сношеній съ сотнями городовъ и селъ, и тысячами лицъ, отъ которыхъ мы получали запросы — не только насъ съ нашей канцеляріей, не достало бы и цѣлаго министерскаго департамента. Но это лишь внѣшняя невозможность. Тотъ не знаетъ натуры народныхъ движеній, особенно въ Россіи, кто воображаетъ, что ихъ легко подчинить какой-либо организаціи, предложенной какимъ-либо комитетомъ. Чувство проявляется своеобразно и разнообразно, и не любитъ стѣсненій. Пожертванія стали специализироваться — смотря по тому, какой предметъ именно излюбило сердце жертвователей; жертвователи — и это въ высшей степени законно въ психическомъ смыслѣ — захотѣли взойти въ прямиа, непосредственныя сношенія съ лицами и мѣстностями, въ пользу которыхъ жертвовали, и минуя Комитетъ, города, села, отдѣльныя лица писали прямо отъ себя и Черняеву, и князю Милану, и княгинѣ Натальѣ, и князю Николаю, и митрополиту Михаилу, посылали имъ прямо отъ себя депутатовъ, добровольцевъ, деньги и вещи, съ подробнымъ разъясненіемъ ихъ назначенія, а при этомъ кстати своихъ чувствъ и ожиданій. Всему этому разнообразію, и если хотите, непорядку такъ и подобало быть, ибо самое дѣло было диковинно и (съ чѣмъ вы уже конечно согласитесь) не имѣло прецедентовъ, а потому и опыта не было!

Да, милостивые государи, ни прецедентовъ, ни опыта не

имѣло ни русское общество вообще, ни нашъ Комитетъ въ особенности, для того, чтобы одновременно не только исполнять свое благотворительное призваніе раздачею денежной помощи, но и исправлять должность интендантства, комиссаріата, инспекторскаго департамента, военно-медицинскаго, артиллерійскаго, провіантскаго вѣдомствъ, чуть ли даже не генеральнаго штаба.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что такая непривычная для насъ дѣятельность, организуемая притомъ *на ходу*, была сопряжена съ немалыми ошибками, и несмотря на всѣ наши труды и старанія, не всегда достигала надлежащихъ результатовъ. Впрочемъ, при оцѣнкѣ этихъ результатовъ, необходимо принять во вниманіе отсутствіе всякой правильной организациі въ самой Сербіи, которая, при своемъ миниатюрномъ государственномъ устройствѣ, оказалась вовсе не приготовленною и не приспособленною къ военному хозяйству въ такихъ крупныхъ размѣрахъ. Какъ бы то ни было, Славянскій Комитетъ сдѣлалъ съ своей стороны все, что могъ, и сдѣлалъ добросовѣстно, какъ умѣлъ и какъ зналъ, поддерживаемый въ своей непомерной работѣ надеждою, что придетъ же наконецъ часъ, когда политическія обстоятельства дозволитъ Русской Землѣ воспользоваться благами созданной ею, могучей русской правительственной организациі и сдать свое дѣло государству, — то дѣло, которое составляетъ существенное призваніе государства, какъ политической, вѣдущей силы народнаго организма.

Перехожу затѣмъ къ отчету, или вѣрнѣе сказать — къ перечню главныхъ статей нашего прихода и расхода: эти цифры еще живѣе охарактеризуютъ нашу дѣятельность; болѣе же подробнаго отчета въ настоящее время, когда дѣло еще ведется, представить нельзя за неполученіемъ точныхъ свѣдѣній съ мѣста.

Я предвижу заранѣе, что цифры нашего прихода произведутъ въ публикѣ нѣкоторое разочарованіе. Мы ежедневно и читаемъ и слышимъ, что изъ Россіи выслались въ Славянскія земли цѣлые милліоны, причемъ обыкновенно ставится строгій вопросъ: куда же дѣваются эти милліоны? Но эта молва о количествѣ милліоновъ столько же вѣрна, какъ о количествѣ добровольцевъ, которыхъ общественное мнѣніе

насчитывается чуть ли не до 20 т. и которыхъ въ самомъ дѣлѣ была только пятая часть, можетъ быть нѣсколько болѣе, можетъ быть и менѣе. Въ Московскомъ Славянскомъ Комитетѣ, съ самаго начала герцеговинскаго возстанія или съ 1 сентября *прошлаго*, т. е. 1875 года, до 22 октября сего 1876 года, слѣдовательно почти въ 14 мѣсяцевъ, всѣхъ пожертвованій поступило: 742,328 р. 73 коп. Изъ нихъ въ теченіи первыхъ десяти мѣсяцевъ съ пшловиною поступило 151,458 р. 78 к.; въ послѣдніе же три мѣсяца съ небольшимъ, т. е. съ 14 іюля по 22 октября поступило 590,869 р. 95 к., или среднимъ числомъ въ день 5,900 р. 742 тыс. рублей цифра почтенная, но еще очень далекая отъ тѣхъ милліоновъ, о которыхъ гласить молва. Если къ этому присоединить приходъ Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Комитета, которымъ въ тотъ же срокъ времени было собрано 800 тыс. руб. (въ первый періодъ пожертвованій перевѣсъ былъ на сторонѣ Петербурга, благодаря распоряженіямъ высшаго духовнаго вѣдомства), то всего на всего выйдетъ въ обоихъ главныхъ центрахъ Россіи полтора милліона слишкомъ, и это въ виду необходимости оказывать помощь Герцеговинѣ, Черногоріи, Босніи, Болгаріи и наконецъ ратному дѣлу въ Сербіи!... Конечно, не нужно забывать, какъ я уже имѣлъ честь вамъ доложить, что въ послѣдніе мѣсяцы, въ пору высшаго возбужденія народныхъ сочувствій, образовалось множество малыхъ цептровъ по всей Россіи, которые распоряжались пожертвованіями самостоятельно и пересылали деньги, минуя Славянскій Комитетъ и его Отдѣлы, прямо отъ себя, съ различными, спеціальными назначеніями, чѣмъ иногда не мало затрудняли тѣ мѣста и лица, къ которымъ препровождались такія отдѣльныя, большею частью мелкія суммы. Весь почти западный край Россіи во второй періодъ пожертвованій—обошелся безъ участія Славянскаго Комитета и Кіевскаго Отдѣла, котораго приходъ сравнительно не великъ. Нѣкоторые общества и учрежденія, какъ напримѣръ Петербургское Кредитное Общество, препроводившее сто тысячъ прямо отъ себя въ распоряженіе генерала Черняева (кромѣ 100 т., переданныхъ имъ Петербургскому Отдѣлу), жертвовали также независимо отъ Комитета. Такимъ образомъ вывести въ точности общую цифру пожертвованій пока еще

невозможно; но если присоединить къ нимъ и денежные суммы, издержанныя Главнымъ Обществомъ Попеченія о рапепныхъ и больныхъ войнахъ, то едва ли и тогда общій итогъ пожертвованій превыситъ 3 милліона, а съ вещественными пожертвованіями $3\frac{1}{2}$ милліона.

Это и громадно и мало. Мало сравнительно съ размѣромъ потребностей, ибо свыше 3 милліоновъ православныхъ нашихъ братьевъ Балканскаго полуострова нуждается въ самомъ существенномъ — въ хлѣбѣ, одеждѣ и кровѣ. Мало относительно такой крупной величины, какова Россія, съ ея 80 милліонами населенія, ея пространствомъ, равняющимся цѣлой части свѣта, ея значеніемъ, ея политическимъ и военнымъ могуществомъ, и пр. и пр. Мало — въ виду молвы о десяткахъ милліоновъ жертвованныхъ рублей. Это громадно, если принять въ соображеніе источникъ пожертвованій, ихъ нравственный характеръ, условія нашего общественнаго развитія и тѣ помѣхи — мелкія, ничтожныя, но тѣмъ не менѣе дѣйствительныя, какія приходилось, а иногда и не удавалось, преодолевать порыву и готовности жертвователей. Громадно — потому, что двѣ трети пожертвованій внесъ все же онъ, нашъ бѣдный, обремененный нуждою, простой народъ, — и каждый его мѣдный грошъ, безъ сомнѣнія, по нравственному результату подаенія значилъ и на вѣсахъ исторіи вѣсилъ тяжеле сотни червонцевъ. Вообще можно замѣтить, что пожертвованія по общественной лѣстницѣ шли въ обратной прогрессіи: чѣмъ выше, чѣмъ богаче, тѣмъ относительно слабѣе и скудпѣе. Были конечно и исключенія, да нельзя не принять въ соображеніе и общаго экономическаго состоянія Россіи въ эти неурожайные годы. Несомнѣнно однако же то, что наши денежные знаменитости не участвовали вовсе, а если и участвовали, то въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ въ этой всероссійской народной складчпѣ, можетъ быть потому, что «не сочувствуютъ!» Оно громадно наконецъ въ виду повизны самого дѣла, непривычки и неумѣлости нашей дѣйствовать народно и сообща, отсутствія организаціи, неудобства сношеній и сообщеній со всѣми углами Россіи, и наконецъ — къ виду невозможности для Комитета пользоваться безпрепятственно пособіемъ печатнаго публичнаго слова. Но главное: громаденъ результатъ, добытый всею этою,

въ сущности невеликою цифрою пожертвованій; громаденъ по своимъ нравственнымъ послѣдствіямъ, по подъему нашей общественной самодѣятельности, по пробужденію нашего народнаго историческаго самосознанія, по сближенію Славянскихъ племенъ между собою, потому наконецъ, что идея Славянства изъ отвлеченной сферы перешла въ жизнь, во очію объявилась.

Но на этомъ останавливаться нельзя и одними нравственными результатами довольствоваться не слѣдуетъ. Надо обезпечить ихъ прочными практическими, матеріальными условіями бытія, надо довершить дѣло и дотянуть гужъ до конца, помня пословицу....

Я не стану распространяться теперь о подробностяхъ нашего «прихода», хотя онѣ въ высшей степени интересны. Впрочемъ потому именно, что онѣ такъ интересны, онѣ заслуживаютъ обстоятельнаго изложенія, чѣмъ и занимается теперь нашъ почтенный секретарь, онъ же и профессоръ исторіи. Письма, при которыхъ большею частью присылались пожертвованія, приводятся теперь въ порядокъ и многія изъ нихъ, какъ искреннѣйшія, простые изліанія народнаго чувства, лучше всего свидѣтельствуютъ о правдѣ настоящаго историческаго движенія.

Перехожу къ расходу.

Въ первый, такъ сказать Герцеговинскій періодъ пожертвованій, деньги расходовались почти исключительно на нужды православныхъ славянскихъ семействъ Герцеговины и Босніи, и на пособіе Черногоріи. Всѣхъ денегъ такимъ образомъ препровождено въ Рагузу и непосредственно черногорскому правительству въ первые 8 мѣсяцевъ 96,000 р., а въ послѣдній періодъ времени, т. е. когда Черногорія сама вступила открыто въ бой, только 39,583 р. 45 к., всего же 135,583 р. 45 к. Конечно, 39 тысячъ рублей немного, но несправедливо мнѣніе, будто Черногорія была пренебрежена или забыта. Ее нельзя было забыть: она достаточно напоминала о себѣ своими изумительно доблестными подвигами, которые вмѣстѣ съ подвигами нашихъ добровольцевъ, одни только и тѣшили русскія сердца во все время этой неравномѣрной борьбы. Но понятно однако же, что съ началомъ

сербской войны вниманіе общества и самыя пожертвованія устремились туда, гдѣ лилась русская кровь, гдѣ исходъ борьбы представлялъ болѣе важное, не одно мѣстное, но и общее политическое значеніе, да и самая задача поставлена была шире. Теперь же вновь стали поступать приношенія въ пользу Черногорцевъ, и не далѣе какъ вчера получено разомъ 5,000 р. отъ неизвѣстнаго. Письмо его свѣтлости князя Николая, которое сейчасъ вамъ будетъ доложено, и тѣ свѣдѣнія о бѣдственномъ положеніи черногорскаго населенія послѣ войны, которыя привезъ и которыя передастъ вамъ лично присланный сюда княземъ нашъ почетный членъ Г. С. Веселитскій-Божидаровичъ, вѣроятно возбудятъ въ васъ желаніе удѣлить немедленно часть нашихъ суммъ въ распоряженіе князя Николая, и я полагаю, что мы могли бы, безъ особеннаго затрудненія, ассигновать на это 50 т. р. с. *).

Пособіе отправлявшимся въ Герцеговину и Боснію добровольцамъ мы оказывали только Сербамъ, воспитывавшимся въ Россіи, на что и истрачено 3,202 р. 40 к. Впрочемъ, какъ исключительный въ то время случай, были и два русскіе офицера, которымъ, по ихъ просьбѣ, Комитетъ не отказалъ въ денежныхъ средствахъ для поѣздки въ Герцеговину.

На Болгарію и ея несчастное населеніе истрачено въ разное время 38,058 р. 68 к. Изъ нихъ 10 т. р. были посланы въ Императорское Россійское Посольство въ Константинополь, гдѣ по этому поводу и образованъ былъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, г. Нелидовымъ, особый комитетъ для вспоможенія бѣдствующимъ Болгарамъ.

На Болгарскія же, а также на Боснійскія семейства, укрывшіяся въ Сербскомъ княжествѣ, послано митрополиту Сербскому Михаилу въ разное время 7,000 р., роздано иными путями 1,000 р., и отправлено недавно спеціальному, учредившемуся для сей цѣли въ Бѣлградѣ комитету 5,000 р., итого 13,000 руб.

Въ распоряженіе генерала Чернаева, т. е. какъ на содержаніе его и его штаба, такъ и на нужды поступавшихъ на

*) Рѣшено было: отдѣлить немедленно въ пользу Черногоріи 50 т. р. с., что и исполнено.

службу подъ его начальство русскихъ добровольцевъ, отправлено было до сихъ поръ 78,966 руб. 76 коп. Значительная часть этой суммы была жертвована съ специальнымъ назначениемъ: «въ распоряженіе генерала Черняева», «генералу Черняеву», и т. д. Извѣстно, что ни генералъ Черняевъ, ни русскіе офицеры не получали отъ сербскаго правительства никакихъ денежныхъ средствъ на свое содержаніе. Главнокомандующій Моравскою арміею изъ этихъ же суммъ выдавалъ жалованье своимъ русскимъ офицерамъ, сколько было можно, — оказывалъ пособіе нуждающимся, раненымъ и возвращающимся, покупалъ лошадей для арміи и вообще производилъ многіе расходы для потребностей своего войска.

Когда генералъ Новоселовъ принялъ начальство надъ Ибарской арміею, то на удовлетвореніе нуждъ русскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, служившихъ въ этой арміи, было въ разное время отослано Комитетомъ 20,401 р. 20 к. Изъ нихъ также нѣкоторая часть была жертвуема, особенно изъ провинцій, именно съ этою цѣлью.

Въ помощь больнымъ и раненымъ въ Сербіи, призрѣваемымъ ея свѣтлостью княгинею Наталіей, а также бѣлградскимъ Жепскимъ Дружествомъ, отправлено было 6,000.

Въ распоряженіе его свѣтлости сербскаго князя Милана 10,000 р.

На санитарное дѣло въ Черногоріи издержано до сихъ поръ 6,307 р. 76 к. Когда открылась война Черногорцевъ съ Турками, мы отправили туда трехъ врачей и четырехъ фельдшеровъ, съ жалованьемъ: врачамъ по 200, фельдшерамъ по 75 р. въ мѣсяць, кромѣ подъемныхъ денегъ; кромѣ того двѣ тысячи рублей употреблены были на покупку вьючныхъ лошадей и другихъ принадлежностей. Врачебный персоналъ находится въ завѣдываніи русскаго генеральнаго косула А. С. Юинна. Дѣятельность нашихъ врачей была весьма успѣшна. Они стяжали общую благодарность какъ князя, такъ и всего населенія.

Въ Сербію было отправлено Комитетомъ первоначально 13 врачей, 14 фельдшеровъ — исключительно для дѣйствія на перевязочныхъ пунктахъ, съ жалованьемъ: врачамъ по 150, фельдшерамъ по 50 р. въ мѣсяць, кромѣ подъемныхъ, сверхъ того 23 сестры милосердія изъ общины «Утоли моя печали».

(съ содержаніемъ по 60 р. въ мѣсяцъ на каждую), при начальницѣ общины, княгинѣ Н. Б. Шаховской; затѣмъ еще 7 сестеръ милосердія, по ходатайству нашего Дамскаго Отдѣленія изъ здѣшней Покровской Общины, при санитарномъ отрядѣ Общества русскихъ врачей. Изъ 13 отправленныхъ нами врачей, трое уже возвратились, а изъ фельдшеровъ десять; выборъ послѣднихъ оказался большею частью неудаченъ, да къ тому же ихъ съ успѣхомъ могли замѣнить и замѣнили сестры милосердія, всѣ опытныя въ перевязываніи ранъ и въ уходѣ за больными. Управление нашимъ санитарнымъ отрядомъ было возложено на П. И. Николаева (предсѣдателя Владимірской губернской земской управы), который не только пожертвовалъ на санитарную часть значительную денежную сумму, но и самъ на свои средства отправился въ Сербію, взявъ отпускъ. Къ сожалѣнію, состояніе здоровья не позволило ему остаться въ Сербіи долѣе нѣсколькихъ недѣль, и завѣдываніе отрядомъ предложено было княгинѣ Шаховской. Мы можемъ только порадоваться, что наше санитарное дѣло попало въ руки такой энергической, умной, самоотверженной женщины. Княгиня тотчасъ устроила госпиталь отъ Славянскаго Комитета въ Парачинѣ. Въ настоящую же минуту этотъ госпиталь перенесенъ въ Бѣлградъ.

Всего на санитарную часть въ Сербіи отчислено было до сихъ поръ 31,052 р. 96 к.; впрочемъ эта сумма еще не вполне издержана.

Наибольшій расходъ былъ произведенъ по *отправкѣ* добровольцевъ, но онъ еще не опредѣленъ въ точности, ибо деньги добровольцамъ выдавались частью въ Москвѣ, частью въ Кишиневѣ и Бѣлградѣ, куда для этого переводились нами значительныя суммы.

Пособіе добровольцамъ, отправлявшимся въ Сербію, выдавалось сначала въ довольно щедромъ размѣрѣ, потому что представлялось какимъ-то исключительнымъ расходомъ, т. е. не менѣе 200 рублей офицерамъ, а нѣкоторымъ полковникамъ, которыхъ присутствіе въ Сербіи казалось особенно полезнымъ, значительно выше. Когда же число добровольцевъ увеличилось и самое отправленіе ихъ туда стало обычнымъ явленіемъ, размѣръ пособія былъ сокращенъ, такъ что штабъ-офицерамъ выдавалось 250 р., оберъ-офицерамъ отъ 150 до

200, юнкерамъ не свыше 120 руб., унтеръ-офицерамъ отъ 75 до 100, нижнимъ чинамъ 70, 60 и не менѣе 50 рублей. Изъ этого пособия производились добровольцами расходы на заграничный паспортъ, на проѣздъ чрезъ Румынію отъ Яссы до Туринъ-Северина и на продовольствіе во время пути; проѣздъ же отъ Москвы до Кишинева и до Одессы, благодаря Правленіямъ Московско-Курской, Курско-Кіевской, Кіевско-Брестской и Одесской желѣзныхъ дорогъ, былъ и остается даровой, по свидѣтельствамъ Славянскаго Комитета, точно также какъ и провозъ отправляемыхъ нами грузовъ. Изъ изложеннаго выше каждый можетъ вывести заключеніе, что денежное пособіе, выдававшееся Комитетомъ, никакъ не могло служить приманкою для поступленія въ ряды сербской арміи.

Всѣхъ добровольцевъ, получившихъ пособіе отъ Московскаго Славянскаго Комитета, по настоящему числу насчитывается 1,176 человекъ, въ томъ числѣ 11 полковниковъ.

Денегъ на пособіе истрачено приблизительно до 140 т. р. с., включая сюда и расходы на обратную отправку домой тѣхъ добровольцевъ, которые явились сюда безъ предварительныхъ сношеній и справокъ, безъ всякихъ средствъ, иногда пѣшкомъ, изъ самыхъ искреннихъ побужденій, но не могли быть приняты по какимъ-либо независимымъ отъ нихъ обстоятельствамъ и не имѣли денегъ для возвращенія. Вообще добровольцевъ могло бы быть отправлено вдвое болѣе; но Комитетъ выдавалъ пособіе почти исключительно военнымъ, отъ отставныхъ офицеровъ требовалъ въ большинствѣ случаевъ свидѣтельствъ объ ихъ образѣ жизни за время послѣ выхода въ отставку, и никого не принималъ заочно. Въ числѣ этихъ 1,176 добровольцевъ мы считаемъ и добровольцевъ изъ городовъ, т. е. такихъ, на которыхъ средства давались ипогородными мѣстными жителями и переводились въ Комитетъ. Особенно много отправилось добровольцевъ изъ Нижняго и Орла, и притомъ отлично снаряженныхъ одеждою и обувью, — не мало изъ Казани, Самары, Астрахани и изъ другихъ городовъ

Независимо отъ сихъ добровольцевъ, Комитетъ оказалъ пособіе и казакамъ на Дону, Терекѣ и Кубани, пожелавшимъ помочь своимъ православнымъ братьямъ въ ихъ честной борь-

бѣ съ мусульманами. На этотъ предметъ издержано приблизительно до 40 тысячъ. Говорю приблизительно, потому что расходъ производился заочно, и точныхъ расчетовъ еще не получено.

Нѣкоторые добровольцы оставили здѣсь семейства, которыя съ ихъ отъѣздомъ очутились въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Другіе, отличившись въ бояхъ и раненые, писали въ Комитетъ письма изъ госпиталей, прося оказать помощь ихъ женамъ и дѣтямъ. На это израсходовано Комитетомъ до сихъ поръ 2,269 р. 34 к., въ томъ числѣ выдано пособіе и семействамъ нѣкоторыхъ убитыхъ офицеровъ.

Возвратившимся раненымъ добровольцамъ выдано до сихъ поръ 711 р.

На русско-болгарскую дружину въ Сербіи выслано было Комитетомъ, въ разное время, полковнику Медвѣдовскому 7,440 р.

Спеціально на нужды нашихъ добровольцевъ въ Сербіи по 22 октября выслано было митрополиту Миханлу, генералу Дандевиллю и отправлено съ членами Комитета П. А. Висковатовымъ и А. А. Нарышкинымъ 17,564 р. (*).

Устройство военно-походнаго телеграфа въ Сербіи стоило Комитету слишкомъ 9,007 р. 18 к.

3,871 р. были израсходованы на устройство двухъ походныхъ подвижныхъ церквей, съ хоругвями и пѣвчими. На этотъ предметъ жертвовались спеціальныя суммы какъ Комитету, такъ и г. товарищу предсѣдателя П. Н. Батюшкову, который принялъ на себя трудъ исключительнаго завѣдыванія этою частью, и который представитъ вамъ о томъ особый отчетъ.

Болѣе 5,800 руб. издержано до сихъ поръ на изготовленіе, покупку и отправку шинелей, сапоговъ, полушубковъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ одежды и обуви, а также и продовольствія. Шинелей отправлено до сихъ поръ свыше 4000, сапоговъ до 2000 паръ, полушубковъ до 3000, чаю до 2000 фунт.

Собственно же на наши канцелярскія издержки, съ жа-

(*) Послѣ 22 октября переведено было по 29 октября еще слишкомъ 30,000 руб. по телеграфу въ Бѣлградъ.

лованьемъ писмоводителямъ, истрачено до сихъ поръ, съ расходами на телеграфъ и на переводъ за границу денегъ, 1,981 руб.

Опуская теперь подробности о другихъ мелкихъ статьяхъ расхода, напр. на устройство кружекъ для сбора, посылку и содержаніе агентовъ и проч. и проч., переходжу къ общему итогу. Всего по 22 октября издержано нами, въ теченіи 14 мѣсяцевъ, 583,542 р. 38 к.

Въ остаткѣ 158,786 р. 35 к. Изъ нихъ 5,000 р., пожертвованные г-жею В. А. Морозовою, и 500 руб., пожертвованные г. Лукинмъ, имѣютъ специальное назначеніе: первые на воспитаніе сиротъ, оставшихся послѣ убитыхъ русскихъ добровольцевъ, вторые на воспитаніе сиротъ павшихъ въ бою Сербовъ въ самой Сербіи.

Расходы, какъ видите, не велики, при такомъ крупномъ дѣлѣ и въ виду столькихъ вопіющихъ нуждъ, заявляемыхъ намъ не только изъ Черногоріи, Босніи, Герцеговины, Болгаріи и Сербіи, но и изъ среды нашихъ русскихъ добровольцевъ, которымъ бѣдная сербская казна не въ состояніи производить никакого денежнаго содержанія. А между тѣмъ денежные средства наши ничтожны и приливъ пожертвованій началъ замѣтно ослабѣвать. Въ послѣднія три недѣли съ 5,900 руб. онъ дошелъ до 2,500 р. среднимъ размѣромъ въ день. Но намъ предстоятъ расходы неотложныя, обязательныя для русской общественной совѣсти: это именно обезпеченіе участи русскихъ добровольцевъ, пребывающихъ въ Сербіи, обезпеченіе раненыхъ, обезпеченіе семействъ убитыхъ, доставленіе средствъ для возвращенія въ Россію. Мы приняли теперь мѣры для правильной организаціи раздачи жалованья тѣмъ изъ добровольцевъ, которые состоятъ въ Сербіи на службѣ (чего до сихъ поръ не было) и вышлемъ на дняхъ къ нашему члену П. А. Висковатову, для этой цѣли и вообще на нужды добровольцевъ, 25,000 руб., что и будемъ производить ежемѣсячно, пока достанетъ средствъ.

Русское общество не броситъ начатаго, затѣяннаго имъ дѣла, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Но нельзя не замѣтить, что въ послѣдніе дни, подъ влияніемъ газетныхъ корреспонденцій, сочувствіе въ публикѣ собственно къ Сербамъ нѣсколько охладѣло. Какъ будто идея Славянства и рѣшеніе

великаго Восточнаго вопроса могут зависѣть отъ мелкихъ, мѣстныхъ интригъ, ссоръ и тому подобнаго случайнаго дразга, который неразлученъ съ каждымъ житейскимъ дѣломъ, водятся вездѣ, гдѣ водятся люди, и совершенно исчезаетъ въ общемъ фонѣ исторической жизни! Но какія бы ни были вины нѣсколькихъ Сербовъ по отношенію къ нѣсколькимъ Русскимъ, въ общемъ виноваты мы, а не Сербы. Да, мы— какъ общество, какъ Россія. Сербы не обязаны знать, да и не могутъ понять, что помощь, оказанная имъ, есть помощь посильная только отъ одного русскаго общества; имъ неизвѣстны тѣ исключительныя домашнія условія, въ какихъ оно находилось. Говорятъ, пишутъ, печатаютъ, славятъ: «содѣйствіе Россіи, милліоны Россіи». Подъ Россіей разумѣютъ они, Сербы и всѣ задунайскіе Славяне, не тотъ или другой классъ общества, но и все государство, Россію въ ея общемъ, цѣльномъ образѣ,—однимъ словомъ, они не привыкли отдѣлять въ Россіи народъ отъ правительства, и понадѣявшись на «Россію», затѣяли борьбу выше силъ. Результаты этой ошибочной надежды всѣмъ извѣстны: сотни разрушенныхъ селъ, выжженные города, треть территоріи въ рукахъ Турокъ,—истощеніе средствъ, всеобщее разореніе. Казнить ли еще Сербовъ и памъ за ихъ заблужденіе?

Мы у Сербовъ въ долгу.

Но мы въ долгу не останемся. Не только русское общество не дастъ осрамить русское имя, но уже близокъ часъ, такъ давно всѣми нами желанный и призываемый, благословенный часъ, когда въ самой Россіи все стапеть на свое мѣсто, и дѣло свойства государственнаго отойдетъ къ государству; когда, другими словами, само могучее наше правительство, съ своею прочною историческою организаціей, во главѣ и при содѣйствіи общественныхъ силъ, возьметъ защиту Славянъ въ свои крѣпкія руки. Да будетъ такъ.

4. Рѣчь предсѣдателя Московскаго Славянскаго Комитета въ засѣданіи 6-го марта 1877 года.

Мм. гг. Съ иными надеждами, при иныхъ обстоятельствахъ собирались мы въ этой самой залѣ, четыре мѣсяца тому на-

задъ. Не успѣло закатиться солнце, озарившее погромъ сербской рати на Дюнишѣ, какъ надъ Славянскимъ міромъ занялась, повидимому, заря новаго бодрого дня, исполненнаго радостныхъ упованій. Въ тотъ мигъ, когда, казалось, все погибало, когда въ неравной борьбѣ сломился русскій геройскій оплотъ, созданный въ Сербіи съ такимъ трудомъ и любовью, одинокими усиліями Русской земли, безъ всякаго содѣйствія русской власти, — подвиглась вдругъ сама великая наша держава и грознымъ: «не далѣе!» остановила натискъ побѣдоносныхъ турецкихъ войскъ. Вы помните громовое дѣйствіе на умы въ Россіи и Европѣ русскаго ультиматума. Откуда взялась сила этого слова, предъ которой преклонился міръ? Опиралась ли она на готовыхъ надежныхъ союзниковъ, на политическія, вѣрно разчитанныя соображенія? Праздные вопросы! Она взялась изъ себя самой, изъ своей внутренней правды. Устами Царя рекла, негодуя, сама историческая совѣсть Россіи, и слово Его прогремѣло, какъ «власть имущее»...

Не правы ли мы были, повидимому, когда, подъ впечатлѣніемъ этого событія, въ засѣданіи Комитета 24-го октября, выражали вамъ надежду, что «не только русское общество не дастъ осрамить русское имя, но уже близокъ часъ, такъ давно всѣми нами желанный и призываемый, когда русское общество сдѣлаетъ бремя необычной и несвойственной ему дѣятельности государству, когда само наше правительство, во главѣ и при содѣйствіи общественныхъ силъ, возьметъ защиту Славянъ въ свои крѣпкія руки»...?

Вскорѣ затѣмъ эти наши надежды были подтверждены торжественно и всепародно. 30-го октября въ Кремль, среди святыхъ и древности московской, Русскій Царь вступилъ въ общеніе со своимъ народомъ, въ общеніе духа съ его прошлыми и грядущими судьбами и держалъ къ нему рѣчь, на вѣки вѣрзавшуюся въ народную память. Самодержавный Царь явилъ Себя причастнымъ сердцемъ тому великому движенію, которымъ ознаменовалъ себя прошлымъ лѣтомъ Его народъ, выславъ своихъ сыновъ на борьбу съ врагами Славянства и вѣры. Онъ помянулъ сочувственнымъ словомъ «нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе, какъ выразился Государь, — заплатились кровью за славянское дѣло». «Я знаю — такъ всенародно возвѣстилъ Царь — что вся Россія вмѣстѣ со Мною

принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и по происхожденію... «Если Я увижу, продолжалъ далѣе Государь, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, что мы въ правѣ требовать отъ Порты, то Я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно... Да поможетъ намъ Богъ — такъ заключилъ Государь Свою рѣчь — исполнить наше святое призваніе».

Нѣтъ мгновеній возвышеннѣе тѣхъ, когда, внезапнымъ подъемомъ всенароднаго духа, вся многовѣковая исторія страны вдругъ затрепещетъ въ ней живою движущею силой, и весь народъ послушаетъ себя единымъ, цѣльнымъ въ вѣкахъ и пространствахъ, живымъ историческимъ организмомъ. Такую именно минуточку пережили мы съ вами въ завѣтный день 30-го октября, когда вся Русь, въ лицѣ Москвы, принимала отъ Царя Его мысль и слово, и устами Москвы же, въ ея отвѣтномъ адресѣ на благую вѣсть, выражала свою вѣру и страстное желаніе: «да преидетъ слава Царя-Освободителя далеко за русскій рубежъ, во благо нашимъ страждущимъ братьямъ, во благо человечеству, во славу истинѣ Божіей».

Вторая Москвѣ, возлпковала и заговорила вся русская область, и до сихъ поръ еще не перестаютъ доноситься изъ дальнихъ концовъ нашей земли запоздалые въ своей радости отголоски...

Эти слова Государя не были дѣломъ случайнаго, личнаго державнаго произволенія. Это было наитіе историческаго духа. Онъ говорилъ, какъ преемникъ царей, какъ преемникъ Ивана III, припавшаго отъ Палеологовъ гербъ Византіи и сочетавшаго его съ гербомъ Московскимъ, — какъ преемникъ Петра и Екатерины, — какъ вѣнчанннй блюститель древнихъ преданій и непрерывавшагося историческаго завѣта.

Отъ этихъ словъ не можетъ быть отреченія, — развѣ бы самъ Русскій народъ отрекся себя и своего призванія, и подпisałъ бы себѣ смертннй приговоръ.

Я не напрасно привелъ вамъ на память это наше недавнее прошлое, которое такъ многіе спѣшатъ забыть и которое повидимому въ такомъ рѣзкомъ противорѣчій съ настоящимъ: небо надъ нами, казавшееся такимъ лучезарнымъ, заволоклось сѣрыми, удушливыми облаками... Слова, сказан-

ныя въ Кремлѣ, непреложны, какъ истина, но напрасно было надѣяться на немедленное торжество истины! Между нею и ея исполненіемъ воздвиглись какія-то изумительныя, неувидимыя препятствія. Наше «святое призваніе», о которомъ говорилъ Государь, несомнѣнно, но видно для того чтобы подъять и понести его, нужна несокрушимая вѣра въ Россію, въ ея правду и ея силу, — нужно съ ея народомъ единеніе въ духѣ, — нужно именно то, въ чемъ, къ нашему вреду и позору, обличилась срамная скудость. Вспыхнувшій на мгновеніе свѣтъ историческаго откровенія, озарившій, казалось, даже головы скудоумныхъ, скоро затмился въ сознаниі дѣятелей, и не руководимые ни чувствомъ, ни инстинктомъ народнымъ, они колобродятъ въ умственной тьмѣ, гоняясь за блуждающими огнями европейской мысли. Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить вамъ положеніе славянскаго дѣла за эти четыре мѣсяца нашего нравственнаго удушья? Какое зрѣлище представляется намъ? Наша могучая, великая Россія, сойда съ прямого пути истины, тяжело плугаетъ по дебрямъ и закоулкамъ политики, на удивленіе и удовольствіе всей Европы. Она же могучая, великая, единая Славянская держава не перестаетъ беспокоиться объ устройствѣ въ пользу Славянъ какого-то благотворительнаго европейскаго концерта, и всякій разъ, когда по ея настоянію концертъ состоится, — концертъ, гдѣ всѣ вопять нагло-фальшивыми голосами, а Россія выводитъ свою мелодію теноромъ, деликатнымъ, но за то искреннимъ, — всякій разъ, къ ея удивленію, выручка оказывается въ пользу Турокъ! Мы видѣли длинный рядъ дипломатическихъ совѣщаній, сѣздовъ, и объѣздовъ, въ которыхъ всѣ участники, не обманывая другъ друга, обманывали лишь одну Россію, не прибѣгая даже и къ хитрости, грубо и явно. Но никакіе обманъ, никакія обиды и оскорбленія не могли поколебать упрямой кротости и назойливаго миролюбія русской дипломатіи: обиды, отъ которыхъ щеки Россіи пылаютъ стыдомъ и изнываетъ сердце. Полагаю это выраженіе позволительно хоть теперь употребить намъ, Русскимъ, послѣ того, какъ самъ его величество, германскій императоръ Вильгельмъ, всего менѣе заинтересованный въ славянскомъ дѣлѣ, выразился въ разговорѣ съ посланнымъ недавно въ объѣздъ русскимъ дипломатомъ (какъ

напечатано въ русскихъ газетахъ) такими словами: «предлагайте что угодно и будьте увѣрены, что я поддержу всѣ мѣры, принятыя вами, чтобъ избавить ваше правительство, меня самого и всѣ христіанство отъ жгучаго стыда». А между тѣмъ Турки рѣжутъ, да рѣжутъ и Болгарь, и Босняковъ, и Старосербовъ, рѣжутъ, сажаютъ на колъ, насилуютъ, правда, не на такую широкую руку, не такъ декоративно и шумно какъ прежде, но втихомолку, исподоволь и не менѣе основательно. А между тѣмъ сотни тысячъ семействъ герцеговинскихъ, боснійскихъ, болгарскихъ вотъ уже второй годъ влечать самое бѣдственное, ужасное существованіе, вдали отъ родины, на чужбинѣ: поля ихъ остаются необработанными, сады невоздѣланными, а Русскій народъ, самъ обремененный нуждою, истощается въ собственныхъ средствахъ, поддерживая несчастныхъ носильными подачками.

А между тѣмъ Болгарія, которой муки подвигли даже и Европу на состраданіе, которой участію была повидимому болѣе всего озабочена русская дипломатія и которая поэтому уже обпадежилась, что для нея настаетъ пора новой самостоятельной жизни, — Болгарія начинаетъ содрогаться отъ ужаса при одной мысли о грозящемъ ей разочарованіи. Если этому страдальческому племени, послѣ того, что сулило ему русское народное движеніе въ 1876 году, придется поколебаться въ своей вѣрѣ въ Россію, оно падетъ въ такую глубокую бездну отчаянія, изъ которой едва ли выйдетъ, или же погибнетъ духовно, отдавшись во власть иноземцамъ.

А между тѣмъ, — пока русская дипломатія пытается учинить новый европейскій концертъ, съ пересадкою музыкантовъ и все съ тою же цѣлью не идти далѣе минимума реформъ, добытаго пресловутою и въ самой Европѣ осмѣянною конференціей, — Сербія, подъ давленіемъ Англии и Австріи, вынуждена была заключить миръ съ Турціей; миръ, свидѣтельствующій предъ всѣмъ свѣтомъ, что ни во что послужило ей святое братское самоотверженіе Русскаго народа. Все это возвышенное движеніе Русской земли, этотъ подъемъ народнаго духа, это потраченное народное достояніе, составившееся большею частью изъ крестьянскихъ трудовыхъ грошей, эти сотни русскихъ жизней, такъ великодушно и беззавѣтно отданныхъ за вѣру и братьевъ, эта дорогая рус-

ская кровь, так обильно пролитая на сербских полях за «славянское дѣло», какъ изволилъ выразиться въ своей рѣчи самъ Государь,—все это оказалось напрасно, втунѣ, пошло ни во что, даже не потянуло на вѣсахъ нашей дипломатіи... Русская кровь осталась не отмщенною, народный подвигъ даже не принятъ во вниманіе, какъ будто была пролита не русская, а какая-нибудь готтентотская кровь; какъ будто все это происходило гдѣ-то въ Африкѣ или въ Австраліи. Въ довершеніе всего, этотъ народный подвигъ сталъ предметомъ глумленія, насмѣшекъ и клеветы, и не въ однихъ только высшихъ общественныхъ классахъ (что къ несчастью было бы совершенно въ порядкѣ вещей), но даже въ слояхъ, казалось бы, болѣе образованныхъ и мыслящихъ.

Не могу не остановить вашего вниманія на этомъ предметѣ. Начинаетъ проявляться странная повадка хулить и чернить величавый народный порывъ прошлаго года. Уж не потому ли, можетъ быть, что подобное историческое явленіе *обязываетъ*, т. е. предъявляетъ запросъ на болѣе высокій духовный строй и на послѣдовательность дѣйствій, налагаетъ нравственный долгъ: и по минованіи порыва оставаться вѣрнымъ началу, лежащему въ его основѣ? Такъ оно и будетъ — мы вѣримъ—*въ нашемъ простомъ народѣ*, но не такъ поступаетъ, болшею частью, наше образованное общество. Оно какъ бы спѣшитъ поскорѣе расквитаться съ тѣми впечатлѣніями и даже увлеченіями, которымъ невольню было подчинилось въ прошломъ году. Ему не подъ силу нести долге этотъ нравственный грузъ, мѣшающій обычному, легкому отношенію къ жизни. И вотъ, подъ видомъ служенія правдѣ и будто-бы «тяжелой, но святой обязанности самоозобличенія», съ какимъ-то злорадствомъ подбираются и распускаются всевозможныя сплетни, слухи, небылицы, и отчасти и были про всякаго пьянаго добровольца, про всякій случайный беспорядокъ или частное злоупотребленіе. Нѣтъ ничего выгоднѣе, удобнѣе и дешевле отрицанія и скептицизма; они придаютъ человѣку видъ какой-то умственной широкости и многосторонности, чуждой ослѣпленія и фанатизма, а въ сущности только прикрываютъ скудость внутренняго содержанія, бѣдность мысли, отсутствіе крѣпкихъ убѣжденій и нравственнаго идеала. Самоозобличеніе дѣйствительно

есть великая духовная сила — оно серьезно и благотворно; но то, что мы видимъ у насъ — плодъ духовнаго безсилія и неспособности постигнуть глубокой смысла совершающихся явленій. Дошло до того, что наши добровольцы, о которыхъ благоволилъ въ своей рѣчи упомянуть самъ Государь, по возвращеніи стали чуть не опальными въ глазахъ нѣкоторой части общества, преимущественно высшихъ его сферъ, петербургскихъ; полиція, сообразуясь съ настроеніемъ господствующимъ вверху, усердно снимаетъ съ нихъ сербскіе мундиръ и черногорскія платья, такъ чтобы ничто не напоминало о постыдномъ увлеченіи прошлаго лѣта. Дошло до того, что отрицаютъ самый фактъ самодѣтельности народной, и опять-таки оттуда, преимущественно изъ Петербурга, доносятся теперь отзывы, что и народное-то сочувствіе православному славянскому братьямъ — просто мнѣ, выдумка; что все это «движеніе» не болѣе, какъ штука Славянскаго Комитета, который бы, кстати, слѣдовало совсѣмъ запретить, стереть, уничтожить; что Комитетъ набралъ лишь отребье со всего народа, да и отправилъ въ Сербію и т. д. въ томъ же родѣ. Это уже не самообличеніе, а какое-то добровольное самозаушеніе или самооплеваніе, доходящее до сладострастія, до безстыдства! Затаптывать въ грязь тотъ порывъ народнаго чувства, которымъ осятилась и обновилась Русская земля, то явленіе, въ которомъ одномъ въ наше печальное время мы почерпаемъ упованіе и вѣру въ себя самихъ, клеветать на Россію, на Комитетъ, на Славянъ — забывать про тѣ милліоны, составившіеся въ буквальной смыслѣ изъ лептъ простонародныхъ — этого нельзя объяснить только умственной ограниченностью и невѣжествомъ: тутъ уже немощь и растлѣніе духа.

Я не стану отвергать, что въ дѣлѣ народнаго вмѣшательства въ борьбу Сербіи съ Турціей — были безпорядки. Да и не могли не быть, потому что не было правильной организаціи; а организаціи не было потому именно, что самое дѣло не было исполненіемъ какого-либо плана, заранее обдуманнаго Комитетомъ, а послѣдствіемъ всеобщаго искренняго увлеченія и негодованія. Въ средѣ добровольцевъ были, конечно, и пьяницы, и негодяи, можетъ быть ихъ было процентовъ пять или нѣсколько больше, — но замѣтимъ, не было

трусовъ, по крайней мѣрѣ о нихъ не слышно... Едва ли можно подлежать сомнѣнію, что, появившись русскій ультиматумъ не 20-го октября, а 20-го августа или 20-го сентября, о чемъ такъ усиленно молила Россію сербская власть, не было бы ни столько пролитой крови, ни столькихъ взаимныхъ пререканій, всегда вызываемыхъ всякою неудачею, ни особенныхъ безчинствъ, ни подъ конецъ деморализаціи. Военный волонтеръ среди мира—аномалія. Порывъ вообще не терпитъ перерыва, и такъ какъ онъ въ то же время элементъ безпорядка, то если ему на смѣну не придетъ правильная организація *въ духъ тѣхъ же началъ*,—порывъ улетучится, и остается безпорядокъ. Выведенные изъ боевыхъ позицій въ столицу и города, томимые бездѣйствіемъ, понимая, что періодъ ихъ самостоятельности миновалъ, и что, по сознанію всего міра, наступилъ чередъ для дѣйствія самой Русской державы,—съ какимъ страстнымъ нетерпѣніемъ желали и ожидали себѣ наши добровольцы организаціи отъ русской власти! Они надѣялись, что русскій авангардъ, *готовая русская боевая сила* пригодится для русской, нынѣ бездѣйствующей на Прутѣ арміи, но ошиблись въ своихъ расчетахъ. И точно пріѣзжалъ въ Бѣлградъ русскій генералъ, но почти одновременно съ нимъ пріѣхала и новая отсрочка на 2 мѣсяца, а долговременная отсрочка, мм. гг., по выраженію одного Святаго, есть «скукъ питательница и мать отчаянія». Мы это и на себѣ испытываемъ...

Волонтеры не могли и не захотѣли долѣе ждать, въ виду нерѣшительности русской политики, и русское оффиціальное содѣйствіе выразилось только въ уничтоженіи русскихъ вольныхъ военныхъ дружинъ. И вотъ, въ виду непріятели, который еще занималъ треть Сербіи и могъ, при возобновленіи войны, въ нѣсколько дней безпрепятственно дойти до самаго Бѣлграда; въ виду разоренныхъ и сожженныхъ селъ и городовъ, какъ будто совершивъ свое дѣло вполне, съ надлежащимъ концомъ, потянулись тысячи нашихъ добровольцевъ обратно домой, совѣстясь смотрѣть въ глаза Сербамъ и недоумѣвая: «неужто же, защищая вѣру и христіанъ противъ Турокъ, по мысли и внушенію всего русскаго люда, жертвуя жизнью и претерпѣвая всякія лишения, они чинили что-то недоброе и начальству противное?»... Нельзя не полагать,

что подобное настроеніе духа способно скорѣе понизить его, чѣмъ укрѣпить и возвысить.

Затѣмъ, если и были отверженцы въ средѣ добровольцевъ, развѣ не болѣе еще было ихъ между севастопольцами, въ числѣ которыхъ были и арестанты, и даже распутныя женщины, очищавшія себя подвигами самопожертвованія? Не было развѣ ихъ между Русскими и 1812 и 1612 годовъ, не говоря уже о болѣе отдаленныхъ временахъ, хоть бы о крестовыхъ походахъ? Правда, нашлись у насъ художники-реалисты, которые отрицаютъ нравственную заслугу Русскаго народа въ пожарѣ Москвы 1812 г.; нашлись историки-реалисты, которые пытались низвести съ пьедесталовъ, воздвигнутыхъ благородной народной памятью, и Донскаго, и Минина, и Пожарскаго. Но это свидѣтельствуетъ только о томъ, что нѣтъ ничего тупоумнѣе реализма, когда онъ беретса судить объ явленіяхъ историческихъ, нравственныхъ и вообще высшаго порядка. Уставившись вплоть глазами въ зданіе, вы не увидите его архитектурныхъ очертаній, а увидите только кирпичъ, мусоръ и известь. Взору реалиста народъ представляется только какъ совокупность отдѣльныхъ единицъ, Петровъ, Пвановъ, Матвѣевъ, а не какъ цѣлое, не какъ живой организмъ, неуловимый для внѣшняго чувства. Исторія, мм. гг., достигается только процессомъ идеализаціи. Имѣя дѣло съ дѣйствительностью, нужно умѣть различать въ ней черты историческія, отдѣлить личное отъ общаго, случайное отъ личнаго, внутреннее отъ внѣшняго.

Въ этомъ гулѣ и гамѣ самообличеній, клеветъ, сплетенъ, доносовъ, жалобъ со стороны судящихъ и судимыхъ, критиковъ и самихъ дѣятелей — позабыта только — бездѣлица! — огромное большинство *молчаливыхъ*. А въ нихъ-то вся и сила и устой нашей земли, въ нихъ, — въ безмолвіи и смиреніи совершившихъ свой геройскій подвигъ и ежедневно совершающихъ великіе подвиги долготерпѣнія. Не могу, кстати, не вспомнить про одного изъ добровольцевъ, унтеръ-офицера Федорова. Уже пожилой, онъ пришелъ прошлымъ лѣтомъ въ Комитетъ — отправляться въ Сербію изъ какой-то дальней деревни, гдѣ проживалъ съ семействомъ, въ чистой отставкѣ, послѣ долгаго срока службы. На вопросъ мой: зачѣмъ онъ идетъ въ Сербію? онъ отвѣчалъ, что онъ еще

может пригодится, что ему не въ терпезъ, что ужь онъ такъ себѣ положить «помереть за вѣру и за нашихъ, за православныхъ». Въ Сербіи, какъ я узналъ потомъ, онъ былъ изъ числа тѣхъ Русскихъ, которые, не помню гдѣ, наступали на турецкіе шанцы — стройно, пога въ ногу, опустивъ ружья, молча, не обстрѣливаясь. Это грозное безмолвіе, эта тишина наступленія навели такой ужасъ на Турокъ, что они не выдержали и бѣжали изъ шанцевъ. Федоровъ былъ при этомъ раненъ въ голову, но, оправившись, вскорѣ за заключеніемъ перваго перемпрія вернулся въ Россію и опять пришелъ къ намъ въ Комитетъ за полученіемъ проѣзднаго билета по желѣзной дорогѣ. Мы выдали ему кое-какое пособіе, хотя онъ ничего не просилъ и ни на что не жаловался, но онъ все перемпнался, какъ будто недоумѣвая, наконецъ обратился ко мнѣ съ такими словами: «рѣшите вы меня, ваше благородіе, могу я теперь возвратиться домой или мнѣ опять туда пойти?» — Какъ, зачѣмъ, чего тебѣ мало? — «Да вѣдь помпите, я и вамъ говорилъ, что иду жить положить»... — Ну? — «Да вотъ, не умеръ, живъ». — Да ты раненъ. — «Раненъ, правда, пу да рана еще не что!... Коли скажете надо идти, я готовъ». — Да ты вѣдь не трусилъ, не прятался отъ смерти? — «Это сохрани Богъ, я свое дѣло дѣлалъ, да все кажется, надо бы до конца»... Наслу намъ удалось успокоить его совѣсть, — и доживаетъ онъ теперь свой вѣкъ, — безмолвствуетъ гдѣ-то въ глуши Благининскаго или Елабужскаго уѣзда. Вы хорошо знаете, мм. гг., что этотъ Федоровъ не есть единичное, исключительное явленіе, а типичное, что подобныхъ ему не мало, и если Господь, по библейскому сказанію, простилъ одинъ городъ за пять праведныхъ, то авось либо помилуетъ Онъ и нашу многогрѣшную землю за этотъ сонмъ невѣдомыхъ праведныхъ въ темныхъ, неизменныхъ слояхъ Русскаго народа...

Отъ этихъ праведныхъ мысль неволью перепосится къ противоположному полюсу нашего народа, къ той петербургской великосвѣтской средѣ, которая, узнавъ отъ заѣзжихъ духовныхъ авантюристовъ (должно быть впервые) про Иисуса Христа и Господа Бога, съ отличной стороны ими отрекомендованныхъ, собирается въ настоящее время учить праведности и христіанской любви нашъ простонародный людъ,

да еще по англійскимъ книжкамъ. Не потому упомянулъ я объ этой смѣшной и дикой затѣѣ, чтобы придавалъ ей какое-либо значеніе. Самъ по себѣ этотъ, такъ-называемый у насъ въ печати «великосвѣтскій расколъ» дѣло ничтожное и пустое. Но если принять во вниманіе, что всѣ эти, болѣе или менѣе богатые и знатные русскіе люди, отдавшіеся духовному руководству проземныхъ учителей, — поющіе о Христовой любви по чужестраннымъ нотаамъ, отличались совершеннымъ безучастіемъ къ самоотверженному народному движенію въ пользу православныхъ Славянъ и не внесли (какъ это Комитету хорошо извѣстно) ни одной «ленты» на помощь страдающимъ нашимъ братьямъ по крови и о Христѣ, Сербамъ, Болгарамъ и Черногорцамъ; если припомнить при этомъ, что то же общество въ началѣ нынѣшняго столѣтія было одержимо модною маніей масонства, а въ послѣдніе 10 лѣтъ царствованія Александра I было пасомо іезуитомъ графомъ де-Местромъ и поставило обильный контингентъ въ ряды католической папской арміи, — нельзя не усмотрѣть въ подобномъ явленіи характеристическаго признака цѣлой среды, той среды, которая, къ несчастію, по своему общественному положенію, играетъ такую важную роль въ судьбахъ нашего отечества. Нельзя не признать въ этомъ отчужденія отъ своей Церкви и отъ своего народа симптомовъ того недуга, которымъ страдаетъ нашъ общественный организмъ и въ которомъ лежитъ объясненіе помѣхъ и препятствій, временно воздвигшихся между царскимъ словомъ и дѣломъ, между истиной и ея исполненіемъ.

Вездѣ, въ каждой правильно, органически развившейся странѣ — высшіе классы общества признаются наиболѣе образованными и просвѣщенными, служатъ своему народу органами сознанія, по преимуществу хранятъ историческія преданія. Такова, напримѣръ, Англія. Чтѣ же видимъ у насъ? Совершенно наоборотъ. Наши высшіе общественные классы, составляющіе плотную, ближайшую среду около центровъ власти, тѣсно соприкасающіеся со всѣмъ, чтѣ оказываетъ практическое вліяніе на русскую жизнь, — наши высшіе классы, за исключеніемъ малаго числа отдѣльныхъ лицъ, почти совершенно чужды своему народу не только мыслью и худомъ, но и языкомъ и инстинктами. Они не заслуживаютъ

названія «просвѣщенныхъ», и только «цивилизованы». Какъ, скажутъ намъ, вы отрицаете просвѣщеніе всей Западной Европы, котораго они въ нашемъ народѣ представители и носители?... Неизчислимы сокровища знанія и науки на Западѣ, но, мм. гг., сѣмена просвѣщенія, приносимыя къ намъ оттуда, тогда только могутъ быть плодоносны, когда приеются критическимъ трудомъ независимой мысли, ложатся на почву самостоятельную, способную переработать и возрастить *благое* зерно, вызываютъ самодѣтельность духа. А не тогда, когда мысль въ плѣну и пзъ духовной почвы вывѣтрились всѣ соки народности, въ которой одной ея сила, цѣнность и отличіе. Странное дѣло! всякому понятно то значеніе, которое имѣетъ нравственная *личность* въ человѣкѣ и то презрѣніе, которое внушаетъ къ себѣ человѣкъ *безличныи*, человѣкъ не въ счетъ—блѣдное, безсильное отраженіе чужихъ мнѣній и чувствъ, вѣчное игралище чужой воли. Но не то же ли самое и съ народами? Народы такія же *личности* въ человѣчествѣ, личности не въ физиологическомъ только смыслѣ, но по преимуществу въ духовномъ: народы, сохранившіе, разработавшіе особенность своего личнаго духа, участвуютъ въ общемъ развитіи человѣчества самостоятельно, плодотворно; народы безличные идутъ не въ счетъ, — промакаемая бумага въ книгѣ исторіи.

Болѣе вѣка подвергался Русскій народъ мучительной пыткѣ *обезличенія* и нравственнаго искаженія на всевозможные инопостранные лады, но пережилъ, перемогъ всѣ напасти, пока наконецъ духовная сущность русской народности, сохранившаяся въ низшихъ народныхъ слояхъ, не воздѣйствовала обратно на общество и не вызвала въ среднихъ образованныхъ его слояхъ внутреннюю работу историческаго самосознанія. Все это давно извѣстно, все это проповѣдовалось такъ-называемыми славянофилами еще 30 лѣтъ назадъ, все это давно усвоено мыслящими людьми въ Россіи (кромя какихъ-нибудь умственныхъ вырождковъ), но до сихъ поръ еще не проникло въ высшіе и вліятельные слои нашего общества; они по прежнему не только сами нравственно и умственно *безличны*, но и поклоняются безличности, возводятъ ее въ принципъ, хотѣли бы навязать ее и народу. Въ качествѣ *безличныхъ*, они осуждены и сами осуждаютъ

себя на духовную немощь, на умственное бесплодіе; нѣтъ у нихъ ни способности творчества, ни инициативы. Жалкіе оттиски чужой культуры, они (опять-таки кромѣ нѣкоторыхъ счастливыхъ исключеній) вѣчно въ духовномъ подобострастіи передъ Западною Европою и въ то же время щеголяютъ, самоуслаждаются своимъ рабствомъ. Изгнавъ русскій языкъ изъ своего употребленія, чуждые своей странѣ, своей Церкви, своей исторіи, живя чужимъ словомъ, чужимъ умомъ, они цивилизованы и невѣжественны, они не Русскіе и въ то же время не принадлежать и не могутъ принадлежать ни къ какой иной народности, они—иностранцы вообще.

Народный организмъ нашъ могучъ; корни нашего дерева здоровы, но дерево все же болѣетъ и не даетъ плодовъ, если не покрывается здоровой листвою и цвѣтомъ. Пока будетъ продолжаться это умственное и нравственное рабство передъ Западною Европою, эта постоянная духовная измѣна русской народности въ высшихъ классахъ Русскаго народа; пока волна народнато самосознанія, распространяясь и поднимаясь все шире и выше, не захватитъ и ихъ, не переродитъ и не возвратитъ ихъ странѣ; пока эти классы не просвѣтятся наконецъ истиннымъ просвѣщеніемъ и не доразовьются до значенія органовъ русской народной мысли и всей его сущности духовной, до тѣхъ поръ будетъ совершаться — по невѣдѣнію и безсознательности — постоянное невольное предательство истинныхъ интересовъ Россіи на всѣхъ путяхъ ея исторической жизни. До тѣхъ поръ трудно надѣяться на правильное, успешное, безболѣзненное для насъ самихъ, разрѣшеніе Восточнаго вопроса, такъ тѣсно, органически, духовно и кровно связаннаго съ судьбою русской народности, съ историческими началами, которыя ее создали и воспитали.

Все дѣло за нами, за нами самими и ни за кѣмъ инымъ. Нечего сваливать вину на другихъ и негодовать на Турцію и на Европу. Турція не можетъ же такъ легко и предудредительно *перестать быть*, какъ намъ бы этого было желательно. Она осуждена пасть, но права въ своей борьбѣ. Западная Европа также права съ точки зрѣнія своихъ, можетъ быть, узко понимаемыхъ, эгоистичныхъ, но все же *своихъ* собственныхъ интересовъ. Мы только неправы, ибо отрицаемъ и губимъ свои кровные интересы.

Восточный вопрос для Россіи въ существѣ своемъ простъ и ясенъ. Это вопросъ собственного нашего бытія, нашъ собственный, Русскій, а не Западно-Европейскій. Ибо христіанскій Востокъ — область христіанства восточнаго, во главѣ котораго мы стоимъ, и иною быть не можетъ. Россія и всѣ Славяне Балканскаго полуострова — это цѣлый особый міръ православно-славянскій: всѣ оторванные его члены должны быть возвращены этому міру. Его призваніе развить и проявить, и воплотить въ исторической жизни тѣ духовныя начала, которыя лежатъ въ основѣ славянской народности и обусловливаются главнымъ образомъ православнымъ вѣроисповѣданіемъ. Различіе въ этихъ основныхъ началахъ, въ самой сущности духовной, это различіе и составляетъ причину вѣчнаго антагонизма между латинско-протестантскимъ Западомъ и православно-славянскимъ Востокомъ. И чтѣ бы мы ни дѣлали, какъ бы ни отрекались предъ Западною Европою отъ своей народности, какъ бы ни унижались, какія бы жертвы ни приносили ради ея спокойствія и мира, мы ей не будемъ *свои*, никогда не внушимъ ей *доверія*, никогда не погасимъ ея тайной вражды, пока она насъ не обезсилитъ, не осконитъ вещественно и духовно. Все это ясно, какъ Божій день, и свидѣтельствуется болѣе чѣмъ десятью вѣками исторіи. Въ этомъ отношеніи не только римскій папа, но и весь Западъ остался вѣренъ самому себѣ. Латинская имперія, созданная было крестоносцами въ Константинополь, только прототипъ того порядка вещей, къ которому упорно стремится Западъ, хотя бы въ иномъ образѣ и формѣ.

Не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человекъ и не о вещественномъ благосостояніи только живутъ и значать народы въ исторіи. Не объ улучшеніи только быта Славянъ балканскихъ предстоить намъ заботиться, не отъ однихъ Турокъ должны мы охранять ихъ, но и отъ посягательствъ Запада, какъ на ихъ земли, такъ и на ихъ духовное совращеніе и обезличеніе. Страданія нашихъ братьевъ по вѣрѣ и происхожденію, въ которыхъ, по великодушному торжественному признанію самого Русскаго Царя, «вся Россія вмѣстѣ съ Нимъ принимаетъ такое живое участіе», — страданія, отъ которыхъ Россія призвана ихъ избавить, не одни физическія,

но и нравственные, состоятъ не только въ лишеніяхъ пищи, крова, внѣшней безопасности жизни, но и въ томъ униженіи и искаженіи, которому подвергается ихъ духовная личность, забитая, презрѣнная, растлѣваемая, то обольщаемая, то насилуемая къ духовному отступничеству и Исламому и Латинствомъ, и Турціей и всѣмъ Западомъ. Наше «святое призваніе», о которомъ напоминаеть намъ Государь, въ томъ и состоитъ, чтобы оградить всему Славянскому міру не только условія внѣшняго матеріальнаго, безпрепятственнаго роста и существованія, т. е. независимость земель, морей и проливовъ, но и самостоятельность и свободу развитія самой сущности славянскаго духа.

И, можетъ быть, слишкомъ уже часто повторялъ здѣсь слова нашего Государя, но, мм. гг., эти слова—великое событіе въ нашей современной жизни. Въ сѣромъ безотрадномъ сумракѣ, насъ окружающемъ, въ этомъ хаосѣ понятій, противорѣчивыхъ стремленій и дѣйствій, въ этой истомѣ ожиданій, которою болѣетъ вся Русь, эти слова одни свѣтятъ ей сквозь мглу ободрительнымъ и путеводнымъ свѣтомъ. Въ нихъ цѣлая программа. Эти слова и народное единодушное самовольное проявленіе братской любви къ угнетеннымъ Славянамъ—такіе историческіе указатели, слѣдующимъ которымъ мы не собьемся съ праваго пути и исполнимъ наше призваніе, несмотря ни на какія преграды. Въ духѣ этихъ указаній, мм. гг., всегда дѣйствоваль и дѣйствуетъ нашъ Комитетъ, въ лицѣ избранныхъ вами распорядителей. Хотя мало было утѣшительнаго въ нашей дѣятельности за послѣдніе четыре мѣсяца, ибо приходилось, какъ вы увидите потомъ изъ краткаго отчета, большею частью раздѣлявать то, что созидалось въ прежніе мѣсяцы нами же, съ такимъ трудомъ и стараніемъ; однако же, думаемъ, сѣмена, посѣянные нашею дѣятельностью, легли на русскую и славянскую землю не даромъ и дадутъ всходъ. Какія бы ни встрѣчались теперь препятствія, затрудненія, задержки и отсрочки,—торжество въ концѣ концовъ будетъ принадлежать лишь правдѣ, если только мы останемся вѣрными ей въ нашемъ чувствѣ и въ нашемъ сознаніи, если мы—во всѣхъ случайныхъ злобахъ историческаго дня, во всѣхъ этихъ политическихъ временныхъ усложненіяхъ, не совратимся съ пути и не упустимъ изъ виду

нашей существенной исторической цѣли. Не станемъ же и мы съ вами, мм. гг., унывать и слабѣть въ нашихъ усиліяхъ, но еще болѣе напряжемъ и соединимъ ихъ для облегченія духовныхъ и тѣлесныхъ страданій, обезпеченія духовныхъ и вещественныхъ нуждъ православныхъ Славянъ, для поддержанія нашей духовной и нравственной съ ними взаимности; для укрѣпленія въ нихъ любви и вѣры въ Россію, подвергшейся въ послѣдніе дни такимъ тяжкимъ испытаніямъ; для поддержанія достоинства и чести русскаго имени, для непрестанной упорной борьбы съ внутреннимъ и домашнимъ врагомъ: съ невѣжествомъ и непониманіемъ, съ вольною и невольною измѣною русскою народности въ самой нашей русскою общественной средѣ. Да исполнится «святое» историческое призваніе Россіи. За нами народъ, впереди—Кремлевское слово.

5. Рѣчь произнесенная предсѣдателемъ Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета въ засѣданіи 17 апрѣля 1877 года.

Мм. гг.! Вотъ онъ, наконецъ, мигъ такъ давно желанный и призываемый, выстрадапный миллионами сердецъ! Не напрасно была наша вѣра въ «Кремлевское слово». Царское слово стало дѣломъ,—дѣло превзойдетъ слово. Подвигъ превыситъ мѣру смиренія; презыткомъ добра нарушится скромность задачи, въ величестно непредугаданныхъ событіи одѣнется мудровоздержная Царская рѣчь. Уже и теперь, по одному простому Царскому призыву къ брани, чуждому горделивыхъ надеждъ и искусственныхъ возбужденій, великаномъ поднимается отзывное народное чувство, — въ самомъ дѣлѣ будто Илья Муромецъ, отсидѣвъ сиднемъ, выпрямляется во весь свой ростъ. Неслыханное, необычайное совершается между нами. Какъ благовѣсть, пронеслися по Россіи слова Государева манифеста, и будто въ праздникъ, радостно и молитвенно, обнявъ себя крестомъ, привѣтствуетъ ихъ Русь. Отчего же такъ свѣтеть онъ, при вѣсти о войнѣ, этотъ небраннолюбивый, мирный народъ? «Что ему Гекуба?» спросилъ бы Гамлетъ, или: «что ему Болгарія?» могутъ спро-

силь, пожалуй, наши доморощенные позитивисты, материалисты и прочие близорукіе печальники о народѣ. Не къ пролитію ли собственной крови призывается онъ? Не къ новымъ ли тратамъ своего скуднаго достоянія? Обузала ли его жажда военной славы или мщеніе губителю - врагу? Но никакой врагъ не грозилъ ему лично; это не то, что было въ Двѣнадцатомъ году, когда непріятель, вторгнувшись въ русскіе предѣлы, жегъ его города и селенія, грабилъ и осквернялъ храмы и распалаялъ его къ мести. Въ настоящую же пору, и врагъ, и поводъ къ борьбѣ, и обороняемые интересы представляются, повидимому, какою-то отвлеченностью, чѣмъ-то чуждымъ, не касающимся его материально и близко. Конечно, честь Россіи затронута, а чувство государственной чести всегда было живо въ Русскомъ народѣ, такъ что и въ прежнія тяжкія, пережитыя имъ времена онъ всегда доблестно подвизался въ войнѣ и жертвовалъ достояніемъ, какъ скоро узнавалъ, что, по мысли царя, долгъ и честь Россіи того требуютъ. Но никогда духъ народный не являлъ такой высоты подъема, свободной въ то же время отъ надменности и отъ восторженнаго самохвальства. Въ томъ-то и сила, что настоящая война дѣло не только чести, но, что всего важнѣе, и совѣсти народной. Совѣсть зоветъ и поднимаетъ его на брань; она-то творитъ это дивное священнодѣйствіе сердецъ, проявляющееся въ любви, самопожертвованіи, молитвѣ, на всемъ необъятномъ пространствѣ нашей земли.

Эта война ея духу потребна; эта война за вѣру Христову; эта война за освобожденіе поработенныхъ и угнетенныхъ славянскихъ братій; эта война праведная, эта война подвигъ святой, великій, котораго сподобляетъ Господь Святую Русь. И вотъ она выходитъ, ликуя, на кровавый пиръ, громко и смѣло исповѣдуя имя Божіе, ко удивленію мудрецовъ вѣка... Но потому именно, что подвигъ такъ возвышенъ и святъ, для совершенія его нужны чистыя руки и чистое сердце, и нужнѣе всего молитвы, да радуясь призванію, не возгордимся, не усомнимся, не ослабнемъ, въ срединѣ пути, духомъ и волею. Теперь именно кстати припомнить намъ то вѣщее прѣснопѣніе Хомякова, съ которымъ онъ обращался къ Россіи еще въ 1854 году, и въ которомъ Россія представлялась ему съ тою духовною готовностію, какой въ то время она

еще не имѣла, но съ какою—дастъ Богъ—явится она, быть-
можетъ, теперь:

Не въ пляскахъ похвалыбы безумной,
Не въ пляскахъ гордости слѣпой,
Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
Не съ звономъ чаши круговой;
Но въ силѣ трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дѣло грознаго служенья
Въ кровавый бой представишь ты!
О, Русь моя! какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросишь,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Ступай на божескій призывъ!
Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
Сознаемъ, скорбью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко
Въ сіяньи новомъ и святомъ!
Иди! тебѣ зовуъ народы,
И совершивъ свой бравный иррь,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!
Иди! свѣтла твоя дорога,
Въ душѣ—любовь, въ десницѣ—громъ,
Грозна, прелюбна, Ангель Бога
Съ огнесверкающимъ мечомъ!

Вотъ съ какими возвышенными внушеніями, съ какими строгими нравственными запросами обращался къ своему народу нашъ бессмертный поэтъ и учитель. Вспомнимъ кстати и другаго вѣщаго поэта, Гютчева, который такъ страстно ожидалъ пришествія настоящей минуты, и который, въ ту же пору какъ и Хомяковъ, привѣтствовалъ Русскаго Царя слѣдующими стихами:

Въ доснѣхѣ *тыри* грудь одѣнь
И съ Богомъ, исполнявъ державный!
О Русь, великъ грядущій день,
Вселенскій день и православный!

Поэтъ ошибся во времени, но только во времени... Будетъ ли наступающій день — днемъ вселенскимъ и православнымъ?..

Благо же нашей поэзіи, не перестававшей, въ теченіи

болѣ полувѣка, напоминать намъ наше святое историческое призваніе и будить наши сердца къ подвигамъ любви, братства, вѣры,—чему подобнаго не встрѣчается въ національной поэзіи иныхъ странъ. Да, въ настоящую торжественную для Россіи пору, въ этотъ часъ суда Божія, мысль моя невольно и непрестанно обращается къ этому сонму умершихъ, память которыхъ, дорогая мнѣ лично, должна быть дорога и всей Россіи, хотя бы теперь и не всѣ это разумѣли. И кому же, какъ не Московскому Славянскому Комитету прилично помянуть теперь, съ благоговѣйною признательностью, тѣхъ «чистыхъ, честныхъ, благородныхъ», славныхъ нашихъ предшественниковъ, тѣхъ первыхъ старѣйшихъ славянофиловъ, Хомякова и неразлучныхъ съ нимъ сподвижниковъ мысли и духа, Константина Аксакова и Юрія Самарина, которымъ не судилъ Богъ дожить до свершенія ихъ надеждъ, по которые подготовили настоящее великое переживаемое нами мгновеніе въ сферѣ народнаго самосознанія, положивъ на дѣло всю душу, всѣ силы, всѣ божьи дары, имъ такъ обильно преподанные. Помянемъ и другихъ ихъ сподвижниковъ, незабвенныхъ братьевъ Кирѣевскихъ; помянемъ и несостарившагося сердцемъ до смерти, старика Погодина, который, въ теченіи свыше пятидесяти лѣтъ, съ такою неутомимою любовью специально насаждалъ и возростилъ въ Русскомъ обществѣ идею славянской взаимности, который на всякое общественное событіе отзывался своеобразнымъ пламеннымъ словомъ, и еще полтора года тому назадъ, за мѣсяць до кончины, такъ горячо привѣтствовалъ, въ засѣданіи Комитета, начало возстанія Герцеговинцевъ. Богатое наследіе духа досталось намъ въ удѣлъ; ихъ трудовъ плоды пожинаются нами теперь. Но видно — иной есть сѣяй, иной есть жней. Пусть же, позволю я себѣ сказать и своими старыми стихами:

Пусть почивъть мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ!..

Вспомнимъ и о свѣжихъ еще могилахъ недавно скончавшихся: Рачинскаго Александра Викторовича, по мысли и стараніями котораго возникъ въ первоначальномъ видѣ нашъ

Славянской Комитетъ, который исключительно и много поработалъ для Болгаріи и разстался съ землею своею дѣятельностію въ самый тотъ день, какъ двинулись наши войска къ предѣламъ Болгаріи; и Жинзифова, молодого талантливаго Болгарина, питомца нашего Комитета, такъ усердно потрудившагося для страстно любимой имъ родины, и такъ успѣшно содѣйствовавшаго сознательному духовному сближенію своихъ сородичей съ неменѣе страстно любимю имъ Россіей.

Я не уклонился отъ предмета своей рѣчи, приглашая васъ «къ поминаніямъ». Возстановленіе въ памяти благой дѣятельности нашихъ предшественниковъ способно только поддерживать въ насъ тотъ строй мыслей и чувствъ, который именно на потребу въ настоящую минуту.

Не въ первый разъ воюеть Россія съ Турціей. Турція тотъ же врагъ Христа какъ и прежде; тѣ же угнетенныя православныя населенія какъ и въ старь; въ чемъ же причина настоящаго небывалаго въ народѣ стремленія? Причина въ томъ, что самый вопросъ Восточный, то-есть вопросъ о Турціи и о Славянствѣ, надвинулся къ роковому рѣшенію, и это чувствуетъ историческій народный инстинктъ. Причина въ томъ, что самый народъ уже не тотъ что прежде: не измѣняя своимъ духовнымъ основамъ, онъ растетъ и мужаетъ быстро, какъ богатырь въ сказкѣ. Если въ прежнія времена народъ и являлъ готовность къ войнѣ, то эта готовность была скорѣе дѣломъ доблестной покорности и послушанія; народъ вѣрилъ правительству на слово и повиновался его указаніямъ, честно исполняя свой долгъ. Но и только. Въ настоящую же минуту лишь послушаніемъ Царю сдерживалось нетерпѣніе народа. Онъ, можно сказать, не призывается властью, а только, послѣ долгаго ожиданія, *пускается* ею наконецъ къ войнѣ. Что прежде всего поражаетъ и изумляетъ въ нынѣшнемъ отношеніи народа къ предстоящему бравному подвигу, это *сознательность*, сознательность доходящая до отчетливости. Такая сознательность и такое единство сознанія на пространствѣ чуть не цѣлой части свѣта, почти отъ Ледовитаго Океана до Чернаго Моря и отъ Буга до Амура, такой стройный хоръ миллионныхъ умовъ и сердецъ—уже самъ по себѣ колоссальное, величественное, подымлющее духъ нравственное явленіе. Ничего подобнаго не

мыслилось въ старое время. Почву для такого единства пригостило намъ нынѣшнее счастливое царствованіе. Двадцать миллионѣвъ людей, изъятыхъ крѣпостнымъ правомъ изъ общаго строя государственной жизни, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права возвратились въ общую гражданскую семью, слились воедино съ отдѣленнымъ отъ нихъ народомъ. Пали многообразныя сословныя средостѣнія, отмѣнились неправыя привилегіи, — общее равноправное участіе въ судѣ, въ земствѣ, въ думахъ, въ повинностяхъ и въ самой тяжелой все-сословной повинности, воинской, — все это, незамѣтно для насъ самихъ, создало возможность того нравственнаго согласія, того единенія въ духѣ, отъ Царя до крестьянина, которымъ мы радуемся, гордимся и становимся такъ сильны теперь, въ грозные часы испытанія. При такомъ упраздненіи преградъ, содѣйствовавшемъ нашему единству, прозрачѣе и виднѣе стала жизнь, волюнѣе и живѣе задвигалась мысль народная. Что касается въ частности до славянской идеи, которая такъ долго была лишь удѣломъ книжниковъ, то не прерывавшаяся въ теченіи двухъ лѣтъ живая рѣчь страданій, мукъ и борьбы православныхъ славянскихъ племенъ, рѣчь, постоянно газетными листками передаваемая въ вѣдѣніе народа, — раскрыла ему цѣлый невѣдомый міръ братскихъ узъ и братскихъ святыхъ обязанностей.

Народъ не питаетъ *отвлеченныхъ* думъ и сочувствій. Что проникаетъ въ глубь его сознанія, то немедленно воплощается въ жизни и дѣлѣ. Его встревожившаяся совѣсть мгновенно, къ общему изумленію нашихъ образованныхъ классовъ, сказала въ томъ порывѣ состраданія, который нагромоздилъ, въ пользу Болгаръ и Сербовъ, миллионы рублей изъ мѣдныхъ копѣекъ, и въ томъ движеніи добровольцевъ, которое напомнило Западу времена Крестовыхъ походовъ.

Кстати замѣтить: многіе петербургскіе прозорливцы надѣялись, что походъ въ Сербію своими трудностями, лишениями, неудачами отобьетъ у Русскаго народа охоту къ подобнымъ подвигамъ и вытравитъ изъ его души сочувствіе къ «братьямъ Славянамъ». Повѣривъ анекдотамъ и росказнямъ болтливыхъ корреспондентовъ, вѣтрепныхъ путешественниковъ и даже нѣкоторыхъ чѣмъ-либо огорченныхъ добровольцевъ, они уже ликовали при мысли, что славянскую идею постигло въ

Россіи разочарованіе, и все это движеніе въ нашемъ народѣ окажется поддѣланнымъ и вздутымъ. Но народъ посрамилъ ихъ и на этотъ разъ, какъ и всегда впрочемъ. Наши простолюдны-добровольцы никогда и не увлекались тою слащавою сентиментальностью при мысли о «братствѣ», какая приписывалась имъ нѣкоторыми дешевыми энтузіастами. Имъ не въ чемъ было и разочаровываться: они шли на *подвизъ*, на смерть и лишенія, не ища ни хвалы, ни благодарности; шли изъ тѣхъ высокихъ побужденій, которыя не могутъ измѣняться отъ неудачи или отъ недовольно-ласковаго пріема. Ихъ судъ оказался трезвѣе и безпристрастнѣе суда публицистовъ-обличителей, и если имъ грозила опасность разочарованія, такъ развѣ по возвращеніи, здѣсь въ Россіи, гдѣ походъ въ Сербію сталъ было нѣкоторое время предметомъ укора и насмѣшки. Тѣмъ съ большою радостью теперь и добровольцы, и народъ, ихъ выславшіи, встрѣтили манифестъ, какъ разрѣшеніе всѣхъ недоумѣній, какъ оправданіе ихъ искреннихъ братскихъ влеченій и дѣйствій.

Все дрябло, все беспильно въ нашей странѣ, что не пустило корня въ душу и мысль народа. Про славянское дѣло можно сказать, что оно только теперь стало на ноги, только теперь судьбу его можно считать обезпеченною, теперь, когда оно утвердилось и укоренилось въ русскомъ народномъ сознаніи. Въ этомъ смыслѣ, всѣ эти проволочки, отсрочки, оттяжки, самое это долгое воздержаніе нашего правительства отъ вмѣшательства въ борьбу, послужили, можетъ-быть, не по заслугѣ людской и не въ силу людскихъ соображеній, а по мудрости Бога, строящаго исторію, во благо Славянскому міру, вызвавъ самодѣтельность нашего народа и расширивъ въ немъ область сознанія.

Въ какомъ же отношеніи теперь, по объявленіи войны, будетъ находиться къ славянскому дѣлу нашъ Славянскій Комитетъ, въ чемъ же будетъ состоять его дѣятельность? Мнѣ приходилось слышать сожалѣнія о томъ, что теперь, съ выступленіемъ на политическую арену правительства, политическая роль Комитета, которую будто бы онъ до сихъ поръ игралъ не безъ успѣха, должна окопчиться, и самостоятельности его будетъ положенъ предѣлъ. Но, милостивые государи, всѣ подобныя сожалѣнія неумѣстны и свидѣтельству-

ютъ только—какъ мало еще разумѣютъ у насъ истинный характеръ дѣятельности нашего Комитета. Прежде всего онъ никогда не старался *играть* и не *игралъ* никакой роли. Это чисто французское выраженіе, основанное на французскомъ міросозерцаніи, не примѣняется къ прямому и искреннему образу нашихъ дѣйствій, чуждому притязаній и театральности. Если труды наши принимали иногда политическій оттѣнокъ, то это совершалось само собою, безъ систематической затѣи, вызывалось сущностью внѣшнихъ случайныхъ обстоятельствъ. Мы только уступали требованіямъ современной минуты и выходили за границы нашей обычной дѣятельности только тогда, когда къ тому вынуждало насъ сознаніе общей пользы, и другому дѣйствовать было некому. Мы не дорожимъ самостоятельностью только самостоятельности ради: мы прежде всего дорожимъ возможностью служить всѣми разумными способами славянской взаимности. Никто горячѣе вашего предсѣдателя, мм. гг., какъ вамъ хорошо извѣстно, не призывалъ того часа, когда обществу вообще, а Комитету въ особенности, можно будетъ сдать бремя необычной и несвойственной ему дѣятельности въ крѣпкія руки государства. Намъ остается только радоваться, что не приходится болѣе посылать добровольцевъ, то-есть не приходится посылать людей воевать безъ правильной государственной организаціи, подвергать ихъ лишеніямъ, болѣзнямъ, смерти, не обладая даже средствами, какъ это случилось въ Сербіи, ни помыслить имъ надлежащимъ образомъ, ни даже собрать въ точности имена всѣхъ Русскихъ убитыхъ. Что же касается теперь до дѣятельности Комитета, то, благодареніе Богу, ему предстоитъ славное, почетное и широкое поприще. Государю Императору благоугодно было допустить, даже во время самой войны, дѣятельность агентовъ Славянскаго Комитета въ Задунайскомъ краѣ, съ тѣмъ чтобы она состояла подъ наблюденіемъ завѣдывающаго гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ дѣйствующею арміею, — дѣятельность конечно благотворительную. Съ глубочайшею признательностію принялъ Комитетъ такое милостивое разрѣшеніе, вида въ немъ знакъ особеннаго довѣрія и признаніе нашей прежней дѣятельности не бесполезною для Славянскаго дѣла. Отношенія нашихъ агентовъ къ Завѣдывающему гражданскою частію

опредѣлены особыми Высочайше утвержденными правилами, которыя и сообщены мнѣ отъ министра внутреннихъ дѣлъ чрезъ московскаго генералъ-губернатора. Вотъ они:

1) На Завѣдывающаго гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ дѣйствующею арміею, какъ главнаго посредника между Славянскими благотворительными учреждениями и мѣстными потребностями Славянъ Задунайскаго края, возлагается, подъ верховнымъ руководствомъ Главнокомандующаго, наблюденіе за всею вообще дѣятельностію Славянскихъ благотворительныхъ учреждений и ихъ агентовъ внѣ Россіи, въ особенности въ земляхъ Турецкихъ и въ Сербіи.

2) Онъ получаетъ отъ названныхъ учреждений какъ подробные списки ихъ агентовъ въ вышеозначенныхъ земляхъ, такъ въ особенности свѣдѣнія о возлагаемыхъ на нихъ порученіяхъ.

3) Онъ можетъ требовать отъ сихъ агентовъ сообщенія ему подробныхъ свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ, которые касаются ихъ дѣятельности или представляютъ какую-либо важность для канцеляріи по гражданскимъ дѣламъ при дѣйствующей арміи.

4) Онъ требуетъ отъ агентовъ Славянскихъ благотворительныхъ учреждений отчета въ исполненіи ввѣренныхъ имъ порученій и свѣдѣній объ употребленіи ими предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе суммъ.

5) Вслѣдствіе дознанныхъ злоупотребленій со стороны сихъ агентовъ, а равно въ случаѣ недозволительной ихъ политической дѣятельности на мѣстахъ, онъ требуетъ отъ Славянскихъ благотворительныхъ учреждений смѣны сихъ агентовъ и разрѣшаетъ, буде нужно, замѣну ихъ другими. Въ случаѣ нетерпящихъ отлагательства, онъ, съ разрѣшенія Главнокомандующаго, принимаетъ немедленные мѣры къ прекращенію ихъ дѣятельности и, буде нужно, къ удаленію ихъ, о чемъ для свѣдѣнія сообщаетъ подлежащему учрежденію.

6) Съ разрѣшенія Главнокомандующаго, при канцеляріи по гражданскимъ дѣламъ можетъ быть допущенъ главный агентъ Славянскихъ благотворительныхъ учреждений, для руководства дѣятельностію прочихъ мѣстныхъ агентовъ.

Завѣдывающимъ гражданскою частію при Главнокомандующемъ состоитъ, какъ извѣстно, князь Владиміръ Александровичъ

ровичъ Черкасскій, имя котораго такъ тѣсно связано съ освобожденіемъ крестьянъ въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ, и служить, конечно, уже достаточною порукой въ томъ, что наши агенты найдутъ въ немъ разумнаго и искуснаго руководителя. Покуда назначенъ нами только одинъ агентъ, который и будетъ состоять при канцеляріи завѣдывающаго гражданскою частью, Дмитрій Алексѣевичъ Хомяковъ, сынъ нашего славнаго мыслителя и поэта; секретаремъ же къ Хомякову—Константиъ Николаевичъ Стапишевъ, Болгаринъ родомъ, кандидатъ Московскаго Унивѣрситета и воспитанникъ Славянскаго Комитета. Кромѣ того, при этой же канцеляріи будетъ находиться агентомъ отъ Петербургскаго Комитета Александръ Алексѣевичъ Нарышкинъ, нашъ бывшій агентъ въ Сербіи, съ правомъ, ему отъ насъ предоставленнымъ, заступать мѣсто и г. Хомякова, въ случаѣ его отсутствія.

Благотворительную дѣятельность въ Задунайскомъ краѣ или, вѣрнѣе сказать, собственно въ Болгаріи, Комитетъ въ официальной инструкціи, написанной имъ для своихъ агентовъ и сообщенной въ копіи г. Завѣдывающему гражданскою частью, очертилъ слѣдующимъ образомъ:

«Дѣятельность ихъ, будучи благотворительною, направляется преимущественно на поддержаніе храмовъ и школъ и на облегченіе участи бѣдствующаго христіанскаго населенія, содѣйствуя такимъ образомъ правительству (обращаю ваше вниманіе на эти слова) къ обновленію въ славянскихъ земляхъ, занимаемыхъ нашими войсками, правильной національной жизни въ бытовомъ, церковномъ, вообще въ духовномъ, нравственномъ и также матеріальномъ отношеніи».

Изъ этихъ словъ, мм. гг., вы можете усмотрѣть, какое значеніе придаемъ мы пребыванію нашихъ агентовъ въ Болгаріи. Имъ принадлежитъ доля участія въ той миссіи, къ которой призвана сама Россія въ отношеніи къ Болгарскому народу, и для исполненія которой необходима правительству не одна сила оружія, но и содѣйствіе всѣхъ русскихъ духовныхъ общественныхъ силъ. Поэтому дѣятельность нашихъ агентовъ, будучи благотворительною, есть въ то же время миссіонерская. Въ самомъ дѣлѣ, какая забота, по поводу возрожденія Болгаріи, должна лежать теперь на сердцѣ у

каждаго, кому дорого будущее Славянскаго міра? Забота о томъ, чтобъ оградить Болгарію, на первыхъ же порахъ ея новаго бытія, отъ тѣхъ ошибокъ, тѣхъ ложныхъ шаговъ, которыми, къ несчастію, ступила, лѣтъ 50 тому назадъ, возрождавшаяся Сербія, и которые дали всему ея дальнѣйшему пути какое-то, вредное для нея самой, фальшивое направленіе. Я не считаю удобнымъ перечислять здѣсь эти ошибки, предоставляя себѣ возвратиться къ этому предмету въ другой разъ.

Къ счастью для Болгаріи, Московскій Славянскій Комитетъ воспиталъ изъ среды юныхъ Болгаръ не мало добрыхъ интеллигентныхъ силъ. Пусть же теперь, вмѣстѣ съ нашими агентами, положить они, при возрожденіи этого многочисленнѣйшаго южно-славянскаго племени, прочный, здоровый фундаментъ ея просвѣщенію, гражданскому и духовному строю. Пусть не заботятся ни о конституціяхъ, ни объ европеизмѣ вообще. Пусть не забываютъ, что безъ нравственнаго союза съ Россіей, безъ общаго съ нею духовнаго идеала, другими словами, безъ православной религіи, какъ внутренней основы общественнаго бытія, какъ просвѣтительнаго и руководящаго начала, невозможна и несмыслима для славянскихъ племенъ никакая истинно-самостоятельная будущность, ни гражданская, ни духовная. Ибо еслибы славянскія племена измѣнили этой православной основѣ, въ которой заключается все существенное и многоплодное отличіе христіанскаго Востока отъ Запада и право Славянъ на самобытное участіе въ общечеловѣческомъ просвѣщеніи, — они бы стали совершенно излишни для міра какъ Славяне и могли бы, безъ ущерба для челоѣчества, уступить свое мѣсто западнымъ Европейцамъ. Впрочемъ, съ такимъ увѣщаніемъ можно бы обратиться и ко многимъ петербургскимъ мыслителямъ, изъ которыхъ нѣкто, въ одной петербургской газетѣ, съ высомѣрною и высокопарною важною совѣтуетъ русскимъ войскамъ, указывая на мою послѣднюю рѣчь, оставить дома въ Россіи всѣ эти вздорныя мысли о духовныхъ элементахъ русской народности, о «сущности народнаго духа», и исполнять только одну миссію — «нести къ Болгарамъ плоды европейскаго просвѣщенія»...

На это можно бы отвѣтить петербургскому глубокомыслен-

ному мужу, что въ такомъ случаѣ было бы уже несравненно справедливѣе поручить эту миссію не русскимъ войскамъ, а нѣмецкимъ и англійскимъ, какъ настоящимъ хозяевамъ европейскаго просвѣщенія. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, не отдать предпочтенія подлиннику предъ спискомъ.

Я утомилъ ваше вниманіе, мм. гг., но я счелъ необходимымъ выяснитъ вамъ отношеніе Комитета къ современнымъ событіямъ и направленіе его будущей дѣятельности. Задача предстоитъ намъ достойная и высокая, благодѣтельная,—но не съ пустыми же руками явиться намъ въ Болгарію! Средства наши значительно оскудѣли, а давнія почти прекратились. Много, конечно, приходится и придется жертвовать русскому обществу и народу на многообразнѣйшія нужды вызываемыя войной въ предѣлахъ самой Россіи,—но мѣтеть-быть, по пословицѣ: съ міра по ниткѣ, достанетъ у Россіи средствъ и на нашу скромную долю. Къ вамъ, мм. гг., обращаемся мы съ покорнѣйшею просьбой оказать намъ ваше усердное содѣйствіе. Собирайте пожертвованія книжками, кружками, какъ только возможно, снабжайте насъ средствами, столь необходимыми намъ для дѣятельности. Всѣ мы призваны теперь къ дѣйствию и къ труду. Возблагодаримъ Бога, что даровалъ Онъ намъ счастье переживать настоящія великія мгновенія, слышать и чувствовать въ нашей личной жизни трепетъ жизни исторической, всепародной, испытывать высокую, очистительную и освѣщающую отраду въ томъ, что всѣ мы теперь на Руси едино, въ тѣсномъ союзѣ мысли и духа съ милліонами братьевъ,—однимъ сердцемъ дѣлимъ и радость и горе, что отъ каждаго изъ насъ пужна, спрашивается и пригодится Россіи работа. Настаетъ день, бодрый, великій, трудовой, историческій день. Изыдемъ же съ вами, по слову Псалмопѣвца, «на дѣло, на дѣланіе свое до вечера!»

6. Рѣчь произнесенная И. С. Аксаковымъ въ первомъ Общемъ Собраніи Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 1 мая 1877 года.

Мм. гг! Въ послѣдній разъ собрался сегодня нашъ Московскій Славянскій Комитетъ для того, чтобы, *не переставая быть*, претвориться въ Московское Славянское Благотворительное Общество и ввести въ свою внѣшнюю дѣятельность порядокъ указываемый уставомъ, утвержденнымъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Мы наконецъ *узаконены*. Мы наконецъ признаны, открыто и положительно, нашею государственною властью послѣ 18-лѣтняго, почти внѣзаконнаго существованія. Въ этомъ узаконеніи заключается, несомнѣнно, значительная для насъ выгода: оно придаетъ намъ твердость и прочность. Выгода также и въ томъ, что дается организація независящая отъ личнаго предсѣдательскаго произвола и представляется членамъ довольно просторное право контроля. Самое новое наше названіе—«общество»—по смыслу своему шире: съ понятіемъ о *комитетъ* всегда соединяется понятіе о чемъ-то весьма специальномъ, да и плохо вяжется такая цифра членовъ—свыше тысячи—которую мы теперь насчитываемъ. Тѣмъ не менѣе многіе изъ васъ, конечно, не безъ сожалѣнія расстанутся съ названіемъ, съ которымъ свыклись, которое вызываетъ въ памяти цѣлый длинный рядъ пережитыхъ невзгодъ и испытаній, преодолѣнныхъ препятствій, а также и радостныхъ минутъ успѣха и подъ конецъ торжества; съ названіемъ, которое въ послѣднее время стяжало себѣ, слава Богу, почетную всезнаемость во всемъ Славянствѣ и даже въ массахъ нашего простаго народа. 18 лѣтъ тому назадъ, небольшому кружку людей, изъ которыхъ въ живыхъ осталось очень немного, а изъ главныхъ водителей духа никого, удалось выхлопотать разрѣшеніе: оказывать, на свой счетъ конечно, благотвореніе Славянамъ въ Россіи и за границей, и въ послѣднемъ случаѣ доставлять помощь на мѣсто чрезъ посредство Азіатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Это казалось въ тѣ времена необычайною побѣдой! Тѣ немногіе «благотворители», какъ ихъ величали въ официальныхъ бумагахъ, поручили

вести дѣло вещественнаго вспомошествованія покойному попечителю Московскаго Университета Алексѣю Николаевичу Бахметеву, который и вель, добросовѣстно и собственноручно, первую книгу нашихъ, болѣе чѣмъ скудныхъ, приходовъ и расходовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ уже Бахметева, мы стали употреблять, въ сношеніяхъ съ Министерствомъ, совершенно самовольно, но какъ-то случайно и естественно (надо же было какъ-нибудь именоваться) названіе: «Комитетъ», Министерство не протестовало и такимъ образомъ утвердилось то названіе, которое мы теперь мѣняемъ на названіе «Общество».

О первой группѣ славянофиловъ можно вообще сказать, что то было малое, очень «малое стадо», и самая дѣятельность совершалась первоначально *о малъ*, въ тѣсныхъ предѣлахъ, допущенныхъ тогдашними условіями Русской общественной жизни. Но это малое стадо помнило призывъ евангельскій: «не бойся, малое стадо», и было *вѣрно о малъ*. Вотъ объ этой-то *вѣрности о малъ* и слѣдуетъ какъ можно чаще напоминать тѣмъ нашимъ юнымъ дѣятелямъ, которые пренебрегаютъ подвигами невзрачными и скромными, требуютъ для себя, съ перваго же раза, дѣятельности въ обширныхъ размѣрахъ и падки на эффекты и театральность.

Про нашъ Славянскій Комитетъ можно также сказать, что онъ былъ *вѣренъ о малъ*. Долго считалъ онъ своихъ членовъ только десятками, долго не набиралось даже и десятка членовъ въ его засѣданіяхъ, долго дѣятельность его ограничивалась занятіями самаго скромнаго свойства (воспитаніемъ нѣсколькихъ Славянъ, умѣреннымъ пособіемъ нѣкоторымъ школамъ и т. п.); долго приходилось Комитету бороться около себя, внутри самой Россіи, съ невѣжествомъ, съ равнодушіемъ, съ направленіемъ противоположнымъ и даже злобно-враждебнымъ. Какъ въ игрѣ: «живъ-живъ курица», забота Комитета долго была лишь о томъ, чтобъ не угасла искра, чтобъ поддержался тлѣющій огонь... И вотъ огонь поддержался, и разгорѣлся. Число членовъ умножилось; открылись отдѣлы въ Петербургѣ и Кіевѣ. Ровно десять лѣтъ тому назадъ состоялся въ Москвѣ, по поводу Этнографической выставки, Славянскій съѣздъ, гдѣ впервые сошлись, на Русской землѣ, представители всѣхъ Славянскихъ пле-

менъ во имя ихъ общаго единства. Нѣсколько лѣтъ спустя, воздвигся въ Чешской Прагѣ русскій православный храмъ также благодаря настойчивымъ стараніямъ Комитета, вопреки возраженіямъ людей робкихъ въ дѣлѣ и мнимо-мудрыхъ. О послѣднихъ событіяхъ напоминать вамъ нечего: они слишкомъ хорошо извѣстны. Такимъ образомъ, долго и медленно пробиравшійся узкими, тѣсными тропинками, утративъ на пути многихъ и многихъ лучшихъ людей, мы выбрались наконецъ на широкую дорогу и подошли къ самому рубежу обѣтованной земли. Уже развѣвается, за Русскими предѣлами, наше Русское знамя, поднятое за возвращеніе свободы и человѣческихъ правъ угнетеннымъ, униженнымъ, презрѣннымъ высокоумною въ своемъ просвѣщеніи Европою, православнымъ Славянскимъ племенамъ. Пробуждается дремлющій Востокъ, и не одни Славяне Балканскаго полуострова, но и весь міръ Славянскій ждетъ возрожденія. Новая, новая пора настаётъ, брежетъ заря великаго, Славянскаго дня....

Въ такое-то великое, всемірно-историческое мгновеніе, среди кликовъ войны, бранныхъ тревогъ и заботъ, предстоитъ намъ, мм. гг., преобразиться изъ Комитета въ Общество, по уставу, подписанному, по какой-то знаменательной случайности, 12 апрѣля, въ одинъ день съ Манифестомъ о войнѣ съ Турціей. Хотя славянское дѣло уже вышло теперь изъ специальности Комитета или какого бы то ни было общества, но независимо отъ общихъ вопросовъ и задачъ, много и много еще предвидится тяжелой и черновой работы въ частномъ примѣненіи нашей братской любви къ жизни Славянскихъ племенъ.

И такъ съ Богомъ, передадимъ же новому Обществу во всей цѣлости направленіе, преданіе, духъ нашего Московскаго Славянскаго Комитета. Пусть перенесется на Общество та любовь и то сочувствіе, которыми такъ утѣшенъ былъ Комитетъ въ свои послѣдніе дни. Пусть новое Московское Славянское Благотворительное Общество вмѣститъ въ свой составъ все правосмыслищее и правочувствующее не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи!*)

*) См. на оборотѣ, подъ чертой.

7. Рѣчь предсѣдателя Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества въ об ъмъ собраніи членовъ 26 сентября 1877 г.

Мм. гг.! Въ послѣдній разъ, бесѣдуя съ вами по поводу объявленія Россією войны, мы привѣтствовали ее какъ наступленіе историческаго дня—великаго, бодрого, *трудоваго*...

Россія на работѣ. Мы взошли въ самую знойную пѣру *страды*. Понадобился трудъ—тяжкій, упорный, исполинскій трудъ, соотвѣтственный исполинской задачѣ. Еще не видать ему конца, еще не скоро отдохнуть труженики.

Два адреса Ивану Сергѣевичу Аксакову.

По поводу переименованія Славянскаго Комитета въ Общество и въшеприведенной рѣчи, членами Общества и почитателями Ивана Сергѣевича были поднесены ему слова Спасителя и два адреса слѣдующаго содержанія:

I.

„Иванъ Сергѣевичъ!

„Вы сослужили великую службу славянскому дѣлу и сдвали не болѣе дѣлу чисто-русскому. Вы дали плоть и кровь славянскому братству, и то, что было или чувствомъ, хотя бы и многихъ, или историческимъ и поэтическимъ предвидѣиємъ, Вы сдѣляли дѣйствительнымъ фактомъ исторіи. Силою духа и властію любви Вы превратили вещественное благотвореніе въ великое благотвореніе духовное. Ваше имя, издавна слитое во одно съ понятіемъ о гражданской доблести, вызвало у насъ, Русскихъ, обиліе приношеній для нашихъ южныхъ братьевъ въ размѣрахъ никакъ не ожидаемыхъ нами самими, а имъ, угнетеннымъ, страдающимъ и безнадежнымъ на землѣ, Вы указали въ любвеобильномъ, дѣйствительномъ славянскомъ братствѣ духовное отечество. Вашимъ подвигомъ, забывшимъ объ утомленіи, отбросившимъ заботы о здоровьи, непобоявшимся немолчнаго враждебнаго крика русскихъ иностранцевъ, вѣще стихи поэта:

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?
Не пора-ль очнуться намъ?
На дву увидать внуки
То, что снилося отцамъ,—

въ пророческой пѣснѣ пренратились въ общее живое убѣжденіе насъ, коренныхъ Русскихъ, и нашихъ славянскихъ братьевъ.

Какъ предсѣдателю Славянскаго Общества, мнѣ слѣдовало бы представить вамъ обзоръ общаго положенія Славянскаго міра. Но все его вниманіе приковано теперь къ театру войны, и весь онъ, съ волненіемъ и тревогой, живетъ изо дня въ

„Примите же отъ насъ задумевное чествованіе Вашего любвеобилія, Вашей силы духа, чистоты побужденій и дѣйствій, и Вашего гражданскаго мужества. Москва, 1 мая 1877 года“.

(Слѣдуетъ нѣсколько десятковъ подписей—въ огромномъ большинствѣ лицъ самыхъ извѣстныхъ и уважаемыхъ не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи.)

II.

„Иванъ Сергѣевичъ!

„Сегодня заключилась дѣятельность нашего, доброй памяти Славянскаго Благотворительнаго Комитета и начинается новая жизнь Славянскаго Благотворительнаго Общества. При этомъ случаѣ считаемъ долгомъ совѣсти и потребностью нашей души выразить Вамъ нашу глубокую, искреннѣйшую благодарность за все, Вами на этомъ поприщѣ совершенное, и за то, что вы не уклоняетесь отъ дальнѣйшаго служенія великому дѣлу Славянства.

„Вы не пренебрегли первоначальною скромною дѣятельностью Комитета, относившеюся къ образованію славянской молодежи, къ поддержанію дружескихъ сношеній съ Славянскими землями и къ передаче имъ разныхъ особій. Но когда обстоятельства измѣнились и оказалась необходимою дѣятельность иная, Вы стали въ уровень съ потребностями нашей страны и нашего времени. Вы вѣрно поняли наши народныя чувства и стремленія относительно возникшей борьбы Босняковъ, Герцеговинцевъ, Болгаръ, Сербовъ и Черногорцевъ противъ мусульманскаго ига; своими воззваніями Вы пробудили то, что лежало въ душѣ каждаго изъ насъ; своими неутомимыми трудами, своею распорядительностью и своею добросовѣстностью Вы привлекли не только массу небывалыхъ, едва ожидавшихся пожертвованій, но и предложеніе услугъ вполнѣ безкорыстныхъ, даже съ самопожертвованіемъ сопряженныхъ, на пользу Славянства.—Ваша рѣчь 6-го марта никогда не изгладится изъ нашей памяти, ибо Вы вѣрно и съ жаромъ высказали то, что все мы чувствовали, чѣмъ мы боимся. Вы оказали дѣйствительную и великую услугу славянскому и собственно русскому дѣлу, и, высказывая Вамъ нашу признательность, мы чувствуемъ—насколько еще остаемся у Васъ въ долгу.

„Мы вполнѣ увѣрены, что и при новыхъ обстоятельствахъ Вы поставите Общество на высоту его призванія и тѣмъ утвердите за нимъ то значеніе, которое Вы ему доставили. 1-го мая 1877 г. Москва“.

(Слѣдуютъ подписи.)

день вѣстами съ Кавказа и изъ-за Дуная. Тамъ сосредоточены всѣ его самыя существенныя, самыя кровныя интересы, тамъ рѣшается вопросъ его бытія. Тамъ, т. е. тамъ, гдѣ бьется съ врагами *наша* Россія, гдѣ потоками льется наша, русская кровь... О чемъ же иномъ и мы въ настоящую минуту можемъ мыслить, заботиться, говорить...?

Еще не пришло время подводить итоги. Война въ самомъ разгарѣ, со всѣми своими случайностями и превратностями, и — сознаемся въ томъ прямо, безъ малодушія, — насъ не балуетъ пока военное счастье... Не на счастье, впрочемъ, и возлагала Россія свои надежды. Наше утѣшеніе, наша радость покуда не въ результатахъ войны, а въ изумительной, дивной доблести нашихъ воиновъ. Никогда еще не выступало ихъ мужество въ такомъ озареніи святости. Это по истинѣ христіанское войско. Надъ всѣмъ этимъ, накопленнымъ войною хламомъ разнорѣчныхъ толковъ, сплетень, интригъ, клеветъ, пререканій, въ безспорномъ величіи воздвигается лишь свѣтлый образъ русскаго солдата — съ его добродушіемъ и простотою, съ несокрушимою мощью вѣрующаго, смиреннаго духа. Онъ препобѣдилъ всѣ пристрастія, всѣ предубѣжденія ненавистниковъ, и Европейскій міръ съ почтеніемъ преклонился предъ его воинскою твердостью и человѣческимъ сердечнымъ незлобіемъ.

Уже полсотни тысячъ этихъ героевъ, въ непрестанныхъ битвахъ, вышло изъ строя... Но чтѣ же добыто ихъ сверхъестественнымъ напряженіемъ, ихъ драгоценною кровью?... Не намъ, не отсюда, а можетъ быть еще и не время судить объ искусствѣ и способности вождей, о знаніи и умѣлости военачальниковъ, о вѣрности и пригодности ихъ военныхъ соображеній. Мы можемъ говорить лишь о томъ, чтѣ чувствуетъ, чтѣ испытываетъ въ настоящую пору вся Россія—въ виду такой траты усилій и крови, и такой, сравнительно, ничтожности добытыхъ результатовъ...

Россія недоумѣваетъ.

Какъ сказочный богатырь, у котораго чьямъ-то злымъ чародѣйствомъ отведена сила, занесенный съ размаху ударъ бьетъ въ пустой воздухъ, могучія руки падаютъ въ немочи, — такъ и Россія невольно спрашиваетъ и дивится: отчего же

такъ, до сихъ поръ, безсильны силы, что слышалъ и не перестаетъ слышать въ себѣ и теперь ея великанъ-народъ?

Свѣта, свѣта, какъ можно болѣе свѣта, вотъ что нужно теперь Россіи, — въ свѣтѣ бодрость и мощь, власть и даръ обновленія! — свѣта, чтобы разошлася мгла, чтобы разсѣялся чадъ смрадныхъ слуховъ и толковъ... Но скуденъ свѣтъ, льющійся намъ изъ-за роковой зарубежной дали. Съ болѣзненнымъ напряженіемъ всматривается въ нее Россія и, какъ сквозъ туманъ, видитъ лишь до сихъ поръ печальныя призраки несчетныхъ геройскихъ жертвъ... Страстно прислушивается, но кромѣ ужасающихъ цифръ убитыхъ и раненыхъ и отрывочныхъ смутныхъ вѣстей, ничего не доходитъ до нея отъ органовъ Русской власти.

Въ самомъ дѣлѣ, не лакопческими же официальными депешами, къ тому же всегда запаздывающими, можетъ быть утолена законная, праведная жажда свѣдѣній, которою мучаются семьи, которою томится Россія въ эту упорную, лютую, кровопролитнѣйшую изъ войнъ. Не странноли, — да и не стыдно-ли, — что вся эта великая, позади русской арміи выжидающая Россія, отъ верхнихъ слоевъ до нижнихъ, отъ знатныхъ палатъ до избы, осуждена пробавляться иностранными корреспонденціями и только въ нихъ ловить себѣ лучей истины! Эта высокая честь досталась преимущественно на долю двухъ англійскихъ корреспондентовъ, Форбса и Макъ-Гахана. Ихъ независимое, безпристрастное слово внушило довѣріе, болѣе чѣмъ робкія, строго процѣживаемая цензурой сказанія русскихъ корреспондентовъ, — и благодареніе имъ! Благодареніе за ихъ сочувствіе нашему дѣлу, за ихъ благоговѣнное уваженіе къ нашему солдату, за похвалу храбрости нашихъ офицеровъ — и всего болѣе за трезвую, горькую правду. Эта правда, въ переводѣ русскихъ газетъ, обошла всю Россію, такъ какъ едвали найдется *теперь* хоть одно село на Руси, гдѣ бы не читались газеты... Это не то, что было прежде, и объ этомъ можетъ-быть не бесполезно было бы вспомнить и за Кавказомъ, и за Дунаемъ...

Да, недоумѣніе, какъ грозная туча, облегло всю нашу землю отъ края до края, но *только* недоумѣніе, — не уныніе, нѣтъ! На всемъ этомъ необъятномъ пространствѣ, среди милліоновъ народныхъ массъ, не проронится ни слова жа-

лобы или ропота: «къ чему, да на что, да изъ-за чего поведася война?» — народъ лишь недоумѣваетъ, почему она такъ ведется, а не иначе, почему доблестнѣйшія въ мірѣ войска доселѣ не добудутъ побѣды? Ни на одинъ мигъ не вкралось въ его душу сомнѣніе въ непреложности и святости предпринятой борьбы, ни разу не поколебалась рѣшимость довершить начатое до конца, нести ея тяготы до конца... И онъ донесетъ ихъ, и вынесетъ на своихъ могучихъ плечахъ достоинство Россіи и свершеніе историческаго завѣта, и искупить своею кровью грѣхи, мозаикае ему побѣду.

Не на простой народъ, впрочемъ, ложатся эти грѣхи, не на эту «меньшую братію», какъ высококомѣрно-снисходительно чествуютъ его иногда въ нашемъ обществѣ, а именно на насъ, на «старшую братію», на ту нашу общественную среду, которой самый главный, самый пагубный грѣхъ — корень всѣхъ нашихъ золъ и бѣдствій — въ отчужденіи отъ русской народности. Ни на чемъ не сказалось такъ рѣзко это отчужденіе, это различіе между упомянутою средою и остальнымъ народомъ, какъ именно на настоящей войнѣ. Въ то самое время, какъ враги наши ликуютъ и надмеваются, когда самоотверженно гибнутъ тысячами наши воины, а оставшіеся въ живыхъ еще выше выросли, еще крѣпче закалились духомъ и ждуть не дождутся изъ Россіи словъ одобренія и ободренія, — какіе голоса, имъ въ утѣшеніе и назиданіе, громче и громче начинаютъ подниматься изъ этой среды и скоро, пожалуй, раздадутся оглушительнымъ хоромъ? Будто скорбѣя, они пророчатъ Россіи чуть не окончательное пораженіе... «Видите, видите» — вопіютъ они, худо скрывая злорадство и парадирюя въ новой для себя роли народолюбцевъ — «мы были правы, да! мы были правы, мы всѣми способами противились этой безумной, безпричинной войнѣ, навязанной Россіи дерзостью Славянскаго Комитета, сумасбродствомъ журналистовъ, фанатиковъ, которыхъ къ несчастію не успѣли унять. Что намъ за дѣло до какихъ-то «Славянъ, Болгаръ и Сербовъ? Мы прежде всего Русскіе, «Русскіе, ни о чемъ не должны мы думать и пещись какъ «о Россіи, — куда намъ освобождать и просвѣщать другихъ, «у насъ и своихъ бѣдъ довольно, мы о нихъ заботимся, о «народѣ болѣемъ, — у насъ даже вотъ и проекты разные

«понаписаны,—но насъ не послушали, нашъ совѣтъ отвергли, и чѣмъ взяли? Чѣмъ взяли?».

Не стоило бы даже удостоивать вниманія этотъ возгласъ дешевой мудрости и важнаго легкомыслія, еслибъ вся эта умственная и духовная ничтожность (на которую неизбежно обреченъ каждый, отчуждающійся своей народности) не была подчасъ надѣлена извѣстнымъ значеніемъ и высоко простирающимся влияніемъ. Кто-жь, какъ не они, помимо случайныхъ военныхъ ошибокъ, главные виновники неудачъ, бѣдствій, того множества жертвъ, которое они оплакиваютъ? На кого, какъ не на нихъ, по преимуществу должно пасть это излишество пролитой крови? Не они ли усилили врага, задержавъ ударъ, благовременно ему наносимый и снабдивъ его потребнымъ досугомъ? Война *безтричинная*, война *навязанная!*... Они и видя не видятъ, и слыша не слышатъ. Не растолковать ни иностранцамъ, ни имъ святой простоты и естественности народныхъ побужденій къ войнѣ и ея міроваго, историческаго смысла... Но мы не можемъ, мы не должны молчать,—авось хоть кому-либо изъ нихъ пройдетъ въ душу слово истины.

Эта война—историческая *необходимость*; эта война—*народная*, и никогда ни къ какой войнѣ не относился народъ съ такимъ *сознательнымъ* участіемъ. «Но мы и сами народъ»—слышится мнѣ новомодное возраженіе. Да, они точно часть народа и даже верхній его слой, но только къ прискорбію вывѣтрившіяся и потому самому бесплодные. Они призваны быть народу высшимъ органомъ сознанія, но имъ невѣдома и чужда та стихія народнаго духа, которая пребываетъ въ народныхъ массахъ и творитъ историческую жизнь.... «Это поклепъ на народныя массы—возражаютъ мнѣ снова: «зачѣмъ навязывать имъ какіе-то историческіе задачи и идеалы? Допросите простолюдиновъ хоть вмѣстѣ, «хоть порознь: ничего-то о нихъ никогда они не вѣдали и «не вѣдаютъ!» Но неужели же вы не знаете, что ни отдѣльная народная единица, ни извѣстное множество единицъ, хотя бы и изъ простонароднаго слоз, не выражаетъ еще собою понятія о народѣ? Вѣдь никто никогда, взятый порознь, не сочинялъ русскаго языка и не выдумывалъ ему грамматики, а вѣдь существуетъ же русскій языкъ, создан-

ный нѣтъ инымъ какъ *народомъ* и отражающій его умъ. Народъ есть особый, цѣльный, самостоятельный организмъ, слагаемый совокупностью единицъ бывшихъ, наличныхъ и будущихъ, живущій въ вѣкахъ, управляемый своими внутренними историческими законами, имѣющій свой ростъ, свою память, свое развитіе, стремленія, задачи и цѣли, свои умственные и духовныя отправления, совершающіяся въ пространствѣ времени, и которыя только дробясь, только отчасти, могутъ отражаться въ его отдѣльныхъ миллионныхъ атомахъ. То жизнь *непосредственная*. Работа же *личнаго сознанія* принадлежитъ лишь тѣмъ народнымъ единицамъ, которыя изъ среды стихійной выдѣлились трудомъ мысли и образованіемъ,—но на этой-то чредѣ, къ которой вы призваны, васъ и постигаетъ, къ несчастію, духовное отступничество отъ народа. Да, какъ ученый, изучая родной языкъ, раскрываетъ законы его грамматики, такъ и вы, вдумываясь въ исторію роднаго народа, могли бы уразумѣть ея пути и ея задачи; но вы ея не знаете, не хотите и знать и презираете историческія преданія... Такого историческаго знанія и сознанія въ простонародныхъ массахъ конечно нѣтъ,—но, рядомъ съ историческимъ инстинктомъ, *нравственное сознаніе* своей общей связи, своего личнаго долга и отношенія, въ данную историческую минуту, къ великому цѣлому, называемому народомъ (или именемъ страны, напримѣръ Россіей) вполне доступно простонароднымъ массамъ—и оно-то и высказалось въ настоящей войнѣ.

Прошу извиненія у слушателей, что излагаю эту азбуку общихъ понятій, но ее не бесполезно было припомнить въ виду упорнаго недоразумѣнія относительно слова: народъ.

Само собою разумѣется, что простой народъ (по преимуществу и справедливо называемый народомъ), хотя и былъ несомнѣнно влекомъ своимъ историческимъ инстинктомъ, не задавался однако же отвлеченными умозрѣніями о строеніи русскихъ историческихъ судебъ, о будущемъ призваніи Россіи и Славянскаго міра. Его сознательное участіе къ войнѣ могло относиться только къ живой, реальной, нравственной ея сторонѣ. Онъ понялъ ясно одно: что эта война не прихоть Царя-Самодержца и не плодъ какихъ-либо недоступныхъ народу, но принимаемыхъ имъ на вѣру, соображеній;

что она указана Царю и ему—совѣстью; что она не только царева, но и ея. Народъ, нашъ простой, смиренномудрый народъ, не одержимый ни властолюбіемъ, ни жаждою боевой славы, принялъ войну какъ нравственный долгъ, естественный и непроизвольный, какъ непреложный, священный подвигъ, сужденный ему Провидѣніемъ. Почему? Потому, что это война за веру, за христіанъ-православныхъ, да еще и одного съ нимъ племени—гнетомыхъ, мучимыхъ злыми врагами Христа, Азіятами-мусульманами, поработившими издревле-христіанскія земли. Его понятія о христіаняхъ-единоплеменникахъ были прежде довольно смутныя, да и самъ онъ былъ удрученъ духомъ, подъ тягостью крѣпостной зависимости. Съ освобожденіемъ же отъ крѣпостнаго рабства, онъ инстинктивно почувствовалъ, что онъ и самъ—Россія, непосредственный участникъ ея призванія и исторической отвѣтственности. Какъ только въ прошломъ году дошло до народнаго вѣдома о турецкихъ лютоствахъ, о страданіяхъ христіанъ, о брани, воздвигнутой православными за Христа и свободу, народъ самъ, самовольно, пошелъ навстрѣчу подвигу, прежде чѣмъ онъ былъ возвѣщенъ ему верховною властью: онъ несомнѣнно вѣровалъ,—и напрасно бы они, мудрые консерваторы, пытались его въ томъ разуверить,— что Царская совѣсть не можетъ рознить съ совѣстью народною, и что жертва угодная Богу не можетъ не быть угодною и верховному народному вождю.

До такой степени на помощь Сербіи смотрѣли въ народѣ какъ на христіанскій подвигъ, что были села, гдѣ на міру признавали нужнымъ хоть одного изъ односельчанъ имѣть въ числѣ участниковъ подвига,—міромъ снаряжали и благословляли избранниковъ. И эти избранники, на вопросы мои: зачѣмъ ѣдутъ? отвѣчали простодушно и искренно, что хотятъ «пострадать», хотятъ «помереть за веру», «положить души за други своя»....

И надъ этимъ-то священнодѣйствіемъ народнаго духа они кощунственно паругались, они закидали его бранью, насмѣшками, клеветами; глумились надъ народомъ, когда онъ молился, издѣвались надъ его состраданіемъ,—и успѣли-таки въ самомъ правительствѣ (и ко вреду, для него) поселить прискорбное недоверіе къ искренности народнаго движенія,

обозвавъ его *революціоннымъ*. Кто же однако революціонеръ? Понимаютъ ли они, что всякое подобное со стороны власти оскорбленіе народнаго чувства родитъ смущеніе въ народѣ и рознитъ его съ нею? О, какъ правъ былъ Юрій Самаринъ, заклеившій ихъ направленіе названіемъ «революціоннаго консерватизма»! Вотъ они и добились, въ своемъ близорукомъ консерватизмѣ, устраненія даровитѣйшихъ русскихъ дѣятелей Сербской «самовольной» войны отъ участія въ настоящей «регулярной» войнѣ,—и лишили нашу армію полезныхъ, испытанныхъ воиновъ.

Народное движеніе 1876 года *неразрывно* связано съ настоящею войною; это былъ прологъ къ послѣдующей исторической драмѣ,—это дѣло *одно и тоже*. Историкъ не раздѣлитъ ихъ и не пойметъ, какъ не понимаетъ до сихъ поръ, въ смущеніи своемъ, и народъ—почему, воюя теперь съ Турціей и освобождая Болгаръ, *т. е. Славянъ*, у насъ какъ бы отрекаются отъ крестоваго похода, предпринятаго народомъ прошлымъ лѣтомъ ради *такихъ же Славянъ*, и какъ бы держатъ въ опалѣ участниковъ того народнаго дѣйствія, въ которомъ одномъ—оправданіе и объясненіе нашей настоящей войны.

Пойдемъ дальше. То, что для народа, въ его личномъ сознаніи, представлялось нравственнымъ непреложнымъ долгомъ, то было въ то же время и историческою миссіею Россіи, какъ главы и представительницы цѣлаго особаго міра, Православнаго и Славянскаго, еще недосозданнаго, но создаемаго, ожидающаго отъ будущихъ временъ своей конкретной исторической формы. Все значеніе Россіи во вселенной заключается въ ея религиозной и народной особенностяхъ, соединенной съ виѣшней матеріальною силою,—въ ея духовныхъ стихіяхъ, отличныхъ отъ стихій Западной Европы, въ ея Православіи и Славянствѣ. Она не можетъ достигнуть полноты своего развитія, не доставивъ торжества этимъ духовнымъ стихіямъ въ исконныхъ мѣстахъ ихъ пребыванія, не возстановивъ полноправности, хотя бы общечеловѣческой, братскихъ по крови и *духу* племенъ. Безъ возстановленія этой полноправности и безъ освобожденія Православнаго Востока отъ турецкаго ига, отъ матеріальныхъ и духовныхъ захватовъ Запада, Россія, какъ организмъ лишенный свобод-

наго кровообращенія, осуждена была бы навсегда остаться увѣчною, калѣкою, недоноскомъ. Война являлась для нея такою же необходимостью какъ самооборона, или иначе: какъ естественное продолженіе ея развитія, ея роста, какъ процессъ исторической формациі.

Благословенъ удѣлъ той страны, гдѣ политическія задачи бытія совпадаютъ для народа съ исполненіемъ высокаго личнаго нравственнаго долга, гдѣ трудъ историческаго самосложенія совмѣщаетъ въ себѣ и христіанскій подвигъ! Торжество Россіи — торжество мира, свободы, полноправности братской... То ли мы видимъ въ другихъ, именуемыхъ и христіанскими и цивилизованными, европейскихъ державахъ, которыхъ самое бытіе почіетъ на униженіи, гнетѣ, порабощеніи и развращеніи чужихъ народовъ, — стало-быть въ самомъ себѣ заключаетъ залогъ осужденія и гибели. Такъ, для интересовъ Британіи требуется, чтобы бѣдствовало населеніе Балканскаго полуострова и пребывало въ состояніи вѣчнаго малолѣтства, чтобы Турокъ господствовалъ надъ Христіаниномъ и Евангеліе попиралось Кораномъ. Всѣ эти турецкія звѣрства, это поголовное истребленіе Болгаръ, это повальное избіеніе ихъ дѣтей, — все на руку Англіи, все это она терпитъ, допускаетъ, дабы отнять торжество у Россіи: это для Англіи *дѣло патриотизма!!* Такъ, уродливое политическое сочетаніе пѣмецко-жидовской культуры и мадьярской башибузуцкой дикости, извѣстное подъ названіемъ Австро-Венгріи, зиждется лишь на неравноправности ей подвластныхъ и на угнетеніи сосѣднихъ Славянъ!

Ничего этого не поняли наши консерваторы!... Когда Царь, который стоитъ и дѣйствуетъ предъ лицомъ исторіи и несетъ на себѣ отвѣтственность за судьбы Россіи, призналъ неизбежность давно ожидаемой народомъ борьбы, они пустили въ ходъ всѣ доступныя имъ, въ ихъ сферѣ, вліанія, чтобы натворить препятствій объявленію войны. Несчастные! они мечтали преградить ходъ Исторіи, — да впрочемъ Русская Исторія у нихъ не въ почетѣ, они ее «игнорируютъ»... Хода исторіи они не остановили, но затруднить, искривить, извратить его — имъ все-таки удалось! Благодаря имъ, неприготовленная, почти врасплохъ захваченная Турція стала готовиться — и изготовилась, — мы же.... Но кто смущалъ, ос-

лаблялъ, тормозилъ дѣятельность воли, необходимую для успѣха русскихъ приготовленій? Чьимъ противодействіемъ или недостаткомъ содѣйствія замедлялись, парализовались они? Кто усилилъ врага и поднялъ его духъ, кто съ самаго начала подорвалъ и внѣшнюю русскую силу, и энергію распоряжающейся власти?

Дипломатія, вѣрное отраженіе той же безличности, безнародности, съ подобострастіемъ дикарей предъ цивилизаціей Европы начала свою выгодную для враговъ и неприбыльную для Россіи работу. Европа скоро повѣрила возгласамъ о неготовности, о нерасположеніи Россіи къ войнѣ и подвергла насъ пыткамъ постепенныхъ, оскорбительныхъ уступокъ. Неготовность! но чьи же господствующія воззрѣнія препятствовали разумѣть указанія исторіи, неотложныя задачи Россіи, и неослабно готовиться къ ихъ разрѣшенію? Исторія не ждетъ, и чаша страданій Христіанъ переполнилась, не справляясь—готовы ли мы или нѣтъ...

Этимъ еще не кончилисъ услуги консерватизма русскому дѣлу. При какихъ условіяхъ, при какой обстановкѣ, благодаря ему, выступилъ наконецъ въ ратное поле русской боецъ?.. Съ стопудовыми гириями на рукахъ и ногахъ, мѣшавшими движенію и размаху, убивавшими порывъ и силу! Ради «интересовъ европейскаго мира», осудили войну, на «локализацию»... Интересы европейскаго мира! Это одна изъ тѣхъ лицемѣрныхъ «фикцій», тѣхъ условныхъ, пустопорожнихъ фразъ, въ которыя сама Европа нисколько не вѣритъ, но на которыя, какъ на удочку, ловить русское простодушіе и притязаніе на европезмъ! Но вѣдь съ точки зрѣнія европейскихъ интересовъ самое существованіе Россіи, ея естественный ростъ и естественная прибыль внутренней силы уже не совмѣстны съ выгодами Европы: такъ ужъ не нужно ли намъ, ради спокойствія Запада, понизиться, умалиться и расслабнуть до пригодной мѣры? «Локализация»! Но что значилъ для нашей войны этотъ повѣйшій дипломатическій терминъ? Онъ значилъ: освобожденіе Турціи отъ заботъ относительно Сербіи, Босніи, Греціи, Эпира, Фессалии, Египта и устремленіе всѣхъ ея силъ исключительно на Русскую армію и на Болгарію, т. е. на ту именно страну, которую мы пришли надѣлать свободю и благоденствіемъ... Въ ре-

зультатъ — Шлевно, десятки тысячъ лишнихъ убитыхъ и раненыхъ, выжженная, вырванная Болгарія, перспектива зимней кампаніи и можетъ-быть даже европейской войны!

Но и этого было мало. Не въ этомъ пуще зло, а въ попыткѣ исказить истинный смыслъ, ослабить самый внутренній нервъ войны. Съ нами борется врагъ, не только крѣпкій единствомъ религіознаго сознанія, какъ уже было указано и другими, но въ которомъ это религіозное сознаніе есть въ то же время сознаніе политическое и историческое. *Религіозное призваніе* Ислама, народовъ его исповѣдующихъ и преимущественно Турецкаго племени, состоитъ въ *политическомъ господствѣ* надъ народами невѣрными, т. е. немусульманами. Исторія, повидимому, оправдала такое ихъ притязаніе и приучила Турокъ къ господству: ихъ историческая память хранить лишь преданія власти. Кромѣ того, настоящею войною поставленъ для нихъ роковой, грозный вопросъ: *быть* или *не быть*? Турція бьется на жизнь и смерть, бьется за владычество Ислама и своего племени, потому что безъ владычества немислимо самое ихъ существованіе. Вотъ что написано на турецкомъ знамени, которое, въ судорогахъ отчаянія, потрясаетъ надъ собою распаленный, разпузданный фанатизмъ. Что же пытались мы противопоставить этому знамени? Въ нашемъ народномъ сознаніи это *тоже* война за вѣру и за братьевъ, за православіе и православныхъ единоплеменниковъ. Знамени врага мы должны, мы призваны противопоставить знамя съ высшимъ символомъ нашей святой вѣры: крестъ и священный завѣтъ «симвъ побѣдиши»!... Но не заботились ли у насъ, прежде всего, о томъ, чтобы, въ интересахъ гуманности и цивилизации, эта война была *не племенной* и *не религіозною*? Да какой же смыслъ въ этой войнѣ, если она не племенная и не религіозная?! Нашимъ консерваторамъ, въ ихъ недовѣрїи и отвращенїи къ проявленіямъ русскаго народнаго духа, претили и претяютъ самыя слова: «православіе» и «славянство»: они для нихъ звучатъ какъ революціонные кличи. А въ нихъ-то, въ этихъ словахъ, самая основа той силы, которая рѣшаетъ побѣду! Въ такой рискованной ставкѣ какъ война, опасны всякія недоразумѣнія. Побѣду можетъ намъ дать только то знамя, которое мыслить и часть видѣть предъ

русскимъ вопиствомъ Русскій народъ, и только тогда, когда оно будетъ подъято мужественно, твердо, вполне сознательно, а не прикрыто безцвѣтнымъ флагомъ обще-европейскаго интереса!

Вотъ, вотъ гдѣ кроется главная причина и объясненіе понесенныхъ нами до сихъ поръ неудачъ! Виною всему отчужденіе отъ народности. Отрѣшаясь духомъ отъ духа своей страны, человѣкъ самъ себя обезличиваетъ, обезсиливаетъ, опоражняетъ духовно и по необходимости живетъ *чужимъ — чужимъ*, заемнымъ умомъ, чуть не чужою душою. Прибавьте къ тому и привычку: думать и говорить на чужомъ языкѣ, постоянно прибѣгать къ чужому готовому орудію обмѣна мыслей. Все это заемное добро, не пуская корней въ почву себѣ инородной, претворяется въ головѣ и сердцѣ въ бесплодный хламъ, въ бессознательную ложь, въ *пошлость общаго мнѣнія*. Выбросивъ изъ себя всякій «національный скорбъ», т. е. тяжкій грузъ историческихъ завѣтовъ и преданій, духовныхъ и умственныхъ связей съ роднымъ народомъ, вы, какъ судно безъ балласта, влаетесь по всякому вѣтру, вы — въ точномъ смыслѣ слова — *легкіе* люди! Да, вы не серьезные люди. Легкомысліе, верхоглядство, невѣжество и неразумнѣе самыхъ кровныхъ потребностей и интересовъ страны, неспособность и неумѣлость — вотъ роковой вашъ удѣлъ, вотъ чтó по необходимости вносите вы во всѣ многоразличныя и разнообразныя русскія сферы вашей дѣятельности...

И при всемъ томъ, вы не лишены и даже преисполнены «патріотизма» и рыцарской чести, и безтрепетно идете въ бой, и доблестно встрѣчаете смерть на поляхъ брани! Но въ томъ-то и дѣло, что понятія ваши узки, что патріотизмъ вашъ чисто внѣшній, такъ сказать политическій, безразличный и безсодержательный. Вамъ нѣтъ дѣла до духовныхъ стихій народной жизни, до внутренняго существа русской народности. Готовые сложить свои головы въ борьбѣ съ Европой за внѣшнее достоинство и независимость государства, вы въ то же самое время рабствуете духомъ предъ его цивилизаціей и нравственнымъ авторитетомъ, и хуже врага, бессознательно попираете и предаете то, чтó всего дороже народу... Вотъ, въ эту самую, можетъ быть, минуту многіе изъ васъ мужественно и свято умираютъ гдѣ-нибудь подъ

Плсвной и своею русскою кровью вращаютъ сѣмена новаго Славянскаго православнаго міра, — того самаго міра, о которомъ вы не хотѣли ни знать, ни слышать при жизни!... Какими недоразумѣніями, какими колоссальными роковыми недоразумѣніями полнитса паша земля! О вы, неумѣющіе жить и умѣющіе умирать русскими людьми, очнетесь ли, опомнитесь ли вы когда-нибудь? Грѣхъ вашъ — злой, пагубный для Россіи — грѣхъ *невѣднннн*, и даже не вашъ личный, а принадлежащій цѣлой вашей средѣ, и даже унаслѣдованный отъ вашихъ отцовъ и дѣдовъ... Ужели не вразумителенъ вамъ языкъ событій? Ужели не подь силу вамъ совлечь съ себя это позорное грѣховное иго?

Но довольно. Всѣ мы, каждый въ своемъ родѣ и своею долею, повинны и отвѣтственны въ общемъ положеніи дѣлъ. Оставимъ же взаимныя пререканія и, неся тяготы другъ друга, примемъ на себя сообща и грѣхъ и казнь, и покаяніе и обновленіе.

Время настало строгое. Но въ жѣру ли важности переживаемыхъ мгновеній настроено духомъ наше русское общество? Пусть каждый допроситъ свою совѣсть, — и совѣсть не успокоитъ его. Прочь всѣ эти поминки прошлаго, гнилыя сѣтованія и укоры! Все стало намъ теперь ясно и непреложно съ нашими кровавыми, обидными неудачами. *Новая* пора встала, — и какъ день пристыжаетъ малодушіе ночи и гонитъ прочь все смутное и невѣрное, такъ и свѣтъ, твердый свѣтъ, заблеставшій намъ съ горъ Арменіи и холмовъ Шлевы, обличилъ намъ всю шатость нашихъ надеждъ и расчетовъ, наши ошибки, вины, недомысліе, и все, что тамъ пагнѣздилося во тьмѣ... Воспользуемся же урокомъ: онъ купленъ дорогою цѣною крови, — пусть же не напрасны будутъ эти десятки тысячъ геройскихъ смертей! Не унывать теперь, — теперь-то и *можно* быть бодрымъ: ни колебанія, ни выбора уже нѣтъ, въ виду одно: *побѣдить!* Нѣтъ отступленія для Россіи, хотя бы вся Европа воздвиглась стѣной на пути. Намъ въ томъ порукою Царь, посылель и оберегатель народной чести. Отступленіе значитъ отступничество, предательство страдальцевъ-единоплеменниковъ, измѣна историческому завѣту, начало политической смерти. Къ побѣдѣ же, полной, всеразрѣшающей побѣдѣ, направимъ всѣ силы

нашего духа,—въ опору Царю, въ подкрѣпленіе нашимъ неустоимымъ бойцамъ. Станемъ на высотъ нашей великой исторической задачи; потчимъ врага, противопоставимъ дикому отчаянію фанатизма—ясность сознанія, свѣтлое воодушевленіе вѣры, несокрушимую твердыню убѣжденной воли. Къ тяготамъ нашимъ прибавимъ новыя тяготы, къ жертвамъ приложимъ новыя жертвы, утысячимъ напряженіе, а пуще всего не стадемъ розпять, воссоединимся духомъ съ нашимъ роднымъ народомъ.—О, не оставляйте его въ невѣдѣніи, не допускайте корениться недоумѣніямъ, очистите воздухъ, дайте ему вздохнуть нестѣспною грудью! Незыблемъ онъ въ своемъ упованіи на Царя, на Царскую бдительность и не менѣе на Царское правосудіе, но жаждетъ слова, властнаго слова, которое бы повѣдало ему правду — честную, мужественную, неукоснительную... Всякая правда ему по росту. Не отступитесь онъ отъ долга русской чести и совѣсти, отъ вѣковаго завѣта, нашъ великій подвигоположникъ-народъ. Многими, тяжкими, разнообразными испытаніями обставленъ его историческій путь, но съ помощью Бога, Котораго онъ непостыдно исповѣдуетъ, предъ лицомъ вселенной, онъ перемоgetъ ихъ и перебыль, — перебудетъ и переможетъ!...

8. Рѣчь произнесенная предсѣдателемъ Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества въ публичномъ зазданіи 5-го марта 1878 года.

Мм. гг.! Дѣятельность нашего Славянскаго Общества, даже благотворительная, такъ тѣсно связана съ современными политическими событіями за Дунаемъ, что мы невольно медлили назначеніемъ дня нашего годичнаго общаго собранія: такъ уже виденъ былъ край кровопролитной борьбы, такъ уже близко надвигалось рѣшеніе. 19 января стихла война, затѣмъ мѣсяць томительнаго ожиданія, и наконецъ 19 февраля, день освобожденія миллионъ русскихъ крестьянъ, день возродившій насъ всѣхъ нравственно и духовно, подписанъ миръ, дарующій свободу и человѣческія права

милліонамъ челоѣковъ, — нашихъ братьевъ по вѣрѣ и крови, — возраждающій къ новой жизни цѣлыя племена и страны.

Конечно, Восточный вопросъ еще не порѣшенъ, Царьградъ не очищенъ отъ азіатской скверны и задача Россіи совершена еще не вполне; тѣмъ не менѣе сбылось то, что самой смѣлой фантазіи представлялось едвали сбыточнымъ еще два года тому назадъ. Этого не слѣдуетъ упускать изъ виду при оцѣнкѣ результатовъ войны. Что бы ни таилось въ близкомъ будущемъ, никто и ничто никогда не отниметъ у насъ самага существеннаго достоянія нашихъ побѣдъ, и какъ рѣки не потекутъ вспять, такъ не измѣнится и исполненскій, безвозвратно совершившійся фактъ: Оттоманское владычество въ Европѣ сокрушено на вѣки, хотя бы Турція еще и продолжала существовать; призванъ изъ небытія къ бытію крупный политическій Славянскій организмъ — Болгарія.

Было бы чему радоваться, было бы чѣмъ утѣшиться, еслибъ политическій небосклонъ не былъ покрытъ такими темными тучами. Нельзя, конечно, сомнѣваться въ томъ, что Россія заставитъ уважить и исполнить условія договора, но низведутъ ли они миръ, столь желанный, столь нужный, на злополучныя населенія Балканскаго полуострова — въ этомъ трудно не усомниться. Трудно было бы предаваться радости мира въ виду не только нерѣшенной судьбы и Герцеговины и Босніи, и земель Старой Сербіи, и Македоніи, и Греческихъ христіанскихъ провинцій, но и кровавой брани съ Турками, уже снова охватившей эти несчастныя страны.

Трудно не смущаться, соображая, какъ мало удовлетворены тѣ самыя, которые первые подняли знамя борьбы, именно Герцеговинцы и Босняки, и Сербское княжество, которое двукратно вело войну и въ 1876 году одно выдержало на себѣ весь напоръ Оттоманскихъ полчищъ. Конечно, не Россія, а лишь одна Австрія тому виною, но въ этомъ только новый поводъ къ смущенію. Конечно, не воинственныя угрозы Австріи и Англіи устрашаютъ Россію, — но не можетъ же она оставаться равнодушною къ распалившейся зависти, кующей интриги и козни противъ славянской свободы и права, къ явнымъ покушеніямъ на захватъ или дѣльскъ Турецкихъ европейскихъ владѣній и на овладѣніе Дарданельскимъ проливомъ.

Дипломатія сочиняетъ конгрессъ, а такъ какъ мы не понесемъ на цензуру нашихъ условій мира, то исходъ лелѣяннаго дипломатами измышленія еще неизвѣстенъ, но не особенно предвѣщаетъ пору благоденствія. Несомнѣнно одно, что еслибъ Австрія отъ угрозъ Россіи перешла къ дѣлу, она бы подняла новый, Австрійскій, Западнославянскій вопросъ. И такъ какъ и на Балканскомъ полуостровѣ не водворена тишина, и даже относительно границъ самой Болгаріи можно опасаться замысловъ европейскихъ, то въ этой неизвѣстности, въ этомъ тяжеломъ недоумѣніи, — которое однакожъ долго продолжаться не можетъ, а между тѣмъ во многомъ парализуетъ дѣятельность нашего Общества, — я предпочитаю, мм. гг., воздержаться на сей разъ отъ начертанія программы нашихъ будущихъ дѣйствій и созвать васъ снова, когда политическій горизонтъ хоть нѣсколько прояснится. Тѣмъ болѣе, что и изъ Болгаріи мы еще не получили, но вскорѣ ожидаемъ полученія свѣдѣній подробныхъ и обстоятельныхъ, способныхъ точнѣе опредѣлить характеръ предстоящей намъ дѣятельности. Теперь же я перейду къ печальному событію, имѣющему особую важность для нашего Общества, да и для всѣхъ, кому дороги судьбы Россіи и Славянскаго міра.

Путемъ смертей и страданій призваны мы были совершить святое дѣло воскрешенія нашихъ братьевъ. Болгарская почва упитана русскою кровью. На русскихъ костяхъ стала Болгарія. И еще недавно, уже по прекращеніи брани, послѣдній торжественный актъ ея освобожденія и признанія ея самостоятельнаго бытія ознаменовался великою русскою жертвой. Во главу угла ея, вновь созижденнаго, гражданскаго строя легъ самъ строитель, легъ человѣкъ, отмѣченный высшими дарованіями. Учредитель и организаторъ этой новой, сотворенной Россіею Болгаріи сраженъ внезапно нервнымъ ударомъ въ селеніи Сапъ-Стефано, въ виду Царьграда и Св. Софіи, 19 февраля, въ самый день подписанія мирнаго договора, — въ тотъ мигъ, когда, послѣ долгихъ, тяжкихъ трудовъ, онъ по праву могъ бы сказать себѣ: «теченіе скончалъ, подвигъ совершилъ»... Смерть Черкаскаго не просто утрата умнаго, полезнаго государственнаго и общественнаго дѣятеля: убыло знаменитымъ умомъ, убыло цѣлой крупной общественной силой, и замѣстить ее нечѣмъ...

Странное, замѣчательное, совершенно оригинальное явленіе представлялъ собою въ Россіи князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій, именно этимъ сочетаніемъ въ себѣ дѣятеля общественнаго и государственнаго. Онъ былъ безспорно человѣкомъ государственнымъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ величайшихъ государственныхъ дѣяніяхъ нынѣшняго царствованія,—по онъ никогда не принадлежалъ къ сонму ни царедворцевъ, ни сановниковъ, не считался у нихъ *своимъ* и не проходилъ обычныхъ ступеней нашей служебной іерархической лѣстницы. Онъ всегда—вольно и невольно—сохранялъ за собою характеръ какъ бы представителя или *делегата* отъ общества на государственномъ дѣлѣ, хотя бы онъ былъ и главнымъ его руководителемъ. Его имя служило уже знаменемъ, возвѣщавшимъ всякій разъ особую важность порученной ему работы, ея особое значеніе не только для государственныхъ, но и для общественныхъ, для *національныхъ* интересовъ. Таковы факты представляемые его жизнью, которыхъ не можетъ отрицать никакое недоброжелательство, хотя бы и пыталось извратить ихъ дѣйствительный смыслъ. Это былъ умъ сильный, обширный, дѣятельный, просвѣщенный многосторонними познаніями, чрезвычайно ясный и обладавшій необыкновенною творческою способностью: низводить абстракты на реальную почву, запутаннѣйшія, отвлеченныя теории приводить къ конкретній практической формулѣ и многотруднымъ задачамъ отыскивать самое простое рѣшеніе. Онъ былъ чуждъ всякаго доктринерства, въ смыслѣ подобострастія доктринѣ и насильственнаго подчиненія ей жизни; никогда не рабствовалъ отвлеченной логикѣ. Напротивъ всегда считался съ жизнью, съ бытомъ. Онъ цѣнилъ и уважалъ Русскую исторію и органическія стихіи народа,—умѣлъ въ своихъ работахъ примѣняться къ современной дѣйствительности и вступать съ нею въ плодотворное соглашеніе. Онъ не былъ ни идеалистомъ, ни теоретикомъ, но признавалъ значеніе и идеализма и теоретической дѣятельности, и замѣчательно, что люди, съ которыми онъ былъ наиболѣе близокъ, большею частію были именно люди теорій и идеаловъ, нисколько не практики. Изъ идеаловъ онъ держался наиболѣе доступныхъ осуществленію и любилъ теорію лишь какъ освѣщеніе данныхъ жизни, какъ разумъ фактовъ.

Но чтѣ онъ любилъ пуще всего и самоотверженно, это честь и достоинство Россіи, и, безусловно вѣруя въ Русскій народъ, въ его великую всемірно-историческую будущность, трудился неутомимо, не щадя силъ,—какъ уже выразился князь Александръ Васильчиковъ въ своей прекрасной статьѣ, — надъ *основаніями*, а не надъ *вѣнцомъ* зданія.

Значеніе князя Черкаскаго въ дѣлѣ Славянскаго возрожденія не только даетъ мнѣ право, но и налагаетъ обязанность задержать нѣсколько долѣе ваше вниманіе на этомъ недавно отшедшемъ и возстановить, насколько мнѣ это возможно, его истинный нравственный образъ. Говорю «возстановить», потому что, къ сожалѣнію, этотъ образъ большею частью совершенно искаженъ въ сознаніи русской публики, и если всѣ сходились въ признаніи за нимъ блистательныхъ дарованій, то наоборотъ, нравственная сторона его дѣятельности подвергалась самой разнообразной, хотя, большею же частію, отрицательной оцѣнкѣ. Князь Васильчиковъ уже коснулся этого явленія и указалъ, чтѣ служило къ нему поводомъ, изъ кого, главнымъ образомъ, состоялъ хоръ ожесточенныхъ хулителей. Нѣтъ сомнѣнія, русскіе крѣпостники, реакціонеры, скрывающіеся теперь подъ псевдонимомъ «консерваторовъ», польскіе папы и ксендзы, которыхъ интересы имущественные и политическіе такъ много пострадали отъ реформъ, совершенныхъ при дѣятельномъ участіи Черкаскаго, пылали къ нему непримиримою ненавистью и, не жалѣя клеветъ, старались,—и успѣли,—настроить враждебно къ нему людское мнѣніе. Было бы однакоже ошибкою утверждать, что только они, и они одни, относились къ Черкасскому съ неприязнью. Вина лежала отчасти и на самомъ князѣ. Всегда радушный хозяинъ, любезный и пріятельный съ друзьями и сочувственными ему лицами, Черкасскій по большей части стоялъ къ людямъ только одною стороною: стороною мысли, ума, расчета. Онъ слишкомъ презрительно относился къ людскимъ толкамъ и пересудамъ, не заботился о мнѣніи лицъ имъ невысоко цѣнимыхъ, и никогда не пытался разсѣять недоразумѣнія, вызванныя его рѣчами и вѣшнимъ обращеніемъ. Какъ острый лучъ свѣта рѣжетъ слабые, подслѣповатые глаза, такъ и его острый умъ кололъ, рѣзалъ,—особенно же глаза людей съ туманною мыслью,

ублажающихся самообольщеніемъ. Онъ любилъ, къ сожалѣнію слишкомъ любилъ, издѣваться надъ добродушною глуповатостью,—и уже безъ малѣйшей пощадки клеймилъ высокомерную, злую глупость. Онъ владѣлъ удивительнымъ умѣньемъ выворачивать изнанку высокопарныхъ рѣчей своего антагониста, и въ груди фразъ о безкорыстїи и гуманности обличать присутствїе тайнаго своекорыстнаго мотива. Всякое излишество чувствительности, все въ чемъ было очень ужъ мало ума, хотя бы и много сердца, мало толка, а только прекрасныя тщетныя пожеланїя,—что было больше по части праздныхъ чувствъ, чѣмъ настоящаго дѣла, встрѣчало въ немъ ироническую улыбку,—которая, разумѣется, рѣдко ему прощалась. Дѣйствительно, онъ не всегда достаточно бережно отрезвлялъ юную идеалистическую восторженность, и этого, понятно, не могла любить пылкая молодежь. Таковы были особенности, скажу прямо, недостатки его натуры, связанные органически съ положительными свойствами его ума и дарованїй. Онъ говорилъ въ свое оправданїе, что никто по крайней мѣрѣ не можетъ обвинить его въ притворствѣ. И точно онъ никогда не притворялся; но онъ не только никогда не щеголялъ, а даже какъ бы боялся похвастаться своими добрыми нравственными качествами, и, предпочитая казаться хуже чѣмъ лучше,—вполнѣ въ этомъ успѣлъ. Я позволю себѣ коснуться одной интимной его черты. Этотъ «безсердечный» человѣкъ (какъ его называли) былъ самымъ заботливымъ и великодушнымъ изъ родственникововъ. Я не знавалъ сына нѣжнѣе и почтительнѣе къ матери (скончавшейся только за два мѣсяца до него), но если бы кто-либо изъ самыхъ приближенныхъ друзей отважился похвалить ему такое его качество, онъ, вѣроятно, вызвалъ бы отъ Черкасскаго какой-нибудь не совсѣмъ прїятный отвѣтъ. Въ его добрыхъ личныхъ дѣлахъ—не было никакой той елейности, которая нерѣдко цѣнится людьми выше чѣмъ самое добро.

Но всѣ эти недостатки, сами по себѣ еще несущественныя, могли подать поводъ только къ недоумѣніямъ. Гораздо серьезнѣе общїя, ходячія, сложившіяся въ обществѣ обвиненїя. Его постоянно клеймили и еще не перестаютъ клеймить прозванїемъ честолюбца, властолюбца, человѣка безъ

убѣжденій, руководившагося лишь эгоистическимъ личнымъ расчетомъ.

Хотя и справедливо, что историческихъ дѣателей, какимъ былъ князь Черкасскій, судить исторія; хотя, можетъ быть, и приличнѣе было бы, въ виду еще не опущеннаго въ могилу гроба, воздержаться теперь отъ всякой строгой оцѣнки, однако же эти соображенія не настолькоъ вѣски, чтобы давать безвозбранно укореняться ложнымъ навѣтамъ и оставлять въ заблужденіи современниковъ, въ чаяніи отдаленнаго суда потомковъ. Тѣмъ болѣе, что смерть имѣетъ особенное свойство: разомъ подводя итогъ земному дѣланію, облегчать его уразумѣніе и всему отводить свое мѣсто. На ходу жизни, въ ея буйствѣ, ея ежедневныхъ случайныхъ проявленіяхъ, изъ-за чужихъ и собственныхъ толковъ, трудно познается основная, внутренняя правда человѣка, ускользящая, большею частью, даже отъ его собственнаго сознанія. Особенно же мало поддаются анализу такіе сложные организмы, какъ у Черкасскаго, исполненные такихъ, повидимому, противорѣчивыхъ влеченій: анализъ дробится и не даетъ цѣльнаго вывода. Только со смертью раскрывается въ своемъ истинномъ смыслѣ жизненный подвигъ и тотъ нравственный центръ тяжести, которымъ самъ собою, хотя бы и безсознательно, опредѣлялся и уравнивался человѣкъ.

Я не стану пускаться въ полемику съ обвинителями; пусть говорятъ за меня факты его жизни, въ ихъ совокупности, которымъ я и представляю бѣглый обзоръ.

Прилежный и даровитый студентъ юридическаго факультета Московскаго университета, князь Черкасскій съ особенною любовью занимается исторіей Русскаго права и еще въ 1842 г. пишетъ на золотую кандидатскую медаль изслѣдованіе о цѣловальникахъ, т. е. о древнемъ русскомъ образѣ суда присяжныхъ. Затѣмъ, кандидатомъ, онъ продолжаетъ свои ученыя занятія и изготавляетъ, для полученія степени магистра, диссертацию объ «Юрьевѣ днѣ», т. е. о свободѣ перехода и о закрѣпощеніи крестьянъ въ древней Руси. Вотъ къ чему, къ какимъ *основамъ* Русской государственной и общественной жизни, устремилась, съ самаго начала своего самостоятельнаго поприща, мысль молодаго Черкасскаго, — и это тѣмъ замѣчательнѣе, что умы современной

ему молодой среды увлекались, большею частію, либерализмом совѣмъ иного, превыспреннего, неприменимаго къ Россіи и потому празднаго свойства. Въ первую пору по выходѣ изъ университета, онъ предполагалъ посвятить себя ученому поприщу и искать каѳедры исторіи Русскаго права, но отказался однако же отъ этого намѣренія по совѣтамъ одного опытнаго и уважаемаго имъ лица, старавшагося направить его къ государственной службѣ. И дѣйствительно, съ своими связями и положеніемъ въ свѣтѣ Черкасскій, по общимъ понятіямъ, могъ легко составить себѣ «блистательную карьеру»: для молодаго «честолюбца», казалось бы, нельзя было и желать лучшей обстановки, и онъ бы безъ труда дошелъ до высшихъ іерархическихъ степеней. Но должно-быть не такова была натура этого человѣка, чтобы онъ, изъ честолюбія, согласился пожертвовать своею независимостью и пойти избитою, рутинною дорогою. Должно-быть, уже и тогда, честолюбіе въ немъ было нѣсколько иного разряда: честолюбіе силы себя сознающей и ищущей развернуться во всю свою ширь, *владѣть* дѣломъ, избираемымъ его мыслью, — воплотить свои государственные идеалы. Трудно было даже и въ самые молодые годы Черкаскаго вообразить себѣ его въ роли какого-нибудь чиновника особыхъ порученій, дѣйствующаго по чужимъ, начальническимъ указаніямъ. Черкасскій не пошелъ на службу, — нельзя было считать службою принятое имъ на себя званіе почетнаго смотрителя уѣздныхъ училищъ, — и жилъ большею частію въ Тульской деревнѣ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и изучая положеніе крестьянъ. Въ 1847 году онъ устраиваетъ въ Тулѣ кружокъ изъ нѣсколькихъ образованныхъ помѣщиковъ для разработки проекта объ уничтоженіи крѣпостнаго рабства, — кружокъ, который однакоже, послѣ Февральской революціи 1848 г., былъ по распоряженію правительства закрытъ.

Различныя партіи танули его къ себѣ: и аристократическая, которая думала найти себѣ въ немъ могучее орудіе для своихъ олигархическихъ химеръ, и такъ-называемые западники, которые видѣли въ немъ Европейца и упорно хотѣли считать его своимъ. Но ознакомившись со всѣми направленіями московской интеллигенціи, Черкасскій, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, сталъ постепенно сближаться съ

людьми такъ-называемаго славянофильскаго круга, хотя сближеніе съ ними не представляло въ то время никакихъ выгодныхъ расчетовъ ни въ какомъ отношеніи, а способно было только компрометтировать и во мнѣніи властей, и еще болѣе во мнѣніи общества: славянофилы въ тѣ годы не только не пользовались популярностью, но были предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ, клеветъ и ожесточеннаго поруганія въ литературѣ. Чтѣ же влекло его къ этимъ людямъ, съ которыми Черкасскій въ ту пору расходился по многимъ существеннымъ основамъ славянофильства? Вѣроятно же, прежде всего, таланты нѣкоторыхъ изъ нихъ,—общая съ ними любовь къ Россіи, преданность ея національнымъ интересамъ, уваженіе къ Русскому народу и къ его исторической стихіи, потому-что для Черкасскаго народа никогда не былъ *tabula rasa*, какъ для тогдашнихъ раболѣпныхъ поклонниковъ западной цивилизаціи.—Влекло—можетъ быть—также и невольное сочувствіе съ нравственными качествами лучшихъ представителей этого круга. Какъ бы то ни было, но онъ дорожилъ отношеніями съ ними. Во 2 томѣ «Московскаго Сборника» на 1853 годъ должна была появиться его статья объ Юрьевѣ днѣ, но этотъ томъ въ рукописи весь, со всѣми статьями, не былъ допущенъ къ печати, — «не по тому чтѣ было въ немъ сказано, а по тому, чтѣ умолчано»—объяснилъ издателю покойный начальникъ Штаба III Отдѣленія, Л. В. Дуппельтъ. вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые участники сборника, въ томъ числѣ и князь Черкасскій, подверглись ограниченію въ правахъ печатанія и полицейскому надзору: все это было спято съ нихъ лишь по вошествіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя.

Но и затѣмъ Черкасскій не пользуется никакимъ случаемъ для составленія себѣ служебной карьеры. Въ 1857 г., въ публичномъ Славянофильскомъ изданіи «Русская Бесѣда» онъ помѣстилъ нѣсколько небольшихъ статей, преимущественно по вопросамъ вѣдшей политикѣ, и этимъ первымъ своимъ печатнымъ дебютомъ сразу обратилъ на себя вниманіе какъ на первокласснаго публициста.

Наконецъ, въ концѣ 1857 года наступила пора, такъ давно чаемая Черкасскимъ, къ которой вся предшествовавшая его жизнь была только приготовленіемъ. Высочайше разрѣ-

шено было образовать въ губерніяхъ Комитеты для обсужденія способовъ къ освобожденію крестьянъ, или къ «улучшенію ихъ быта», какъ это тогда официально называлось. Черкасскій отдался любимой задачѣ вполнѣ, всѣми силами духа, и, стоя во главѣ меньшинства, громилъ большинство своими блистательными и, правду сказать, нѣсколько язвительными рѣчами. Борьба была его стихіей. Большинство не могло ему простить, ему—князю, аристократу по происхожденію, демократическую будто бы затѣю надѣленія крестьянъ землею: добро бы онъ былъ человѣкъ непмуцій, добро бы искренній, простодушный идеологъ, увлекающійся фантазіями либерализма, гуманности и т. д...! Но такого права на ересь помѣщичье большинство въ Черкасскомъ не признавало и чувствовало въ немъ опасную себѣ силу. Раздраженіе дошло наконецъ до того, что на выборахъ въ Тульскомъ Дворянскомъ Собраніи два дня стояла буря: препирались объ исключеніи князя Черкаскаго, какъ недостойнаго, изъ числа Тульскихъ дворянъ. Съ ироническою улыбкою на устахъ выдержалъ онъ весь этотъ ураганъ, стихшій по неволѣ за неимѣніемъ законнаго повода къ исключенію. Но въ то самое время, когда партія крѣпостниковъ пыталась подвергнуть его такому острацизму, неистово бѣсновалась противъ Черкаскаго,—забавно, но и стыдно вспомнить,—либеральная, т. е. наша претендующая на либерализмъ журналистика, зато, что въ одной изъ своихъ по крестьянскому вопросу статей въ журналѣ А. И. Кошелева «Сельское Благоустройство», Черкасскій предполагалъ предоставить въ селеніяхъ старшинамъ право наказывать провинившихся крестьянъ, за неимѣніемъ другихъ мѣръ взысканія, нѣсколькими ударами розогъ. Не вѣдая никакихъ условій пародной жизни, не принимая никакого участія въ тяжкихъ трудахъ по крѣпостному вопросу, нисколько не соображаясь съ положеніемъ самихъ борцовъ за дѣло крестьянской свободы,—только вскарабкавшись на ходули «цивилизациі»,—наши арлекины либерализма и гуманности, вмѣстѣ съ ругательствами, присылали по почтѣ цѣлые пучки розогъ въ редакцію «Сельскаго Благоустройства»! О томъ же, какъ рѣшался вопросъ о надѣлѣ крестьянъ, пустоголовымъ крикунамъ не было дѣла. Не удивляйтесь, что я упомянулъ объ этомъ ничтожномъ, повидимому мелочномъ

обстоятельствъ: еще недавно, послѣ 20-ти лѣтъ, въ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналахъ (и самыхъ значительныхъ) возобновленъ покойному дѣятелю освобожденія тотъ же шутливый упрекъ!

Призванный въ члены Редакціонныхъ Комиссій для составленія Положенія о крестьянахъ, Черкасскій переѣхалъ въ Петербургъ и сдружился на общей работѣ съ Н. Милютинымъ и въ особенности съ Юріемъ Самаринымъ. Сближеніе съ послѣднимъ, по собственному сознанію Черкаскаго, оказало на него значительное нравственное вліяніе.—Дни и ночи самоотверженнаго, одушевленнаго труда, въ теченіи болѣе двухъ лѣтъ, постоянная, упорная борьба, шагъ за шагомъ, съ могущественными противниками, хулы, клеветы, ненависть, остервенѣлая брань, — все пережитое и испытанное этими тремя главными работниками величайшаго въ мірѣ благодѣянія, вѣчной славы нынѣшняго Государя, — все это теперь уже мало цѣнится или позабыто. Но таково значеніе для Россіи дѣла 19 феврала 1861 года, какъ бы оно ни было несовершенно въ частностяхъ, что имена упомянутыхъ дѣятелей должны бы произноситься не иначе какъ съ благоговѣйною признательностію.

Это была лучшая эпоха въ жизни Черкаскаго. По изданіи Положенія, и онъ и Самаринъ посвѣщили на новый подвигъ — практическаго примѣненія своей работы къ жизни: Самаринъ, въ качествѣ члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, въ Самару; Черкасскій, въ должности мирового посредника, въ родной Веневскій уѣздъ. Его разумныя дѣйствія были тотчасъ же оцѣнены какъ крестьянами, такъ и помѣщиками, и пресыщенная озлобленная вражда Тульскаго дворянства къ Черкасскому была вскорѣ оставлена.

Послѣ двухъ лѣтъ труда, открылось ему новое поприще. Начался польскій мятежъ. Испробованные способы укрощенія и умиренія не приводили къ цѣли. Сила штыковъ при слабой мысли оказывалась недостаточною. Государю угодно было признать необходимость новыхъ приемовъ и поручить дѣло Н. Милютину. Но Милютинъ не сталъ работать одинъ, а пригласилъ къ содѣйствію своихъ обоихъ сподвижниковъ крестьянскаго дѣла. Съ Высочайшаго соизволенія, но въ ка-

честь частных людей, Черкасский и Самаринъ вмѣстѣ съ Милютинимъ, не безъ опасности для жизни, объѣхали Царство Польское, и плодомъ ихъ усиленныхъ трудовъ явилось Положеніе 19 февраля 1864 г., надѣлившее Польскихъ крестьянъ землею и освободившее ихъ отъ шляхетскаго матеріальнаго гнета. По выполненіи своей задачи, Самаринъ возвратился въ Россію, а Черкасский, по совѣту Милютина, вступилъ въ первый разъ на службу, на должность главнаго директора Комиссін Внутреннихъ Дѣлъ. Тутъ-то впервые обнаружилъ въ себѣ Черкасский блистательныя способности администратора, въ высшемъ политическомъ значеніи этого слова; впервые почували польскіе мятежные паны и ксендзы присутствіе новой, непроявлявшейся дотолѣ силы, — силы мысли и сознательной воли. — русское знамя поручено было твердой и умной рукѣ! За то какой дружный походъ озлобленной ненависти воздвигло противъ себя это новое, невиданное пугало, этотъ русскій умъ, — и не только въ польской средѣ, но и въ Римѣ и въ Австріи, особенно когда Черкасский завелъ живыя сношенія съ Галиціей и съ русскими униатами. Вообще въ Австріи особенно ненавидѣли Черкаскаго, и были правы: Русь Карпатская и Галицкая была его любимой, задушевною мечтою... Въ русской административной рутинѣ новая струя мысли и сознательнаго русскаго національнаго чувства, внесенная Черкасскимъ изъ общественной сферы, — Черкасскимъ прямо «изъ общественныхъ вольныхъ дѣателей», изъ мировыхъ посредниковъ вскочившимъ почти въ министры, — также представлялась чѣмъ-то инороднымъ, — какою-то острою занозою, неспособною раствориться въ этой стихіи посредственности, бездарности и пошлости. Тѣ, которые могли считать себѣ Черкаскаго будущимъ соперникомъ и многочисленная дружина враговъ, нажитая себѣ Черкасскимъ за участіе въ Положеніи 19 февраля, и не менѣе многочисленная фаланга высокопоставленныхъ иностранцевъ съ русскими именами, непризнающихъ въ Россіи ни Русскаго народа, ни народности, ни исторіи, — все и всѣ, соединясь въ общій станъ, направили свои стрѣлы противъ Черкаскаго. Последнему было еще не трудно дѣйствовать — при поддержкѣ Н. А. Милютина въ Петербургѣ, но параличъ, сразившій этого доб-

лестнаго государственнаго мужа и замѣна его другимъ, заставили Черкаскаго выйти въ отставку. Онъ былъ убѣжденъ, можетъ-быть и ошибочно, что ему не будетъ дано прежняго простора для дѣятельности, что онъ не будетъ уже такимъ полнымъ хозяиномъ дѣла, какимъ былъ, а онъ могъ управлять дѣломъ только въ качествѣ старшаго, въ качествѣ хозяина почти самовластнаго... Нѣсколько болѣе гибкости, болѣе ловкости, болѣе терпѣнія и корыстнаго *расчета*, и Черкасскій остался бы на службѣ и достигъ бы, безъ сомнѣнія, высшихъ верховъ знати и почести... Какъ согласить такой неблагоприятный образъ дѣйствій Черкаскаго съ представленіемъ о честолюбцѣ, лишенномъ *всякихъ убѣжденій* и руководящемся только соображеніями личныхъ выгодъ? .. Какъ ни желалъ онъ себѣ высшаго административнаго поприща, гдѣ бы его силы могли найти себѣ полное развитіе и примѣненіе, какъ ни клонило его въ эту сторону—чести и власти, — былъ въ немъ, стало быть, какой-то нравственный центръ тяжести, который перевѣсилъ расчетъ — и поставилъ на своемъ.

Снова Черкасскій въ бездѣйствіи, но черезъ два года снова выступаетъ общественнымъ дѣятелемъ, уже въ званіи Московскаго Городскаго Головы. Здѣсь опять является такой эпизодъ его жизни, который совершенно противорѣчитъ понятію о Черкасскомъ, сложившемуся во всѣхъ умахъ, даже очень близкихъ къ нему людей. Никто не могъ себѣ объяснить, какъ человѣкъ расчета, чуждый всякихъ увлеченій, ловкій и т. д., могъ совершить ту ошибку, которая заставила его сложить съ себя званіе Головы и окончательно закрыла ему пути къ высшимъ постамъ администраціи. А между тѣмъ инициатива этой ошибки принадлежала всецѣло Черкасскому; онъ и самъ затруднялся истолковать поступокъ, который лично для него не могъ, очевидно, имѣть иныхъ послѣдствій кромѣ самыхъ вредныхъ. Такую неловкость, такую непослѣдовательность трудно однако же назвать безнравственной! Да и не была ли эта непослѣдовательность только мнимой? Вопреки ему самому, наперекоръ всѣмъ расчетамъ, не было ли въ этомъ поступкѣ чего-то такого, что согласовалось съ внутреннею нравственною стихіею души? Я разумѣю попытку заявить о настоятельной общественной потребности въ свободной искренности для слова и для вѣрующей совѣсти.

Тяжело было видѣть Черкаскаго осужденнымъ на жизнь частнаго человѣка, эти силы, эти способности, бездѣйствующими,—но еще томительнѣе было ему самому. Онъ старался разсѣяться путешествіемъ по Европѣ, гдѣ всѣ, отъ Бисмарка до Тьера, разомъ оцѣнили его по достоинству и только дивились Россіи, небрегущей такими талантами. Но путешествіе не могло удовлетворить жаждѣ дѣятельности этого атлета работы. Годы проходили, силы ржавѣли въ праздности, душу точило раздраженіе.

Прошло шесть лѣтъ. Раздалось знаменитое Царское слово 11-го октября 1876 года, какъ дальній раскатъ грома предвозвѣщавшій военную бурю. Черкасскій не счелъ для себя возможнымъ оставаться въ сторонѣ и предоставилъ себя въ распоряженіе высшей власти. Настало его новое и послѣднее земное служеніе. Кромѣ обязанностей Уполномоченнаго при Дѣйствующей арміи отъ Центрального Петербургскаго Управленія Общества Краснаго Креста, довѣріе Государя Императора возложило на него званіе Завѣдывающаго гражданскою частью во вновь занимаемомъ краѣ.

Если только представить себѣ исполнскій объемъ, обстановку, всѣ трудности порученной Черкасскому задачи, такъ можно лишь дивиться, какъ съумѣлъ одолѣть ее Черкасскій и дать ей удовлетворительное рѣшеніе. Предстояло вводить гражданскій строй въ страну, политически не существовавшую, которая даже не имѣла и признанныхъ географическихъ очертапій, которая была дотолѣ не болѣе какъ этнографическимъ терминомъ; въ страну почти незнаемую, о которой ни русская наука, ни Министерство иностранныхъ дѣлъ не заготовили никакихъ точныхъ свѣдѣній; въ страну постепенно отвоевываемую у непріятеля, такъ что нельзя было даже заложить общаго фундамента сразу и вывести зданіе хоть вчернѣ, съ тѣмъ, чтобъ потомъ заняться его отдѣлкой и приспособить къ жилью, а приходилось, держа общій планъ, общую систему въ умѣ, строить кусками, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, и не имѣя цѣлаго, приводить въ жизнь и въ дѣйствіе отдѣльныя второстепенныя части; наконецъ въ страну, представлявшую менѣе удобствъ для рѣшенія подобной задачи, чѣмъ даже какая-нибудь Ферганская область. Въ послѣдней достаточно было смѣнить хана

и высших чиновъ и воспользоваться существующимъ гражданскимъ матеріаломъ; здѣсь же совершался цѣлый социальный переворотъ, перемѣщеніе слоевъ населенія. Весь верхній правящій слой — турецкій снимался или уничтожался; съ появленіемъ русскаго войска бѣжало все, отъ паши до послѣдняго каваса, рушился весь административный порядокъ, — надлежало вновь создать все, сверху до низу, спѣшно, безъ малѣйшаго промедленія. Прибавьте къ этому, что этотъ гражданскій строй вводился на самомъ театрѣ войны, по пятамъ воюющихъ войскъ, дѣйствующихъ естественно въ сферѣ «военнаго положенія», которое въ то же время есть прямое отрицаніе гражданского. Рядомъ съ насиліемъ, хотя бы и организованнымъ, приходилось водворять организованную свободу, законность, порядокъ и въ то же время удовлетворять военнымъ потребностямъ трехсоттысячной арміи! Идутъ полки, гонятъ Турокъ, отнимаютъ городокъ, вслѣдъ за ними водворяется гражданское управленіе, — и новые полки, проходя, не имѣя уже права распоряжаться по военному положенію, настойчиво предъявляютъ свои неотлагательныя нужды къ управленію созданному лишь наканунѣ. Сколько поводовъ обвинять это управленіе въ недостаткѣ порядка и распорядительности! Прибавьте къ этому еще, что гражданскому организатору приходилось имѣть дѣло съ населеніемъ, хотя и родственнымъ, расположеннымъ къ намъ, по терроризованнымъ и насиліями Турокъ и нашими неудачами, — населеніемъ отъ пятисотлѣтняго рабства лишившимся всякой инициативы. Да и какое же могло быть добровольное содѣйствіе Болгаръ въ тѣхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, которыя переходили не разъ отъ Турокъ къ Русскимъ и отъ Русскихъ къ Туркамъ? Могли ли Болгары, особенно въ селахъ, приниматься охотно за самоуправленіе по приглашенію русскихъ властей и способствовать успѣху гражданской организаціи, имѣя передъ собою примѣръ Ени-Загры, Казанлыка, Елены? Вспомните наконецъ, что до самаго конца войны едва ли кому могло быть извѣстно, вся ли Болгарія или только небольшая часть ея будетъ освобождена, будетъ ли она независима или полузависима, и какую получить политическую форму.

А между тѣмъ русское правительство не могло поступить

иначе и ограничиться введеніемъ только военнаго управленія, потому что военное управленіе упраздняется съ отбѣтѣмъ войскъ, и тогда Болгарія была бы ввергнута въ тотъ хаосъ, въ которомъ оставило ее паденіе турецкой администраціи. Эта безурядица могла бы подать Европѣ поводъ къ вмѣшательству и снова поднять вопросъ о реформахъ посредствомъ Европейской Комиссіи; введеніемъ же гражданской организаціи Россія заявляла, что призываетъ Болгарію къ немедленному самостоятельному бытію. И что бы ни говорили, князь Черкасскій съ замѣчательнымъ искусствомъ рѣшилъ эту, повидимому, неразрѣшимую задачу. Введенное имъ гражданское управленіе не предопредѣляетъ и не исключаетъ никакой политической формы,—оно необходимая принадлежность всякаго благоустроеннаго гражданского организма. Для самоуправленія сельскаго, земскаго и городскаго онъ далъ широкій просторъ, воспользовавшись порядками уже существовавшими при Туркахъ, и примѣнивъ ихъ къ потребностямъ болгарской политической автономіи. Благодаря ему, Болгарія обладаетъ теперь орудіями, необходимыми для самостоятельнаго національнаго развитія и правильнаго безпрепятственнаго отправленія гражданской жизни.

И при какихъ условіяхъ совершилъ онъ этотъ высокій подвигъ? Онъ не имѣлъ возможности свободнаго выбора подчиненныхъ. Откуда было взять людей для наполненія должностныхъ мѣстъ, когда Болгарія могла выставить лишь самое небольшое число образованныхъ работниковъ, и почти никого, способнаго къ административному дѣлу? Одинъ, вдаль отъ Россіи, безъ друзей и товарищей, среди тревогъ и лишеній походной жизни; въ суетѣ Главной Квартиры съ ея многочисленнымъ личнымъ составомъ,—среди пререканій всегда борющихся двухъ стихій, военной и гражданской, среди интригъ и сплетень, неразлучныхъ съ высшими сферами власти; неся отвѣтственность и передъ арміею за слабость гражданского управленія, чуть ли не за всякаго запуганнаго Болгарина,—и передъ Болгаріею и общественнымъ мнѣніемъ Россіи за каждый произволъ воинскаго начальника и за каждую излишнюю ревность гражданскихъ чиновниковъ при удовлетвореніи военныхъ нуждъ,—вотъ та обстановка, при которой приходилось ему работать, та атмосфера, кото-

рою онъ дышалъ. Въ то же время онъ исполнялъ другія, не менѣе тяжкія обязанности по званію Уполномоченнаго Краснаго Креста. И также конечно былъ осыпанъ градомъ разнообразнѣйшихъ нареканій, какъ будто Красный Крестъ призванъ удовлетворять всѣмъ санитарнымъ нуждамъ арміи и восполнять собою недостаточность военно-медицинскаго управленія. Я впрочемъ не намѣренъ касаться этой стороны его дѣятельности. Позволю себѣ замѣтить только одно: едвали, не говорю уже о Бисмаркѣ или Питтѣ,—но Пальмерстонъ или даже графъ Андраши, которому сравненіе съ Черкасскимъ, конечно, можетъ быть только лестнымъ, пригодились бы для званія Уполномоченнаго Краснаго Креста при дѣйствующей арміи. Эта высокопочтенная, благая дѣятельность едвали требуетъ, способностей государственныхъ, во всякомъ случаѣ требуетъ талантовъ совсѣмъ иного калибра и иной категоріи. Замѣчу также, что князь Черкасскій не щадилъ жизни при уборкѣ раненныхъ подъ Плевной и, по свидѣтельству иностранныхъ корреспондентовъ, распорядился дѣломъ подъ пулями съ поразительнымъ мужествомъ...

Не подъ силу было одному человѣку нести такія задачи, такую тяготу труда, заботъ и борьбы. Онъ изнемогалъ отъ истомы и раздраженія,—и раздраженіе плодило ему новыхъ враговъ. Въ то же время въ дорогомъ отечествѣ нашлись досужіе борзописцы, у которыхъ хватило духа пустить по Россіи ложные, дерзкіе пасквили, зная, что въ нашемъ обществѣ, при его дѣтской незрѣлости, всякому печатному слову еще готовы дать вѣру; зная также, что обвиняемый, по отдаленности и по своему оффиціальному положенію, поставленъ въ невозможность опровергнуть клевету. Такія статьи, затрудняя задачи Россіи возбужденіемъ къ ней недовѣрія въ средѣ Болгаръ, такъ совпадаютъ съ цѣлями Англіи и Австріи въ настоящую пору, что можно было бы признать ихъ писанными по иностранному заказу, еслибъ только онѣ были дѣльными и умными. Но увы! все это—доморощенные продукты той нашей интеллигенціи, преимущественно петербургской, которая своимъ лакействомъ предъ Европой, своимъ отчужденіемъ отъ русской народности обрела себя на вѣчное недомысліе, вѣчное больное, худосочное дѣтство.

Перейдя пѣшкомъ Балканы и вступивъ вскорѣ потомъ,

вмѣстѣ съ торжествующими нашими войсками, въ Адрианополь, князь Черкасскій, по его словамъ, былъ вознагражденъ этою минутою за всѣ 14 мѣсяцевъ трудовъ и скорбей. Его благоговѣнію предъ русскимъ солдатомъ не было мѣры. На него и на Русскій народъ возлагалъ Черкасскій колебимую надежду за будущее Россіи. «Всю ее держать» — писалъ онъ изъ за-Дуная — «на своихъ могучихъ плечахъ этотъ простой, этотъ сиволапый мужикъ! Все одолѣетъ, все вынесетъ нашъ добрый, нашъ великій страстотерпецъ — русскій солдатъ!»

Я можетъ-быть слишкомъ увлекся и подробнѣе, чѣмъ предполагалъ, изложилъ вамъ главныя характеристическія данныя жизни князя Черкаскаго. Предлагаю вамъ самимъ сдѣлать логическую посылку и добыть выводъ, и затѣмъ свѣрить его съ обычными, бапальными сужденіями объ этомъ великомъ гражданскомъ бойцѣ и доблестномъ подвижникѣ.

Въ знаменательномъ совпаденіи для смерти князя Черкаскаго со днемъ 19 февраля, днемъ освобожденія русскихъ крестьянъ и днемъ освобожденія Болгаріи, днемъ исполненія Россіею своего великаго историческаго призванія, видится что-то свыше правосудное. Этою смертію какъ бы запечатлѣна вѣчная, неразрывная связь имени князя Черкаскаго съ величайшими христіанскими дѣяніями не только русской, но и всемірной исторіи...

9. Рѣчь И. С. Аксакова, произнесенная 22-го іюня 1878 въ Московскомъ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ.

Мм. гг.! Надгробнымъ словомъ начались наши послѣднія два собранія. Четыре мѣсяца тому назадъ, хоронили мы человѣка, знаменитаго дарованіями, самоотверженно послужившаго святому русскому дѣлу — дѣлу освобожденія и созиданія Славянскаго міра. Мы оплакивали преждевременную смерть гражданскаго устроителя вновь псхищенной изъ турецкихъ когтей Болгаріи, послѣдовавшую въ самый день подписанія Санъ-Стефанскаго договора, и прославляли имя, связавшее себя неразрывно съ однимъ изъ «величайшихъ христіанскихъ дѣяній современной исторіи»: въ самомъ дѣлѣ,

вся Болгарія призвана была къ новой жизни, не было уже болѣе ни одного христіанина — раба на всемъ пространствѣ Болгарскаго расселенія отъ Дуная до Марпцы!

Не опять ли хоронить собрались мы сегодня, но уже не человекъ, а миллионы людей, цѣлыя страны, свободу Болгаръ, независимость Сербовъ? хоронить великое, святое дѣло, завѣты и преданія предковъ, наши собственные обѣты, — хоронитъ Русскую славу, Русскую честь, Русскую совѣсть?....

Нѣтъ, цѣтъ и нѣтъ! Скажите вы всѣ, здѣсь собравшіеся: неужели все это не сонъ, не просто страшныя грѣзы, хотя-бы и наяву? Неужели и впрямь на каждомъ изъ насъ уже горитъ неизгладимое клеймо позора?.... Не мерещится ли намъ все то, что мы будто видимъ, слышимъ, читаемъ?

Или наоборотъ: *прошлое* было грезой? Галлюцинація, не болѣе какъ галлюцинація все то, чѣмъ мы утѣшались и славились еще менѣе полугода тому назадъ?! И плѣненные Турецкія арміи подъ Плевной, Шипкой и на Кавказѣ, и зимній переходъ русскихъ войскъ черезъ Балканы, и геройскіе подвиги нашихъ солдатъ, потрясшіе міръ изумленіемъ, и торжественное шествіе ихъ до Царьграда, — эти необычныя побѣды, купленные десятками тысячъ Русскихъ жизней, эти несмѣтныя жертвы, принесенныя Русскимъ народомъ, эти порывы, это священнодѣйствіе народнаго духа, — все это сказки, мнѣ, порожденіе распаленной фантазіи, можетъ-быть даже «измышленіе московскихъ фанатиковъ!» Не было ни побѣдъ, ни побѣдоносныхъ вождей, ни пролитой русской крови, ни избіенія Турками христіанъ, ни избавленія Русскими христіанъ..... Однако же полсотни тысячъ солдатъ — раненыхъ, больныхъ, изувѣченныхъ призраваются теперь на всемъ пространствѣ Россіи, — однако побѣдоносные вожди возвратились и всенародно, во свидѣтельство русскихъ побѣдъ, возведены въ санъ фельдмаршаловъ.... Это уже кажется не мечта, а дѣйствительность. Однако еще недавно въ самомъ Петербургѣ, съ флагами, пѣніемъ народнаго гимна на улицахъ, съ торжественнымъ молебномъ и пальбою изъ Петропавловской крѣпости, праздновалось оффиціальное обнародованіе Санъ-Стефанскаго договора, скрѣпленнаго подписью нашего кабинета — и нынѣ разрываемаго въ клочки....

Но если все это *было*, возможно ли же быть тому, что

есть, что творится теперь тамъ, на конгрессѣ, что служить прямымъ отричаніемъ, противорѣчіемъ, наругательствомъ всему бывшему? Ужели хоть долю правды должны мы признать во всѣхъ этихъ корреспонденціяхъ и телеграммахъ, которыя ежедневно, ежечасно, на всѣхъ языкахъ, во всѣ концы свѣта разносятъ теперь изъ Берлина позорныя вѣсти о нашихъ уступкахъ и, передаваясь въ вѣдѣніе всего народа, ни разу не опровергнутыя русскою властью, то жгутъ его стыдомъ и жалать совѣсть, то даютъ недоумѣніемъ? Какую же картину рисуютъ передъ нимъ всѣ эти публичныя сказанія? Ты ли это, Русь-побѣдительница, сама добровольно разжаловавшая себя въ побѣжденную? Ты ли на скамьѣ подсудимыхъ какъ преступница, каешься въ святыхъ, подъятыхъ тобою трудахъ, молишь простить тебѣ твои побѣды?... Едва сдерживая веселый смѣхъ, съ презрительной ироніей, похваляя твою политическую мудрость, Западныя державы, съ Германіей впереди, нагло срываютъ съ тебя побѣдный вѣнецъ, преподносятъ тебѣ взамѣнъ шутовскую съ гремушками шапку, а ты послушно, чуть ли не съ выраженіемъ чувствительнѣйшей признательности, подклоняешь подъ нее свою многострадальную голову!...

Ложь! Если въ такомъ чудовищномъ образѣ и представляется Россія изъ Берлинскихъ писемъ и телеграммъ, то самая чудовищность служить лучшей порукой, что этому не бывать. Не то, чтобъ мы сомнѣвались въ справедливости сообщеній о замыслахъ и притязаніяхъ Англіи съ Австріей, руководимыхъ пресловутою маклерскою честностью Германскаго канцлера. Нисколько. Кривдѣ и наглости Запада, по отношенію къ Россіи и вообще къ Европѣ Восточной, нѣтъ ни предѣла, ни мѣры. этой исторической аксіомы, какъ и никакихъ уроковъ исторіи, не вѣдаютъ только русскіе дипломаты да петербургскія руководящія сферы.... Болѣе чѣмъ вѣроятными, увѣ! признаемъ мы также и сообщенія о дѣйствіяхъ нашихъ представителей на конгрессѣ: на вѣки не забыть намъ услугъ, оказанныхъ русскою дипломатіею Россіи въ эти послѣдніе два года. Но какихъ бы щедрыхъ уступокъ, во вредъ Россіи и къ выгодѣ нашихъ враговъ, ни навтворили русскіе дипломаты, — развѣ Россія, въ лицѣ своего Верховнаго Представителя, сказала свое послѣднее слово?

Не вѣримъ, чтобъ всѣ эти щедроты на счетъ русской крови и чести были одобрены Высшею властью; не вѣримъ и не повѣримъ, пока не появится о томъ официальное правительственное извѣщеніе. Но даже и предположить подобное извѣщеніе было бы преступленіемъ противъ достоинства власти!....

И въ самомъ дѣлѣ, мыслимо ли, чтобъ весь этотъ колоссальный абсурдъ, эта ошеломляющая незѣпность рѣшениі конгресса, это сплошное паругательство надъ Россіей могло когда-либо стать совершившимся фактомъ?

Посудите сами:

Изъ-за чего возгорѣлась война, изъ-за какого ближайшаго повода? Изъ-за турецкой повальной рѣзни, совершенной надъ населеніемъ Южной Болгаріи. Какая главная возвѣщепная задача войны? Вырвать Болгарское племя изъ-подъ турецкаго ига. Никогда никакая война не возбудила такого всеобщаго на Руси сочувствія и одушевленія, не вызвала столько жертвоприношеній любви, не заслужила въ такой полной мѣрѣ названія «народной», какъ именно эта война, благодаря именно этой священной задачѣ. По переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай, Императорская прокламація объявляетъ Болгаръ свободными. Немедленно, по Высочайшей волѣ, полагается начало правильной гражданской организаціи края, и всюду, по мѣрѣ его занятія, вводится нами не временное военно-полицейское, а прочное гражданское управленіе. Послѣ исполнскихъ успій, русскія войска преодолеваятъ Балканы; русскія власти водворяютъ новый строй и по всей Южной Болгаріи. Санъ-Стефанскимъ договоромъ, скрѣпленнымъ подписью Императора Россіи и подписью самаго Турецкаго падишаха, *всѣ Болгарія по обѣ стороны Балканъ* возводится въ Княжество. Россійскій Императорскій Комиссаръ торжественно водворяется въ главномъ Южно-Болгарскомъ городѣ Филиппополѣ и дѣлаетъ уже приготовленія къ созыву народнаго собранія... Повѣрила наконецъ несчастная страдалница-страна своему избавленію, съ радостію отдалась вѣрѣ и въ свою будущность, вздохнула свободно, ожидала и вдругъ... Съ соизволенія той же самой великодушной избавительницы — Россіи, какъ по живому тѣлу распивается Болгарія на двѣ части, п лучшая, плодороднѣй-

шая ея часть, Забалканская, та именно которая наиболѣе истерзана, извѣявлена, осрамлена турецкими звѣрствами, возвращается въ турецкое рабство!... Русскія же побѣдоносныя войска, тѣ самыя, чтѣ цѣною своей крови добыли свободу Южныхъ Болгарь, приглашаются вновь закрѣпить ихъ побѣжденному извергу и такъ сказать собственноручно отвѣсти: христіанскихъ женъ на поруганіе, дѣтей на посрамленіе, всѣхъ на лютую турецкую месть за то, что вѣрили въ Русскую власть, за братское сочувствіе къ Русскимъ!

А еще въ Петербургѣ, какъ пишутъ въ газетахъ, многое множество легкомысленной военной молодежи и всякихъ государственныхъ недоростковъ, возвращающихся въ петербургскихъ гостиныхъ, позволяетъ себѣ повально глумиться надъ Болгарами и бранить ихъ за недостатокъ будто бы довѣрія и радунія къ Русскимъ! Не говоря уже о томъ, какъ несправедливо, какъ безсердечно относиться такимъ образомъ, на основаніи частныхъ случаевъ, огульно ко всему народу, да еще къ народу, нравственно забитому, удрученному паничковымъ гнуснымъ рабствомъ, спрашиваемъ ихъ: чтѣ, по ихъ мнѣнію, послѣ всѣхъ нашихъ торжественныхъ и нарушенныхъ обѣщаній, достойны ли оказываемся мы довѣрія и любви Болгарь?...

Бѣдный русскій солдатъ, тебѣ стыдно будетъ и глаза поднять на этихъ твоихъ «братушекъ»... За что же, благодаря русской дипломатіи, будешь ты заклеименъ въ памяти Болгарскаго народа независтнымъ названіемъ *предателя!*...

И осмѣлится кто-нибудь повѣрить, чтобъ такіе результаты конгресса были освящены согласіемъ Русской власти!... Да чтѣ же такое случилось? Не претерпѣли ли мы пораженія, страшнаго, поголовнаго, хуже даже Седана, потому что и послѣ Седана Франція не пошла на миръ и отбивалась пять мѣсяцевъ? Ничего не случилось, никакихъ боевъ не было. Только притопнулъ лордъ Биконсфильдъ, да Австрія пригрозила пальцемъ: такъ, по крайней мѣрѣ, повѣствуютъ наши газеты. Русская дипломатія, пожалуй, и могла испугаться, но только она одна, и никто больше.

Все это тѣмъ болѣе невѣроятно, что русскому правительству менѣе чѣмъ кому-либо можно убаюкивать себя надеждою, будто участь Южныхъ Болгарь исполнѣ обеспечивается

назначеніемъ нѣкоторыхъ реформъ. Оно слишкомъ богато историческимъ опытомъ, да и не оно ли само, на Константинопольской конференціи, съ такою силою обличало несостоятельность всѣхъ гарантій подобнаго рода? Тѣмъ болѣе, что Англія не дозволила истолкованія этихъ реформъ въ широкомъ смыслѣ административной автономіи и допустила ихъ единственно приличія ради и для облегченія Россіи ея политическаго отступленія. Не только не въ интересъ Англіи оградить Южныхъ Болгаръ отъ всякаго посягательства на ихъ права личныя и общечеловѣческія, но вся задача поставленная ею на конгрессѣ Болгарскаго вопроса въ томъ только и состоитъ, чтобы вытравить изъ Южной Болгаріи всякій слѣдъ Болгарской народности. Ей запрещается даже и именоваться Болгаріей. Вѣдь христіанскимъ губернаторомъ можетъ быть назначенъ и Англичанинъ въ родѣ Бекеръ-паша и извѣстнаго англійскаго консула Болгаро-убійцы. Ненависть и ожесточеніе великобританскаго перваго министра къ Болгарамъ, невпнимымъ виновникамъ послѣдней войны, доросли до такихъ размѣровъ, что лордъ Виконсфильдъ былъ бы не прочь видѣть повтореніе турецкой рѣзни 1876 года, только съ меньшимъ скандаломъ и въ болѣе легальной формѣ. Онъ заботливо обезпечилъ себѣ возможность повальнаго истребленія Болгарскаго въ Румелии племени, при первомъ признакѣ мятежа. Именно для того, какъ официально разъяснено самой Англіей, чтобы предоставить Туркамъ всѣ средства къ немедленному подавленію всякаго возстанія христіанъ въ самомъ его началѣ, по всей южной Болгаріи будутъ тянуться турецкіе этапные военные пункты, и Балканы послужатъ мѣстомъ постояннаго пребыванія для турецкихъ полчищъ, которыя такимъ образомъ могутъ, во всякую минуту, низринуться какъ въ долины Тунджи и Марицы, такъ и въ Придунайскую Болгарію. Признаки мятежа! Да и теперь въ Румелии только присутствіе двухсотъ - тысячной Русской арміи едва-едва сдерживаетъ взрывы мести и озлобленія между Турками и Болгарами! Вотъ какая перспектива открыта рѣшеніемъ конгресса для Болгарскаго населенія, а офиціозный, на казенныя деньги издающійся въ русской столицѣ органъ чужестранныхъ интересовъ, *Journal de St. Pétersbourg*, смѣетъ возвѣщать, что Россія нечего беспокоиться, что ея жерт-

вы принесены не напрасно, что свобода и безопасность христіанъ вполне обезпечены! Бываютъ самообольщенія хотя и грубыя, но искреннія и невольныя: они еще могутъ служить какимъ-нибудь извиненіемъ челоуѣку. Имъ нѣтъ мѣста въ настоящемъ случаѣ: здѣсь можетъ быть только одинъ вольный, преступный обманъ собственной совѣсти!

Не такъова совѣсть у Русскаго народа. И если, послѣ не совсѣмъ торжественной ретирады Императорскаго Коммиссара изъ Филиппополя въ Тырново, послѣ удаленія русскихъ войскъ за Балканы, возобновятся случаи турецкаго звѣрства, и вновь пролетѣтъ христіанская кровь, и вновь наругается Турокъ надъ христіанскими женщинами, и дойдетъ о томъ до слуха Россіи, — не воспрянетъ ли она, словно узавлеченная, вся какъ одинъ челоуѣкъ, и ринется, посылая проклятія своимъ дипломатамъ?....

Ринется? Какъ бы не такъ! Именно противъ этихъ-то великодушныхъ русскихъ порывовъ и приняты мѣры лордомъ Биконсфильдомъ сообща съ русскими дипломатами. Британскій министръ, съ безцеремонностью сознающей себя силы, такъ прямо и объявилъ, что вся его задача: оградить Турцію отъ новой побѣдоносной Русской войны, какъ бы тамъ ни мучились христіане; однимъ словомъ, что весь конгрессъ ничто иное какъ открытый *заговоръ* противъ Русскаго народа. Заговоръ съ участіемъ самихъ представителей Россіи!! Такъ какъ опытъ показалъ, что Балканы, оставшіеся до сихъ поръ непреодолимою естественною преградой, не могли сдержать стремленія нашихъ войскъ, то, по рѣшенію конгресса, по всему Балканскому хребту будутъ возведены, конечно съ помощью англійскихъ денегъ и пнжелеровъ, такія турецкія укрѣпленія съ надежными турецкими гарнизонами, которыя бы сотворили изъ Балканъ твердыню дѣйствительно необоримую....

Вотъ къ чему послужила вся Балканская страда Русскихъ солдатъ! Стоило для этого отмораживать ноги тысячами во время пяти-мѣсячнаго Шипкинскаго сидѣнія, стоило гибнуть въ снѣгахъ и льдинахъ, выдерживать напоръ бѣшеныхъ Сулеймановскихъ полчищъ, совершать неслыханный, свиданный въ исторіи зимній переходъ черезъ досягающія до неба скалы! Не успѣли герои Шипки, имя которой стало

такъ любезно, такъ сродни народному слуху, не успѣли они вернуться домой и утѣшиться благодарностью соотчичей, какъ во очю предъ ними Русскою властью противъ нихъ же Русскихъ солдатъ, преодоленные ими преграды обращаются въ непреодолимыя! Безъ краски стыда и жгучей боли нельзя уже будетъ теперь русскому человѣку даже произнести имя Шипки, Карлова и Баязета и всѣхъ тѣхъ мѣсть, прославленныхъ русскимъ мужествомъ, усѣянныхъ русскими могилами, которыя нынѣ вновь предаются на оскверненіе Туркамъ! Добромъ же помянуть эту кампанію и русскую дипломатію возвратившіеся солдаты!

И мы отважимся повѣрить, что на все это послѣдовало одобреніе Верховной Власти?... Никогда!

Наша дипломатія хочетъ утѣшиться тѣмъ, что она доби-лась у конгресса согласія на возведеніе Придунайской Болгаріи въ Княжество. О простота, простота! Неужели можно думать, что послѣ такого открытаго изъявленія своихъ замысловъ, Англія и Австрія дозволятъ свободное и самостоятельное, въ національномъ духѣ, развитіе Придунайскаго Болгарскаго края? Неужели можно ожидать, что Англія и Австрія не примутъ всѣхъ нужныхъ имъ мѣръ, для того чтобы парализовать всякое значеніе этого княжества и поработить его себѣ въ политическомъ и экономическомъ отношеніи? Англія уже заявила свое требованіе участвованія въ гражданской организаціи княжества. Затѣмъ всѣ второстепенныя подробности, всѣ «детали» рѣшено установить послѣ конгресса, посредствомъ особыхъ комиссій и посольствъ въ Царѣградѣ. Уступивъ въ главномъ, стбитъ ли препираться о мелочахъ? Русскіе дипломаты за мелочами гоняться не любятъ! Но сѣтъ мелочей, систематически сотканная Англіей и Австріей, такъ опутаетъ Придунайское Болгарское Княжество, какъ будто оно сжато желѣзными обручами, и не высвободится ему изъ нихъ.

Да мѣры уже и приняты. Если Санъ-Стефанскій договоръ, по сознанию всего русскаго общества, грѣшилъ явною несправедливостью по отношенію къ Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ, то конгрессъ взялся исправить эту ошибку. Сербіи *принаружается* нѣсколько лишнихъ квадратныхъ миль, но за то австрійскія войска вступятъ въ Боснію и Герцегови-

ну. Съ умилятельнымъ единодушiемъ всѣ державы, исключая Турціи, но не исключая Россіи, благословили Австрію на оккупацию, безъ сомнѣнія безсрочную, этихъ двухъ Славянскихъ земель, а потомъ на подчиненіе себѣ, въ той или другой благовидной формѣ, въ военномъ, политическомъ и экономическомъ отношеніи, и независимой Сербіи и независимой Черногоріи, и всей продольной полосы Балканскаго полуострова вдоль западныхъ границъ Болгаріи, вплоть до Эгейскаго моря! Русская дипломатія видитъ въ этомъ даже какое-то особенное торжество своей политики и съ увлеченіемъ, которому графъ Андраши даже и не вдругъ повѣрилъ, привѣтствовала, какъ новую эру, разграниченіе сферъ вліянія Россіи и Австріи на Балканскомъ полуостровѣ!

Нѣтъ такихъ и словъ, чтобъ заклеить по достоинству это предательство, эту измѣну историческому завѣту, призыванію и долгу Россіи. Согласиться на такое рѣшеніе—значитъ подписать свое самоотреченіе, какъ Главы и Верховной Представительницы Славянскаго и всего Восточно-Христіанскаго міра,—значитъ утратить не только свое обаяніе, не только сочувствіе, но и уваженіе Славянскихъ племенъ, нашихъ естественныхъ, нашихъ единственныхъ союзниковъ въ Европѣ. Свобода, самобытное развитіе и преуспѣяніе духовныхъ стихій Славянской народности возможны для Славянъ *только* въ единеніи любви съ Русскимъ народомъ.... Иначе рѣшаетъ русская дипломатія! Для того только, православный Русскій народъ, единый могучій и независимый изъ всѣхъ Славянскихъ народовъ, для того только и пролилъ ты свою драгоценную кровь, принесъ въ жертву сотни тысячъ твоихъ сыновъ, для того ты и разорился и временно обнищалъ, стяжалъ себѣ поистинѣ вѣнецъ страстотерпца и мученика, чтобы собственными побѣдами упизить себя какъ Славянскую державу, расширить владѣнія, умножить силу враговъ — твоихъ и всего Славянства, и подчинить Православныхъ Славянъ господству Нѣмецкой и католической стихіи! Напрасный мученикъ, одураченный побѣдитель, полюбуйся на свое дѣло!...

Если во время Константинопольской конференціи мы говорили, въ такомъ же собраніи, что щеки плачутъ у Россіи отъ получаемыхъ ею пощечинъ, то что же сказать теперь,

при ежедневныхъ, торжественныхъ заушеніяхъ? А русскіе дипломаты, если вѣрять газетамъ, послѣ каждого заушенія, только росписываются въ полученіи и просятъ взамѣнъ для Россіи лишь аттестата о «безкорыстіи»! По истинѣ безкорыстно, и въ аттестатѣ имъ не отказываютъ...

Слово нѣмѣтъ, мысль останавливается, пораженная, предъ этимъ коллобродствомъ русскихъ дипломатическихъ умовъ, предъ этою грандіозностью раболѣпства! Самый злѣйшій врагъ Россіи и Престола не могъ бы изобресть чего-либо пагубнѣе для нашего внутренняго спокойствія и мира. Вотъ они, наши настоящіе нигилисты, для которыхъ не существуетъ въ Россіи ни русской народности, ни православія, ни преданій,—которые, какъ и нигилисты въ родѣ Боголюбовыхъ, Засуличъ и К°, одинаково лишены всякаго историческаго сознанія и всякаго живаго національнаго чувства. И тѣ и другіе—иностранцы въ Россіи и поютъ съ чужаго европейскаго голоса; и тѣ и другіе чужды своему народу, смотрятъ на него какъ на *tabula rasa*. презираютъ его органическія, духовныя начала, стараются сдвинуть его съ пути, заповѣданнаго ему исторіей и направлять насильственно на путь противоположенный... Всѣ они—близкая другъ другу родня, порожденіе одного сѣмени, хотя и различествуютъ между собою бытомъ, воспитаніемъ, нравами, доктринами и главное—степенью самосознанія.. Предоставляю вамъ самимъ рѣшать, кто же однако изъ нихъ: сознательныхъ и безсознательныхъ, грубо-анархическихъ и утонченныхъ государственныхъ нигилистовъ, въ сущности опаснѣе для Россіи, для ея народнаго и духовнаго преуспѣянія и государственнаго достоинства?

Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, *Турціи*, грозящей своимъ смѣлымъ сопротивленіемъ обратить въ ничто всемудрый конгрессъ, суждено явиться ангеломъ — спасителемъ русской чести?

Нѣтъ, чтò ни происходило бы тамъ на конгрессѣ, какъ бы ни распиналась русская честь, но живъ и властенъ ея вѣнчанный Оберегатель, Онъ же и Мститель! Если въ насъ, при одномъ чтеніи газетъ, кровь закипаетъ въ жилахъ, чтò же долженъ испытывать Царь Россіи, несущій за нее отвѣтственность предъ Исторіей? Не Онъ ли самъ назвалъ дѣло нашей войны «святымъ»? Не Онъ ли, по возвращеніи изъ-за

Дуная, объяснилъ торжественно привѣтствовавшимъ его депутатамъ Москвы и другихъ русскихъ городовъ, что «святое дѣло будетъ доведено до конца»? Страшны ужасы брани, и сердце Государя не можетъ легкомысленно призывать возобновленіе смертей и кровопролитія для своихъ самоотверженныхъ подданныхъ, — но не уступками, въ ущербъ чести и совѣсти, могутъ быть предотвращены эти бѣдствія. Россія не желаетъ войны, но еще менѣе желаетъ позорнаго мира. Спросите любаго Русскаго изъ народа, не предпочтетъ ли онъ биться до истощенія крови и силъ, только бы избѣжать срама русскому имени, только бы не стать предателемъ христіанъ-братьевъ? Еще не постыдно уступить превосходной соединенной силѣ враговъ послѣ долгихъ, героическихъ побойщъ, какъ уступили и мы въ 1856 году безъ урона для своей славы, какъ уступила недавно и Франція. Но уступать *предупредительно*, безъ боя и выстрѣла, это было бы уже не уступкою, а отступничествомъ. Да и кто бы въ Европѣ дѣйствительно отважился теперь на войну? Не Англіи же, въ самомъ дѣлѣ, съ ея Индійскими чудищами, можемъ мы опасаться на сушѣ, а отъ войны на морѣ она потерпитъ сильнѣе чѣмъ мы. Не Австрія же, у которой, по выраженію покойнаго Тютчева, все тѣло — Ахиллесова пятка (*don't tout le corps n'est qu'un pied d'Achille*), которая именно войны съ Россіей пуще всего и боится, потому что только отъ одной рѣшимости Россіи зависитъ вызвать на свѣтъ Божій «Австрійскій вопросъ».... Песокрушимъ и непобѣдимъ Русскій Царь, если только Онъ, съ ясностью историческаго сознанія, съ твердою вѣрою въ предназначеніе своего народа, отложивъ въ сторону попеченіе объ интересахъ Западно-Европейскихъ державъ, интересахъ своекорыстныхъ и намъ враждебныхъ, воздѣпнетъ, по выраженію нашихъ древнихъ грамотъ, «высоко, грозно и честно» въ своей длани знамя Россіи — оно же знамя Славянъ и всего Восточнаго Христіанства!

Волнуется, ропщетъ, негодуетъ народъ, смущаемый ежедневными сообщениями о Берлинскомъ конгрессѣ и ждетъ, какъ благой вѣсти, рѣшенія свыше. Ждетъ и надѣется. Не солжетъ его надежда, потому что не преломится Царское слово: «святое дѣло будетъ доведено до конца».

Долгъ вѣрноподанныхъ велеть всѣмъ намъ надѣяться и вѣрить, — долгъ же вѣрноподанныхъ велеть намъ и не безмолвствовать въ эти дни беззаконія и неправды, воздвигающихъ средостѣнія между Царемъ и землею, между Царскою мыслью и народною думой. Ужели и въ самомъ дѣлѣ можетъ раздаваться намъ сверху въ отвѣтъ внушительное слово: «молчите, честныя уста! гласите лишь вы, лезть да кривда!»...

Отвѣтъ И. С. Аксакова на посланіе къ нему д-ра Фр. Лад. Ригра*).

Досточтимый господинъ!

Да, — скажемъ и мы въ отвѣтъ на ваше братское посланіе отъ имени сеймовыхъ депутатовъ Чешскаго народа, — ночь для Славянъ наконецъ минула и встало утро — *внше* утро великаго міроваго дня: слышится трепеть новой исторической жизни. Казалось бы, чѣмъ же необычайнаго въ этой борьбѣ, предпринятой нынѣ Россіей? Не въ первый разъ устремляются русскія знамена за Дунай для блага угнетеннаго и посрамленнаго христіанства, и если кому несутъ они избавленіе и свободу, такъ только тѣмъ отраслямъ Славянскаго племени, которыя уже пять вѣковъ изнываютъ подъ ненавистнымъ турецкимъ игомъ. А между тѣмъ не одни Славяне Балканскаго полуострова, — Славяне и прочихъ странъ и именованій встрепенулись мыслью и духомъ, какъ будто и для нихъ настала историческій чередъ, какъ будто всѣ позваны, всѣ требуются къ отвѣту, всѣмъ надлежитъ вскорѣ стать на судъ исторіи, судъ Божій.... Готовы ли — вотъ въ чемъ вопросъ.

Не забота «о почетной роли первенства въ исторіи» и о томъ всемірномъ владычествѣ, которое даетъ «цивилизациа, созданная народами Арійскаго племени», какъ гласитъ ваше посланіе, должна бы, по нашему мнѣнію, тревожить въ наступающій мигъ Россію и все Славянство. Пусть первенствуетъ истина, пусть «железъ вселенной» принадлежить правдѣ. Наша «почетная роль въ исторіи» прежде всего:

*) Изъ Праги, отъ 3 мая 1877 г.

стать, быть и жить самими собою, Славянами, чѣмъ мы до сихъ поръ не были или были, но не вполне; значить и дѣйствовать въ исторіи какъ Славяне; служить—не «культурѣ» и «цивилизациі»: замѣнимъ эти малосодержательныя иностранныя слова и понятія многосодержательнымъ славянскимъ выраженіемъ — служить *просвѣщенію* общечеловѣческому, служить истинѣ и высшей правдѣ *своею* правдою — свойствами и особенностями славянскаго народнаго духа. О томъ надлежитъ намъ заботиться, чтобы явиться достойными своего призванія и помнить древнѣйшій завѣтъ, исходящій изъ высшей же достославной Чешской земли:

Намъ не хвалюно у вѣмцевъ искать правду,
потому что, прибавляетъ сказаніе:

У насъ правда *по закону святу*... *).

Соблюденъ ли Славянами, а если и соблюденъ, то въ какой мѣрѣ и степени этотъ многозначительный завѣтъ?

Неисповѣдны пути исторіи. Судьбы Славянскаго племени тѣмъ отличаются отъ судебъ прочихъ народовъ, дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ на всемірно-историческомъ поприщѣ, что нѣтъ ни одной славянской отрасли, которая бы въ томъ или въ другомъ видѣ, въ теченіи своей жизни, не подверглась испытанію чуждаго ярма, внѣшняго или внутренняго, вещественнаго или нравственнаго, азіатскаго или романо-германскаго; которая бы, послѣ болѣе или менѣе упорной борьбы, не извѣдала, въ свое время, или насильственнаго обезличенія извнѣ, или измѣны и отступничества отъ отеческихъ преданій внутри себя,—въ цѣломъ ли своемъ объемѣ и численномъ составѣ, или только въ отдѣльныхъ областяхъ и въ лицѣ однихъ руководящихъ, такъ-называемыхъ интеллигентныхъ классовъ. Всѣ волей-неволей поискали правду вчужѣ, пренебрегая «стародавнюю правду по святому закону»; всѣмъ грозила опасность утратить, а пѣкоторые и утратили, не только политическую независимость, но самую свою народность въ ея высшемъ значеніи—духовномъ.

Не станемъ распространяться о сокровенныхъ причинахъ

*) Пѣснь о Лыбупинномъ судѣ.

такого явленія: оно безъ труда можетъ быть объяснено и даже оправдано. Явленіе иного рода, обратное, въ высшей степени знаменательное, изумляетъ и поражаетъ міръ въ жизни Славянскаго племени съ начала текущаго столѣтія. На глазахъ у всѣхъ совершается обновленіе и возрожденіе народнаго духа во всемъ Славянствѣ (кромѣ отраслей окончательно погибшихъ), и совершается не властію внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ, а часто наперекоръ имъ, труднымъ, упорнымъ, внутреннимъ процессомъ самосознанія. Почти всѣ Славянскія страны напряженною работою мысли усиливаются позвать, понять, какъ бы вновь обрѣсти свою народность, возстановить ея права на духовную самостоятельность, на первенство и господство во всѣхъ отправленіяхъ народнаго бытія. Подвигъ по истинѣ суровый и сложный,—несомнѣнно самимъ Провидѣніемъ сужденный Славянскому міру,—подвигъ, отъ котораго, въ той или другой мѣрѣ, не свободенъ ни одинъ Славянскій край. Всѣ призваны пройти этимъ особымъ тяжкимъ путемъ внутренняго возсозданія и самоопредѣленія,—и только пройдя этимъ путемъ можетъ отрасль Славянскаго племени чаять себѣ будущности въ исторіи.

Станнымъ и извращеннымъ представляется, быть можетъ, инымъ мыслителямъ такой своеобразный процессъ развитія въ жизни Славянскихъ народовъ. Особенно же страненъ онъ съ точки зрѣнія западно-европейской. Несомнѣнно, что западноевропейскія племена, болѣе повидному счастливыя, почти не вѣдали ни подобнаго внутренняго раздвоенія, ни отрицанія началъ собственнаго духа; жили и творили въ исторіи, не испытывая даже и потребности обращать для себя свою же народность во внѣшній предметъ сознанія и руководства. Еще болѣе сомнительнымъ кажется, чтобы отъ мысли, отъ анализа и абстракта можно было перейти къ жизни и къ дѣлу, къ тѣмъ конкретнымъ явленіямъ силы, для которыхъ требуется болѣе всего цѣльность и синтезъ, непосредственное творчество народнаго духа. Но справедливость этого замѣчанія только видимая. Къ душѣ народнаго организма, какъ и вообще къ сложной душѣ человѣческой, трудно примѣняются требованія и правила строго-логическаго формальнаго развитія, да и едва ли возможно сослѣдить во

всей точности внутренней ходъ ея психическаго процесса. Развѣ самое побужденіе къ самопознанію, къ восстановленію народной самостоятельности можетъ быть вызвано въ дѣтеляхъ чѣмъ-либо инымъ, какъ живою непосредственною любовью, непосредственнымъ воздѣйствіемъ самого народнаго духа, смиренно притавившагося въ избранныхъ сердцахъ и только ждавшаго себѣ призыва и оправданія? Вотъ, мнится намъ, пламя исторической жизни повидимому совсѣмъ уже угасло, но наука, окрыляемая любовью, отыскиваетъ пепелище, бережно свѣваетъ пепель, и тлившіяся подъ нимъ искры разгоряются снова. Таковъ въ особенности доблестный подвигъ чешскихъ мужей мысли и знанія, которые, уже на нашей памяти, одушевленно-терпѣливымъ трудомъ сняли съ родной земли много наносныхъ, чуждыхъ слоевъ и добрались накопецъ до глубоко схороненныхъ, засоренныхъ, но еще живыхъ ключей народнаго духа.

Въ этомъ особомъ, необычайномъ законѣ развитія, которому подчинены судьбою всѣ отрасли Славянскаго племени, — по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя пмѣютъ въ себѣ задатки жизни, — видится намъ несомнѣнный залогъ высшаго призванія Славянства въ исторіи міра. Ибо, совершая подвигъ самосознанія, народная духовная сущность необходимо отрѣшается отъ своей исключительности, узкости и односторонности, умудряется опытомъ чужихъ народовъ, приобретаетъ широту умственнаго кругозора, укрѣпляется въ своей собственной правдѣ и становится такимъ образомъ наиболее способною для высшаго служенія человечеству, т. е. для выраженія и воплощенія въ жизни основныхъ началъ христіанства. Богато одарено Славянское племя: въ мѣру этого богатства дано ему и призваніе; въ ту же мѣру сужденъ ему тяжкій очистительный подвигъ, по божественному слову: кому много дано, съ того много и взыщется.

Не въ фізіологическихъ только признакахъ породы и даже не въ языкѣ заключается народность и ея право на самостоятельное бытіе. Народность въ исторіи есть понятіе по преимуществу нравственное и духовное. Чтò пользы въ сохраненіи фізіологической особенности, если не сохранена особенность духа, если самъ народъ нравственно безличенъ? Чтò толку въ народности, если она лишена своеобразнаго

внутренняго содержанія? Не для того Провидѣніе тысячелѣтнимъ историческимъ процессомъ искушаетъ, какъ въ горнилѣ, различныя отрасли Славянскаго племени, чтобъ онѣ, возстановляя свою самобытность, обращали свой языкъ въ безразличное слѣпое орудіе чуждаго духа, служили славянскою рѣчью противославянскому міровоззрѣнію и подчиняли свою славянскую совѣсть духовному руководительству исконныхъ враговъ Славянства.

Вотъ почему мы и сказали въ началѣ, что наступающій историческій день потребуетъ всѣ отрасли Славянскаго племени къ допросу: то будетъ день не только воскресенія, но и суда.

Безъ сомнѣнія наизощражайшему отвѣту подлежитъ тотъ народъ, который, по своей многочисленности и внѣшнему государственному могуществу, такъ сказать помазанъ на первенство и предводительство въ семьѣ Славянской, а вмѣстѣ съ тѣмъ на подвигъ служенія своимъ братьямъ: освобожденія поработенныхъ, укрѣпленія слабыхъ, воссоединенія разрозненныхъ. Но, къ стыду нашему, мы сами долго коснѣли въ невѣдѣніи о своемъ долгѣ и своемъ призваніи, и мало были достойны вашей братской любви. Не на Русскомъ великомъ народѣ однако же тяготѣетъ эта вина, а на той части общественной русской среды, которая руководила его внѣшними судьбами и въ своемъ духовномъ подобострастіи предъ Западной Европою, не зная ни своей исторіи, ни своей народности, преграждала народу свѣтъ историческаго сознанія. Нынѣ, слава Богу, послѣ долгой упорной борьбы преграда пала, и свѣтъ сознанія съ быстротою молніи охватилъ и подвигъ къ новому бытію всю Россію. Въ томъ ясномъ, свѣтломъ, мужественномъ одушевленіи, съ которымъ Русскій народъ, на удивленіе всего міра, подъялъ кровавый бой съ врагами Христа и Славянства, слышится не «юношескій порывъ», какъ выражается ваше посланіе, и не религіозное только увлеченіе, и даже не одна радость богатыря, который нашелъ себѣ честный подвигъ по силамъ и по сердцу, а радость о раскрывшемся высокому призваніи Россіи, какъ православной и славянской державы, о чаемомъ исполненіи впервые сознанаго имъ историческаго долга, объ обрѣтеніи наконецъ праваго пути послѣ долгихъ блужданій, объ обрѣ-

тепін цѣлаго міра братства. Отнынѣ только Россія становится по истинѣ во главѣ Славянства, и останется во главѣ, какихъ бы ухищреній ни измышляли на Западѣ ея мнимые друзья и ея отъявленные враги.

И именно потому-то такъ важны для нея въ современную пору заявленія братскаго сочувствія со стороны западныхъ отраслей Славянскаго племени, заявленія безкорыстныхъ, такъ какъ отъ пастоящей войны Россіи съ Турціей имъ нечего ждать для себя какихъ-либо практическихъ результатовъ. Эти заявленія, напоминая Россіи объ ея славянскомъ призваніи и о развѣтвленіяхъ Славянскаго міра, служатъ ей путеводными указапіями, внушаютъ ей бодрость и чувство силы. Конечно,—мы не хотимъ этого скрыть, — понятію Русскаго народа доступнѣе та именно братская связь, которая основана не на одномъ кровномъ родствѣ, но и на родствѣ духовномъ. Ему легче опознать себѣ братьевъ въ тѣхъ отрасляхъ Славянскаго племени, которыя вмѣстѣ съ нимъ соблюли вѣрность преданіямъ древней Вселенской церкви, нежели въ Славянахъ олатинившихся, коихъ духовное средоточіе—Римъ. Однако же та особенная горячность сочувствія, которая въ настоящей мигъ проявлена Россіи Чешской землею,—отозвалась въ самой глубинѣ русскаго народнаго сердца и пробудила въ немъ радостныя упованія...

Велики заслуги Чешскаго народа предъ всѣмъ Славянствомъ. Вы праведно хвалитесь тѣмъ, что «свѣтъ христіанскаго ученія, возсіявшій въ вашемъ Велеградѣ, благодаря славянскимъ вѣроучителямъ, озарилъ отъ васъ весь Славянский Востокъ». Вѣрно и то, что Русъ былъ первымъ въ Европѣ «по времени» борцомъ за идею, и что не мало мощныхъ силъ духа явилъ въ себѣ Чешскій народъ, который, пережилъ гуситскую эпоху своей исторіи, эту эпопею борьбы и мученичества «за высокіе интересы (приводимъ ваши по-«длинные» выраженія), за просвѣщеніе, за свободу религиозныхъ убѣжденій, за свою славянскую народность, израненный на смерть, пребываетъ донинѣ несокрушенный, не «отступаясь отъ права народности». Вы надѣетесь, что Славянство поддержитъ Чешскій народъ на томъ мѣстѣ, которое онъ занималъ и занимаетъ—«передоваго стража Славянства».

Да сбудется ваша надежда. Но да позволено будетъ намъ

пополнить ваше изчисленіе заслугъ гуситской эпохи и еще выше вознести славу величайшаго мужа вашей земли. Не въ томъ только заслуга Чешскаго народа, что онъ даже «по свидѣтельству западной историографіи», какъ выражается ваше посланіе, былъ первымъ *по времени* борцомъ за идею въ лицѣ Гуса и сталъ мученикомъ за свободу религиозныхъ убѣжденій. Нѣтъ такого живаго религіознаго ученія, которое бы не отстаивало для себя свободы совѣсти и не имѣло бы борцовъ и мучениковъ за свою превратную, но искренно исповѣдываемую идею; поэтому выше чести, приписываемой западными историками Гусу, ставимъ мы самое содержаніе его протеста, самое внутреннее достоинство той *идеи*, за которую онъ боролся и былъ мучимъ. И вѣдомо намъ, да и вамъ самимъ, что идея Гуса связывалась непосредственно съ тѣми преданіями, которымъ начало положено, по словамъ вашего же посланія, въ Велеградѣ и которыя унаслѣдованы Россіею со всѣмъ остальнымъ православнымъ Славянствомъ. Свѣтъ христіанскаго ученія, озарившій, какъ вы сами вѣрно свидѣствуете, изъ вашего Велеграда весь Славянскій Востокъ, не этотъ ли самый свѣтъ озарилъ и Гуса и воскресилъ въ его душѣ святыхъ, завѣщанныхъ вашимъ предкамъ преданія, утраченныя латинствующимъ и сохраненныя православнымъ Славянствомъ? Но латинскій Западъ, собравшійся на Констанцскомъ судилищѣ, съ римскимъ первосвященникомъ и римскимъ императоромъ во главѣ, предалъ огню и Гуса и его дѣло...

Чехи, Чехи! такъ ли, какъ должно, чтите вы память вашего Гуса? Ужели его подвигъ только стародавній историческій фактъ, важный только «по времени», уже покрывшійся для васъ безразличною плѣсенью былаго, уже вполне завершенный и отжитый?

Чехи! Чехи! Констанцскій соборъ не расходился — онъ пребываетъ и поднесъ, мѣняя только названія: — онъ продолжаетъ и нынѣ громить анаемами и Гуса, и его дѣло, и все Славянство.

Костеръ Гуса не угасъ, — онъ продолжаетъ пылать, но уже не въ Констанціи только, а въ самой Прагѣ. Кто же поддерживаетъ пламя? Кто подкладываетъ дрова въ костеръ?

Всѣ, всѣ связавшіеся духовными узами съ Римомъ, всѣ

пребывающіе и нынѣ въ духовномъ единствѣ съ убійцами Гуса, съ тою властью, которая, предавъ его сожженію, ни разу въ теченіи пяти вѣковъ не отрелася отъ своего дѣянія, но продолжаетъ сожигать его и понынѣ, и еще недавно богохульственно призывала благословеніе небесное на враговъ Христа и Славянства, и кару небесную на вашихъ славянскихъ братьевъ, дерзнувшихъ избавить христіанъ отъ тиранніи Ислама....

Скажите сами: развѣ всѣ ревностно и усердно исповѣдующіе враждебное Гусу ученіе не повторяютъ сожженія Гуса и теперь, ежедневно и ежечасно въ сердцахъ своихъ? не приобщаются къ сонму его палачей? не отступники духа славянского?

Всякое славянское племя, приковавшее свою духовную судьбу къ духовнымъ судьбамъ латинства, подлежитъ одному съ нимъ суду, само заранѣе подписываетъ себѣ одинаковый съ латинствомъ историческій приговоръ.

Угасите же костеръ Гуса. Оправдайте мученика, прославьте его не суетною, а святою, подобающею ему славою, и во имя его, въ духовномъ единеніи съ Славянствомъ восточнымъ, станьте вы, Чехи, на Западѣ, во истину передовымъ стражемъ Славянства.

Братскій привѣтъ вамъ и благодарность отъ всѣхъ, къ кому обращено ваше посланіе.

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „РУСЬ”.

1880—1881 г.

(ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.)

Изъ № 3, октябрь 1880 г.

Можно признать чуть не за безошибочное руководство къ уразумѣнію европейской политики такое правило: принимать всякій совѣтъ, всякую похвалу и хулу, расточаемыя нашими иностранными сосѣдами русскому кабинету и вообще Россіи—въ обратномъ смыслѣ. Если, напримѣръ, поднимается свистъ и гамъ по поводу властолюбія и завоевательной похоти Россіи, знайте, что какая-либо западно-европейская держава готовитъ безсовѣстнѣйшій захватъ чьей-либо чужой земли, — Славянской или иной, но такой захватъ, который прямо вредитъ интересамъ нашимъ или дружественныхъ намъ единоплеменниковъ. На Западѣ хорошо знаютъ, что мы ничего такъ не боимся, какъ общественнаго мнѣнія Европы, какъ обвиненія въ недостатокѣ либерализма, — что насъ легко запугать и заставить оправдываться, — «клясться и рогитиса», по древнему выраженію, въ томъ, что ни въ какихъ мы не только замыслахъ, но и помыслахъ неповинны. — «А ну-ка докажи!» требуетъ Европа. И мы предъявляемъ доказательства, что въ такихъ-то и такихъ-то случаяхъ поступили даже себѣ въ ущербъ, блага ради Европы. — «Мало! Это мы ужъ забыли. Отступись отъ того, чѣмъ ты особенно дорожишь, что тебѣ принадлежитъ по праву, что ты купила своею кровью, отступись и отъ своихъ друзей». Мы и отступаемся, хоть и со слезами на глазахъ, да еще благодаримъ, что дешево отдѣлались. Сильна увѣренность Европы въ нашей незлобivosti, смиреніи и великой простотѣ. Конечно, простота вещь

хорошая; Богъ простоту любитъ... но не всякую. — Далѣе: если нѣмецкія газеты начинаютъ указывать русскому правительству на опасности «нигилизма и разрушительныхъ ученій», то, вникнувъ въ смыслъ указаній, вы сейчасъ увидите, что подъ «нигилизмомъ и разрушительными ученіями» онѣ разумѣютъ ничто иное, какъ русское національное направленіе, выражающееся иногда въ нашихъ газетахъ (преимущественно въ области внѣшней политики и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ общественной жизни). По поводу всякаго проявленія русскаго народнаго чувства, хотя бы консервативнѣйшаго свойства, всякаго чуть замѣтнаго движенія русской самобытной мысли, нѣмецкія газеты бьютъ въ набатъ и кричатъ: «огонь! пожаръ! нигилизмъ!» — адресуя свои крики не кому иному какъ нашей правительственной сферѣ. Но за кого же принимаютъ онѣ нашихъ «власть имѣющихъ»? Какую же — не то что недалекую видность, а слѣпоту, и — не то что слабомысліе, но уже совершенное тупоуміе должны онѣ предположить въ русскихъ государственныхъ мужахъ, если считаютъ ихъ способными пугаться такими плоскими застрачиваніями, не разумѣть того, что творится у нихъ дома и предъ глазами! Въ Россіи хорошо вѣдаютъ, что если что было, какъ говорится, на руку нашимъ друзьямъ-сосѣдямъ, такъ именно дѣланія нашихъ социалистовъ-революціонеровъ, террористовъ и прочихъ несчастныхъ ревнителѣй «русскаго мужика и народной свободы» съ неудобовыговариваемыми и непонятными для народа кличками. Смущеніе, недоумѣніе, однимъ словомъ тотъ нравственный кошмаръ, который, благодаря имъ, нѣкоторое время давилъ Россію, производилъ на Западѣ нѣкоторое тайное злорадство: «Россіи теперь не до того, — такъ поспѣшимъ же строить противъ нея ковы, а пока будемъ великодушно совѣтовать ей именно такія мѣры, которыя бы не дали ей оправиться; берегись патриотизма, берегись славянолюбства, — берегись народа, — берегись себя самой: вѣрь Нѣмцамъ!» И ничто такъ неприятно не озадачиваетъ нашихъ друзей въ Германіи и Австріи, какъ проявленіе вновь нѣкоторой бодрости и здоровья въ этомъ, едва уже не отпѣтомъ ими русскомъ глѣбѣ!

Вотъ теперь снова затѣваютъ они пѣсню о русскомъ панславизмѣ, — когда и новаго, кажется, ничего не произошло,

и поводовъ въ тому нѣтъ, и въ Восточномъ вопросѣ мы смиренно идемъ даже не рядомъ, а во слѣдъ Англій. (Англія вѣдь крупный авторитетъ, которымъ заслоняться можно)... Что же сонъ сей значить? Ничего болѣе, какъ сооруженіе панславистскаго плана самою Австріею, съ благословенія, конечно, нѣмецкаго канцлера и себѣ на потребу. Да, затѣвается новый панславизмъ—съ исключеніемъ конечно Россіи,—панславизмъ австрійскій, дѣлая систему объединенія Славянскихъ племенъ въ лонѣ католической церкви и подъ верховною властью Габсбурговъ. Тѣ православныя племена, какія имѣются въ самой Австріи, напр. Сербы Венгрии и Хорватской Границы, не представляютъ для Австрійскаго правительства никакой серьезной опасности: многіе изъ нихъ въ высокіхъ чинахъ и служатъ вѣрой и правдой интересамъ монархіи, а во главѣ ихъ церковнаго устройства поставленъ человекъ—угодливый чуть не до отступничества. Русскіе въ Галиціи и Венгрии давно уже обезличены унией; что же касается до будущихъ приобрѣтеній на Балканскомъ полуостровѣ, то если не воплнѣ, такъ отчасти, почва для австрійскаго панславизма уже готовится искусно разсчитанной пропагандой: а чего не довершитъ пропаганда, то уступить силѣ и выгодѣ, убѣдившись, что отъ Россіи ждать помощи уже нечего. Таковы обширные планы Австріи, въ которыхъ пособниками ея является не одинъ Бисмаркъ, но и вся Западная Европа, за исключеніемъ только, пребывающей пока во власти, либеральной партіи въ Англии.

Начать съ папы. Левъ XIII недавно, «въ доказательство своей отеческой любви къ Славянамъ» безъ различія, и въ виду «возрастающаго политическаго значенія этого племени», издалъ энциклику о beatификаціи славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія; т. е. постановилъ праздновать день сихъ святыхъ (5 іюня) какъ *общій праздникъ для всего католическаго міра*. Затѣмъ, онъ же, Левъ XIII, предполагаетъ разрѣшить, по ходатайству и по плану своего нунція въ Вѣнѣ, монсиньора Якобини (теперь произведеннаго въ папскіе статсъ-секретаря), Славянамъ-католикамъ Австріи богослуженіе на славянскомъ же языкѣ. Надъ этимъ проектомъ работаютъ теперь въ Ватиканѣ. Неизвѣстно еще, допущенъ ли будетъ для литургіи нашъ же церковно-славян-

скій языкъ, или же каждому племени будетъ предоставлено служить Богу на своемъ племенномъ нарѣчїи. — Это планъ новой гигантской *унїи*. Такъ какъ народнымъ массамъ въ Славянскомъ православномъ мїрѣ пуце всего претитъ употребленіе латинскаго языка, такъ какъ именно этотъ языкъ представляется видимою преградю и видимымъ, самымъ понятнымъ и осязательнымъ отличїемъ католицизма отъ православїа, то съ отмѣною этой преграды и этого отличїа упрядняются существенныя затрудненїа для перехода въ унїю и признанїа папы главою церкви, — особенно же если переходъ сопровождается выгодною и могучимъ покровительствомъ всей Западной Европы.

А что вся Западная Европа безъ различїа вѣроисповѣданїи, всѣ ея государственныя и общественныя дѣятели, вѣрующїе и невѣрующїе, будутъ содѣйствовать успѣху этого плана, въ томъ нѣтъ сомнѣнїа. Ненависть Запада къ Востоку и православію является въ исторїи мїра — традиціоннымъ, инстинктивнымъ, какимъ-то непосредственнымъ чувствомъ и двигателемъ. Въ наше же время она осмыслена и оправдана въ общемъ западно-европейскомъ сознанїи тѣмъ, что именно-де въ православїи Славянскихъ племенъ — основанїе симпатїи и влеченїи ихъ къ Россїи. О необходимости окатоличить Балканскихъ Славянъ проповѣдывалъ въ своей газетѣ, лѣтъ еще около 20 тому назадъ, предшественникъ современныхъ французскихъ коммунаровъ, открыто отрицавшїй Бога и всякую вѣру, Геру (Héroult). Рукоплескать этому будетъ и Рошфоръ, и всѣ поджигатели Парижа (сильно возмущающїеся теперь отдачею Дульциньо Славянамъ, къ обидѣ Албанцевъ, почему-то вдругъ принятыхъ импъ подъ свое покровительство! въ этомъ духѣ, впрочемъ, пишетъ и политикъ *Revue des deux Mondes*; насильственная же отдача Боснїи и Герцеговины — Австрїи не возмутила ни одного «либерала» въ Европѣ!!!). Французское республиканское правительство отъ имени *католической* Францїи предъявляетъ свои права на покровительство Славянамъ-католикамъ Балканскаго полуострова, только католикамъ, — тогда какъ это право исключительнаго покровительства Славянамъ православнымъ отнято у православной Россїи! Анаематствованное Итальянское правительство также дѣйствуетъ въ пользу пропаганды, за одно съ предавшимъ его анаемѣ папой....

Объ Австріи нечего и говорить. Католическая пропаганда устроена ею между Балканскими Славянами въ обширныхъ размѣрахъ. Цѣлыя тучи латинскихъ миссіонеровъ опустились на полуостровъ.... Одновременно съ этой пропагандой, съ этими новыми духовными сѣтями, изготовляемыми для православныхъ Славянъ въ видѣ уни, разставляются политическія сѣти и для всѣхъ Австрійскихъ Славянъ вообще, которые, несмотря даже на различіе вѣроисповѣданій, еще влекутся невинными симпатіями къ Россіи. Вотъ уже почти два года приводится въ исполненіе, и съ замѣчательнымъ успѣхомъ, въ своемъ родѣ грандіозная система кокетничанья съ Чехами, Поляками, Хорватами, Словенами и даже, хоть и въ микроскопической долѣ, съ нашими злосчастными русскими Галичанами. Славянское простодушіе, какъ водится, кокетства и не замѣчаетъ. Въ то же время Австрійское правительство, несмотря на плохіе финансы, увеличиваетъ, съ согласія своего рейхсрата и делегаціи, въ значительной степени свой военный бюджетъ, вооружается съ ногъ до головы, строятъ лагеря, крѣпости, укрѣпленные склады чуть не на самой русской границѣ. Но о славянской внутренней политикѣ Австріи стоить рассказать особо. Здѣсь же только замѣтимъ, что именно эту минуту новыхъ козней Рима противъ православія мы признали за наиблагопріятнѣйшую для возобновленія переговоровъ съ папою и для сближенія съ нимъ. Переговоры велись нашимъ посломъ въ Вѣнѣ, г. Убри, съ папскимъ нунціемъ, тѣмъ самымъ умнымъ Якобини, о которомъ мы говорили. Понятно, что русское общество смущено этими переговорами, содержаніе которыхъ ему неизвѣстно. Вѣдь это только злые наши враги на Западѣ клеветуютъ на Россію, признавая ея политику хитрою, лукавою, коварною и прозорливою...

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ.)

Москва, 2 мая 1861 г.

Извѣстія изъ Болгаріи не были для насъ неожиданностью. Всѣ доходившія до насъ свѣдѣнія, всѣ письма нашихъ корреспондентовъ заставляли предвидѣть кризисъ въ той или другой формѣ. Мы, впрочемъ, до послѣдней минуты надѣялись, что кризисъ этотъ совершится только въ сознаниіи такъ-называемой болгарской «интеллигенціи».... (несчастное слово, самохвалный, надменный, одурачившій титулъ, не употребляемый образованными классами ни въ одной странѣ міра и честь изобрѣтенія котораго всецѣло принадлежитъ дерзкой спѣси нашихъ ученыхъ неучей,—этой полуобразованной, фальшиво-либеральной, къ сожалѣнію, многочисленной фракціи русскаго общества!) Но кризисъ этотъ оказался острѣе чѣмъ думалось, — и изъ домашняго, внутренняго, грозитъ стать событіемъ внѣшняго, немаловажнаго политическаго значенія. Мы надѣемся однако, что мудрость Болгарскаго народа (именно народа въ тѣсномъ смыслѣ, тѣхъ сельскихъ и городскихъ жителей, которыхъ «интеллигенція» причисляетъ къ классу *неинтеллигентныхъ*) сумѣетъ дать этому кризису мирное, правильное разрѣшеніе.

«О, если бы князь Черкасскій не умеръ такъ рановременно,—еслибы именно онъ докончилъ организацію Болгарскаго княжества: не находились бы мы въ такомъ безобразномъ положеніи, какъ нынѣ!» писалъ намъ недѣли двѣ тому назадъ одинъ Болгаринъ изъ Софіи.... Да, нѣтъ сомнѣнія, дѣла въ Болгаріи пошли бы иначе, хотя бы Россіи и не пришлось, къ насмѣшливому удивленію всего міра, чваниться тѣмъ, что она не только «освободительница Болгары» цѣною своей крови и достоинства,—но и подательница «конституціонныхъ благъ», сфабрикованныхъ государственными «либералами» Петербурга. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что причина настоящаго зла въ Болгаріи именно—«конституція», навязанная нами Болгарамъ, конституція, составленная по западно-европейскому образцу, безъ соображенія съ характеромъ, нравами, недавнимъ историческимъ прошлымъ и съ настоящими потребностями народа.

Судьба освобождающихся Балканскихъ племенъ вообще

трагическая. *Начинать* созиданіе государства въ XIX вѣкѣ, на виду у народовъ старой цивилизаціи, утратившихъ даже память о своихъ доисторическихъ временахъ, давно пережившихъ свой эмбриологическій процессъ и періоды постепенной, естественной, такъ сказать, безсознательной государственной формаціи—задача мудреная. Въмѣсто жизни выходитъ теорія, вмѣсто творчества—сочиненіе! Такое насильственное сокращеніе натурального роста, такая замѣна свободного развитія инстинкта и непосредственныхъ силъ отвлеченною дѣятельностью разсудка—не обходится даромъ. Это почти то же, что изъ отроческаго періода перескочить прямо въ старческой, или если бы отрокъ, даже просто ребенокъ, попалъ, въ качествѣ равноправнаго, въ общество людей, уже преклонныхъ лѣтъ, при чемъ, по необходимости и ради отроческаго самолюбія, сталъ бы гримироваться старикомъ, искусственно бороздить себѣ лобъ морщинами, наклеивать усы и говорить басомъ... Такъ было съ Сербами Княжества, которые примехонько изъ эпоса, изъ пастушескаго періода, изъ «богоравныхъ», какъ Эвмей у Гомера, свинопасовъ (главный промыслъ сербскій) прыгнули въ цивилизацію нашего столѣтія, обзавелись тотчасъ же «интеллигенціею», пославъ немедленно человекъ пять свинопасовъ учиться философіи у Гегеля (это фактъ), обстаповились «апелляціонными» и «кассационными» судами (дорожа, разумѣется, именно иностранными названіями), а потомъ и конституціей совершенно европейскаго склада. Письмо изъ Сербіи, напечатанное въ «Политическомъ Обзорѣніи» 24 № «Руси», свидѣтельствуетъ о томъ положеніи, въ которомъ, благодаря своей «интеллигенціи», находится это несчастное, неудавшееся княжество: ему предстоитъ или внутренній государственный переворотъ, или окончательное «вступленіе въ сферу австрійскихъ интересовъ». Премьеръ Сербіи долженъ былъ бы предохранить Болгаръ и русскія власти отъ повторенія роковой ошибки. Нѣкогда, въ рѣчи, произнесенной нами въ качествѣ предсѣдателя Московскаго Славянскаго Комитета, мы именно увѣщевали Болгаръ не идти по путямъ своихъ сосѣдей, — но нашъ голосъ не былъ и не могъ быть услышанъ—при авторитетномъ голосѣ русскихъ официальныхъ устроителей Болгаріи, смѣнившихъ князя Чер-

касскаго, и при мнимо-либеральномъ гвалтѣ нашей голосистой прессы, привѣтствовавшей ихъ конституціонныя замыслы. Пожала плечами старая Европа, дивясь нашему легкомыслию, а нѣкоторые ея политики коварно улынулись въ предвидѣніи будущаго....

Вникните въ положеніе Болгаръ въ минуту освобожденія. Не только «Болгаріи» не было, какъ обособленной страны съ какимъ-либо отдѣльнымъ гражданскимъ устройствомъ, какъ термина политическаго, но она не существовала даже какъ терминъ географическій, т. е. съ опредѣленными границами территоріи: это былъ терминъ только этнографическій. Пять вѣковъ турецкаго рабства не смогли вытравить въ Болгарахъ ихъ національнаго сознанія, ихъ стремленій къ независимости, — вѣчная имъ за то честь и хвала, — но они, разумѣется, отвыкли отъ всякой политической и гражданской *самостоятельной* жизни. Не сами они и освободились, разучившись и владѣнію оружіемъ, ставъ народомъ по преимуществу земледѣльческимъ, промышленнымъ и торговымъ. (Впрочемъ, по увѣренію русскихъ офицеровъ и по опыту небольшого болгарскаго ополченія, устроеннаго Россіей въ минувшую войну, Болгарскій народъ представляетъ прекрасный матеріалъ для образованія стойкаго, доблестнаго регулярнаго войска). Тѣ изъ Болгаръ, которые, до эпохи освобожденія, получили нѣкоторое образованіе, готовили себя для учительства, для педагогической, а никакъ для административной дѣятельности. «Оставьте намъ Русскихъ для занятія высшихъ административныхъ постовъ, хоть на нѣкоторое время», писали намъ неоднократно просвѣщеннѣйшіе изъ Болгаръ, «пока мы подготовимъ своихъ людей, а теперь ихъ у насъ еще не имѣется; всякій школьный учитель того и гляди возмнитъ себя способнымъ занять мѣсто министра, воспылаетъ честолюбіемъ и духомъ интриги». Такъ предсказывали умные Болгары, такъ и случилось. Отчасти по недостатку у насъ въ Россіи своихъ собственныхъ способныхъ къ высшей администраціи людей, отчасти по политическимъ и другимъ соображеніямъ, требованіе Болгаръ не могло быть исполнено, и только должность военнаго министра, къ счастью для Болгаріи, всегда до сихъ поръ исправлялась, и въ настоящее время исправляется Русскимъ. Поле для интригъ

честолюбія открылось обширное,—и все, что не пахало, не торговало и не промышляло, потянулось къ высокимъ окладамъ жалованья, къ властвованію въ той или другой формѣ: не было той неспособности, которая бы не представляла притязанія на какой-либо министерскій портфель.

Что было нужно для Болгаріи въ главныхъ чертахъ? Нужно было установить мѣстное самоуправленіе въ сельскихъ и городскихъ общинахъ въ формѣ наиболее сродной Болгарамъ, наравнѣ со всякимъ Славянскимъ племенемъ,—вести обычай скупщины или собора народныхъ представителей или, точнѣе, избранныхъ отъ народа пословъ—вообще не въ видѣ европейскаго конституціоннаго собранія съ самодержавствующимъ большинствомъ голосовъ, а единственно и исключительно въ видѣ собранія совѣщательнаго. Наконецъ, пуще всего слѣдовало учредить крѣпкую, сильную, объединяющую, центральную, державную власть. Вышнее политическое положеніе Болгарскаго Княжества, въ виду отдѣленія отъ него Восточной Румелии и стремленія обѣихъ частей Болгаріи къ воссоединенію, въ виду возможности новыхъ войнъ и политическихъ усложненій, таково, что и въ конституціонной странѣ потребовало бы учрежденія временной диктатуры. Въмѣсто этого всего введенъ былъ европейскій парламентаризмъ; введено правленіе «большинства», и это въ странѣ, не доросшей до яснаго политическаго сознанія и не знающей, разумѣется, никакой борьбы исторически-сложившихся политическихъ партій, а знающей развѣ только борьбу личныхъ эгоистическихъ интересовъ, приращенную всякому человѣческому обществу. Разумѣется, только эта одна борьба и проявилась на дѣлѣ... Что «единство» всегда желательно и необходимо—это старая истина, обратившаяся въ общее мѣсто; тѣмъ не менѣе это такая истина, которой практическое примѣненіе къ жизни было особенно нужно въ Болгаріи при началѣ новаго государственнаго бытія. «Единство!...» Какое тутъ единство, когда, по примѣру цивилизованной Европы, оказывается нужнымъ обзавестись именно партіями? какъ же быть безъ партій, коли есть «конституція»? И вотъ новые граждане, еще почти не выйдя изъ утробы матери на политическій божій свѣтъ, задаются задачею не единства, а разъединенія: «ты, Петко, будь консерваторомъ, ты, Ника,

ступай-ка въ либералы, а я, Райко, махну въ радикалы!» Что охранять консерваторамъ—турецкіе порядки? ибо другой старины нѣтъ; въ чемъ задачи либерализма, когда все дѣло въ томъ, чтобы дарованную свободу отъ иноземнаго ига сберечь и упрочить? какіе тутъ «радикалы», которыхъ послѣднее слово *анархія*, когда нужно воздвигать государство, и именно крѣпкую монархію?... Такихъ вопросовъ никто, кажется, себѣ и не задавалъ. Но достаточно приведенныхъ иностранныхъ именованій для того, чтобы уразумѣть начало отчужденія между «интеллигенціей» и народомъ. Всею этою нелѣпостію, бьющею въ глаза, не смутились наши русскіе конституціонныхъ дѣлъ мастера, не смутатся вѣроятно и теперь, забывая, что европейскія конституціи—продуктъ долгой исторической своеобразной жизни, исторически выработавшіяся компромиссъ между угнетавшими и угнетенными классами, между полноправными и нѣкогда безправными, но въ послѣдствіи окрѣпшими сословіями! Ничего подобнаго ни въ Сербіи, ни въ Болгаріи нѣтъ и не бывало,—тамъ нѣтъ ни сословій, ни даже классовъ, всѣ равны и равноправны въ формѣ почти первобытной.

Южнымъ Славянамъ вообще недостаетъ дисциплины, безъ которой невозможно существованіе государства,—недостаетъ имъ и чувства «отечества», какъ политическаго цѣлаго, обязывающаго всѣхъ къ солидарности и отвѣтственности. Ихъ понятія ограничиваются пока «племенемъ» и «родной»,—и этого имъ, конечно, въ вину ставить нельзя. Нашъ Русскій народъ, кромѣ того, что онъ прошелъ тысячелѣтнюю трудную историческую школу, воспитываетъ въ себѣ дисциплину своимъ мірскимъ устройствомъ, при которомъ каждый, съ раннихъ лѣтъ, приучается согласовать свой эгоизмъ съ интересомъ своего общества и подчинять свою волю волѣ міра. Поэтому нашъ народъ и не можетъ идти въ сравненіе съ прочими Славянскими племенами,—поэтому онъ одинъ изъ нихъ, какъ наиболѣе способный къ послушанію и сознательной дисциплинѣ, и создалъ могущественнѣйшее въ свѣтѣ государство. Но какъ же принялись наши русскіе Европейцы за водвореніе въ Болгаріи нужныхъ для нея условій здороваго бытія? Учрежденіемъ безправной верховной власти и, между прочимъ, узаконеніемъ не то, что свободы,

но разнузданности политических нравовъ и печати въ странѣ, только еще начинающей лепетать и еще не имѣющей правильно устроенныхъ судовъ! Разумѣется, эта свобода, къ великому смущенію сельскаго люда, серьезно относящагося къ печатному слову, превратилась у новоиспеченной болгарской интеллигенціи въ свободу не борьбы мнѣній, а площадныхъ ругательствъ, гнусныхъ сплетней и клеветъ, которыми и стали обмѣливаться партіи министровъ смѣщепныхъ и властвующихъ. Наши публицисты видѣли въ этомъ проявленіе «молодой, здоровой жизни», тогда какъ надо было предвидѣть иное: именно, что общество, неумѣющее чтить и уважать достоинство имъ же избранной власти, подрываетъ въ корнѣ самый свой политическій строй. Кончилось тѣмъ, что пребывающіе во власти «либералы» не выдержали поношенія и стали преслѣдовать поносящихъ самыми неконституціонными, а турецкими способами...

Къ довершенію бѣды, не мало теперь въ Болгаріи Болгаръ, заразившихся въ нашихъ русскихъ школахъ, въ которыхъ получили образование, нашу общественною звучою — *нигилизмомъ*. Они призваны теперь *созидать*, призваны къ дѣятельности *положительной*, творческой, а въ Россіи научились только теоріямъ *отрицанія и разрушенія*! Нашлись попугаи и обезьяны между Болгарами, которые обзавелись органами социалистическаго и революціоннаго духа, — нашлись такіе, которые осмѣлились класть хулу на своего Благодѣтеля и Освободителя, на Мученика-Царя. Но этого Болгарскій народъ уже не могъ выдержать. Въ настоящемъ движеніи Болгарскаго народа, котораго Князь Александръ явился смѣлымъ выразителемъ, мы видимъ залогъ лучшаго будущаго. Болгарскій народъ имѣетъ въ себѣ всѣ задатки для правильнаго гражданскаго развитія. Онъ серьезенъ, здравомысленъ, миролюбивъ, трудолюбивъ, упоренъ въ достиженіи цѣли, не терпитъ фразы и ничего показнаго, никакихъ вѣшнихъ, театральныхъ демонстрацій и манифестацій. Онъ *не стыдится* благодарности. А способность помпить благодареніе и сохранять въ душѣ за него признательность есть великая добродѣтель, свидѣтельствующая о прочномъ нравственномъ внутреннемъ строѣ народномъ, — добродѣтель, которой, на примѣръ, вовсе не знаютъ «интеллигентные» или по сербски: «изображенные» Сербы Княжества.

Не знаемъ, чѣмъ окончится кризисъ и что рѣшить великое народное собраніе, созываемое Княземъ. Самымъ мудрымъ рѣшеніемъ представляется намъ упраздненіе, хотя бы временное, лѣтъ пока на пять или даже десять, существующей формы правленія, основанной на парламентскомъ большинствѣ, и ограниченіе правъ собранія только совѣщательнымъ, но конечно вполнѣ свободнымъ, независимымъ голосомъ. Такой добровольный опытъ показалъ бы, по окончаніи срока, какой образъ государственнаго существованія наиболѣе приличенъ Болгаріи и лучше предохраняетъ страну отъ того министерскаго деспотизма, отъ котораго такъ изстрадался народъ при господствѣ настоящей пресловутой «либеральной» партіи, съ г. Каравеловымъ во главѣ.

Искреннее участіе къ благородному Сербскому племени вынуждаетъ насъ обратиться съ словами предостереженія къ Черногорцамъ, особенно къ тѣмъ, которые учатся теперь въ Европѣ и у насъ въ Россіи. Пусть то, что происходитъ теперь въ Сербскомъ и Болгарскомъ княжествѣ, послужитъ для нихъ урокомъ. Будущее Сербскаго племени зависитъ теперь во многомъ отъ Черногоріи. Пусть знаютъ они, что только та часть Сербскаго племени преуспѣетъ и въ силѣ и въ истинной свободѣ, которая не погонится за слѣпымъ подражаніемъ Западной Европѣ, воспитаетъ въ себѣ чувство и сознаніе государственной дисциплины, — *не заведетъ у себя конституціи по западно-европейскому образу...*

Вотъ телеграммы изъ Софіи, напечатанныя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и подавшія поводъ къ нашей статьѣ:

СОФІЯ, 9 мая (27 апрѣля). Сегодня князь въ своей прокламаціи къ народу успокоилъ общественное мнѣніе, уволивъ министерство Каравелова. Его высочество поручилъ министру Эрроту составить новый умѣренный временный кабинетъ. Министромъ юстиціи назначенъ предсѣдатель кассаціоннаго суда Стаматовъ. Въ прокламаціи говорится о скоромъ созваніи великаго народнаго собранія, для устраненія хаоса и принципъ, задерживающихъ правильное развитіе княжества. Въ случаѣ непріятія мѣръ этимъ послѣднимъ князь рѣшился отказаться отъ Болгарскаго престола.

СОФІЯ, 9 мая (27 апрѣля). Въ прокламаціи князя ска-

зано: «Единое избраніе възрадо мнѣ судьбу Болгаріи. Не безъ колебанія принялъ я на себя задачу вести Болгарію по пути преуспѣанія, трудился я на себя добросовѣстно, допускалъ всѣ попытки преуспѣанія, трудился я на себя добросовѣстно, допускалъ всѣ попытки организовать правильное развитіе княжества. Къ сожалѣнію, всѣ эти попытки обманули мои надежды. Болгарія оказывается нынѣ дискредитованною извнѣ, дезорганизованною внутри. Такое положеніе поколебало въ народѣ вѣру въ справедливость и законы». Князь извѣщаетъ, что онъ поручилъ Эрпроту образованіе временнаго кабинета до рѣшенія народнаго собранія. «Если оно утвердитъ условія необходимости для правительства, которыя я предлагалъ и отсутствіе которыхъ было главною причиною нынѣшняго положенія дѣлъ, въ такомъ случаѣ я оставлю корону за собой. Такъ какъ моя задача состоитъ въ споспѣшествованіи благу страны, то я считаю своимъ долгомъ заявить торжественно, что нынѣшнее положеніе дѣлаетъ исполненіе этой задачи невозможнымъ. Основываясь на конституціи, я рѣшилъ созвать собраніе—органъ высшей національной воли и возвратить ему корону, а вмѣстѣ и судьбу Болгаріи. Если нынѣшнее положеніе не измѣнится, я рѣшусь оставить тронъ, съ сожалѣніемъ, но съ сознаниемъ, что исполнилъ свой долгъ до конца».

Составъ новаго кабинета: Эрпротъ — министръ военный, внутреннѣхъ дѣлъ и президентъ, Зелесковичъ — финансовъ, Стаматовъ — юстиціи, прочіе министры остаются прежніе.

Москва, 20-го іюня 1881 г.

Ужъ не далеко день, который рѣшитъ судьбу дорогой каждому русскому сердцу Болгаріи. Даруетъ ли Болгарскій народъ князю Александру требуемое имъ полномочіе и, возложивъ на него бремя своего довѣрія, бремя личной власти и личной отвѣтственности, а на себя семействѣннй искусъ терпѣнія и надежды, — мирно разоидется по домамъ? или же заключится по Дунаю дымъ парохода, уносящаго перваго князя Болгаріи отъ сей страны далеко, — и недавно рожденное государство, оставшись внезапно безгосударнымъ, станетъ жертвою внутреннѣхъ смуть, анархій, а въ концѣ концовъ и

иноплеменнаго нашествія—Турокъ или Австрійцевъ? Мы съ своей стороны вѣримъ въ здравый смыслъ болгарскихъ народныхъ массъ, и почти не сомнѣваемся въ ихъ рѣшеніи. И рѣшеніе это, благоприятное для князя, будетъ принято Болгарскимъ народомъ вовсе не изъ раболѣпства или «сервизизма», въ чемъ такъ склонны на Западъ упрекать Славянскія племена, — вовсе не страха ради, не подъ давленіемъ власти, — а совершенно искренно и свободно, вопервыхъ, какъ самый благополучный исходъ изъ настоящаго положенія, во вторыхъ, потому, что народъ умѣетъ терпѣть и ожидать, и очень серьезно отнесется къ семилѣтнему сроку, который самъ князь назначаетъ для предстоящаго политическаго испытанія. — Народъ вообще, всякій народъ, тѣмъ и отличается отъ едипичнаго лица или даже отъ совокупности отдѣльныхъ лицъ, составляющей его верхній слой, общество или «интеллигенцію», что лицо — *нетерпливо*, мѣряетъ ходъ событій и общественнаго развитія короткими сроками личной жизни, торопитъ исторію, тогда какъ народъ, организмъ историческій, живущій въ вѣкахъ, мѣряетъ свою жизнь историческимъ же мѣриломъ. Эта народная черта, кажется намъ, мало оцѣнена и замѣчена, и она въ особенноти ярко выступаетъ въ Русскомъ народѣ. Въ этой чертѣ, повторяемъ, и заключается существенное отличіе народа, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, отъ его такъ-называемой интеллигенціи: у обоихъ разныя мѣры времени, разныя отношенія къ исторической жизни. Всего лучше выражается это различіе сравненіемъ народа съ корнемъ, а интеллигенціи съ листьями, къ которымъ, въ извѣстной баснѣ Крылова, корни дерева обращаются съ такою рѣчью:

Молчите въ добрый часъ
И позните ту разницу межъ насъ,
Что съ каждою весной *листья* новыи народятся,
А если корень изсушится,
Не станетъ дерева, ни васъ.

Но мы увлеклись въ сторону. Впрочемъ, поученіе басни годится не только для нашей, но и для молодой болгарской интеллигенціи, которая на первыхъ же порахъ своего бытія, упоенная хмѣлемъ политическаго властолюбія, начала ужъ слишкомъ скоро забывать о *корнѣ*. — Русская публика не

могла, конечно, не смущаться тѣми тенденціозными извѣстіями, которыя разсылались въ русскія и заграничныя газеты приверженцами обѣихъ борющихся партій. Надобно сказать правду, особенною тенденціозностью отличались телеграммы и письма въ духѣ партіи «либераловъ», пересылаемые въ газету «Голосъ» ея корреспондентомъ, котораго мы имѣемъ честь знать лично, а потому имѣемъ и нѣкоторое основаніе считать его сообщенія пристрастными. Зная по долговременному опыту, какъ запальчивы во взаимной борьбѣ южные Славяне, какъ склонны, по своей страстности, къ преувеличеніямъ, какъ легковѣрны ко всякому обвиненію, взводимому на врага, мы старались узнать о настоящемъ положеніи дѣлъ изъ другихъ источниковъ, отъ лицъ менѣе заинтересованныхъ,—и свѣдѣнія нами полученныя только подтвердили наше мнѣніе, уже высказанное въ 25 № «Руси»... Народъ былъ равно недоволенъ ни «консерваторами», ни «либералами», но послѣдними недоволенъ еще сильнѣе, потому что они долѣе оставались во власти, слишкомъ много популярничали и обѣщали, и слишкомъ скоро зазнались... Чтѣ бы ни толковали наши газеты о народномъ сочувствіи къ такимъ «либераламъ», какъ гг. Цанковъ и Каравеловъ, достаточно напомнить, что г. Каравеловъ, — можетъ быть и несправедливо, — пользуется репутаціей позитивиста или вольномыслителя (*libre-penseur*), а г. Цанковъ — католикъ, т. е. вѣроотступникъ, который, во время оно, затѣялъ было искать для Болгаръ защиты отъ греческой патріархіи у римскаго папы, и съ этой цѣлью склонялъ Болгаръ къ переходу, если не прямо въ латинство, то въ унию. Каковы бы ни были «патріотическія» побужденія такого вѣроотступничества, но оно свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ легкомысліи этого «передоваго дѣятеля», какъ величаютъ его нѣкоторыя наши газеты, и о совершенной его неспособности служить выразителемъ національнаго духа Болгаріи. Народъ Болгарскій, оставившійся вѣрнымъ православію въ теченіи пятивѣковаго рабства и только благодаря этой вѣрности сохранившій свою народность и свою единовѣрную связь съ Россіей,—за г. Цанковымъ ни въ латинство, ни въ унию не пошеть, не пойдетъ, конечно, за нимъ и теперь. Уже одно то обстоятельство, что даръ «конституціонной свободы»

предлагается въроотступникомъ, невольно внушаетъ народу недовѣріе, которое какъ само собою разумѣется, поддерживается въ немъ и духовствомъ. Не въ такой степени рѣзко, но также несочувственно относится духовенство и къ Каравелову. Нельзя же предполагать, чтобы мнѣніе духовенства, особенно же высшаго, т. е. епископовъ, архіереевъ, митрополитовъ, не имѣло никакого значенія для народа. Всѣ эти данныя,—съ которыми нельзя не считаться, такъ какъ вопросъ о конституціи предлежитъ разрѣшенію не въ абстрактной области, не въ безвоздушномъ пространствѣ,—уже сами по себѣ предопредѣляютъ то направленіе, куда должны склониться всѣмы на предстоящемъ народномъ судилищѣ.

Не въ пользу «либеральной» партіи въ глазахъ Болгарскаго народа послужить и обращеніе къ международному ареопагу, къ заступничеству Франціи, Италиі, Англии (къ Россіи она обратилась уже къ послѣдней). Напечатанное въ «Болгарскомъ Гласѣ» дерзкое письмо Цанкова къ русскому дипломатическому агенту только снова свидѣтельствуетъ, какъ искусственно выращенная, форсированнымъ способомъ выгнанная пзъ почвы интеллигенція легко утрачиваетъ, въ своей самонадѣянности, живую органическую связь съ народомъ. Называть русскихъ офицеровъ «иностранцами», упрекать русскаго агента за то, что онъ сопровождаетъ князя въ его поѣздкѣ, это значитъ идти наперекоръ чувству и мысли Болгарскаго народа, для котораго русскіе офицеры и представитель Русской державы не иностранцы, а *свои*, кровные родные, только вчера пролившіе за него свою кровь и расковавшіе турецкія цѣпи, *обязанные*, въ его глазахъ, радѣть ему и совѣтовать. Болгарскій народъ не стыдится благодарности, и уже одно это служитъ доказательствомъ его нравственной доблести, его духовной внутренней крѣпости.

Въ нашихъ газетахъ много говорилось о перепискѣ Цанкова съ Гладстономъ, но, если не ошибаемся, ни слова не было сказано о письмѣ къ Гладстону Болгарина Балабанова, который, одновременно съ Цанковымъ и вмѣстѣ съ нимъ, объѣхалъ въ 1876 году Европу, точно также лично знакомъ съ Гладстономъ и пользуется, по всей вѣроятности, въ глазахъ англійскаго министра равнымъ съ г. Цанковымъ авторитетомъ. Письмо Балабанова, рѣзко опровергающее письмо

Цанкова и защищающее дѣйствія князя, напечатано въ личномъ органѣ Гладстона «Pall Mall Gazette». Ниже, въ Политическомъ обзорѣни, читатели прочтуть его въ переводѣ. Тамъ же найдуть они и отзывъ о болгарскихъ дѣлахъ самого министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Гранвилля, изъ котораго вовсе не видно, чтобъ Англія собиралась расходиться съ Россією въ своемъ дипломатическомъ образѣ дѣйствій по отношенію Болгаріи, какъ уже грозили нѣкоторые газетные политики.

Конституція на западно-европейскій образецъ тѣмъ уже однимъ вредна для народа, только-что начинающаго жить политическою жизнью, что, вмѣсто здороваго роста и развитія, даетъ ему заразу политическаго властолюбія; вмѣсто единства—порождаетъ вражду, раздѣленіе; дѣлаетъ народъ игралщемъ партій, и интересы отечества заслоняетъ личными и партійными интересами. Все это не созидаетъ силы, а только ослабляетъ и безъ того слабый, еще не окрѣпшій государственный организмъ. Болгарамъ же пуще всего нужно воспитать въ себѣ чувство государственной дисциплины и умѣть подчинять личныя выгоды и потребности понятію цѣлаго и общаго, понятію государства. Нужно прежде всего укрѣпить и утвердить внѣшнюю форму бытія. Сознать себя и чувствовать себя *государствомъ* для Болгаръ, знавшихъ до сихъ поръ только *родину* и *племя*, еще ново, и это сознаніе и чувство никогда не разовьются, если при самомъ вступленіи на государственное поприще — Болгары разобьются на враждебные станы, и вся ихъ внутренняя жизнь поглотится борьбою изъ-за власти одного стана надъ другимъ!...

Москва, 12 сентября 1881 г.

Тѣ толки и заключенія, къ которымъ, въ заграничной печати, подало поводъ данцигское свиданіе Русскаго и Германскаго Императоровъ, не могли не произвестъ нѣкотораго смущенія въ нашемъ обществѣ. Тѣмъ болѣе цѣнимъ мы вниманіе, оказанное въ настоящемъ случаѣ русскому обществу мнѣнію чрезъ помѣщеніе въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» циркулярной депеши статсъ-секретаря Гирса къ

дипломатическимъ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ. Эта депеша, устанавливая истинную и единственно приличную точку зрѣнія на значеніе этого «событія», должна, кажется, въ значительной степени охладить прыткую фантазію иностранныхъ публицистовъ, а въ то же время успокоить умы и въ самой Россіи. «Узы близкаго родства и преемственная дружба, соединяющія обоихъ Вѣнцесопцевъ, достаточно объясняютъ побудительныя причины вызвавшія это свиданіе и характеръ его», пишетъ нашъ управляющій Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ: читатели припомнятъ, что мы лично, сообщая въ 42 № «Руси» извѣстіе объ отъѣздѣ въ Данцигъ Государя Императора, также не допускали возможности какого-либо иного толкованія. Тѣмъ не менѣе успокоить умы и въ самой Россіи было полезно. Ибо слишкомъ памятно Россіи, къ чему привелъ ее не очень давній «тройственный союзъ», вѣнчавшійся Берлинскимъ трактатомъ,—и ничего она такъ не боится, какъ союзовъ, обращающихъ союзника въ *узника*. Роль узника дружбы и плѣнника чести, т. е. даннаго слова, всегда въ этихъ международныхъ отношеніяхъ двухъ или трехъ сторонъ выпадала *только* на насъ,—роль, безъ сомнѣнія, дѣлавшая честь нашему нравственному характеру, но не проницательности. Прочія договаривавшіяся съ нами стороны никогда никакихъ *цѣпей* дружбы и чести, по отношенію къ намъ, на себя не налагали и не песли. Не однажды приходилось Россіи, удрученной бременемъ этихъ вовсе не «цвѣточныхъ узъ», изнемогавшей отъ благодѣяній такой междоусобной дружбы, обманутой, даже не очень хитростно, въ своемъ довѣріи, вычислять предъ вчерашними друзьями всѣ свои приношенія на алтарь взаимности—въ ущербъ ея собственнымъ интересамъ и въ пользу чужимъ,—и... И въ концѣ концовъ снова удовлетворяютъ ненасытнымъ алканіямъ такой притязательной и наступательной дружбы, снова, въ доказательство нашей непреклонной вѣрности и благонравности, самоотверженно отдавать въ жертву даже остаточный, послѣдній свой, кровный, въ данномъ случаѣ, интересъ... Всего этого Россія не забыла, все это болѣзненно живо въ ея сознаниіи...

Этого не забыла и Европа. Именно этою ея памятью о всемъ содѣянномъ, также очень живую, и объясняется то

необычайное впечатлѣніе, которое произвело за границу посѣщеніе Русскимъ Императоромъ своего царственнаго престарѣлаго Дѣда. «Мы-то помнимъ, но неужели Россія и впрямь все предала забвенію, все простила?» вотъ вопросъ, который невольно задавали себѣ въ Европѣ. Увлекаясь стремленіемъ распознать внутренній смыслъ факта,—вполнѣ естественнаго и достаточно характеризуемаго личными родственными отношеніями,—иностранные публицисты безцеремонно выдаютъ секретные мотивы своей государственной, относительно Россіи, политики. Секреты эти, впрочемъ, никогда не были тайною для русской публики; они всегда отрицались лишь русскими дипломатами, участвовавшими въ Берлинскомъ конгрессѣ и стаяжавшими себѣ лестное одобреніе главныхъ руководителей этого европейскаго противъ Россіи заговора. «Надо вѣдь вспомнить,—разсуждаетъ одна нѣмецкая газета,—все то униженіе, которому удалось соединенной Европѣ подвергнуть Россію въ 1878 г., ту дипломатическую побѣду, которую одержали надъ нею Германія, Англія и Австрія, послѣ ея блистательныхъ подвиговъ, послѣ ея славной, побѣдоносной войны! Вѣдь графами Андраши и Беконсфильдомъ вмѣстѣ съ княземъ Бисмаркомъ было порѣшено: *вытѣснить Россію совсѣмъ прочь изъ совѣтовъ Европы*, и русскіе интересы на Балканскомъ полуостровѣ замѣнить австрійскими». Это говоримъ не мы, а нѣмецкій публицистъ, озадаченный данцигскимъ свиданіемъ и задумавшійся надъ вопросомъ: слѣдуетъ ли въ этомъ свиданіи видѣть со стороны Россіи какъ бы санкцію такой, по его собственному сознанію, враждебной для Россіи «гермапо-австрійской политикѣ»? Опъ не рѣшается дать отвѣтъ утвердительный и скептически относится къ ликованіямъ другихъ публицистовъ, которые въ посѣщеніи Данцига умудрились усмотрѣть новое торжество для Германіи, чуть не новую блистательную побѣду, одержанную княземъ Бисмаркомъ!.. Вѣроятно менѣе всѣхъ обольщается на счетъ истиннаго смысла данцигскаго посѣщенія самъ германскій канцлеръ,—но конечно онъ постарается извлечь изъ этого факта всю возможную для себя пользу: всѣ эти ликованія ему нужны, всѣ они направлены преимущественно—по адресу Франціи...

Никто лучше «честнаго маклера» не знаетъ истинную

дѣлу услугъ оказанныхъ имъ Россіи, но нисколько не входятъ въ его расчеты, чтобъ въ Россіи понимали ее такъ же точно и хорошо. Всѣ усилія его, послѣ Берлинскаго конгресса, были устремлены къ тому, чтобы заворозить боль русскаго патріотическаго чувства, чтобы отвести глаза русскому общественному мнѣнію и убѣдить русское правительство въ неизреченномъ благополучіи такого исхода нашей военной кампаніи, какъ Берлинскій трактатъ. Самою величайшею опасностью представлялась для Берлина возможность національнаго направленія русской политики — естественный, казалось, результатъ пробужденнаго въ русскомъ обществѣ войною 1876 и 1877 г. самосознанія. Противъ этихъ двухъ «золъ» и направлены были изъ-за границы подкопы и мины, и нельзя сказать чтобъ безъ успѣха, такъ какъ Берлинскій договоръ, — этотъ конечный плодъ такихъ страстныхъ напращеній Россіи, такихъ громаднхъ подъятыхъ ею усилий, — самъ собою, разумѣется, много способствовалъ упадку общественнаго духа. Тогда же подняло голосъ, на время было притихшее, печальное безнародное направленіе публичной части нашей отечественной прессы и интеллигенціи. Всѣмъ, конечно, памятна та «свистопляска» самозаушенія и самооплеванія, которой предалась по преимуществу такъ-называемая либеральная печать вскорѣ послѣ войны. Либералы-демагоги и либералы-бюрократы даже высшаго ранга за одно осмѣивали, оплевывали и движеніе добровольцевъ, и «подъемъ народнаго духа» (истинный подъемъ, какъ бы ни старались опозлить это выраженіе!); за одно глумились надъ національными историческими побужденіями, надъ историческимъ яко-бы «призваніемъ Россіи», надъ ея «миссією въ средѣ славянскихъ племенъ», и т. д. Все это было, конечно, на руку германо-австрійскимъ политикамъ. Нѣмецкая печать съ своей стороны, въ видѣ особеннаго доброжелательства Россіи, дѣятельно напирала на заслуги главнаго русскаго дѣятеля на Берлинскомъ конгрессѣ, графа Шувалова, особенно популярнаго въ Германіи, и рекомендовала его въ руководители русскихъ — иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ. Этому желанію нѣмецкой печати и князя Бисмарка не удалось однакоже совершиться, хотя, впрочемъ, они имѣли полное основаніе пребывать доволь-

ными и поведеніемъ всѣхъ прочихъ русскихъ дипломатическихъ представителей за границею, и вообще образомъ дѣйствій русской внѣшней политики.

Не мало, безъ сомнѣнія, содѣйствовали политическимъ видамъ нашихъ иностранныхъ «друзей» и печальныя, позорныя событія послѣднихъ лѣтъ въ нѣдрахъ самой Россіи. Проявились враги Русскаго народа или, по лѣтописному выраженію старины, «воры» въ самой Русской землѣ, — это крайнее выраженіе русскаго «западничества», это подражательное примѣненіе къ Россіи послѣдняго слова иностраннаго западнаго радикализма, только въ обстановкѣ нѣкоторыхъ свойствъ русскаго народнаго характера, т. е. большей отваги и дерзости. Извѣстно, что отрицаніе Бога; отрицаніе души и нравственнаго закона вѣнчалось наконецъ на Западѣ, совершенно логически, какимъ-то культомъ или боготвореніемъ одичанія, вмѣстѣ съ созданіемъ цѣлой новой породы дикахъ, которыхъ всѣ идеалы сосредоточились въ истребленіи и умерщвленіи, всѣ дары духа, весь умъ и душа — въ револьверѣ, ядѣ и динамитѣ. Это ихъ единственный «человѣчскій» языкъ, — въ этомъ для нихъ высшее проявленіе «человѣчности» и «культуры». Къ стыду нашему, первое мѣсто среди этого разряда надшаго человѣчества принадлежитъ Русскимъ. Опозоривъ нашу землю, сдѣлавъ ее въ глазахъ всего міра чуть не «притчею во языцѣхъ», они поработали, какъ подлые измѣнники, въ пользу чуждыхъ, враждебныхъ намъ политическихъ замысловъ. — Иностранныя политики не замедлили, разумѣется, эксплуатировать въ свою выгоду дѣянія нашихъ нигилистовъ-революціонеровъ, и старались всѣми способами отождествить, въ глазахъ русскаго правительства, нигилизмъ съ «славянофильствомъ» или національнымъ русскимъ направленіемъ, скомпрометтировать послѣднее предъ русскою властью. Всѣ нѣмецкія газеты неугомонно трещали на эту тему. Чѣмъ дѣятельнѣе начинала Австрія приводить въ исполненіе свои панславистическіе планы, т. е. установленіе австрійской гегемоніи среди славянскихъ племенъ, не только западныхъ, но и юго-восточныхъ или балканскихъ, тѣмъ сильнѣе и наглѣе поднимались вопли австрійскихъ и германскихъ газетъ о русскомъ «нигилистическомъ панславизмѣ», тѣмъ обильнѣе неслись предостереженія русскому

правительству противъ опасности «московскаго» или попросту *русскаго направленія*, противъ всякаго проявленія *самобытности* во внутренней и ви́шней политикѣ. Онѣ находили себѣ въ этомъ послѣднемъ отношеніи нѣкоторую, конечно неожиданную, поддержку и въ той русской печати, которая съ какимъ-то наивнымъ ожесточеніемъ преслѣдуетъ въ русскомъ обществѣ всякое притязаніе на національную самобытность, и трепещетъ отъ благороднаго негодованія при одномъ этомъ словѣ!

Одновременно съ такого рода попыткой заподозрить въ глазахъ русскаго правительства всякое проявленіе русскаго народнаго духа въ политикѣ, пущены были въ ходъ изъ Германіи аргументы и другаго сорта, которые, впрочемъ, также какъ разъ совпали съ направленіемъ, преобладавшимъ въ значительной части нашего пишущаго и правящаго общества.

Не только за границею, но и у насъ дома, вошло въ моду представлять Россію во образѣ какого-то, если не на смерть раненаго, то тяжко-претяжко уязвленнаго, разслабленнаго инвалида, которому не то-что радѣть о своемъ достоинствѣ и славѣ, но дай Богъ развѣ кое-какъ оправиться, хоть бы и съ грѣхомъ пополамъ... Если иностранцы изображали Россію чуть не мпнированной вдоль и поперекъ, готовою ежеминутно взлетѣть на воздухъ и развалиться, и во всякомъ случаѣ терзаемою внутренними междоусобіями, то и русскіе публицисты, и даже сановные бюрократы, хотя, конечно, и не повторяли такихъ басней, однакоже не уступали иностранцамъ въ мрачности красокъ, которыми живописали свое отечество. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство нашихъ газетъ и даже свѣтскихъ гостиныхъ способно не только порадовать наизлѣйшаго врага Россіи, но и привести въ уныніе каждаго легковѣрнаго, прислушивающагося къ «общественному мнѣнію» Русскаго, лишить его всякой бодрости духа, столь необходимой намъ именно въ настоящую минуту, пропзвести въ немъ полный упадокъ, совершенную «прострацію» нравственныхъ силъ. Нѣкоторые органы печати особенно отличались расположеніемъ и искусствомъ группировать и отражать въ себѣ исключительно одни темныя пятна русской общественной и государственной жизни, вѣроятно

вслѣдствіе особеннаго устройства своего зрительнаго снаряда и органической духовной неспособности видѣть и понимать *положительныя* стороны нашего народнаго бытія, — то, что, по слову поэта, «сквозить и тайно свѣтитъ» въ его внѣшней безурядицѣ и бѣднотѣ. Само собою разумѣется, все это сопровождалось приличными воздыханіями, которыя, впрочемъ, сильно напоминали стихи Некрасова, обращенные во время оно къ таковымъ же «обличателямъ»:

И слезами покаянья
Мы разводимъ—грязь!

Все грязь, да грязь, — силошная невылазная грязь. Вся Россія — сплошная язва даже безъ песомѣнной надежды на выздоровленіе. Положеніе — чуть не отчаянное. Выходило, что народъ, совершившій еще недавно чудеса доблести, точно вдругъ упалъ, ослабѣлъ, изнемогъ до отреченія отъ своего тысячелѣтнаго историческаго подвига и исторической цѣли, отъ единства, цѣлости и могущества своей государственной формы; что и бѣденъ опъ сталъ, и немогъ, какъ никогда ни разу въ свое десятивѣковое бытіе; что и состояніе наше въ экономическомъ, финансовомъ, социальномъ, нравственномъ и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ таково, что какіе тамъ славянскіе интересы! куда тамъ заботиться о внѣшнемъ достоинствѣ, претепдовать на австрійскія козны и еще выказывать щекотливость относительно политической чести, когда весь народъ покрытъ *проказой* (sic) и грозитъ заразить и насть, «культурныхъ людей»! Нужно Россіи сидѣть смиреннымъ-смирно, спустить пониже свой политическій флагъ, сносить терпѣливо всѣ щелчки и обиды, и при всякомъ новомъ взвѣѣ оскорбленія приговаривать самой себѣ: «ништо тебѣ, ништо! такъ и слѣдуетъ! подѣломъ! вотъ тебѣ за «самобытность»! вотъ тебѣ за притязанія на народное самостоятельное развитіе, за то, что не дообезьяничалась до французскаго или иного заграничнаго правоваго порядка»! Гуломъ-гудѣли такія рѣчи, при безмолвіи обычнаго молчать русскаго народа, и колоссальное недоумѣніе давило нашу могущественную власть, и марево немощи завладѣвало духомъ, и стѣживалась, смирялась донельзя наша политика, утрачивая дѣйствительно вѣру въ силы народа и призваніе Россіи...

А Австрія межъ тѣмъ не переставала работать да работать, плела и раскидывала сѣти на Балканскихъ Славянъ, всасывала несчастную Сербію въ «сферу своихъ интересовъ», душила православныхъ Босняковъ и Герцеговинцевъ, мучила въ Румелии и Македоніи, упраздняя всюду русское обаяніе и вліяніе... Бисмаркъ оставался доволенъ...

Настало 1 марта. Воспрянувъ отъ ужаса, сдернула съ себя Россія пелену недоумѣній и лживыхъ мечтаній, гнетъ самоуничженія и безвѣрія съ самоё себя... Новый, бодрый Царь на престолѣ, — новые люди въ управленіи, и въ числѣ ихъ, хотя и не во главѣ иностранныхъ дѣлъ, графъ Игнатъ-евъ, имя котораго нераздѣльно связано съ представленіемъ о національномъ направленіи во внѣшней политикѣ. Новая забота, новая работа соображеній для Европы, но въ особенности для германскаго канцлера! Очевидно, что прежніе ходы, прежніе приемы уже не годились. Какъ мы сказали, Бисмаркъ очень хорошо зналъ, *какія* услуги оказаны были имъ Россіи въ качествѣ «честнаго маклера», и могъ справедливо предположить, что эти услуги цѣнятся по достоинству и новою русскою властью. Менѣе всего способенъ былъ этотъ гениальный и прозорливый государственный мужъ убаюкивать себя мнимою *слабостью* Россіи. Хотя значительная часть нашей печати не переставала отъ имени Россіи пѣть Лазаря, хотя и многіе наши государственные люди продолжали вторить этой пѣснѣ и толковать о такой внутренней предстоящей дѣятельности, которая упраздняла для насъ всякую возможность оберегать наше внѣшнее политическое значеніе, однако-же германскій канцлеръ хорошо понималъ, что Русскій народъ живъ и живехонекъ, и что такой великій историческій народъ, каковъ Русскій, не можетъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, отказаться отъ своей роли въ мірѣ. Нѣмцы опытиѣе и серьезнѣе въ дѣлѣ политической жизни, чѣмъ большинство нашей такъ-называемой интеллигенціи. Взглядѣвшись пристальнѣе въ настоящее состояніе умовъ въ Россіи, они пытаются теперь опредѣлить себѣ истинный смыслъ и внутреннюю силу борющихся въ нашемъ обществѣ направлений. Казалось бы, если кого имъ уважать и съ кѣмъ считаться, такъ это именпо съ довольно многочисленною партією нашихъ западниковъ или такъ-называемыхъ либера-

ловъ. Однакоже вотъ что говорятъ о русскихъ партіяхъ, конечно не безъ нѣкоторыхъ ошибокъ, издающійся въ Берлинѣ и пользующійся авторитетомъ журналъ «Нѣмецкое Обозрѣніе» (Deutsche Rundschau): «Настоящіе противники Славистовъ» (такъ обозначаетъ авторъ людей русскаго направленія)—«Западники (die Westler), лишены того, что составляетъ душу каждой партіи, т. е. самостоятельныхъ, изъ собственнаго корня растущихъ идей и цѣлей. Западники живутъ не сами собою, но Европою; они не имѣютъ въ Русскомъ народѣ никакой почвы. Ихъ сила лежитъ въ петербургскомъ придворномъ мірѣ (!) и въ чиновничествѣ. Въ то же время они мало-по-малу должны были настолько подчиниться всеобщему стремленію на почвѣ національной, что прежняя сущность ихъ бытія—служить представителями европейской культуры—все болѣе и болѣе отъ нихъ отпадаетъ. Они въ большинствѣ своемъ остаются еще западниками въ гостинныхъ, въ политическомъ же отношеніи или безразличнаго направленія (индифферентны), или же доктринеры» *).

Надобно полагать, что князь Бисмаркъ болѣе или менѣе раздѣляетъ это воззрѣніе, и находитъ въ настоящее время менѣе удобнымъ пренебрегать Россіей, а напротивъ болѣе выгоднымъ для Германіи явиться предъ лицомъ міра въ добрыхъ съ Россіей отношеніяхъ, нежели въ разладѣ. Вотъ почему такъ наклонны въ Германіи придавать данцигскому свиданію значеніе выше мѣры, и вотъ почему мы съ своей стороны придаемъ особенную важность истолкованію настоя-

*) Die eigentlichen Gegner der Slavisten, die „Westler“, entbehren dessen, was die Seele einer Partie bildet, der selbstständigen, aus eigner Wurzel wachsenden Ideen und Ziele. Die Westler leben nicht von sich, sondern von Europa; sie haben im russischen Volk keinen Boden. Ihre Kraft liegt in der petersburger Hofwelt und im Beamtenthum. Auf dem nationalen Boden haben sie der allgemeinen Strömung sich allgemach so weit bereits fügen müssen, dass ihr ehemaliges Wesen, Vertreter europäischer Bildung zu sein, ihnen immer mehr abhanden kommt. Sie sind in ihrer Mehrzahl nur noch Westler im Salon. politisch aber entweder indifferent oder Doctrinäre. Es giebt unter ihnen wenige von politischem Ernst und praktischem Verständniss, und ihr beste Kopf, Graf Peter Schuwalow и пр. „Deutsche Rundschau“, 1861. N. 11, August.

шаго смысла этого свиданія, обнаруженному въ циркулярной депешѣ статсъ-секретаря Гирса. *Правда* русской политики заключается въ томъ, что она, эта политика, лишена всякаго наступательнаго, агрессивнаго характера, чужда всякихъ завоевательныхъ, честолюбивыхъ замысловъ и въ высшей степени миролюбива. Она, разумѣется, не желаетъ войны, не грозитъ Германіи ни войной, ни разрывомъ, — и новое подтвержденіе этой правды, выразившееся, болѣе или менѣе, въ самомъ фактѣ данцигскаго свиданія, въ сущности не возвѣщаетъ ни Германіи, ни всему остальному европейскому міру ничего новаго, ничего такого, что бы не было извѣстно германскому и прочимъ европейскимъ кабинетамъ.

Но изъ того, что политика Россіи объявляетъ себя не *агрессивною*, было бы горькимъ для Запада заблужденіемъ выводить, что она стала или по прежнему будетъ *уступчивою*, во вредъ себѣ и въ пользу чужимъ интересамъ. Если она не желаетъ ни войны, ни разрыва, — прямо и честно заявляетъ, что миръ ей желателенъ и нуженъ для совершенія многихъ внутреннихъ задачъ, то это еще не значитъ, что она одержима миролюбіемъ до болѣзненности, до пренебреженія своихъ прямыхъ выгодъ и обязанностей, до готовности поступиться своими законными правами, отречься отъ своего мѣста во вселенной, отъ своего историческаго призванія и отъ священнаго долга покровительства тѣмъ, для которыхъ только въ одной Россіи заключается залогъ самостоятельнаго бытія... Если депеша съ полною справедливостію называетъ «счастливымъ» явленіемъ «прочность добрыхъ личныхъ отношеній, установившихся между двумя могущественными монархами», то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что Россія черезъ Германію присоединяется къ союзу австрійско-германскому и даетъ будто свое одобреніе, *санкцію* австрійской или германо-австрійской политикѣ. Конечно, мы говоримъ только отъ себя, выражаемъ наше личное убѣжденіе, но если бы Россія могла высказаться какъ Россія, она, полагаемъ, выразила бы то же самое. Намъ кажется впрочемъ, что нисколько бы не было противно величію и нравственному характеру нашего государства и нашего народа заявить такое политическое вѣроисповѣданіе прямо и вслухъ, по примѣру чужихъ государствъ, и вообще покончить со многими странными приемами нашей дипломатіи, едва

ли согласными съ русскимъ національнымъ достоинствомъ. Пора наконецъ даже и въ политикѣ, и въ области дипломатіи «смытъ свои сужденія имѣть» и свои интересы. Если Англія прямо, не ища другихъ доводовъ, основнымъ аргументомъ своихъ дѣйствій объявляетъ «британскіе интересы» и указываетъ ихъ не обвиняясь даже тамъ, гдѣ имъ вовсе и быть не слѣдуетъ; если Германія, нисколько не маскируясь, не скромничая, а открыто и гордо, и притомъ не беспокоясь о чужомъ, и всего менѣе о нашемъ неудовольствіи, ставитъ на первомъ планѣ свои отечественныя выгоды; если даже Австрія, ободренная Германіей, и уже безъ всякаго не только правомѣрнаго и нравственнаго основанія, но на основаніи совершенно противоположнаго свойства, объявляетъ весь Балканскій полуостровъ включеннымъ въ «сферу австрійскихъ интересовъ», — то пора бы, кажется, и намъ не пасовать вѣжливо и деликатно предъ подобными заявленіями и притязаніями, а также пріучиться сознать и цѣнить свои права и обязанности, и твердо противопоставлять интересамъ чужимъ русскіе интересы. Именно: на англійскіе аргументы отвѣчать таковыми же русскими аргументами, на австрійскія фальшивыя обвиненія въ панславистической агитаціи между Балканскими Славянами возражать справедливымъ обличеніемъ ея собственныхъ петричь, козней и происковъ, и прямымъ заявленіемъ, что не къ сферѣ австрійскихъ, а къ сферѣ мѣстныхъ славянскихъ (слѣдовательно русскихъ) интересовъ можетъ и долженъ принадлежать Балканскій полуостровъ. Если справедливо извѣстное изреченіе: если хочешь мира, уготовляй войну (*si vis pacem, para bellum*), то оно точно также вѣрно и въ примѣненіи къ дипломатіи.

Въ томъ и состоитъ великое преимущество Россіи предъ Западомъ, что наши политическіе интересы вообще, а уже особенно на Балканскомъ полуостровѣ, чужды корысти и властолюбія, согласны съ требованіями высшей нравственной правды и съ интересами мѣстнаго населенія. Мы уже это доказали относительно Болгаріи, и, какъ православно-славянская первенствующая держава, хотимъ, обязаны и ничего другаго не ищемъ, какъ доставить Балканскимъ Славянскимъ племенамъ, вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ чужеплеменнаго ига, возможность благоденственнаго бытія и свободнаго са-

мостоятельнаго развитія всѣхъ даровъ ихъ славянскаго духа, въ братскомъ, свободномъ союзѣ между собою и съ нами. Австрійскія же притязанія на гегемонію въ средѣ Балканскихъ Славянъ выражаются прежде всего въ угнетеніи и искаженіи ихъ національной личности, въ насильственныхъ попыткахъ обезнародить ихъ не только внѣшнимъ, но и внутреннимъ образомъ, искоренить въ нихъ главный нервъ ихъ народнаго духа — православную вѣру, поработить ихъ Западу и латинству не только вещественно, но и духовно.

И ожидать, что Россія дастъ санкцію подобной австрійской политикѣ?... Наивны же тѣ, которые могутъ предполагать такое развращеніе общественнаго духа въ Россіи! Еслибы Австрія способна была дать Балканскимъ Славянамъ то же, что дала и можетъ дать Россія, — томы бы сочли себя вынужденными молчать, но когда всѣ дѣйствія Австріи (какъ извѣстно читателямъ «Руси» хотя бы изъ статьи въ 42 №) клонятся не ко благу, а ко вреду для Славянскихъ племенъ, и представляются имъ, какъ напримѣръ въ Босніи и Герцеговинѣ, худшимъ посланіемъ, чѣмъ турецкое иго, то тутъ нѣтъ повода къ санкціи...

И какъ грубо на насъ клеветуютъ! Въ то время, когда австрійская печать и дипломатія обвиняютъ Россію въ панславистическихъ интригахъ въ Румелии и Македоніи, — русское министерство иностранныхъ дѣлъ въ тотъ край, именно въ Румелию (край *православный*, съ народомъ преданнымъ *русскому имени!*) на вакантный постъ русскаго консула избираетъ, послѣ долгаго раздумья и исканья, изъ всего наличнаго своего дипломатическаго персонала... кого же? именно человека, — можетъ быть, даже несомнѣнно вполне достойнаго, — но съ *нерусскимъ именемъ и неправославнаго*, — и это вѣроятно нарочно, съ предусмотрительною цѣлью отклонить отъ себя всякія нареканія въ русскихъ козняхъ и охладить то довѣрчивое отношеніе, которое внушаетъ мѣстному народу единоплемность и единовѣріе съ нимъ русскаго консула! Слѣдовательно русскій дипломатическій образъ дѣйствій менѣе всего можетъ подлежать обвиненію въ желаніи утвердить и распространить въ Румелии русское вліяніе. Между тѣмъ, въ то же самое время въ Македоніи и Румелии кишитъ католическая пропаганда, имѣя въ главѣ епис-

коповъ, а въ рукахъ громадныхъ денежныхъ средства. Румынскій латинскій епископъ Манчини, какъ сообщаютъ газеты, имѣлъ недавно аудіенцію у Австрійскаго императора и «утѣшилъ» Его Величество повѣствованіемъ о томъ, сколько успѣлъ онъ совратить чадъ Православной церкви въ папизмъ, обѣщая имъ, конечно, не небесное, а земное, политическое и матеріальное, обезпеченіе. Австрійскій императоръ и вся императорская фамилія, въ восторгѣ отъ завоеваній латинской пропаганды, надѣлили епископа богатыми дарами... А у насъ, въ официальномъ мірѣ, кому до этого дѣло? Святейшему Синоду? это вѣдь не его вѣдомства!...

Все это дѣлается открыто и публикуется въ газетахъ, къ вѣщему удовольствію иностранной публики. Въ то же время Австрія протискивается въ Солунь и пытается заключить съ Сербіею тайную военную конвенцію для безпрепятственнаго прохода австрійскихъ войскъ... Еще ли тутъ останемся мы безмолвны?...

Но довольно пока объ Австріи. Просимъ только читателей обратить вниманіе на корреспонденцію изъ Венгрии и на остроумный способъ предохраненія отъ московитизма, придуманный вождями дикихъ по сю пору Мадьяръ. Дошло до свѣдѣнія сихъ послѣднихъ, что въ богослужбныхъ церковнославянскихъ книгахъ и въ молитвахъ, употребляемыхъ несчастнымъ русскимъ населеніемъ подвластнымъ Венгрии, имѣется страшное слово *царь*: именно напечатано и говорится— «Царь Небесный», «царствіе Божіе» и т. д.: такъ какъ это слово напоминаетъ-де царя русскаго, то оно признано *панславистическимъ* и употребленіе его поставлено священникамъ въ политическую вину!

Давно не баловала русская дипломатія наше народное самолюбіе никакимъ своимъ дѣйствіемъ и поступкомъ; совершенно напротивъ. Поэтому мы уже считаемъ себя истинно утѣшенными обнаруженіемъ депеши статсъ-секретаря Гирса, какъ подтвержденіемъ, что данцигское свиданіе, упрочивая миръ, ни къ чему однакоже Россію не обязало и всего менѣе можетъ служить одобреніемъ или «санкціей» германо-австрійской политикѣ...

Москва, 24-го октября 1881 г.

Опять трубятъ дипломатическія трубы и опять, какъ послѣ Данцигскаго свиданія, торжественно привѣтствуютъ въ свиданіи Итальянскаго короля съ императоромъ Австрійскимъ — новый «залогъ мира и согласія». Казалось бы, и будетъ съ нашихъ сосѣдей этихъ двухъ залоговъ, — но нѣтъ, надобится третій. Германскіе и австрійскіе публицисты не перестаютъ пророчить и еще свиданіе, и на этотъ разъ — Повелителя Россіи съ Повителемъ Австро-Венгрии, гдѣ-то между Варшавой и Краковомъ: «то-то былъ бы залогъ мира, — восклицаютъ они, — и кто бы посмѣлъ разстроить воинственнымъ диссонансомъ гармоническій квартетъ четырехъ крупныхъ державъ, соединенныхъ между собою узами миролюбія!» и т. д. Однимъ словомъ, только о мирѣ и поютъ сладкогласныя сирены съ береговъ Шпрее и Лейты... Положимъ, на этихъ чуждыхъ памъ берегахъ вѣдаютъ порою наши дѣла лучше, чѣмъ мы сами на берегахъ Москвы рѣки и можетъ-быть даже Невы, — но на сей разъ, смѣемъ думать, ипостранный хоръ обойдется и безъ русскаго подголоска. Мы не отрицаемъ, что въ виду того политическаго значенія, которое придается этому свиданію, оно для Германіи и Австріи не только желанно, но въ нѣкоторой степени даже выгодно, — что оно доставило бы этимъ державамъ не только такъ-называемый «залогъ мира», по и самый существенный *material* мира... Ибо чего желаннѣе и выгоднѣе, какъ съ благословенія самой Россіи, заручившись отъ нея благодѣяніемъ мира, слѣдовательно не рискуя войной, съ совершеннымъ комфортомъ и безопасностью, присвоить себѣ чужое, именно русское же крупное добро, поживится сытно на счетъ русскаго достоинства, чести, могущества и славы, нанести тяжкій ударъ русскому политическому значенію въ семьѣ народовъ, опозорить русское доброе имя, да еще съ пріятною перспективою, что сама же Россія будетъ, за такой дружественный презентъ, только благодарить и умиляться! Какъ ни низко, послѣ Берлинскаго конгресса, упали во мнѣніи Европы наши дипломаты, по ужъ такой политической маниловщины даже и отъ нихъ ожидать было бы нѣсколько чуждолично.

Ни для кого не тайна — да и германскія и австрійскія газеты разглашаютъ это во всеуслышаніе, — что въ понятіяхъ германскаго канцлера водвореніе вѣшняго *мира* — это значитъ упраздненіе всякой вѣшней помѣхи и противоѣдствія для развитія и исполненія его вовсе не мирныхъ политическихъ плановъ, — да въ мирѣ, на примѣръ, совершится австро-венгерское посягательство на миръ или на національное бытіе племенъ Славянскихъ! Все его дипломатическое искусство устремлено теперь къ одной цѣли: получить отъ Россіи санкцію миролюбивымъ похотямъ Австро-Венгрии, т. е. не болѣе не менѣе, какъ замысламъ (имъ же взлелѣаннымъ) на обладаніе — если пока не всѣмъ, то большею половиною Балканскаго полуострова. Добро бы такое обладаніе являлось въ перспективѣ какъ плодъ военной побѣды, какъ результатъ кровавой завоевательной войны, предпринятой противъ Оттоманской имперіи; это было бы по крайней мѣрѣ откровенно, пожалуй, въ извѣстномъ смыслѣ даже и честно, но для Австріи, должно полагать, съ ея арміей, страдающей, еще по выраженію Суворова, «проклятою привычкою битою быть», слишкомъ рискованно *). Вся задача въ томъ, чтобъ совершить завоеваніе земель *дружественной* державы *безъ войны*, среди мира, но однако же такъ, чтобы это завоеваніе въ *свою* пользу — прославлялось какъ нѣкій актъ величайшаго *бескорыстія*; чтобъ этотъ денной грабежъ величался какъ добродѣтельный подвигъ, какъ благодѣяніе ограбленному, чтобъ нарушеніе всѣхъ основъ, всѣхъ элементарныхъ понятій международнаго права привѣтствовалось остальною Европою, какъ дѣяніе самое правомѣрное; чтобы порабощеніе балканскихъ Славянъ австрійскому игу, болѣе ненавистному имъ, чѣмъ игу турецкое, — Славянъ, которыхъ полному освобожденію наравнѣ съ освобожденными Россіей Сербами и Болгарами помѣшала та же Германія съ Австро-Венгріей, — чувствовалось какъ дѣло вполне достойное европейской культуры, цивилизаціи, гуманности и прогресса нашего просвѣщеннаго XIX вѣка! Однимъ словомъ, чтобъ повторилось снова надъ остальнымъ Балканскимъ полуостровомъ то преступное,

*) См. исторію Итальянскаго похода Суворова, составленную Д. А. Милютинимъ.

вопиющее по своей вѣшной и внутренней неправдѣ дѣло, которое получило санкцію европейскаго ареопага въ Берлинѣ, при главномъ посредничествѣ «честнаго маклера», и которое называется «оккупаціей Босніи и Герцеговины».

А чтò такое эта «оккупація», — этотъ наглый захватъ, котораго наглость еще усугублена насмѣшливою прикраскою титула *оккупации* или «временнаго запятія», — объ этомъ просимъ нашихъ читателей прочесть Политическое Обзорѣніе сегодняшняго №. Картина настоящаго положенія этого края, — той крушной и мелочной, ухищренной, изысканной тирании, которой подвержены австрійскою властью злополучные Герцеговинцы и Боснійцы, и именно православные (несчастные! въ простодушіи своемъ, забывая о Берлинскомъ трактатѣ, они еще недавно посылали, какъ видно изъ газетъ, адресъ къ Русскому Государю, моля его о заступничествѣ!) — эта картина составлена не по газетнымъ источникамъ. Она начерчена нашимъ соотечественникомъ — очевидцемъ страданій и мукъ православнаго населенія. Берлинскій западно-европейскій ареопагъ (мы говоримъ: западно-европейскій, такъ какъ побѣдоносная Россія играла на немъ роль не члена, на равныхъ правахъ возсѣдающаго и рѣшающаго, а какъ бы подсудимаго), — этотъ ареопагъ фарисейски возложилъ на Австрію фарисейскую миссію *умиротворенія*. Извѣстно, какъ встрѣченъ былъ жителями этотъ ангелъ мира съ нѣмецкимъ бичемъ и мадьярскою плетью въ рукѣ. Разоренные, истощенные неравною борьбою съ Турками, Славяне однако же не побоялись возстать противъ многочисленныхъ полчищъ непрошенныхъ миротворцевъ. Они были сломлены такими мѣрами жестокости, отъ которыхъ содрогнулись бы сердца всѣхъ западныхъ публицистовъ, еслибъ онѣ прилагались не къ Славянамъ, и именно не къ православнымъ Славянамъ, единовѣрнымъ съ Русскимъ народомъ. Какой вой поднять былъ не только заграничною печатью, но и нашимъ мнимо-либеральнымъ, мнимо-русскимъ обществомъ, когда генералу Муравьеву пришлось суровою строгостью усмирять Поляковъ, вѣшавшихъ въ Русскомъ краѣ русскихъ священниковъ и русскихъ крестьянъ! И какое безмолвіе, полное пренебреженія и презрѣнія къ страждущимъ, воцарилось въ средѣ всѣхъ иностранныхъ гуманистовъ и ихъ прихвостней, нашихъ же

«либераловъ», — когда Нѣмцы и Мадыары принялись, посу-
ровѣ Муравьева, чинить расправу въ славянской землѣ надъ
Славянами! Но вѣдь Поляки для Западной Европы болѣе или
менѣе *свои* — и всегда, къ несчастію для себя, были ея *буль-
варомъ*, передовымъ аванпостомъ противъ Славяно-православ-
наго міра... Но вѣдь извѣстно, что на просвѣщенномъ За-
падѣ издавна создавалась *двойная* правда: одна — для себя, для
племенъ германо-романскихъ или къ нимъ духовно тяготею-
щихъ, другая для насъ и Славянъ:

Для *нихъ* — законъ и равноправность,
Для *насъ* — насилие и обманъ!

Три года прошли послѣ вступленія Австріи въ предѣлы Бос-
ніи и Герцеговины съ цѣлью «умиротворенія», — было доста-
точно времени для исполненія этой благодѣтельной миссіи,
еслибъ она была не лживая, — но чтѣ же видимъ мы теперь?
Край снова кишитъ гайдуцкими четами, протестующими про-
товъ насильниковъ-миротворцевъ.. Чтобы окончательно его
умиротворить, т. е. раздавить вполнѣ народность и народ-
ную вѣру жителей края, Австрія считаетъ благовременнымъ
аккупацию переименовать въ *аннексию*, т. е. причислить Бос-
нію и Герцеговину къ своимъ имперскимъ землямъ, — но, ко-
нечно, не въ видѣ грубаго, корыстнаго присвоенія, а въ
видѣ чуть ли не уступки настоятельнымъ требованіямъ са-
мой Европы: «доверши-де свое благодѣаніе, будь милостива,
онѣмечь и окатоличь, во имя культуры и цивилизаціи, этихъ
неукротимыхъ поборниковъ своей славянской самобытности
и своей вѣры, Босняковъ и Герцеговинцевъ!» Ну вотъ и
для этого также требуется санкція Россіи, — которую нѣмецкія
газеты и надѣются (конечно тщетно) получить въ формѣ
новаго свиданія монарховъ и тройственнаго, или уже теперь
четвернаго союза: Германіи, Австріи, Россіи и Италіи...

Австрійская оккупанція Босніи и Герцеговины можетъ слу-
жить образцомъ той участи, которую готовитъ Австро-Венг-
рія если еще не всему Балканскому полуострову, то большей
его половиной. Ея цѣль: втянувъ «въ сферу своей политики»
Сербское княжество и Черногорію, т. е. подчинивъ ихъ себѣ
и въ политическомъ, и въ торговомъ, и въ стратегическомъ
отношеніи, — распространить свое владычество вплоть до Эгей-

скаго моря, на всю такъ-называемую Старую Сербію, можетъ-быть даже Эпиръ и несомнѣнно на Македонію, сдѣлать Солунь своимъ опорнымъ пунктомъ не только для паложенія на весь полуостровъ своего экономического ига, но и для военнаго преобладанія. Ибо тогда откроется возможность подвозить войско моремъ, минуя опасный, долгій, пересѣченный непроходимыми горами путь... Носятся слухи,—да, къ несчастію, подобныя же гаданія можно услышать, пожалуй, и въ средѣ нашихъ дипломатовъ (къ утѣшенію и къ тайному удивленію дипломатовъ иностранныхъ),—что Россіи, въ награду за это, будетъ безвозбранно предоставлено простирать свою сферу политическаго дѣйствія на Болгарію: Германія и Австрія, очевидно, не хотятъ совсѣмъ вытѣснить Россію изъ Балканскаго полуострова,—онѣ великодушны и справедливы; онѣ согласны оставить созданную кровью и достояніемъ Россіи Болгарію самимъ Болгарамъ, и допустить Россію оказывать ей по прежнему свое покровительство. Это для Германіи съ Австріей представляется тѣмъ болѣе удобнымъ и безопаснымъ, что Россія, совершивъ свой послѣдній исполнскій подвигъ освобожденія Болгаръ, сама предупредительно позаботилась о томъ, чтобъ отнять у себя всякіе пути непосредственнаго сообщенія съ Болгаріей ипаче какъ моремъ, гдѣ мы не имѣемъ военнаго флота, гдѣ насъ удобнѣе запереть и гдѣ наши сообщенія могутъ быть всегда преграждены другими морскими державами. При такихъ условіяхъ, когда и съ юга и съ сѣвера, и съ Эгейскаго моря и съ Дуная, при помощи желѣзнодорожныхъ линій, расположенныхъ, благодаря тому же Берлинскому конгрессу, въ вашихъ интересахъ опять той же Австріи, австрійское экономическое преобладаніе опутаетъ весь Балканскій полуостровъ неразрывною сѣтью,—когда вдоль границъ Болгаріи потянутся Австрійскія владѣнія и въ со-сѣдствѣ Софіи или Филиппополя раскинется станъ многочисленной арміи,—при такихъ условіяхъ развѣ возможна дѣйствительная независимость Болгарскаго княжества? Развѣ и оно, подобно Сербіи и Черногоріи, не будетъ свободнымъ только по имени и до времени, т. е., величаясь пока свободнымъ, не будетъ втянуто Австріей «въ сферу своихъ интересовъ»?!

А интересы Австріи—прямо противоположны интересамъ

Россіи. Австрія не болѣе какъ пионеръ *германизации*. Вся ея задача, вся ея историческая миссія, какъ ее понимаютъ австрійскіе государственные люди и германскій канцлеръ,—обезнародить Славянъ, обратить ихъ въ матеріалъ для европейской германо-романской культуры, всосать ихъ въ тощее германское тѣло, утунчить ими нѣмецкую плоть. Это уже давно практикуется Нѣмцами — и съ успѣхомъ: вся подпочва настоящей Германіи, со включеніемъ возлюбленной княземъ Бисмаркомъ Помераніи,—чисто славянская... По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Македоніи уже устроилась нѣмецкая факторія для скупки земель и для колонизаціи Нѣмцевъ,—то же производится и въ Босніи... Многіе делятъ мысль, что Австріи предназначено упразднить значеніе Россіи въ Славянскомъ мірѣ и стать Славяно-католическою имперією. — Но это несбыточно. Никогда Славянскою имперією Австрія не будетъ, да и быть не можетъ. Численное преобладаніе Славянскихъ племенъ — *прочно* окатоличенныхъ и въ сильной степени уже онѣмеченныхъ ей нисколько не страшно. Въ этомъ, больше чѣмъ на половину славянскомъ тѣлѣ руководящій, дѣйствующій, господствующій духъ — все-таки нѣмецкій; нѣмецкая рѣчь связуетъ весь разнородный составъ этого государства; вѣковыя преданія династіи Габсбурговъ, и всего этого, исторически сочленившагося организма — нѣмецкія. Да и какую силу, нравственную и матеріальную, могутъ представить эти разноязычныя западныя славянскія племена съ своими шестью разнообразными латинскими азбуками да двумя славянскими, и съ притязаніями еще на новое обособленіе, поддерживаемыми, по тупоумію, даже нашими украинофилами! Всѣ они, эти племена, обречены въ жертву германизации, если...

Если падеть, ослабнетъ, измѣнитъ своему назначенію единственный въ мірѣ оплотъ славянской, и политической и духовной, самобытности—Россія! Къ этой цѣли, т. е. именно къ ослабленію Россіи, къ совращенію ея на путь *измены* Славянству направлены всѣ усилія Запада. Но измѣнить Славянству, это для Россіи значитъ—измѣнить самой себѣ. За что и за кого страдаютъ уже теперь и возстраждутъ вскорѣ еще горше Балканскіе Славяне? За насъ, за то, что они продолжаютъ устремлять свои взоры на Россію, за то,

что самое бытіе Россіи живить и движеть ихъ, питаетъ въ нихъ народное самосознаніе, даетъ имъ мужество для борьбы, для сохраненія вѣрности своей народности и древле-отеческому православію! Хотя, говорить поэтъ,

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы — народъ единый,
Единой матери сыны!
Но все же братья мы родине...
*Помъ, вотъ что ненавиждать въ насъ:
Вамъ (Славянамъ) не прощается Россія,
Россіи — не прощаютъ васъ! ..*

Оставимъ російскимъ «либераламъ» доказывать, что въ «нашъ просвѣщенный вѣкъ народное вѣроисповѣданіе ровнехонько ничего не значить и не должно культурными людьми приниматься въ расчетъ или въ соображеніе», — что «въ современной цивилизованной Европѣ религія признается лишь субъективною силою, нигдѣ не понимается какъ принадлежность народной духовной индивидуальности и тѣмъ менѣе гдѣ-либо обращается въ орудіе политической пропаганды, а потому и непристойно-де толковать въ наши дни о какомъ-то православіи Русскаго народа и вспоминать эту субъективность, это дѣло каждой отдѣльной личности въ вопросѣ объ отношеніи Русскаго народа къ другимъ европейскимъ народамъ»... Увы! примѣръ Западной Европы какъ разъ доказываетъ противное. Подстрекая нашихъ западниковъ на такія либерально-передовыя рѣчи и утѣшаясь насмѣшливо тѣмъ, что она такъ наввно служатъ ей на руку, — она, эта прогрессивная Европа, наводнила Славянскія земли на Балканскомъ полуостровѣ своими миссіонерами, вооруживъ ихъ самыми могущественными средствами соблазна. Казалось бы, — для чего нужны христіанскіе миссіонеры среди народовъ искони христіанскихъ? Но дѣло для Запада идетъ вовсе не о христіанствѣ, а о совращеніи православныхъ въ латинство — ради чего совращенному оказывается сильная, дѣйствительная помощь, со стороны всѣхъ западно-европейскихъ консуловъ и пословъ, — та помощь, то заступничество, которыхъ православные Славяне гдѣ-нибудь въ Македоніи, Старой Сербіи и т. д. не находятъ теперь у смиренныхъ

консуловъ и дипломатовъ православной Россіи... Не только Германія и Австро-Венгрія, но даже Франція, которая атеизмъ или безбожіе провозглашаетъ своимъ *государственнымъ*, стало-быть деспотически налагаемымъ на Французскій народъ принципомъ, — даже протестантская Англія считаетъ совратившагося изъ православія въ латинство Славянина *своимъ* и оказываетъ ему покровительство... Почему? Потому, что такое совращеніе въ латинство искореняетъ въ сердцѣ Славянина связь едиповѣрія съ Россіей и, напротивъ, соединяетъ его непосредственнымъ духовнымъ единствомъ съ западно-европейскою цивилизаціею, приобщаетъ его къ историческимъ судьбамъ враждебныхъ Славянству народовъ Запада. Наше же Министерство ипострапныхъ дѣлъ, пзбѣгая упрековъ въ ретроградномъ сочувствіи къ народному православному вѣронсповѣданію, норовитъ и консуловъ среди Славянъ назначать по преимуществу такихъ, которые не сближены съ населеніемъ ни единоплеменностью, ни едиповѣріемъ, или въ которыхъ это сознаніе совершенно недѣйствительно...

И вотъ, весь огромный край, связанный съ нами кровными и духовными узами, единоплеменностью и едиповѣріемъ, край исконно православный, край перенесшій и латинское пашествіе и оттоманское иго, и пребывшій вѣрнымъ своей вѣрѣ и своимъ чаяніямъ на будущую мощь Россіи, — край постепенно оживавшій, какъ только стала мужать русская сила и уже начинавшій видѣть зарю окончательнаго освобожденія, — край восполняющій нашъ государственный и духовный организмъ, наше всемірно-историческое бытіе въ семьѣ человѣческой, — этотъ край обрекается пылѣ германизации и латинству, этому краю присуждаетъ Европа отложиться отъ нашего славянскаго организма, а Россіи — искалѣченной и изувѣченной — отодвинуться отъ южнаго древлерусскаго моря въ глубь азіатскихъ степей!

Можно, конечно, предположить такое сцѣпленіе бѣдствій, обрушившихся на Россію, при которомъ, несмотря на все свое страстное желаніе, несмотря на скрежетъ негодованія, волнующаго ея грудь, она была бы не въ состояніи, не въ силахъ протянуть руку помощи Балканскимъ племенамъ и оградить самую себя отъ искалѣченія и изуродованія... Но идти навстрѣчу такому изувѣченію и такому предательству,

какъ ожидаютъ отъ нея нѣмецкіе публицисты, — но добровольно, предупредительно давать свое согласіе, свою санкцію на такого рода политической злой умыселъ противъ собственнаго своего существованія; но во имя миролюбія и вѣданъ дружбѣ, снпзойти до самозаушенія и самовредительства, почти до самоубійства; но жертвовать собою не за *други своя*, а напротивъ, собою и другими своими въ пользу недруговъ, поборниковъ неправды, — этого отъ Россіи могутъ требовать только безумцы или враги... А вѣдь именно этого требуетъ отъ насъ иностранная дипломатія, приглашая Россію, пребывающую и безъ того въ *мирныхъ* съ Австріею отношеніяхъ, къ участию въ противоестественномъ съ нею *союзѣ*... Данцигское свиданіе, которое въ нашихъ глазахъ и по толкованію статсъ секретаря Гирса, было не болѣе какъ выраженіемъ почтительности къ престарѣлому близкому родственнику Русскаго Императора, — это свиданіе смутило было на первыхъ порахъ австрійскихъ политиковъ, такъ какъ они хорошо знаютъ, что планы ихъ направлены противъ Россіи и могутъ быть приведены въ исполненіе лишь при могучемъ покровительствѣ Германіи; а такое покровительство Германіи враждебнымъ Россіи планамъ казалось Австрійцамъ не совсѣмъ-то удобосовмѣстимымъ съ германскою, вновь провозглашенною къ намъ дружбою... Но толкованія не статсъ-секретаря Гирса, а германскаго канцлера разсѣяли, должно-быть, это австрійское недоумѣніе и открыли Австріи надежду на безпрепятственное совершеніе своихъ, все тѣхъ же враждебныхъ Россіи замысловъ, съ сохраненіемъ еще и дружбы, даже съ согласія самой Россіи, хотя можетъ-быть и съ соблюденіемъ со стороны Австріи большаго чѣмъ прежде внѣшняго приличія по отношенію къ русскому имени. Вотъ на какомъ соображеніи основаны догадки нѣмецкихъ публицистовъ о предполагаемомъ будто бы свиданіи Русскаго и Австрійскаго монарховъ, въ которое мы съ своей стороны, разумѣется, не вѣримъ, да и не способны повѣрить.

Россія никому не угрожаетъ войною; ни на чей миръ не посягаетъ; въ западно-европейскія междуособныя распри не имѣетъ ни охоты, ни повода вмѣшиваться. Всѣ это знаютъ и вѣдаютъ, слѣдовательно ей нѣтъ и надобности расточать

какія-то особливья, нарочитыя увѣренія въ своемъ миролюбіи или просто даже въ желаніи сохранить миръ, и именно теперь, когда она занята разными преобразованіями у себя дома. Если кто угрожаетъ миру, такъ это Австрія, побуждаемая Германією, и не то что миру западныхъ державъ между собою, но миру самой Россіи въ лицѣ Славянскихъ балканскихъ племенъ. Не Россія Австріи, а Австрія Россіи должна выдать ручательство мира...

Какой бы кризисъ ни переживала теперь Россія, какъ бы ни была она поглощена заботами о своихъ внутреннихъ дѣлахъ,—она не перестаетъ и не перестанетъ быть великою державою съ великимъ, мировымъ историческимъ призваніемъ. Живъ Богъ и живъ Русскій народъ и нисколько не располоченъ *малиться*, — на чтó можетъ-быть уже готова была бы обречь его, въ своемъ дрябломъ и трусливомъ несимизмѣ, нѣкоторая часть нашей интеллигенціи съ петербургской бюрократіей и дипломатіей вкупѣ. Внутренняя наша политика не должна заслонять политику внѣшнюю, и внутреннее наше оздоровленіе немислимо при уклоненіи Россіи отъ ея историческаго призванія, при нарушеніи нами нашего нравственнаго международнаго долга, при ущербѣ нашей государственной силы, при оскорбленіяхъ, наносимыхъ извнѣ нашему государственному достоинству и чести. однимъ словомъ,—при внѣшней политикѣ, чуждающейся прямыхъ интересовъ нашего отечества, какъ единственной, вполне независимой православно-славянской державы.

Москва, 31 октября 1881 г.

Порабощеніе Сербіи Австро-Венгріей надвигается быстро. Только что въ прошломъ № мы перечислили права этой монархіи на благодарность Балканскихъ Славянъ и на русскую дружбу, какъ новый блистательный успѣхъ австро-венгерской вражды стяжалъ ей новое право на признательность Россіи и Славянскаго міра.... Мы разумѣемъ то насильственное смѣщеніе высокопреосвященнаго Михаила съ престола Сербской митрополи, при извѣстіи о которомъ содрогнулась негодованіемъ вся православная Русь вмѣстѣ со всѣми единовѣр-

ными ей народами. Официально, разумѣется, Австрія въ сторону, какъ бы ни причеъ; но въ томъ и состоитъ искусство ея вождей, что они обратили настоящее сербское правительство въ подобострастное, раболѣпное орудіе австрійской политики, умудрились заставить его *собственными же руками* подтачивать одну за одной всѣ основы сербской національной независимости, — собственными руками опутывать родную страну австрійскою сѣтью, и наконецъ нанести предъ лицомъ всего свѣта, въ особѣ митрополита, наглое оскорбленіе не только Сербской, но и всей Православной церкви, не только самой Сербіи, но и Россіи. Читатели «Руси» знаютъ изъ помѣщенныхъ въ ней корреспонденцій—какими подвигами систематическаго предательства уже ознаменовало себя такъ-называемое «либеральное» министерство Пирочанца-Новаковича-Міятовича-Гарашанина въ краткій еще періодъ своего существованія. Еслибы на мѣстѣ ихъ распоряжались австро-венгерскіе чиновники, они не могли бы вѣрнѣе и лучше сослужить службу австро-венгерскимъ замысламъ противъ славянской свободы. Желѣзнодорожную конвенцію и рядомъ столь же постыдныхъ трактатовъ подчинивъ Сербское княжество австрійскому экономическому игу, сербскіе министры конечно не могли (впрочемъ даже и не пробовали) удержаться на той наклонной плоскости, на которую стали: за торговыми трактатами послѣдовалъ позорный договоръ о выдачѣ Австріи всѣхъ тѣхъ несчастныхъ бойцовъ—Сербовъ Босніи и Герцеговины, которые съ оружіемъ въ рукахъ пытались отстаивать свою независимость противъ австро-мадьярскихъ полчищъ и искали потомъ убѣжища въ *независимомъ* княжествѣ Сербскомъ: недавно, шестеро изъ нихъ, *выданные* сербскимъ правительствомъ, уже разстрѣляны публично австрійскими миротворцами!...

Такое низкое угодничество предъ Австріей, такое посягательство сербскаго министерства на честь, на политическую самостоятельность Сербскаго народа мыслимо (и вполне логически) не иначе, разумѣется, какъ одновременно съ отчужденіемъ отъ Россіи—звждительницы сербской свободы. Такъ оно и было на дѣлѣ.... Официальные и офиціозные органы Княжества стали наполняться статьями враждебны-

ми, оскорбительными для насъ по мысли и тону, прямо, съ очевидною цѣлью подорвать въ сознаніи Сербскаго народа обаяніе русскаго имени, вытравить изъ его души то чувство братской любви къ Россіи, которое присуще и всѣмъ единоувѣрнымъ намъ племенамъ славянскимъ. Министръ народнаго просвѣщенія, Новаковичъ, подслуживаясь Австріи, запретилъ преподаваніе въ гимназіяхъ русскаго языка и замѣнилъ его *обязательнымъ* преподаваніемъ нѣмецкаго.

Но на этомъ пути дѣятельности сербское министерство и австро-мадьярскіе его руководители встрѣчали человѣка, котораго имя, любимое, высокочитимое всѣмъ Сербскимъ народомъ, служило знаменемъ сербской народности и патриотизма, служило символомъ неразрывнаго духовнаго съ Россією союза, а стало-быть и протестомъ противъ всякой враждебной Россіи системы дѣйствій. Этотъ человѣкъ — митрополитъ Михаилъ, болѣе четверти вѣка неутомимо и безкорыстно подвизавшійся въ служеніи Православной церкви и своему народу. Пламенный Сербъ-народолюбецъ, онъ въ особенности много и успѣшно потрудился для дѣла сербской политической независимости извнѣ и дѣла мира внутри: ему, главнымъ образомъ, обязана своимъ укрѣпленіемъ на сербскомъ престолѣ династія Обреновичей въ теченіи всѣхъ превратностей послѣдней четверти вѣка.... Воспитанникъ и магистръ Кіевской духовной академіи, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей Сербіи, онъ любилъ Россію, онъ дорожилъ ея обаяніемъ, разумѣлъ ея историческое призваніе въ мірѣ Славянскомъ, неизмѣнно вѣрилъ въ ея назначеніе и будущность. Онъ не переставалъ поддерживать живыя сношенія съ нею; онъ могущественно содѣйствовалъ утверженію нравственной и политической взаимности обоихъ народовъ. Кто въ Россіи не знаетъ (а мы это знаемъ едва ли не ближе всѣхъ), какую неустанную дѣятельность проявилъ онъ въ годину 1876 г.? Отъ него понеслись тѣ воззванія, которыя, огласившись во всѣхъ, не только городскихъ, но и сельскихъ церквахъ всѣхъ концовъ нашей пространной земли, возбудили Русскій народъ на достославный, великій, святой подвигъ самопожертвованія — за свободу и вѣру славянскихъ братьевъ! Онъ былъ центромъ, къ которому стремились всѣ приношенія, къ которому обращались со всѣми своими нуж-

дами наши добровольцы, и нѣтъ Русскаго, который бы не вынесъ о немъ изъ Сербіи благодарнаго воспоминанія...

Но именно поэтому такое авторитетное въ народѣ лицо, служившее живымъ звеномъ Сербіи и Россіи, и было какъ бѣльмо на глазу у Австро-Венгрии и министерства Пирочанца-Шоваковича и К°. Уже нѣсколько мѣсяцевъ сряду австрійскія и мадьярскія газеты указывали на митрополита Михаила какъ на помѣху австрійскимъ планамъ, какъ на человѣка «русской партіи», котораго необходимо сбыть. Еще недавно писали онѣ же, что австрійскому дипломатическому агенту дана *инструкція*: настаивать на удаленіи Михаила. Такое требованіе казалось намъ только нахальнымъ, но неисполнимымъ; намъ все еще не вѣрилось, чтобы предательское усердіе сербскихъ министровъ способно было посягнуть на святость сана и на лучшее имя Сербіи. Не вѣрилось тѣмъ болѣе, что тѣ же австро-венгерскія газеты, одновременно съ хвалебными гимнами сербскому министерству, требовали заключенія съ Княжествомъ военной конвенціи, въ силу которой было бы дозволено австрійскимъ войскамъ двинуться свободно чрезъ Сербію — для поработенія Славянъ на Балканскомъ западѣ и югѣ, вплоть до Эгейскаго моря! Но заключеніе подобной конвенціи представлялось невысказаннымъ, пока митрополитъ Михаилъ правитъ Сербскою церковью... Необходимо было найти предлогъ, чтобы избавиться отъ этого человѣка *русской партіи*, и предлогъ найденъ.

Благодаря конституціонному механизму, позволяющему, посредствомъ искусственнаго подбора голосовъ, составлять потребное большинство для того, чтобы законнымъ, *легальнымъ* образомъ постановлять, отъ имени народа, рѣшенія противныя и совѣсти, и интересамъ народа, — министерство провело въ скупщинѣ законъ о наложеніи таксы на полученіе духовными лицами даровъ Святаго Духа при посвященіи ихъ въ санъ іерея и епископа, а также на всѣ различныя степени духовной іерархіи.

Простой народъ въ Сербіи, съ тѣхъ поръ особенно, какъ древняя славянская скупщина превратилась въ европейскій парламентъ, — почти не «представленъ» въ этомъ парламентѣ (особенно на Малой скупщинѣ) или же «представленъ» въ лицѣ содержателей кафанъ и меапъ (корчемъ) — нѣчто въ

родѣ нашихъ кулаковъ. Сербская же интеллигенція, къ несчастію, заражена въ немаломъ числѣ своихъ представителей тою же болѣзнью европейчана и обезьянства, какая губить и у насъ столько умовъ. Она обзавелась, какъ и подобаетъ странѣ «культурной» (изображенной, говоря по сербски), да еще надѣленной благами конституціи, не только консерваторами и либералами, но даже и радикалами, всѣхъ ескими партіями и фракціями; она, отчасти какъ и у насъ, отрѣшившись отъ коренныхъ началъ народнаго духа, гонится за вздорными призраками, играетъ въ либеральныя погремушки. Прослышавъ, что за границей толкуютъ о клерикализмѣ, о культурной борьбѣ, мучимая вождельніемъ прослыть «передовою», она (все во имя народа!) охотно примкнула къ упомянутому предложенію своего австро-мадьярскаго министерства о таксированіи даровъ Св. Духа,—и нужное большинство голосовъ состоялось.

Митрополитъ Михаилъ протестовалъ противъ закона, находя въ немъ сходство съ *симоніей*, протестовалъ не одинъ, а отъ имени и за подписью всего Сербскаго синода. Вслѣдъ затѣмъ министерство, съ цѣлью — окончательно разорить православную въ Сербіи церковь и подчинить ее государству, составило еще четыре новые проекта: 1) о передачѣ всѣхъ брачныхъ дѣлъ изъ консисторіи въ свѣтскіе суды; 2) о конфискаціи монастырскихъ имѣній *безъ вознагражденія*; 3) объ обложеніи церквей и монастырей 10% сборомъ съ дохода; 4) о замѣнѣ для служителей церкви расы общимъ гражданскимъ костюмомъ (вотъ какой утонченный «либерализмъ»!). По сообщеніи этихъ проектовъ митрополиту, опъ, вмѣстѣ съ синодомъ, допустивъ уступки въ маловажныхъ статьяхъ, отвергъ другія на каноническомъ основаніи... 16 октября послѣдовало личное объясненіе митрополита съ сербскою властью. Митрополитъ остался твердъ,— и тогда, къ несказанному ликованію австрійскаго дипломатическаго агента, главнаго вдохновителя и подстрекателя всей этой интриги, послѣдовали указы: одинъ объ «отрѣшеніи митрополита Михаила отъ управленія Бѣлградскою епархією и отъ званія митрополита Сербіи», — другой о «назначеніи епископа Неготинскаго Моисея *митрополитомъ Сербіи* вмѣстѣ съ управленіемъ Бѣлградскою епархією». (Таковъ подлинный

текстъ указовъ, и телеграфныя сообщенія о назначеніи Моисея лишь администраторомъ оказываются не вѣрны)...

Митрополитъ Михаилъ палъ, но не уступилъ: его удалось сломить, но не согнуть. Онъ отвѣтилъ на указъ посланіемъ къ князю, въ которомъ обычно смиренный и кроткій, онъ является во всемъ величіи и достоинствѣ іерарха, безстрашнаго, непреклоннаго блюстителя правъ и канонѣвъ церкви. Онъ обратился съ протестомъ къ патриархамъ и къ Русскому Синоду. Нѣсколько ниже читателя прочтутъ это посланіе въ переводѣ, къ сожалѣнію не съ сербскаго (котораго мы еще не получили), а съ нѣмецкаго текста, напечатаннаго въ австрійскихъ газетахъ.

И все это въ сущности было только предлогомъ! Ибо главною цѣлью было очистить поле для безпрепятственнаго дѣйствія австрійской политики,—устранить *народнаго* челоуѣка, «представителя русской партіи» въ Сербіи... Безъ сомнѣнія по настоянію Австро-Венгріи и для того, чтобъ изгнаніе митрополита оправдать не однимъ его сопротивленіемъ правительственному посягательству на церковныя каноны, а и болѣе важными политическими основаніями, совершенно надъ старѣйшимъ святителемъ Сербіи возмутительное насиліе: жандармы ворвались въ его жилище съ тѣмъ же Новаковичемъ во главѣ и произвели обыскъ... Это извѣстіе почерпнуто нами изъ частнаго письма, присланнаго въ Москву изъ Бѣлграда...

«Помимо всякихъ иныхъ соображеній этотъ актъ (т. е. низложеніе митрополита) можетъ быть разсматриваемъ прежде всего какъ *манифестація въ пользу добрыхъ отношеній сербскаго правительства къ Австро-Венгріи*: въ Бѣлградѣ, по всему видно, уже не боятся гнѣва Россіи!...» Такъ гласитъ офиціозный нѣмецкій органъ мадьярскаго правительства... Нужны ли еще комментаріи?

Въ опасную игру играетъ Сербскій князь Михаилъ Обреновичъ... Народъ, давно уже недовольный угодничествомъ правительства предъ Австрійцами и Мадьярами, православный Сербскій народъ не останется безмолвенъ въ виду такого оскорбленія Православной церкви. Слѣдуетъ однако-жъ надѣяться, что народная мудрость предохранитъ на сей разъ Сербію отъ революціи, ибо не только революція, но и вся-

жѣ серьезные беспорядки могутъ подать Австро-Венгрію, или даже самому сербскому министерству, предлогъ ввести въ княжество австро-мадьярскихъ солдатъ съ задачей «умиротворенія»... Но ради чего же собственно популярнѣйшій и наиболѣе уважаемый человѣкъ Сербіи принесенъ въ жертву «добрымъ отношеніямъ сербскаго правительства къ Австро-Венгрію?» Какимъ образомъ могъ митрополитъ служить помѣхою дружнымъ сосѣдственнымъ отношеніямъ обоимъ правительствамъ? Жили же они въ мирѣ съ 1859 года, когда епископъ Михайлъ былъ возведенъ на митрополитчій престолъ? Развѣ онъ когда-либо проповѣдывалъ войну или вражду съ австро-венгерскимъ правительствомъ? Никогда, разумѣется,—но онъ былъ другомъ Россіи; но онъ не мирился съ мыслью о порабощеніи Сербіи и Балканскихъ Славянъ нѣмецко-мадьярской политической гегемоніи... Теперь для этой мысли наступаетъ торжество, теперь предстоитъ ей перейти въ дѣло при главномъ пособничествѣ сербскаго министерства, а князю Милану превратиться въ генералъ-губернатора Австро-Венгерской имперіи, хотя можетъ быть съ титуломъ Сербскаго короля... Но на это Сербское племя не пойдетъ... Чтѣ же тогда?...

Выходъ мирный и справедливый возможенъ только одинъ: предательское министерство Пирочанца-Новаковича и К^о должно пасть; митрополитъ снова возстановленъ въ своемъ званіи; протесты синода должны быть переданы на разсмотрѣніе новой скупщины....

Еще два слова для тѣхъ, кто съ худоскрываемымъ злорадствомъ вздумалъ бы издѣваться надъ слабостью «русской партіи» въ Сербіи, какъ и въ прочихъ Славянскихъ земляхъ... Не знаютъ, не смыслятъ они—чтѣ такое русскія партіи въ средѣ нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ! Въ томъ и состоитъ отличіе Россіи отъ всѣхъ прочихъ европейскихъ государствъ, что ея партіи вездѣ и всюду, но въ особенности въ Славянскихъ странахъ—сами народы. Вотъ наши русскія партіи! Ибо никакихъ личныхъ, эгоистическихъ цѣлей Россія не преслѣдуетъ, и ея интересы не только не идутъ въ разрѣзъ, не противорѣчатъ истиннымъ интересамъ мѣстнымъ, народнымъ, но напротивъ *тождественны* съ ними. Связь Славянскихъ народовъ съ Россіей, чувство, влекущее

ихъ къ ней—явленіе естественное, *органическое*, свободно вытекающее изъ самой глубочайшей глубины народнаго существа. Это вовсе не означаетъ непремѣннаго сочувствія къ тому или другому лицу, къ настоящимъ административнымъ порядкамъ или положенію дѣлъ въ Россіи. Какъ можно любить свое отечество, независимо отъ случайныхъ и преходящихъ политическихъ его неурядицъ и болѣзней; какъ самъ Русскій народъ любить Россію и остается вѣренъ своимъ народнымъ идеаламъ, несмотря на уклоненіе отъ нихъ своей образованной общественной и правящей среды,—такъ относятся къ Россіи и Славянскія племена, составляя съ нею единый духовно-племенной организмъ. Это непреложная истина. Одно и то же чувство живетъ и въ Сербскомъ народѣ, во всѣхъ его развѣтвленіяхъ (православныхъ), и въ Болгарскомъ. *Кто между Славянами не причастенъ этому чувству, тотъ врагъ своего народа*, тотъ уже не заодно съ нимъ, отрѣшился отъ основъ его духа!... Поэтому и вся такъ-называемая *интеллигенція*, въ княжествѣ ли Сербскомъ, въ княжествѣ ли Болгарскомъ, въ Восточной ли Румелии,—именуясь она либеральною, радикальною или консервативною,—какъ только она становится во враждебное отношеніе не къ тому или другому изъ русскихъ людей, не къ той или другой мѣрѣ русскаго правительства, а къ Россіи вообще, и думаетъ умалить славянское братское старѣйшинство Русскаго народа,—повинна *въ измѣнѣ* своей собственной народности и народу, предаетъ, сама того легкомысленно не сознавая, кровные народные интересы иностранцамъ—исконнымъ врагамъ Славянства. Тѣ «либералы» въ средѣ интеллигенціи Славянскихъ племенъ, которые въ настоящее время отвращаются православія во имя культуры и въ силу либерализма отчуждаются Россіи,—куютъ собственными руками австро-мадьярскія для себя оковы!... Вотъ почему народъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова,—простой народъ, тотъ, которымъ только и стоитъ народная личность въ мірѣ Славянскомъ, вездѣ и всегда—за Россію. Противъ нея только отщепенцы своего народа, сознательные и безсознательные измѣнники своей земли, и въ случаѣ торжества ихъ направленія—будущіе вольные и невольные холопы Австро-Мадьяръ. Пусть примутъ это къ свѣдѣнію и въ Сербіи, и въ Болгаріи, и въ Румелии!

Москва, 7 ноября 1881 г.

Дѣла сербскія представляются еще въ той же неопредѣленности. Митрополитъ Михаилъ съ твердостью и неустрашимостью, достойными праваго дѣла и высокаго сана, отказывается оставить митрополию иначе, какъ уступивъ внѣшней силѣ. А употребить насиліе надъ митрополитомъ, заточить его въ монастырь, это сербскому правительству могъ бы посовѣтовать только его лютый врагъ. Сербскіе епископы протестовали, но потомъ, увѣряютъ, уступили давленію правительства и признали новаго назначеннаго правительствомъ митрополита. Русское правительство, сколько мы знаемъ, рѣшилось поставить все это дѣло на каноническую почву. Святѣйшій Синодъ, говорятъ, уже вошелъ въ сношеніе съ Константинопольскимъ патріархомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что протестъ Русской и Константинопольской церкви, за которымъ послѣдуютъ, вѣроятно, протесты предстоятелей церковныхъ и въ прочихъ православныхъ земляхъ, поставитъ Сербскую церковь въ такое положеніе, которое страна терпѣть не захочетъ, и князь Миланъ волей-неволей долженъ будетъ смѣнить свое министерство и уступить. Какъ ни ликуютъ теперь австрійскія газеты, какъ ни стараются онѣ утѣшить своихъ сербскихъ друзей, что вотъ и они, по примѣру нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ странъ, обзавелись культурною борьбою, что для торжества цивилизаціи государство должно побѣдить церковь, и пр., но мы думаемъ, что австрійскіе и сербскіе политики нѣсколько обочились въ расчетѣ. Нарывъ австроманіи въ сербскомъ правительствѣ вскрылся слишкомъ рано и обнаружилъ предъ всѣмъ народомъ свойства тайно созрѣвшаго недуга: моментъ не очень-то удобный для провозглашенія князя королемъ Сербіи! Не можетъ же однако судьба Сербскаго племени зависѣть отъ судьбы министерства Пирочанца и К°... Неужели же славное, геройское нѣкогда Сербское племя для того только и добыло себѣ самостоятельное политическое бытіе, чтобы стать игралищемъ австрійской политики и выродившейся потѣшной интеллигенціи, холопствующей предъ «Швабами»?... Что все это дѣло подготавливалось издавна и не по поводу только закона о таксахъ,

можетъ служить слѣдующее сообщенное намъ письмо митрополита Михаила отъ 9 октября въ Петербургъ, стало быть слишкомъ за недѣлю до катастрофы. Письмо отвѣчаетъ на поздравленіе со днемъ именинъ митрополита:

Душевно благодарю за ваше вниманіе и благорасположеніе во днихъ моей скорби и жизни крестовосной. Вамъ извѣстно тяжелое положеніе мое послѣ выдуманной интриги Ти си (венгерскаго министра-президента) относительно денегъ присланныхъ будто бы г. П.... и по многаямъ другимъ причинамъ. Пусть васъ не удивитъ, если услышите, что меня прогнали или уничтожили. Чтò бы ни было, я съ вѣровъ приму волю Господа, промышляющаго о всѣхъ во спасеніе.

Михаилъ.

Москва, 14 ноября 1881 г.

Никто не можетъ отрицать, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ, даже и до сихъ поръ—не по себѣ, неможется что-то русскому человѣку. Трудно опредѣлить наше современное общественное состояніе однимъ словомъ, но несомнѣнно одно: недугъ этотъ вовсе не матеріальнаго, не экономическаго, а нравственнаго свойства. Духъ нашъ недуженъ, вотъ чтò. Онъ словно пригнетенъ, пришибленъ: крылья—скажемъ съ поэтомъ—повисли, нѣтъ размаху; полеть оробѣлыхъ думъ тяжелъ и пизокъ; сердце, даже безъ видимаго повода, щемитъ и ноетъ. И какъ ни старается разумокъ наладить внутренней строй человѣка соразмѣрно съ требованіями и условіями данной минуты; какъ ни напрягается добросовѣстная воля привлечь всѣ силы, всѣ способности ума къ успѣшному исполненію предлежащаго рабочаго долга,—но безъ одушевленія, безъ надежды, безъ вѣры въ себя и въ свой трудъ не только великое дѣло, никакая работа не спорится: дѣланіе лишено творчества, дѣйствіе—безъ воздѣйствія, никого и ничего не живить! А именно одушевленія, смѣлой надежды, вѣры дерзающей намъ и недостаетъ. Не дадутъ ихъ и не возмѣстятъ ихъ сами по себѣ никакія мѣропріятія, содѣйствующія вѣдшему народному благосостоянію или «упорядочивающія» взаимное соотношеніе пружинъ и колесъ государственнаго механизма. Ибо не о хлѣбъ единомъ живы народы, какъ и отдѣльныя лица; не вещественная только

польза пользуется, и государство не механизмъ, а живой организмъ, которому колеса и пружины правительственной машины служатъ только подспорьемъ и средствомъ. Самый успѣхъ наиразумнѣйшихъ экономическихъ мѣръ зависитъ отъ общаго *духа жизни*, а слышимъ ли мы, ощущаемъ ли кругомъ себя и межъ насъ могучее вѣяніе духа жизни?... О, если-бы онъ повѣялъ!...

Странное что-то содѣялось съ нами. Великая страна—богатырь—какъ-будто на положеніи больничнаго «слабосильнаго», и порція ему, богатырю, по положенію, «слабосильная» отпускается, и лѣчится онъ спертымъ воздухомъ, и рѣчи ведутся вокругъ него не во весь голосъ, а лишь вполголоса, и будто петербургскимъ сѣрымъ, скучнымъ днемъ заволокло всю нашу страну. Безпокойно озирается она кругомъ: нѣтъ ли гдѣ возблестанія свѣта,—добраго свѣта, подателя жизни,—но облака все еще не сдвинулись съ неба, еще давятъ духъ... Принято твердить, и всѣ мы вторимъ, всѣ будто и сами повѣрили, что Россія теперь и бѣдна, и немощна, и вообще въ самомъ пока ненадежномъ состояніи,—что ей теперь впору одно—быть тише воды и ниже травы, пока не оздоровѣетъ... И вотъ, унылые, пристыженные, мы поминутно щупаемъ себѣ пульсъ и тревожно всматриваемся въ зеркало... Чтѣ за притча?...

Конечно, есть отъ чего чувствовать себя пристыженнымъ, есть отъ чего возмутиться духомъ. Еще горитъ у насъ у всѣхъ на челѣ позоръ, покрывшій Россію въ день 1 марта. И не однимъ этимъ позоромъ мы пригнетены, но и боязнью новыхъ подобныхъ позоровъ... Одна ужъ эта боязнь, боязнь основательная и тѣмъ болѣе унижительная для нашей чести, бросаетъ краску въ лицо... Но именно въ настоящіе дни, рядомъ съ этими ощущеніями, есть уже мѣсто и для чувствъ менѣе тяжкаго свойства. Сдается, что мѣра долготерпѣнія нашего переполнилась, что уныніе начинаетъ переходить въ негодованіе (а негодованія, плодотворнаго негодованія, было у насъ слишкомъ мало въ предшествовавшіе годы!); что разразившійся надъ нами громъ, если и не разсѣялъ тяжелыхъ тучи, то во всякомъ случаѣ нѣсколько разрѣдилъ атмосферу. Ибо, какъ ни ужасно событіе 1 марта, но состояніе общественнаго духа—именно въ предшествовавшіе два-три года—

было еще тяжеле, еще безнадежнѣе, еще безнравственнѣе. Да, по истинѣ *безнравственна* та общественная атмосфера, которая зарождается отъ упадка духа, отъ унынія, отъ утраты въ странѣ вѣры въ свое народное достоинство, въ свои собственныя силы,—безнравственна атмосфера, которая глушитъ всякое проявленіе доблести, въ которой не хватаетъ души даже на негодованіе, а только развѣ на глумленіе и самооплеваніе!...

Но вѣдь и за прошлое недавнее время такое безнравственное состояніе общественнаго духа развѣ не можетъ быть однаково объяснено цѣлымъ непрерывнымъ рядомъ подлыхъ позорящихъ насъ злодѣяній, чинимыхъ героями нашего времени, исповѣдниками револьвера, кинжала и динамита? Конечно можетъ; объясненіе это вѣрно, но не вполне. Почему же непрерывный рядъ этихъ злодѣяній начинается именно со второй половины 1878 года? Вѣдь эта шайка революціонеровъ или анархистовъ, или политическихъ нигилистовъ, этотъ своего рода польскій ржондъ возникъ въ нашей странѣ, какъ доказываетъ изслѣдованіе, напечатанное въ «Современныхъ Извѣстіяхъ», чуть ли не съ эпохи Чернышевскаго, одновременной съ польскимъ возстаніемъ,—ознаменовался первымъ покушеніемъ на цареубійство еще въ 1866 г., огласился потомъ процессомъ Нечаевцевъ и Нечаева, слѣдствіемъ Писарева, процессомъ двухсотъ подсудимыхъ и многими другими попытками и заговорами. Почему же однако весь этотъ ржондъ, со всѣмъ своимъ значеніемъ и опасностью, отошелъ на задній планъ, словно потонулъ, въ годину Сербской войны и нашей затѣмъ войны съ Турками за освобожденіе Болгаръ,—почти вплоть до *Берлинскаго договора*?...

Слово произнесено. Однимъ изъ самыхъ главныхъ виновниковъ той деморализаціи, того припущеннаго состоянія общественнаго духа, которое такъ-сказать уготовило, удобрило почву для широкаго развитія и дѣятельности «крамолы» и открыло эру убійствъ и подкоповъ,—былъ, мы въ томъ убѣждены, Берлинскій трактатъ. Никогда нація не падала такъ низко и съ такой высоты! Это былъ продуктъ чисто петербургскій, побѣда петербургской бюрократіи надъ Россіей. Такого трактата и невозможно было бы утвердить въ Россіи нигдѣ кромѣ Петербурга и изъ Петербурга.

Вспомнимъ только славную эпопею 1876-го, 1877-го и начала 78-го годовъ. Осмѣлимся вспомнить, ибо если и поминуются доселѣ отдѣльные эпизоды преимущественно послѣдней, такъ-сказать регулярной войны, т. е. доблестные подвиги нашихъ войскъ въ разныхъ мѣстахъ Болгаріи, то о *чувствѣ* одушевлявшемъ нашихъ солдатъ, кромѣ побужденій храбрости и воинскаго долга,—о движеніи добровольцевъ, о подъемѣ народнаго духа, у насъ принято теперь умалчивать, заминать рѣчь, даже какъ бы стыдиться: Берлинскимъ трактатомъ намъ какъ будто отшибло самую *память сердца*, которое однакожъ такъ сильно, такъ шибко жило и билось въ эти достопамятные годы! Или—что правдоподобнѣе,—мы пугливо хоронимъ ее въ себя поглубже, боясь новыхъ грубыхъ насмѣшекъ и оскорбленій, послѣ того, какъ уже надругался дипломатическій Берлинъ вкупѣ съ бюрократами и либеральными литераторами Петербурга надъ самыми лучшими, святыми порывами народнои души... А мы имѣемъ въ некоторое право свидѣтельствовать объ этихъ порывахъ, по крайней мѣрѣ въ годину 1876 г. Никакими искусственными мѣрами нельзя было бы вызвать того внезапнаго, могущественнаго нравственнаго подъема, который, неожиданно для всѣхъ, вопреки всѣмъ запорамъ и плотинамъ, всколыхалъ тогда нашъ океанъ-народъ и домчалъ потомъ его исполнскія волны до самыхъ стѣнъ Константинополя, почти до паперти Святой Софіи...

Нѣтъ сомнѣнія, что онъ движимъ былъ самою историческою стихіей, тѣмъ мировымъ призваніемъ, въ которомъ конечно народныя массы не отдають себѣ яснаго, сознательнаго отчета, но который живетъ въ нихъ на степени внутренняго неодолимаго инстинкта. Ближайшимъ же побужденіемъ для народа былъ *подвигъ* правды и вѣры. Этого никогда не поймутъ наши реалисты! Дошло до свѣдѣнія народнаго, что тамъ, гдѣ-то, въ единоплеменной странѣ, гибнуть христіане, отчаянно сражаясь въ неравномъ бою съ мусульманами за свою свободу и вѣру, и въ этихъ «практикахъ» мужикахъ (вѣчно, по описанію разныхъ Глѣбовъ Успенскихъ, смотрящихъ въ землю, или рассчитывающихъ барыши, смердящихъ духовными язвами и проказой) воспрянула во всемъ величіи и мощи смиренія, изъ-подъ гнета собственныхъ скор-

бей и нуждъ, лишь временно сдавливаемая, но вѣчно живая христіанская душа. *Нуженъ* подвигъ русскому человѣку,— какъ вообще всѣмъ сильнымъ душамъ потребно порою развернуть во всю ширь свои крылья и, взмахнувъ распростертыми крыльями, вознестись хоть на мигъ въ высоту, надъ мелочью и пошлостью земной жизни... Если самъ нашъ крестьянинъ не всегда *сподобляется* подвига во имя Христова, то благоговѣйно чтить его въ другомъ. А въ 1876 г. подвигъ предсталъ предъ нимъ какъ бы всѣмъ доступный. Послышалъ онъ позывъ въ сердцѣ своемъ,—и вотъ, въ толпѣ всякихъ проходимцевъ, гулякъ, болѣе или менѣе «благороднаго званія», внезапно выдѣлялись предъ изумленными взорами членовъ Московскаго Славянскаго Комитета какіе-нибудь крестьяне изъ-за Волги или съ Дона, падали на колѣни и упорно, неотступно молили отправить ихъ въ Сербію. На всѣ увѣщанія, что идти восвать имъ не слѣдъ, такъ какъ военнаго ремесла не знаютъ, что кромѣ опасности придется имъ терпѣть всяческую нужду и служить безъ жалованья,—на всѣ эти доводы былъ одинъ отвѣтъ: «хотимъ помереть за хрестыанство, за Крестъ, за вѣру»!... А эти, издалека пришедшіе мужики, *міромъ* присланные по выбору сельскаго общества, для того, чтобы и ему не быть *въ нѣтьхъ*, какъ говорилось встарь, въ этой всенародной, хотя и не государственной службѣ! Да; тѣмъ именно сильнѣе ложилась на совѣсть народную эта повинность, что она была добровольная, а не обязательная, что дѣло помощи христіанамъ онъ считалъ не только правительственнымъ, но *своимъ*, пока еще исключительно *своимъ*, дѣломъ! Никто его не нудилъ, не гналъ, никто и не обольщалъ его никакими приманками... Безъ сомнѣнія, при болѣе правильной организаціи, при устройствѣ мѣстныхъ комитетовъ и правильнаго ихъ сношенія между собой, съ Московскимъ Комитетомъ и его Отдѣломъ въ Петербургѣ, не тысячи, а десятки тысячъ добровольцевъ наводнили бы Сербію; но Славянскій Комитетъ, повторяемъ, не предвидѣлъ, не ожидалъ такого движенія, самъ былъ застигнутъ врасплохъ, самъ кое-какъ организовался, въ догонку такъ-сказать за событиями... Конечно, какъ мы уже упомянули, одновременно съ подвижниками изъ простонародья, было не мало, преимущественно изъ контингента *офи-*

церскаю, людей праздношатающихся, забудыгъ, своего рода «гарибальдийцевъ»,—но и между ними сколько же было людей образованныхъ, по истинѣ интеллигентныхъ (хотя конечно не изъ разряда современной желиберальной интеллигенціи), которые сами были преисполнены общенароднаго христіанскаго порыва и пали жертвами за святое дѣло: вспомнимъ имена Кирѣева, Раевского, Левашова и многихъ другихъ. Да и изъ гулякъ — сколько ихъ беззавѣтно сложило тамъ свои головы, искупивъ, быть-можетъ честною смертыю свою пустую, грязную жизнь!

Вспомнимъ, какъ всѣ мы перемѣнились сами, какъ иначе жили въ эти дни всеобщаго, охватившаго Россію порыва. Все какъ-то сдвинулось съ своей пошлой обычной колеи. Самы наши смиренные іереи и архіереи почувствовали «дерзновеніе» и не спрашиваясь никого, выходили на площади, служили молебны о ниспосланіи побѣды на враговъ «рабу Божію Михаилу» или «архистратигу славянскихъ силъ», какъ грануль гдѣ-то, подлаживаясь къ церковному стилю, одинъ басистый дьяконъ!... Все пришло въ безпорядокъ, но какой душеспасительный, благой безпорядокъ! Безпорядокъ чисто наружный, при которомъ ни о какихъ нигилистахъ было и слыхдмъ не слышать! Какъ будто ихъ и не бывало! Притихли, попрятались.... Вспомнимъ эти денежныя приношенія, эти милліоны рублей, составившіеся изъ милліонovъ истинновдовьихъ лептъ.... Сколько честнаго, сколько святаго, богоугоднаго совершилось тогда на необъятномъ просторѣ нашего отечества: вотъ эта атмосфера была здоровая, была нравственная и—нигилизму неблагоприятная!

Пусть себѣ отрицають теперь смыслъ и характеръ этого явленія наши глумители-реалисты. Реализмъ безъ подкладки идеализма близорукъ, самонадѣянъ, скудоумень и въ добавокъ жетъ самъ себѣ. Ему никогда не понять народа, ибо народъ представляется ему только совокупностью (агрегатомъ) Ивановъ, Сидоровъ, Карповъ, изъ которыхъ онъ можетъ знать, разумѣется, только одного или нѣсколько, каждаго *порознь*. Для того же, чтобъ сколько-нибудь постичь то, чтó называется народомъ, этотъ неухватимый для внѣшняго анализа, чудесно живущій въ вѣкахъ и въ пространствахъ, цѣльный, единый *оранизмъ*,—нужно нѣчто болѣе фо-

тографическаго умѣнія, нуженъ процессъ *идеализаціи*, отвергаемый реализмомъ. Онъ лжетъ самъ себѣ потому, что воспроизводитъ какого-нибудь случайно допрошеннаго имъ кучера Пахома, не ограничивается скромнымъ заявленіемъ, что воспроизведенъ имъ фотографически только одинъ этотъ Пахомъ, не болѣе, а храбро притязаетъ на *обобщеніе*,—слѣдовательно опять-таки идеализуетъ! Наши корреспонденты, разсыпавшись по Сербіи, увидѣли кое-гдѣ безпорядки, плохую организацію, кое-какія сцепки въ кофейняхъ да на улицахъ, но не примѣтили главнаго: историческаго стихійнаго движенія, той «красоты смиренной», того священнодѣйствія души народной, которое сквозило сквозь безобразное внѣшнее рубище и нераздѣльную съ многолюдствомъ человѣческую пакость. Съ хлесткостью и развязностью, съ легкимъ сердцемъ только имъ свойственнымъ, они поспѣшили осмѣять, освистать, оплевать въ «либеральныхъ газетахъ», безъ разбора, огуломъ, какъ самихъ добровольцевъ (умѣвшихъ однако сдерживать три мѣсяца натискъ знаменитаго Омеръ-наши), такъ и все это возвышенное мгновеніе нашего народнаго бытія. Правда, одинъ изъ «либераловъ», Петръ Боборыкинъ, оцѣнивъ вполнѣдствіи значеніе этого историческаго эпизода, воскликнулъ въ какомъ-то фельетонѣ: «Эхъ, сплеховали мы, не спохватились! зачѣмъ мы (т. е. западники-либералы) дали «славянофиламъ» (?) стать впереди этого народнаго движенія, принять дѣятельное участіе въ этой эпопее, а не стали сами во главѣ народа? все отъ того, что мы не организованныя партія!» и тому подобный вздоръ!... Напрасное сожалѣніе. Нашимъ западникамъ, принявшимъ теперь кличку «либераловъ», суждено всегда быть выброшенными за бортъ, остаться всегда въ сторонѣ при всякомъ подъемѣ, при всякомъ порывѣ, при всякомъ серьезномъ, общемъ проявленіи національнаго духа, во всѣ великіе моменты русской исторіи.

Какъ ни осмѣивала, какъ ни порицала петербургская консервативная и либеральная бюрократія, съ цвѣтомъ высшаго общества вкупѣ, это выступленіе изъ береговъ народной духовной стихіи—Царь не могъ отдѣлиться душою отъ своего народа. Вѣчно памятно будетъ это, во очію совершившееся наптіе историческаго духа, когда Царь въ Московскомъ

Кремль, къ неожиданности, къ изумленію своихъ министровъ, держаль (въ октябрѣ 76-го) свою рѣчь къ народу... Царь, — человекъ исторіи по преимуществу, по преимуществу принадлежащій *народу* — былъ тогда съ своимъ народомъ едино. Въ ту минуту пали всѣ средостѣнія. Но они тотчасъ же воздвиглись, какъ скоро Царь отшелъ въ Петербургъ. И какія муки внутренней борьбы должна была пережить его царственная душа, когда отсюда, все что его окружало и облегало, принялось осуждать, затруднять, тормозить, разстраивать великое зачинавшееся всемірно-историческое дѣло... L'Empereur a subi l'opinion publique de Moscou — «Государь поддался давленію общественнаго мнѣнія Москвы» — твердила бюрократія съ дипломатіей, стараясь *оправдать*, ослабить значеніе неосторожныхъ будто бы кремлевскихъ словъ Русскаго Государя!! Война, кровопролитная война, готовилась не при содѣйствіи, а съ *противодѣйствіемъ* окружавшей среды! Тутъ-то сказался вѣковой разладъ Петербурга съ Россіей, проявилась та духовная рознь съ народной мыслью и совѣстью высшихъ, руководящихъ общественныхъ работниковъ предъ Западною Европою классовъ, которую не примѣчаетъ современная якобы либеральная интеллигенція и о которой, недоумѣвая допрашиваетъ насъ «Русская Мысль»! Всѣ неудачи, всѣ постигшія насъ бѣды должны быть отнесены именно къ этому разладу: не на одномъ уровнѣ духовнаго подъема стояли народъ, армія и правящая, бюрократическая, военная, штатская, туда же и дипломатическая среда!.. Конечно, всѣ *протестанты*, когда потомъ довелось имъ лично участвовать въ кровавомъ бою, вѣрно исполнили долгъ воинской рыцарской чести, — этого намъ не занимать стать, — безстрашно дрались, безстрашно умирали, но (скажемъ мы по Погодински) недостаточно умѣть умирать по русски, нужно умѣть по русски же мыслить, чувствовать, жить...

Много было потеряно дорогаго времени, но наконецъ война началась. Царь за рубежомъ Россіи, на самомъ театрѣ дѣйствій, страдальчески сострадавъ съ своимъ подвигоположникомъ-солдатомъ, нисходитъ, движимый истинно любвеобильною душою, съ высокой чреды царскаго сана до призрѣнія раненыхъ и утѣшенія умирающихъ людей своего народа... Если когда-либо предстояло удобство нашимъ заговорщикамъ-

убійцамъ привести въ исполненіе свои преступные замыслы, направить на Государа свои выстрѣлы и удары, — такъ именно тамъ, въ Горномъ Студнѣ и въ иныхъ мѣстахъ царскаго пребыванія... Но не достало духу и у нигилистовъ, и у нихъ опустились руки въ эти минуты високаго народнаго духовнаго строя...

Наконецъ, все, казалось, преодолѣлъ нашъ стратотерпецъ-народъ. Пала Турецкая Плевна, а съ нею, мнилось, и всѣ петербургскія, доморощенныя бюрократическія и дипломатическія Плевны. Какъ лава, устремились наши войска, вопреки всѣмъ расчетамъ послѣдняго слова военной науки, превозмогли всѣ преграды стратегіи, природы и климата. Вотъ уже и Царь-градъ, вотъ она, Святая Софія.....

Нужно ли договаривать?

Кто вырвалъ изъ нашихъ рукъ побѣду, купленную кровію полмилліона русскихъ людей и миллиардами народнаго достоинства?... Западныя державы?—Никто какъ мы сами. Та именно рознь, то отчужденіе нашей высшей образованной руководящей среды отъ національной мысли и чувства, — вотъ чтѣ было виною. Не хватило вѣры въ себя самихъ и въ свое призваніе, не достало духу, не достало силы народнаго самосознанія... Восемь мѣсяцевъ стоятъ побѣдителямъ у воротъ Константинополя и потомъ отступить, оставивъ еще милліоны христіанъ въ рукахъ побѣжденнаго ислама, — затѣмъ съѣсть на скамью подсудимыхъ и положить свершенный Русскимъ народомъ, его кровью и достояніемъ подвигъ во главу угла враждебной намъ и православнымъ Славянамъ западно-европейской политики, въ основу поработенія Балканскаго полуострова Австріяцами... Неужели можно было думать, что такое нравственное паденіе Россіи не произведетъ въ ней убійственной деморализаціи? Только деморализаціи и можно было ожидать при той дисциплинѣ нашихъ войскъ и народа, которая устраняла возможность другой развязки... Самая тяжелая, самая кровопролитная изъ войнъ окончилась безъ торжества, безъ утѣшенія славы, безъ радости для народа. Недоумѣлый, онъ не праздновалъ мира, котораго такъ напряженно, но терпѣливо ждалъ. Поникъ онъ духомъ, смутился мыслью. Поруганы были самыя лучшія, самыя святыя движенія его души. Солгалъ, видно, ему всѣ эти страстные по-

ривы, эти прекрасныя увлеченія! Потоптано, попрано все, чему мы еще недавно такъ пламенно поклонялись! Энтузіазмъ, одушевленіе, самоотверженіе, беззавѣтная готовность на жертвы, историческое призваніе Россіи, братство... все это вздоръ, праздныя, пустыя слова!...

Ничего нѣтъ вреднѣе и опаснѣе, какъ подобное разочарованіе народа и общества въ правдѣ, въ разумности высшихъ стремленій своей души. Недовѣріе къ себѣ и къ правительству, тайное влутреннее недовѣріе овладѣло всѣми классами, и не скоро уже подвигнешь ихъ къ новому великодушному порыву... Обожглись!.. Таково было дѣйствіе трижды проклятаго Берлинскаго трактата, и память народная не забудетъ его *ближайшихъ* со стороны Россіи соорудителей и радѣтелей... Конечно, разъ совершивъ отступничество отъ историческаго народнаго завѣта, высшей петербургской бюрократіи ничего не оставалось, какъ упорствовать въ томъ же направленіи и стараться скорѣе изгладить, стереть всѣ слѣды прошлаго энтузіазма, все папоминавшее былой «правственный и политическій» беспорядокъ, особенно же годину добровольческаго движенія... Туда же во слѣдъ потянулась, разумѣется, и наша мнимо-либеральная интеллигенція, со всѣми Утипыми и прочими обличителями и съ газетою «Голосъ», воспѣвшешю хвалами Берлинскій конгрессъ... Послѣдовало, какъ и должно было ожидать, закрытіе Московскаго Славянскаго Общества, къ вѣщему оскорбленію не только всѣхъ участпиковъ лучшихъ недавнихъ мгновеній народной исторической жизни, но и всего Славянскаго міра, ради котораго только-что пролилась русская кровь. Въ презрѣніи стали всѣ тѣ, которые жертвовали жизнію въ *нерегулярной*, самовольной русской войнѣ съ Турками 1876 года. Вонъ идетъ калѣвка-офицеръ, безрукій, безногій, и молить милостыни; онъ просилъ было о пенсіи, стучался во всѣ парадныя казенныя двери, — но такъ какъ онъ провинился въ томъ, что потерялъ руку или ногу, хотя и въ бою противъ тѣхъ самыхъ Турокъ, съ которыми мы же потомъ *регулярно дрались*, однако подъ командою *добровольца*—Черняева, на поляхъ Сербіи; такъ какъ онъ провинился въ томъ, что увлеченный народнымъ порывомъ, вышелъ въ отставку изъ нашей арміи и далъ себя изувѣчить братьевъ-христіанъ ради, —

«вонъ его, вонъ! Не увлекайся до самоотверженія! Не будетъ ему пенсія, не будетъ призора дѣтямъ ни его, ни даже убитыхъ *самовольныхъ* мучениковъ-офицеровъ!»... Какъ будто Сербско-Русская война не была первымъ актомъ той же самой драмы, которой наша же война въ Болгаріи была только вторымъ! какъ будто можно ихъ раздѣлять въ сознаниіи и въ исторіи Русскаго народа!.

За то, одновременно съ этою вопіющею несправедливостію дѣла, побѣдопосная Россія очутилась въ поношеніи у нашихъ друзей-враговъ за своими западными предѣлами. Съ нею уже не считаются; послѣ Берлинскаго трактата воображаютъ ее способною на всякое самоотреченіе во вредъ себѣ и въ пользу враждебныхъ Русскому народу политическихъ интересовъ... Великая паша держава, повторимъ, очутилась вдругъ въ положеніи *слабосильной*, обязанной сносить смиренно всякое поруганіе своей чести. Но это уже не смиреніе; это уже уничиженіе духа,—того, чѣмъ живетъ и спасается человѣкъ...

Не могло безнаказанно совершиться надъ великимъ историческимъ народомъ такое дѣяніе, которому имя Берлинскій трактатъ. Пусть не говорятъ, что какой-нибудь тамбовскій или самарскій мужикъ вовсе и не помышляетъ, да едва ли и вѣдастъ о такомъ дипломатическомъ актѣ... Такія рѣчи только самообольщеніе Петербурга. Во сколько народъ вѣдалъ про войну 1876 года, жертвовалъ собою и своимъ достоинствомъ, во сколько онъ вѣдалъ войну 1877 года (а не могъ же онъ не вѣдать, когда до милліона сыновъ его, солдатъ, принимало въ ней дѣятельное участіе, а самъ онъ дома жадно ловилъ каждое извѣстіе, и деревни въ складчину выпсывали телеграммы и газеты),—во сколько онъ вѣдалъ про войну, во столько же вѣдастъ онъ про миръ и вѣдастъ, что онъ намъ въ стыдъ и въ обиду. Чувство государственной чести и достоинства, и инстинктъ великихъ мировыхъ судебъ Россіи выношены въ нашемъ народѣ всею многострадальною тысячелѣтнею его исторіей. Понятно поэтому, что теперь, даже не отдавая себѣ яснаго отчета въ причинѣ, онъ поникъ духомъ и недоумѣваетъ... Одушевленіе смѣнилось уныніемъ, вѣра—сомнѣніемъ, порывъ—бесиліемъ воли, волненіе—вялостью, затишьемъ, тяжелымъ, соннымъ затишьемъ, подобно затишью водъ, которыя

...неподвижно спать
И подъ лѣтними листьями
Презрѣнный производить гадъ.

И развелся онъ, этотъ гадъ, на просторѣ, благодаря атмосферѣ національнаго безчестія и приниженнаго духа... И выползъ снова на свѣтъ Божій изъ своихъ норъ обрадовавшийся нигилизмъ, и дожили мы до вѣщаго позора, и посрамилась наша земля неслыханными въ мирѣ злодѣянiami, стала чуть не притчею во языцѣхъ.

Но уже брежить свѣтъ и занимается заря, послѣ томительной, долгой ночи... Да послужить же намъ бывшее въ поученіе, и да истребится наконецъ та духовная рознь, то взаимное отчужденіе высшихъ руководящихъ, общественныхъ классовъ и народа, то невѣдѣніе, неразумѣніе, неуваженіе своей родной земли, своихъ народныхъ задачъ и интересовъ, — тотъ нашъ единственный недугъ, отъ котораго хилѣетъ лишенный внутренней цѣльности, но въ сущности крѣпкій и здоровый, нашъ историческій, великій, государственный организмъ...

Москва, 21-го ноября 1881 г.

Митрополитъ сербскій, высокопреосвященный Михаилъ, на привѣтственную телеграмму, посланную ему 8-го ноября изъ Москвы и напечатанную въ 53 № «Руси», телеграфировалъ преосвященному Амвросію, епископу Дмитровскому, слѣдующій отвѣтъ: «Благодарю васъ и всѣхъ подписавшихся за братское поздравленіе. Вѣрю вашей любви. Митрополитъ Михаилъ». Свѣдѣнія изъ Сербіи довольно скудны. Нужно предположить, что письма оттуда задерживаются на сербской или австрійской почтѣ. Мы знаемъ только, что митрополитъ Михаилъ переѣхалъ изъ дома митрополіи въ свой собственной небольшой домъ въ Бѣлградѣ, а исполнить свое первоначальное намѣреніе — заточить его въ монастырь Св. Петра, — сербское правительство пока не рѣшается, а можетъ быть и совсѣмъ отказалось. Константинопольскій вселенскій патріархъ ожидаетъ (или ожидалъ еще по тотъ срокъ, по который мы имѣемъ извѣстія) полученія протеста отъ высокопреосвященнаго Михаила, для того чтобъ войти въ сно-

шеніе со всѣми автокефальными православными церквами и вмѣстѣ съ ними придти къ рѣшенію относительно настоящаго положенія Сербской церкви. Узнавъ о такомъ намѣреніи патріарха, сербское министерство официально ходатайствовало о воспрещеніи патріарху вмѣшиваться въ сербское церковное дѣло (поступокъ вполне достойный настоящихъ сербскихъ министровъ!), вслѣдствіе чего Порты уже повелѣла патріарху не приступать ни къ какимъ дѣйствіямъ по сербскому церковному вопросу безъ ея спроса! . Однимъ словомъ, и Австрія, и Порты служатъ обѣ пособницами сербскаго министерства въ его посягательствахъ на политическую независимость Сербскаго народа и на свободу общенія православныхъ церквей между собою!.. Но мы надѣемся, что султанскій запретъ будетъ отклоненъ нашимъ посольствомъ въ Константинополь и патріарху будетъ возвращена его свобода церковныхъ дѣйствій: на чтѣ-жъ бы и держать посольство Россіи въ Константинополь, когда бы оно не счумѣло отстоять предъ Портой права православной церкви!.. Но вотъ любопытное извѣстіе, сообщаемое чешскими газетами: заступающій, по указу князя, мѣсто сербскаго митрополита, епископъ Моисей, на привѣтствіе представлявшихся ему профессоровъ семинаріи и нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, отвѣчалъ будто бы такими словами: «будемъ молиться, да приведетъ Господь дѣла нашей церкви въ такое положеніе, чтобы нашъ многочтимый архипастырь Михаилъ могъ снова занять свое мѣсто». Такія слова не понравились сербскимъ министрамъ, увѣряютъ газеты... Желательно, чтобы извѣстіе было вѣрное.

Москва, 28-го ноября 1881 г.

Наша статья въ 53 №, о значеніи Берлинскаго трактата въ современной русской общественной жизни, вызвала, рядомъ съ сочувственными, и враждебные отзывы, и даже замѣтки болѣе или менѣе офиціознаго характера, или по крайней мѣрѣ съ офиціознымъ оттѣнкомъ. Признано было нужнымъ успокоить... *австрійское* общественное мнѣніе и спеціально—графа Кальноки. «Россія—сказано въ замѣткѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» — однажды согласившись

на Берлинскій трактатъ, видитъ нынѣ въ сохраненіи его и свое государственное достоинство, и свою честь. Тонъ неудовольствія при воспоминаніи Берлинскаго трактата—такъ *изменяется* упомянутая замѣтка—можетъ легко *проскользнуть* (точно контрабанда!) и впредь въ періодической прессѣ, но это не можетъ имѣть практическаго значенія и не можетъ повести къ агрессивной политикѣ со стороны русскаго правительства. Можно смѣло сказать, что никто изъ правительственныхъ лицъ и выдающихся дѣятелей въ Россіи и не думаетъ иначе. Справедливость сказаннаго не могла не быть замѣчена такимъ искуснымъ дипломатомъ и проницательнымъ государственнымъ человѣкомъ какъ графъ Кальноки, и конечно будетъ передана имъ его правительству»... Все это изъясненіе, смѣемъ думать, по меньшей мѣрѣ лишнее. Ежедневно получаютъ нами иностранныя газеты и ежедневно приходится намъ читать въ нихъ самыя ожесточенныя, возмутительныя нападки не только на русское правительство и на Россію, но и проповѣдь войны, съ цѣлыми планами кампаній противъ нашего отечества. Газеты не безъ наглости разбалтываютъ при этомъ и секретныя стратегическія приготовленія своихъ правительствъ вдоль русской границы. Между тѣмъ не только ни одному изъ нашихъ дипломатическихъ представителей въ Австро-Венгріи и Германіи никогда и въ мыслѣ не входило «дерзновеніе» требовать объясненія отъ австро-венгерскаго или германскаго кабинета по поводу статей «Pester Lloyd»'а, разныхъ вѣнскихъ «Presse», или «Кельнской Газеты»,—но и сами упомянутыя кабинеты вовсе повидимому и не заботятся о впечатлѣніи, какое производятъ въ Россіи эти оскорбительныя и вызывающія статьи; они не признаютъ нужнымъ ни извиняться за нихъ предъ нашимъ правительствомъ, ни успокоивать его усиленными миролюбивыми завѣреніями... Русскія же газеты тѣмъ еще менѣе могутъ подать поводъ къ такого рода запросамъ со стороны иностранныхъ посланниковъ, или предупредительнымъ истолкованіямъ со стороны нашего кабинета, что газеты у насъ даже не органы партій,—таковыхъ въ европейскомъ смыслѣ у насъ и нѣтъ,—а только личные органы самихъ редакторовъ. Чтб за дѣло иностранному правительству до частнаго мнѣнія того или другаго ре-

дктора въ г. Москвѣ или въ С.-Петербургѣ? развѣ русское правительство солидарно съ мнѣніями этихъ частныхъ лицъ и несетъ за нихъ отвѣтственность предъ Западною Европой? Въ томъ-то и дѣло, что за границей продолжаютъ еще упорно, и конечно намѣренно, признавать и эту солидарность, и эту отвѣтственность, основываясь отчасти на существующей у насъ цензурной системѣ: такого положенія правительства нельзя, конечно, назвать ни удобнымъ, ни выгоднымъ; напротивъ, оно лишаетъ его подобающей ему равноправности во взаимныхъ дипломатическихъ отношеніяхъ. Не пора ли вообще отвалить западно-европейскіе кабинеты, по отношенію къ намъ, отъ этой новадки запросовъ и на каждый таковой запросъ отвѣчать соответственнымъ же запросомъ, тѣмъ болѣе, что поводовъ для насъ къ такимъ дипломатическимъ интерпелляціямъ представляется на Западѣ Европы несравненно болѣе, чѣмъ для Запада на русскомъ Востокѣ? Но возвратимся къ замѣткѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей».

Нѣтъ сомнѣнія, что Россія, подписавъ однажды *международный* договоръ, обязана—*наравнѣ* со всѣми участниками договора—соблюдать въ точности его условія,—но изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, чтобъ Россія мирилась внутренно съ этимъ трактатомъ и не желала его упраздненія, рано или поздно, тѣмъ путемъ, который въ политикѣ признается легальнымъ. Еще менѣе слѣдуетъ, чтобъ Россія признавала условія договора обязательными только для себя *одной* и продолжала его держаться даже и тогда, когда бы прочія державы, участницы договора, нарушили свои обязательства. Во всякомъ случаѣ мы желаемъ, — вѣрнѣе сказать: мы надѣемся, что тонъ неудовольствія Берлинскимъ трактатомъ не только будетъ *проскальзывать* въ русской періодической печати и впредь, но станетъ въ ней господствующимъ, обычнымъ, хотя бы и чуждымъ запальчивости и страсти,—какъ нѣчто нормальное, какъ точное опредѣленіе, какъ вѣрная, неотъемлемая «квалификація» извѣстнаго историческаго факта, установившаяся разъ навсегда въ сознаніи русскаго общества. Обязанность печати прояснять общественное сознаніе. Нисколько не побуждая правительства къ нарушенію подписаннаго трактата, мы имѣемъ однако право

желать и по мѣрѣ силъ содѣйствовать тому, чтобъ испытанный нами позоръ не переставалъ сознаться нами позоромъ; чтобъ лѣнь души, гнуснѣйшая изъ всѣхъ видовъ лѣни, не затянула болотною плѣсенью чувство національной обиды въ руководящихъ сферахъ русскаго общества, чтобы прошлое послужило урокомъ для будущаго,—для чего прошлое не надо и забывать, напротивъ, твердо знать, живо чувствовать... А имѣемъ ли мы достаточное основаніе почитать подобныя заботы совершенно напрасными?... Развѣ указанное нами въ статьѣ 53 №: противодѣйствіе петербургской бюрократіи—штатской, военной и дипломатической—предшествовавшее войнѣ, сопровождавшее войну,—развѣ пренебреженіе оказываемое до сихъ поръ властями изувѣченнымъ русскимъ воинамъ-добровольцамъ,—развѣ наконецъ продолжающееся и теперь странное, чтобъ не сказать хуже, отношеніе къ событіямъ 1876—78 годовъ со стороны нѣкоторой, и не малой, части общества и литературы (преимущественно въ Петербургѣ) способно служить намъ надежнымъ ручательствомъ въ непремѣнно-вѣрномъ разумѣніи петербургскою вліятельною средою нашихъ національныхъ политическихъ интересовъ даже и въ будущемъ? Развѣ невозможно и теперь противодѣйствіе со стороны той близорукой мудрости, того дешеваго смиреннаго благоразумія, которое стало традиціоннымъ въ нашей дипломатіи къ постоянному ущербу нашихъ выгодъ и нашего достоинства, и которое, на нашей памяти, только однажды было нарушено (и съ какимъ блистательнымъ успѣхомъ!) во время крестоваго дипломатическаго похода на пась Европы, по поводу послѣдняго польскаго мятежа. Вся Европа грозила намъ чуть не войною; но стоило Россіи только не испугаться, не дрогнуть,—та же Европа мигомъ спасовала, услышавъ непривычную для нея, твердую русскую отповѣдь. Это была первая и чуть ли не единственная наша дипломатическая побѣда, къ которой, какъ извѣстно, не была неприкосновенна и русская печать: заслуга, оказанная тогда «Московскими Вѣдомостями», не можетъ быть никѣмъ отрицаема.

Мы полагаемъ съ своей стороны, что фактъ неудовольствія Берлинскимъ трактатомъ, фактъ пребывающій, а не сданный въ архивъ, фактъ свидѣтельствуемый русскою прессой, мо-

жетъ только быть полезенъ для нашей дипломатіи и послужить ей опорнымъ пунктомъ. Совершенно вѣрны и вполне умѣстны слова замѣтки «Петербургскихъ Вѣдомостей» (несомнѣнно оффиціознаго оттѣнка), что «Берлинскій трактатъ выразилъ собою крайнюю степень уступчивости, на которую могъ согласиться русскій Государь и непосредственно связаннй съ нимъ, всею своею массою, Русскій народъ», и что «это согласіе было только съ трудомъ усвоено великимъ государствомъ», но едва ли было нужно къ словамъ: *«усвоено съ трудомъ великимъ государствомъ»* прибавлять еще и выраженіе: «пережито» (намѣренно опущенное нами въ цитатѣ). Нѣтъ, не пережито. И пусть это вѣдаетъ Европа, и пусть считается съ этимъ фактомъ въ своихъ политическихъ комбинаціяхъ, предосудительныхъ для чести и выгодъ Россіи. А вѣдь нашимъ сосѣдямъ безъ сомнѣнія хотѣлось бы, чтобъ боль обиды, причиненной намъ Берлинскимъ трактатомъ, была, какъ говорятъ Нѣмцы, совсѣмъ *überwunden*, т. е. такъ прочно пережита и забыта, чтобъ можно было приступить, безъ особаго опасенія, къ новымъ экспериментамъ, къ новымъ оскорбленіямъ, къ новому нарушенію нашихъ интересовъ и, заручившись дружбою, идти добывать себѣ... хоть бы Солунь... Вотъ вѣдь секретный мотивъ той тревоги, которою преисполняется австрійская дипломатія всякій разъ, когда въ Россіи кто-либо помянетъ недобримъ словомъ пресловутый трактатъ: не зажила, значить, рана. А если не зажила, еще сочтется, такъ не прибѣгнуть ли, — разсуждаетъ быть-можетъ иностранная дипломатія, — къ старому, такъ часто удававшемуся приему: накануне собственныхъ покушеній на цѣлость Берлинскаго трактата, свалить все съ большой головы на здоровую, заподозрить самоё Россію въ виновственныхъ замыслахъ, заставить ее божиться въ своемъ миролюбіи, взять отъ нея новыя ручательства смиренія и долготерпѣнія?...

Нѣтъ, рана не зажила, и Россія чувствительнѣе чѣмъ когда-либо прежде ко всякому посягательству на ея государственное достоинство и національные интересы. Это доказывается и слѣдующими заключительными словами «замѣтки», составляющими нѣчто отрадное новое въ безцвѣтномъ доселѣ языкѣ нашихъ оффиціозныхъ объясненій «Если однако Россія — говорится въ ней — не дозволить сама себѣ нарушить

невыгодный для нея трактатъ, то конечно и другія государства не дозволятъ себѣ его нарушенія ни въ Черногоріи, ни въ Босніи и Герцеговинѣ, ни въ Сербіи, ни въ Болгаріи... и не раздражатъ нарушеніемъ Берлинскаго трактата того глубокаго національнаго чувства Русскаго народа, чувства неударимаго по силѣ и энергіи, которое привело уже однажды нашъ народъ къ стѣнамъ Константинополя»...

Мы можемъ только поздравить себя съ тѣмъ, что статья «Руси» подала поводъ къ подобному заявленію, къ подобному предостереженію по адресу Австро-Венгріи... Остается только повторить, вслѣдъ за этими заключительными строками «замѣтки», то, что было сказано въ ней выше, именно, что «такой пронизательный государственный человѣкъ, какъ графъ Кальноки, оцѣнить справедливость» выраженной именно въ этихъ строкахъ мысли русскаго кабинета и «передать ее своему правительству»!... Пусть вмѣстѣ съ тѣмъ онъ благоволитъ передать, что русское общественное мнѣніе дозволяетъ себѣ усматривать въ австрійскомъ образѣ дѣйствій въ Босніи и Герцеговинѣ, именно въ учрежденіи воинской повинности, прямое нарушение Берлинскаго трактата; что съ точки зрѣнія русскаго общества данное порученіе Австріи— временно занять обѣ турецкія провинціи съ цѣлію *умиротворенія* и *устроенія*—оказывается неисполненнымъ и для Австріи, по нерасположенію къ ней туземнаго населенія, едва ли и исполнимымъ, ибо вмѣсто мира и гражданскаго устроенія результатомъ ея оккупациі явилось разстройство цѣлаго края, эмиграція, да вооруженное возстаніе; что для успокоенія Европы вообще и Россіи въ частности, по мнѣнію того же русскаго общества, наилучшимъ средствомъ было бы благоизволеніе Австріи вывести свои войска и чиповниковъ изъ Босніи и Герцеговины, и предоставить славянскому населенію этого края самому рѣшить свою политическую судьбу— съ утвержденія Европы. Графъ Кальнокп, «какъ пронизательный дипломатъ», конечно не упуститъ передать своему правительству, что сосредоточеніе до 40 тысячъ войскъ въ окрестностяхъ Бокки Катарской для усмиренія Кривошіанъ, на границахъ Черногоріи, что интриги австрійскихъ агентовъ въ Сербіи, Болгаріи и особенно въ Румелии и Македоніи; что оффиціальнй тостъ, провозгла-

шенный на дняхъ, при открытіи моста черезъ Саву въ Боснію, австро-венгерскимъ начальникомъ области въ честь строителя «моста, который служитъ *первымъ этапомъ къ Эгейскому морю*»,—что все это можетъ лишь «раздразнить» то національное чувство Русскаго народа, о которомъ говорить «замѣтка» «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Нѣтъ, не Россія угрожаетъ европейскому миру, да и ничто въ настоящее время не угрожаетъ согласію Европы, кромѣ плановъ австро-венгерской политики. «Черныя точки», по знаменитому выраженію Наполеона III—только на австрійскомъ горизонтѣ. Да и не однѣ черныя точки... Тамъ уже льется кровь, славянская кровь! Возстаніе готово вспыхнуть вновь какъ въ 1875 году и вновь въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, откуда занялся пожаръ, пылавшій три года сряду и едва не испепелившій всю Европу!

Не русской дипломатіи успокоивать австрійскую по поводу мнѣнія о Берлинскомъ трактатѣ, высказаннаго частнымъ лицомъ гдѣ-то въ Москвѣ, на улицѣ Спиридоновкѣ, а австрійской успокоивать русскую по поводу льющейся крови православныхъ Славянъ въ Герцеговинѣ и въ окрестностяхъ Черногоріи...

Кромѣ замѣтки «Петербургскихъ Вѣдомостей», были возраженія и въ другихъ органахъ печати, которыя мы не можемъ оставить безъ отвѣта. «Биржевыя Вѣдомости», напримѣръ, оправдываютъ Берлинскій трактатъ необходимою для Россіи умпротворить Европу и предотвратить опасность войны съ союзными европейскими державами, — войны съ врагами погрозиѣ и поискуснѣ Турокъ, въ то время какъ наши силы были уже утомлены и истощены. Да въ томъ-то и дѣло, что никакой серьезной опасности войны надъ нами и не висѣло; ни одна держава не была готова къ бою и не рискнула бы отъ угрозъ перейти къ дѣлу. Насъ смутила болѣе или менѣе нахальная подстать или чтѣ Французы называютъ *attitude* западныхъ государствъ. Пора наконецъ намъ уразумѣть, почему мы—сильные *на полѣ битвы*, гдѣ вопросъ рѣшается доблестью русскаго солдата, т. е. самого народа—почти всегда терпимъ пораженія на полѣ дипломатическомъ. Потому что наши дипломаты, какъ и значитель-

ная часть русскаго общества, особенно въ высшей средѣ, испытываютъ относительно Западной Европы, даже и до сихъ поръ, чувство несовершеннolѣтняго предъ старшимъ, неученаго предъ ученымъ, полудивилизованнаго варвара предъ носителемъ цивилизаціи — отличаясь въ то же время необычайною слабостью національнаго чувства и самосознанія, поразительнымъ недоразумѣніемъ русскихъ интересовъ и историческихъ національныхъ задачъ. Это хорошо извѣстно на Западѣ, гдѣ русская дипломатія всегда старалась блистать, блеснуть еще и теперь, традиціонною благоправностью, безцвѣтностью, отсутствіемъ всякаго почина, всякаго опредѣленнаго, твердаго мнѣнія и пуще всего боязнь общественнаго мнѣнія — не Россіи, а Европы. Понятно поэтому, что заграничные дипломаты имѣютъ надъ нашими положительное нравственное превосходство и невольно подчиняютъ ихъ своему обаянію, своему ascendant. Это люди *убѣжденные*, знающіе чего хотѣтъ, умѣющіе требовать — вовсе не въ мѣру государственной своей внѣшней силы, а въ мѣру слабости и податливости противника, но готовые также беззащитно и спасовать, т. е. смирить свои требованія даже до нуля, какъ только противникъ оцетинится и покажетъ зубы. Русский же ихъ противникъ почти всегда слабъ и податливъ...

Вѣдая таковыя наши свойства, англійское министерство, съ цѣлью произвести давленіе на русское правительство, постоянно прибѣгаетъ (и къ несчастію съ успѣхомъ) къ извѣстному своему маневру: въ парламентѣ предлагаются публичные запросы министрамъ по русскимъ дѣламъ, не только внѣшнимъ, но даже и внутреннимъ: не только, на примѣръ, о русскихъ путешественникахъ въ Средней Азій (и это въ то время, когда англійскій маіоръ Бутлеръ, въ качествѣ путешественника, занимался организаціей воюющихъ съ нами текинскихъ силъ!), но даже о дѣйствіяхъ, ничего общаго съ иностранной политикой не имѣющихъ, хоть бы, на примѣръ, объ антиеврейскихъ въ Россіи народныхъ движеніяхъ и чуть ли не о способѣ перевозки нами ссыльныхъ. Хотя британскіе министры отдѣлываются въ такихъ случаяхъ болшею частью незначительными отвѣтами, — но это все равно. Тамъ знаютъ, что мы какъ разъ готовы смутиться подобными запросами, ничего такъ не трусимъ какъ европейской огласки,

оухли, и съ своей стороны не только не допросимъ британскихъ властей о маіорѣ Бутлерѣ, но постараемся ступаться, принизиться, сократиться, чему однакоже, увы! сильно препятствуетъ нашъ природный объемъ и ростъ! Наши дипломатическіе представители за границей даже прославились своимъ пренебреженіемъ къ исполненію прямой своей обязанности—заступничества за своихъ соотечественниковъ, покровительства имъ и защиты. Въ числѣ этихъ представителей передъ войною и послѣ войны 1877 г., призванныхъ дѣйствовать въ жаркомъ состязаніи о національныхъ интересахъ, среди дипломатовъ такого сильнаго національнаго закала, каковы дипломаты нѣмецкіе, англійскіе, французскіе, были такіе, которые хвалились, какъ высшимъ признакомъ культуры, недоступностью своихъ сердецъ живому чувству національности и громко провозглашали, что для нихъ не существуютъ въ мірѣ ни Французы, ни Нѣмцы, ни Русскіе, а только *des gens comme il faut*, т. е. «приличные» въ свѣтскомъ смыслѣ люди. Этотъ характеръ русскихъ дипломатовъ не могъ не отразиться и на нашей дипломатіи, т. е. на самомъ инструментѣ нашей внѣшней политики. При такихъ качествахъ инструмента не мудрено, что мы потерпѣли послѣ побѣдоносной кровавой войны безкровное, но за то и наипозорное дипломатическое пораженіе. Ибо побѣда, одержанная надъ Россіей Берлинскимъ конгрессомъ, была чисто дипломатическая; не коалиціей боевыхъ матеріальныхъ силъ устрашили насъ западныя державы, а дерзостью совсѣмъ безплотныхъ угрозъ, твердостью воли, настойчивымъ хотѣньемъ!

Да, мы увѣрены, что эта пресловутая коалиція западныхъ государствъ противъ Россіи мигомъ бы распалась, какъ скоро вмѣсто словъ предложено было бы перейти къ дѣлу. Прямые, ближайшіе, непосредственные интересы Германіи и Россіи вовсе не до такой степени противоположны другъ другу, чтобы подавать поводъ къ войнѣ: по крайней мѣрѣ этотъ поводъ еще не назрѣлъ, и ничто не мѣшаетъ намъ жить въ добромъ сосѣдствѣ. Къ тому же Франція едва ли бы упустила удобный моментъ для своей отместки, какъ скоро бы эти обѣ могущественнѣйшія державы континента вступили между собою въ поединокъ. Австрія... Ея государственный инстинктъ всегда оберегалъ ее до сихъ поръ отъ войны съ

Россіей, и нельзя не дивиться вѣрности этого инстинкта. Мы съ Австріей въ мирѣ и не желаемъ ссориться съ нею, но война съ Австріей едва ли можетъ быть особенно страшна для русской, славянской, проникнутой національнымъ самосознаніемъ державы. Сомнительно и теперь, чтобы мудрость австрийскихъ правителей допустила когда-либо Австрію до этого испытанія... Англія? Но пора же наконецъ отрѣшиться отъ этого предрасудка,—ибо страхъ предъ внѣшнимъ политическимъ могуществомъ Англіи не болѣе какъ предрасудокъ: для континентальныхъ военно-сухопутныхъ державъ, для государствъ, которыхъ берега не омываются моремъ, какъ берега Франціи, Италіи, Испаніи, могущество Британіи, основанное на морскихъ ея силахъ, не представляетъ опасности, особенно при защитѣ морскихъ проходовъ торпедями. Трудно даже понять, почему до сихъ поръ мы всегда такъ остерегались гнѣвить Англію, такъ легко уступали — даже подчасъ оскорбительнымъ, дерзкимъ ея требованіямъ не только въ дѣлахъ Балканскаго полуострова, но даже и въ Средней Азіи. Что случилось бы, еслибъ мы вздумали ея не послушаться? Война? но война Россіи съ Англіей, это, по выраженію князя Бисмарка—война медвѣдя съ китомъ! Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить нашей дипломатической приниженности относительно Альбіона, какъ именно «предрасудкомъ», да развѣ—при тайномъ сознаніи нашей простоты—страхомъ его коварства и безразборчивости средствъ къ достиженію своихъ цѣлей. Беконсфильдъ, такъ повидимому возвеличившій политическое значеніе Англіи, былъ силенъ вовсе не британскою военною силою, а только поддержкою германскаго канцлера, который, съ своей стороны, кажется давно уже опростался отъ вышеупомянутаго предрасудка. По крайней мѣрѣ, не смотря на Гладстоновское грозное *hands off* (руки прочь!), такъ было встревожившее Англію, политическій блескъ Англіи потускнѣлъ мигомъ, да и тонъ ея очень низко понизился—послѣ того, какъ миссія Гошена въ Берлинѣ потерпѣла полное *fiasco* и германскій кабинетъ далъ почувствовать англійскому, что англійскіе перуны ему вовсе не страшны. Повидимому это соображеніе, т. е. о непрочности англійскаго обаянія и политическаго авторитета на материкѣ Европы, начинается, тайно и болѣзненно, проникать въ сознаніе са-

михъ Англичанъ. Россіи остается только послѣдовать примѣру Германіи и попробовать въ дѣлѣ русскаго интереса, только побрывать — не принимать въ расчетъ англійскихъ протестовъ и прещеній, — и Англія, мы увидимъ, не замедлитъ убавить тона, какъ она уже убавила его теперь по отношенію къ Австріи.

Такъ какъ русскіе интересы не угрожаютъ въ сущности ничѣмъ чужимъ, законнымъ и правымъ интересамъ; такъ какъ мы не ищемъ ни войны, ни завоеваній; не посягаемъ на владѣнія нашихъ сосѣдей, не имѣемъ никакихъ видовъ на Индію и добиваемся только свободы отъ иноплеменнаго ига да самостоятельнаго гражданскаго развитія для народностей населяющихъ Балканскій полуостровъ, то Россія нѣтъ никакой надобности поступаться своею правдою и вѣчно разыгрывать предъ Западною Европою роль безъ вины виноватаго. Нашею статьею о Берлинскомъ трактатѣ мы хотѣли оживить въ нашемъ обществѣ сознаніе русскаго народнаго достоинства и поставить его на стражѣ національныхъ, родныхъ интересовъ, восколько такая стража возможна для общества. Уроки исторіи, повторяемъ, не должны забываться (что нерѣдко случается съ нами), и печать, обновляя кстати и въ время память объ этихъ урокахъ, безъ сомнѣнія оказываетъ только услугу какъ обществу, такъ и руководящимъ властямъ. Не новыя бѣдствія войны хотимъ мы наклепать на наше отечество, — какъ вздумалъ было насъ обвинить органъ «акціонернаго товарищества писчебумажныхъ фабрикъ «Ингеройсь» съ «представителемъ директоромъ-распорядителемъ» (каковъ титулъ!) Гриппенбергомъ и редакторомъ Нотовичемъ, иначе сказать газета «Новости»: точно будто какая война можетъ статься отъ частныхъ рѣчей, къ тому же, по мнѣнію фабричной газеты, такпхъ безграмотныхъ русскихъ рѣчей, какъ наши!... Не войну навлечь желаемъ мы, напротивъ: предотвратить опасность, если не войны, то ващихъ политическихъ униженій, которыми могла бы грозить Россіи обычная наша дипломатическая податливость, усугубленная преувеличеннымъ понятіемъ о переживаемыхъ нами внутреннихъ затрудненіяхъ. Мы имѣли въ виду и другую цѣль. Намъ хотѣлось указать на тѣ условія общественной атмосферы, которыя благопріятствуютъ развитію политическаго нигилиз-

ма и преступной дѣятельности внутреннихъ враговъ русскаго государства и народа. Не Берлинскій трактатъ породилъ ихъ: этого мы никогда и не утверждали, тѣмъ болѣе, что сами же указали на рядъ злодѣйствъ, предшествовавшихъ трактату. Несомнѣнно, однако же, что злодѣйства прекратились и злодѣи скрылись въ годипу нашихъ войнъ съ Турціей, годину подъема и оживленія народнаго духа,—и тотчасъ же снова выгѣзли изъ своихъ норъ, когда страной овладѣло уныніе, разочарованіе въ силѣ и правдѣ лучшихъ душевныхъ порывовъ и тайное недовѣріе къ правительству, оказавшемуся не на одномъ уровнѣ съ возбужденнымъ національнымъ чувствомъ, проявившему оскудѣніе духа, слабость воли, неопредѣленность мысли. Парижскій миръ 1856 г. былъ также, безъ сомнѣнія, тяжелъ для русскаго чувства, хотя мы были къ нему вынуждены внѣшнею силою, послѣ борьбы, вѣнчавшей побѣжденныхъ славою высшей, чѣмъ побѣдителей; но это, тѣмъ не менѣе тяжелое впечатлѣніе прошло однакоже безслѣдно и быстро, потому что тотчасъ же послѣ мира послѣдовалъ рядъ реформъ, мгновенно овладѣвшихъ всѣми помыслами, всею душою Россіи: вспомнимъ только эпоху освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ съ предшествовавшею и послѣдовавшею всеобщею работою,—эпоху дѣйствительно повѣявшую новымъ духомъ жизни! За Берлинскимъ трактатомъ послѣдовало лишь ѣдкое, горькое ощущеніе національнаго стыда, чувство общественнаго безсилія при полномъ сознаніи бюрократической петербургской несостоятельности,—а освѣжающимъ воздухомъ не повѣяло въ тѣ дни съ тѣхъ высотъ, откуда Русскій народъ всегда привыкъ ждать появленія новаго, бодрого свѣта,—которымъ однимъ принадлежитъ на Руси, по приговору исторіи, властная, зиждительная, животворящая сила....

7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA

3 0112 040176239